

Галина Гончарова

Средневековая история. Изнанка королевского дворца

Для отрока, в ночи глядящего эстампы, За каждым валом – даль, за каждой далью – вал. Как этот мир велик в лучах рабочей лампы! Ах, в памяти очах – как бесконечно мал!... Душа наша – корабль, идущий в Эльдорадо. В блаженную страну ведет – какой пролив? Вдруг среди гор и бездн и гидр морского ада – Крик вахтенного: – Рай! Любовь! Блаженство! Риф.

Пролог

Ее сиятельство графиня Лилиан Элизабетта Маризэла Иртон смотрела на Альтвер. На этот раз с борта корабля.

Маленький городок. Крохотный. В ее масштабах – скорее село. Хотя не стоит равняться на ее масштабы.

Еще год назад ее сиятельство вовсе не была такой. Звали ее Алевтина Владимировна Скороленок, была она студенткой-медиком и жила спокойно и счастливо. Аккурат до автокатастрофы.

Лужа масла, машина... Как мало надо, чтобы расстаться с жизнью?

Только вот ни рая, ни ада Аля не удостоилась. Она очнулась в теле средневековой графини. И не сразу даже поняла, куда попала.

Другой мир, другие люди, все незнакомое и страшное...

Как оказалось, графиня Лилиан, донор, потеряла ребенка. И умирала от родильной горячки. Реципиент же, то есть Аля, безумно хотела жить. В результате Алина душа и тело Лилиан совместились. И получилось что-то новое.

Аля не могла сказать, что она прежняя. У нее сохранились обрывки воспоминаний Лилиан-первой, ее мысли, ее желания. И в то же время личность Алевтины Скороленок была явно доминирующей. Ее поступки, ее мысли, ее навыки хирурга – все было доступно. Никаких провалов в памяти.

Разумеется, Аля молчала о своем появлении. Кому же захочется стать объектом «охоты на ведьм». Или просто в сумасшедший дом. Даже в двадцать первом веке, если ты очнешься и заявишь, что являешься гостем из будущего, тебя упекут в психбольницу. А уж в Средние века... Да-да, в этом мире царили самые настоящие Средние века.

Порох, и тот еще не изобрели. Даже арбалеты пока не появились. Стреляли по старинке – из лука.

Так что Аля молчала. И пыталась кое-как выжить в новом для себя мире.

А это оказалось весьма нелегким делом. У Али было полное ощущение, что графиню Лилиан мечтает убить полстраны.

Мало ей было вора-управляющего, который развел в поместье контрабанду и работорговлю. У нее оказался еще и муж. Вроде бы все естественно. Есть графиня, значит, должен быть и граф. Увы...

Граф оказался порядочной сволочью. Хотя.... Существует ли градация порядочности сволочей? Эта порядочная, та – непорядочная, а вот эта – средней порядочности?

Лилиан фыркнула, глядя на волны. Приходят же мысли в голову.

Ладно. Самой себе надо признать, что граф Иртон был просто дитем своего века. И ключевых слов тут два.

Первое – дитё.

Не нравится игрушка? Под кровать ее! Шварк – и нет!

Не нравится жена? В дальнее поместье ее. С глаз долой. Произведет наследника – и пошла на фиг. Нет, на дорогу-то Лилию никто не выкинул бы. Но и интересоваться лишний раз не стали. А зачем такой интересоваться?

Глядя на себя в зеркало, Лилия честно признавалась – не красотка. Была. А вы назовете красавицей туповатую и истеричную грудку жира в розовых рюшечках? Она бы не назвала.

С другой стороны...

Рюшечки давно ушли в прошлое. Розовый цвет – тоже. Да и избыточная полнота осталась лишь в воспоминаниях. Нет, килограмм десять лишних еще было. Но при росте метр семьдесят – семьдесят пять весить надо не меньше шестидесяти пяти. И то будет мало. Лучше килограмм семьдесят пять.

Кстати, кость у Лилиан Иртон была достаточно широкая. Этакая шикарная валькирия. С роскошной косой и зелеными глазами. Осталось только вытащить это на свет из жировых складок. То есть подчеркнуть талию. А остальное пусть остается. Например, бюст четвертого размера. Лишь бы не обвис...

Но внешность была не самой главной проблемой. Иногда Лиля даже вздыхала на эту тему.

Нет, как хорошо было бы – привести себя в порядок, обаять графа и всю оставшуюся жизнь наслаждаться тихим семейным счастьем.

Увы, сценарист такого не предусмотрел.

Во-первых, граф оказался в столице, а Лиля – в глуши.

Во-вторых, товарищ завел там любовницу. И та мгновенно постаралась избавиться от законной жены. Причем не один раз. И убийцу подсылала, и отряд наемников – отмахиваться замучились.

Так что обаяние откладывалось на неопределенный срок. Большой срок. С точки зрения Лили – порядочные мужики так не поступали.

Да, есть классическая поговорка: «Здоровый левак укрепляет брак». Но – здоровый. Допустим, есть отец семейства. У него пара детей, жена, теща... И он решает сходить налево.

Бывает.

Сходил, пришел, подарил жене колечко... никто ни о чем не знает. В том числе и жена с детьми. А любовница четко уяснила, что она – вторая. И жену на нее менять никто не собирается. Хоть ты на рога встань. Все проходит тихо и мирно. Вот это – левак здоровый.

А нездоровый... вот нездоровый и имел место быть в Лилином случае. Если ты перед всеми поливаешь свою жену и жалуешься на жизнь... ну и чего ожидать? Невольно любовница решит, что тебе нужно помочь избавиться от обузы. И поможет. Попытается. Далее возможны варианты.

В Лилином случае любовница осталась с носом. И не в тюрьме только потому, что супруг затащил ее в посольство. Его высочество Ричард Ативернский, принц страны, в которую Аля попала, решил жениться. И наносил визиты соседним королям с целью присмотреться к невестам. С ним, в составе посольства, поехал и граф Иртон. Разумеется, с любовницей. Графья – они такие, привередливые.

Вот за это Лиля была сильно обижена на «супруга».

Тут и без любовницы отмахиваться не успеваешь... То покушения, то отравления, то сосед-придурок, то жиголо всякие бегают... Если подсчитать, сколько раз на нее покушались... Аугусто Пиночет, конечно, пока выигрывает по очкам. Но у него и профессия более опасная.

А у нее?

Живет себе в глуши, падчерицу воспитывает... Да-да, супруг еще и дочь ей прислал, от второго брака. Лиля жила бы себе тихо и спокойно. Увы... Не получалось.

Если уж вас забросило в Средние века, вряд ли вы не захотите обеспечить себе хотя бы комфортные условия существования. А Аля достаточно много знала. Уж поверьте, медицина в любое время профессия востребованная. А жизнь с родителями по военным гарнизонам заставляет овладеть хотя бы минимальными навыками ведения хозяйства. Это – если лениться. Если же не лениться, чему только ни научишься. От стеклодувного

дела до кружевоплетения. Это еще минимум навыков.

Вот Аля-Лилян и решила вспомнить, чему училась.

Получилось так душевно, что заинтересовался даже король. Ладно, с ее подачи заинтересовался. Но у Али не было другого выбора. Либо она начинает поднимать шум, либо какой-нибудь убийца добьется своего. У нее одна жизнь. У заказчика бесконечное множество попыток. А находится он в столице.

Вот туда Лиля сейчас и плыла.

И намеревалась разбираться с заказавшим ее негодяем или негодьями по всем правилам высокого искусства детектива.

Сначала остановка в Альтвере. А потом – столица.

Ее сиятельство мечтательно улыбнулась, глядя на воду. Если ничего не делать, ничего и не получится. Она к таким личностям не относится. К тому же она уже не одна. За ней – ее падчерица, ставшая близкой и родной, ее люди, ее дело...

И вы предлагаете просто так сдать? Все простить и позабыть?

Не выйдет. Лавери, жди меня.

Я – иду.

Глава 1

Альтверская паутина

Карист Трелони лихо опрокинул рюмочку вишневки, закусил куском сочной ветчины и довольно выдохнул.

Красота! Можно даже сказать, восторг!

День прошел просто замечательно. Удалось сторговать кое-что из залежалого товара и по хорошей цене. Да и завтра к нему должны прийти люди.

Нет, что человеку еще надо? Дела вроде как ладятся, весна наступает, тепло, солнышко, крупное денежное вливание в середине зимы послужило неплохим подспорьем – он уже успел один раз прокрутить эти деньги, а может, и еще раз прокрутит, пока за ними кто-нибудь не явится.

Обманывать Карист не собирался. Не те люди. Но сделать небольшой гешефт – от этого купца и смерть не удержит. Тем более, Карист был из таких, кто ради прибыли и из гроба встанет.

Прибыли.

М-да...

Замечательное весеннее утро омрачала одна мысль. Барон Авермаль.

Вот ведь!

Не полагается благородным заниматься торговлей, а они все равно лезут. Мальдонаи на них нет!

Да еще как лезут... Раньше-то Авермаль так не разворачивался. А вот в эту зиму... Добыл откуда-то невиданные диковинки и принялся торговать. Словно с неба ему свалилось! Одно кружево чего стоит!

Карист был вполне осведомлен о его цене. И знал, что один из ханганов выложил кружевной платок золотыми монетами в два слоя. И считал, что дешево взял.

А янтарь? Ладно, обычный морской мед! Но белый? Алый?

А зеркала, в которых видишь себя так отчетливо, что даже страшно – вдруг сейчас из него выйдет двойник?

И все – ему!

Ужас!

Купцы не любили торговать зимой. Но к Торию только что не в очередь записывались. Понимали, что на таких вещах состояния сделать можно.

Карист и сам хотел. Куда там! Торий выслушал его и вежливо послал... погулять. Мол, у него уже компаньон есть, вот он и против посторонних в деле. Гад такой!

Знать бы, кто ему все это делает. Уж Карист не сплеховал бы. Развернулся. Да и господин заплатит за такое известие. В столице, кстати, появились и зеркала, и кружево... Но пока только у короля, принцесс и нескольких знатных людей. Откуда?

Прислала графиня Иртон. Это-то Карист знал. Но опять-таки...

У графини не спросишь. До Иртона далеко.... Да и откуда там такие чудеса? Захолустье! Дыра, куда солнце не заглядывает...

Размышления купца были оборваны грохотом двери.

– А?! – дернулся мужчина.

И застыл. В лавку входили... входила целая процессия. Первыми шли четверо вирман. Они быстро осмотрели все вокруг, заглянули в заднюю комнату, и Карист услышал лязг закрывающегося засова. А помощника он сам на сегодня отпустил. Хотя... будь тут хоть три помощника – вот много сопляки пятнадцати лет навоюют против таких акул?

Что-то подсказывало Каристу, что его и отряд королевской гвардии не спас бы. Уж слишком целеустремленными выглядели вирмане, набивающиеся в лавку. Двое из них подошли к купцу и встали по обе стороны, положив руки ему на плечи.

– Не дергайся.

– Г-господ-да... – Голос Кариста откровенно дрожал. Мужчина хотел поинтересоваться, что происходит, но не успел.

– Он тут один?

Голос был определенно женский.

– Один, госпожа. – Вирмане чуть ли не в струнку вытянулись.

И в лавку вошла Женщина.

Да-да, именно так, с большой буквы.

Вирманка? Сложно сказать. Такие золотые волосы встречались чаще всего у вирман. Но вот осанка.... И роскошное платье из черного шелка. И браслет с изумрудами на запястье. И перстень с графской короной...

А еще – ее манеры.

Вы можете взять вирманку с острова. Но сделать из нее знатную даму вы не сможете. Стоит ей начать двигаться, говорить, и обман раскроется. А эта...

Она привыкла, что ей подчиняются.

Ничего не боится. И... рассержена?

Женщина остановилась напротив Кариста Трелони. Посмотрела прямо ему в лицо. Кстати, ее глаза оказались потрясающего зеленого цвета. Как два изумруда.

В графском браслете...

– Ваше сиятельство?

Карист дураком не был. И догадался, с кем имеет дело.

– Угадал, любезнейший. – Голос графини внушал серьезные опасения. Как-то она так это говорила, что на ум приходили пыточные и эшафоты. – Я графиня Лилиан Иртон. А ты имеешь кое-какие дела с семейством Дарси.

Карист аж икнул от неожиданности.

– Ну, Дарси. Есть такие.

– Для них переводят деньги из столицы. Кто?

Карист и запираться не стал. Зачем?

– Деньги привозит капитан корабля «Розовая чайка».

– Кому принадлежит этот корабль?

Помилуйте, да откуда ж ему это знать? Он-то не столичный, его делянка – это Альтвер. Немного торговли в Ивернее, но это и все. А почему его выбрали для передачи писем?

Так, госпожа, все ж просто. Здесь он – уважаемый человек, не из последних...

Лиля и сама видела, что мужик не врет. Дали ему деньги – он их передал. Вручили

письмо – отослал. А кто, что, куда... иногда меньше знаешь – дольше живешь.

– Письма?

– Передавал, есть грех. Читать не читал, понимал, что иногда лучше не знать. Но передавал.

– Графство Иртон?

– Да, слышал. Ваше сиятельство, а не поведаете ли вы...

– Вопросы здесь задаю я, – отрезала Лиля.

Результаты были неутешительны. Карист знает мало. Слишком мало...

– «Розовая чайка». А еще корабли были?

– Один. «Золотая леди».

– Как звали капитана?

Допрос велся не по всем правилам. Но старательно. И даже с конспектами. Лилия все записывала, чтобы потом показать Ганцу Тримейну. Как звали капитана, штурмана, боцмана, помощника, матросов... Что из себя представлял корабль? Были ли особые приметы? Скульптура на носу, заплатки... Как часто он приходил? Когда был последний раз? Как отправляли письма?

Ах, прикрепляли на лапку голубю – и пусть летит, сам разберется... И даже не читали?

Неубедительно.

– Ах, читали. Но не копировали. Нет?

– Нет...

– А что помним из прочитанного? Рассказывайте все, любезнейший. Гладишь, и останетесь с целыми пальцами. И ушами. А то вирман спущу – у них давно руки чешутся.

Ага. А о чем догадывались?

Не догадывались?

– Лейф!

Ах, все-таки догадывались... Отлично. А теперь в подробностях – о чем.

Так. А теперь берем вот этот лист... это бумага... и пишем. Чистосердечное признание.

А потом и на пергамент перепишем.

Что, руки отнялись?

Так сейчас вирмане топором подправят. Вытешем из полена Буратино?

Лилия издевалась над купцом около трех часов.

Карист возмущался, пытался скандалить, кричать, сопротивляться, но он был один, а вирман почти два десятка. Так что попытки оказались тщетными, и ее сиятельство выяснила все, что хотела.

Когда графиня наконец ушла, Карист от души осенил себя знаком Альдоная, вытащил из-под прилавка заветную бутылочку и допил все оставшееся, как воду. Кошмар какой!

Не женщина, а Мальдонаино отродье. Сущее чудовище.

А вот что теперь делать? Рассказать обо всем заказчику, который передавал деньги?

Хм... Каристу казалось, что так поступать не стоит. А что тогда?

А жить спокойно. Ничего не видел, не слышал, не говорил и не знаю. И точка. Глядишь, и гроза пройдет мимо. Деревья-то она с корнем выворачивает. А вот скромный одуванчик...

Каристу очень хотелось жить.

Солнце садилось. И день уже не казался ему таким удачным.

– Ваше сиятельство, может, вернуться, прирезать этого хомяка? – пробасил Олаф.

Лиля замотала головой.

– Нет. Не надо. Если он дурак, сам нарвется. А если умный – будет сидеть и молчать. И может еще пригодиться. Это ведь не управляющий. Если мы уважаемого купца в тюрьму бросим...

Судя по лицам вирман, они бы и бросили, ничего страшного. Посидит – поумнеет. Нет у них уважения к «сухопутным крысам». Нет...

– Нам шум пока ни к чему. Еще удерут главные-то враги...

Это вирмане поняли. И закивали.

Лиля подумала, что пока все складывается очень удачно.

Они прибыли в город вечером. И она решила сразу нанести дружеский визит самому важному человеку. Тому, через которого проплачивалось ее убийство.

А сейчас придет на корабль, поужинает, выпится – и с завтрашнего дня займется делами.

Пусть подновят корабли, запасы продуктов... Наверное, пары дней на это хватит? И – в Лавери. По морю. Бэ-э-э-э...

Рассветный лучик заглядывал в окно.

Каюта качалась. Сейчас Лиля воспринимала это чуть полегче. Но все равно, нужно было отвлекаться от противного ощущения. Так что она перечитывала показания купца и хмурилась.

М-да. Главный враг у нее в столице. Что ему надо?

Да неизвестно. Но создается ощущение, что ненавидят не Лилю Иртон персонально. Ненависть направлена на Джеса. А ее устраняют, потому что она просто мешается под ногами.

И Миранда.

Ну уж нет! Не позволю!

За своего ребенка я всем тут глотки порву! Зубами грызть буду! Вы у меня, гады, все раскаетесь! Даже в том, чего не совершали... Посмертно.

– Мам?

Мири просочилась в каюту тенью.

– Да, малышка?

– Можно нам на ярмарку?

– Какую?

Оказалось, что в Альтвере есть и еще одна ярмарка. Небольшая, но ежедневная. Типа местного рынка. Лиля подумала и кивнула.

- Кто с тобой пойдет?

- Я, Марк, вирмане...

- Кто старший?

В дверь постучались, и в каюту заглянул Ивар.

- Ваше сиятельство, вы разрешите? Я наших женщин возьму, они за детьми присмотрят...

- Учти. За Мири, даже если она ноготь сломает, персонально с тебя спрошу, - пригрозила Лиля. - Ингрид идет?

- Идет.

- Вот. И с нее тоже.

- Все будет хорошо, - заверила Ингрид, - я за Мири присмотрю сама.

Вирманка была уже на третьем месяце беременности. И выглядела необычайно красивой. Про токсикозы она не слышала, а потому и не страдала. Наоборот - относилась к той редкой категории женщин, которых беременность только красит.

Сияли глаза, улыбались губы... И вся она словно светилась изнутри сознанием будущего материнства.

- Ингрид, под твою ответственность.

- Слушаюсь, ваше сиятельство...

- Ваше сиятельство, - пастор Воплер просочился словно призрак, - я хотел бы...

- Да, пастор?

- Патер Лейдер приглашал меня в гости. Полагаю...

- Если мы ходим вдвоем, это будем полезнее. Согласна. Когда?

- Может быть, сегодня?

Лия призадумалась. Потом покачала головой.

- Пастор, мы не можем. Сегодня я приглашена к Торию Авермалу. И вы, кстати, тоже, как мой духовный наставник. А вот завтра с утра мы можем ходить на службу, ну и после службы уже...

Пастор задумался, но потом кивнул.

- Полагаю, так и правда будет лучше.

Лия улыбнулась.

- Пастор, поговорите с Лонсом, подумайте, какой подарок лучше преподнести патеру Лейдеру?

- Может быть, книгу?

Лия замотала головой.

- Нет. Это в Лавери. Там нас встретят более важные птицы, чем Лейдер. Кстати, привыкайте, пастор. Вы теперь не шушера из захолустья, а личный духовный наставник самой графини Иртон. Держаться надо с достоинством. И кстати, прогулялись бы вы, поговорили с сослуживцами...

- Ваше сиятельство?

- С другими пасторами. Абы кого я в Иртон не возьму. Вот и приглядитесь. Потом

проведем собеседование. И в столицу.

Пастор Вовлер только кивнул.

Иногда ему казалось, что Лилиан Иртон просто рвется вперед. Да так оно и было.

Женщина освоилась в новом мире, слегка передохнула, и теперь ее влекло вперед и вперед.

Опасности? А то она в Иртоне была в безопасности! Щаз-з-з... Разве что конец зимы выдался спокойным. А до того... ей-ей, в портовой забегаловке и то уютнее, там хоть ясно, кто и за что. А тут – все подряд. А за что?

А просто так...

Лиля вздохнула. Посмотрела на вирман и Мири.

– Пока вы здесь стоите, там уже все раскупят.

Намек все поняли и улетучились. Лиля взглянула на пастора.

– Пастор, я не могу вам приказывать. Но я могу вас очень попросить.

– Я постараюсь выполнить любую вашу просьбу, ваше сиятельство.

– Пожалуйста, подумайте о людях. Вы лучше меня знаете, что есть люди, которые служат Богу, а есть те, кто служит в основном себе.

Пастор сморщил нос, но промолчал. Согласился.

– Ваше сиятельство, я не стану лгать...

– Я не посмела бы просить вас о лжи. Но если вы решите, что есть вещи, которые должны оставаться только между вами и Богом...

Кажется, идея оказалась новой для пастора.

– Я подумаю, ваше сиятельство.

Лиля кивнула. Вовлер вышел. А она подошла к зеркалу. Посмотрела на себя.

Надо сделать зарядку. И написать письмецо Авермалю. Надо...

Барону Авермалю ее записку доставили за завтраком.

Вся семья как раз сидела за столом – барон с женой, два сына, три дочери, когда в дверь постучали. Так, что слышно было даже в столовой, а спустя минуту испуганный слуга доложил:

– Господин, к вам вирмане...

Торий вздохнул, послал супруге улыбку и вышел из столовой. А ведь жаркое точно остынет...

Но, когда он увидел, кто его навестил, все мысли о завтраке вылетели из головы.

– Ивар? Утро доброе... рад вас видеть.

– Достопочтенный Авермаль, я тоже рад. – Вирманин вполне успешно изобразил поклон. – Ее сиятельство графиня Лилиан Иртон прибыла в Альтвер.

– Что?

– И будет рада видеть вас...

– А я-то как буду рад!

Торий не лгал. Человека, который за эту зиму увеличил его состояние мало не вдвое, он готов был встречать, любить и носить на руках. А то ж...

Раздумывал барон недолго.

– Ивар, я предлагаю вам присоединиться к трапезе. А ее сиятельство приглашаю на ужин в ее честь.

– Графиня просила передать вам...

Торий взял из рук вирманина небольшой конвертик.

– Это?

– Ее сиятельство просила передать.

Вирманин хитро усмехался.

Торий вскрыл письмо, потер в руках зеленоватый листок, совершенно не похожий на пергамент.

– Это...

– Ее сиятельство просила передать.

Торий понял, что всю информацию он получит от графини. И смирился. Пробежал глазами четкие строчки.

«Господин барон, я в Альтвере на пару дней. Буду рада с Вами увидеться.

Ничего лишнего. Коротко и по делу.

– Ее сиятельство у кого-то остановилась?

– Нет, она осталась на корабле.

– Возможно, она примет приглашение провести пару ночей под моим убогим кровом?

Вирманин пожал плечами.

– Полагаю...

– Да-да, об этом надо говорить с ее сиятельством. Подождите меня. Я сейчас соберусь и прикажу, чтобы оседлали лошадь. Съезжу с вами, лично приглашу ее сиятельство.

Ивар кивнул.

– Подождем сколько нужно.

Торий кратко сообщил супруге, что уезжает по срочному делу, поцеловал дочек и поманил пальцем сына.

Дарий послушно вышел за отцом.

– Дарий. Сегодня я приглашу на ужин ее сиятельство графиню Иртон.

– Эту гадину? Эту...

Плюх!

Затрещина оборвала разговор в самом начале.

– Если не можешь вести себя прилично, чтобы я тебя на ужине не видел. И никто не видел. Скажем, что ты болеешь, понял?

Дарий хмуро кивнул. Задница чесалась от одного воспоминания о графине. Хоть и зажала, но... было ведь.

- Отец...

- Дарий, я понимаю, что она тебе не нравится. Но она нам выгодна. Это ты понимаешь? Нравится сорить деньгами по кабакам? А конь, которого я тебе купил? А та гончая у Лорельса? Вот то-то же. Если графиня откажется вести со мной дела, мы потеряем многое. А она себе партнера найдет.

Дарий кривил губы. Но не спорил.

Торий поступал очень правильно. Кнут и пряник. Кнут и пряник. Кнут был вполне реальным. А пряник... он тоже был. Слово «выгода» обладает волшебным действием. Оно смирят самые бурные нравы и гасит самые яростные порывы души.

- Я... наверное мне лучше не показываться, - вздохнул Дарий.

- Вот и не показывайся. Ты меня понял?

- Да, отец.

Торий потрепал сына по плечу и вышел.

Ничего. Сначала так, потом еще пара шагов, и из дурака вырастет помощник отцу. Порка иногда оказывает замечательное просветляющее действие.

Лиля заметила бы, что при этом, видимо, происходит активизация головного мозга через спинной. Но ей Торий ни о чем рассказывать не собирался.

Графиня уже успела позавтракать, а сейчас сидела за столом в крохотной каюте и писала, когда в дверь поскреблись.

- Да?

- Ваше сиятельство, к вам барон Авермаль.

- Просите! - тут же откликнулась женщина.

Дверь распахнулась, и Торий буквально влетел в каюту, рассыпавшись в комплиментах.

- Ваше сиятельство, я так рад вас видеть! Позвольте заметить, вы очаровательны, как никогда!

Лиля улыбнулась.

- Барон, вы мне льстите.

- Ваше сиятельство, я прискорбно приземлен. Вашу красоту надо бы воспеть в стихах...

Лиля едва не фыркнула. Это насколько же их договор выгоден барону?

В зеркале - она видела, - отражалась вполне симпатичная женщина. Но и получше бывают, факт. Можно бы и щечки похудее. И второй подбородок пока прослеживается, и складок на боках явно больше одной.

Ничего. По сравнению с тем, что было, это просто мелочи жизни.

Просто по закону подлости, последний жирок сгоняется сложнее всего. Водичку «слить» несложно. А вот этот, осадочный жир, плотный и не желает уничтожаться... Спорт и только спорт. Ничем другим с ним не справишься.

- Не надо, барон. Давайте лучше поговорим о делах?

- Да, ваше сиятельство.

- Полагаю, вас устраивает наш договор?

- Д-да...

- Меня тоже. И я предлагаю продлить его. Просто за товарами придется отправляться в столицу.

Вообще, не так Торий и был необходим. Но зачем портить отношения? Лиля увидела, как барон перевел дух, и поняла, что угадала.

- Ваше сиятельство, вы позволите пригласить вас сегодня на ужин? Где мы и обсудим...

- Барон, я бы и рада принять ваше приглашение. Но со мной моя дочь, Миранда Кэтрин Иртон...

- Я буду рад ее увидеть.

- И старший сын Великого Хангана Амир Гулим.

- Он выздоровел?!

Лилия пожала плечами:

- Тахир Джааман дин Дашшар - великий целитель. Чему тут удивляться?

- Ваше сиятельство, я надеюсь, вы передадите мое приглашение его высочеству?

Лилия снова пожала плечами.

- Барон, полагаю, вы знаете, что принцу положена свита.

Торий выглядел... вдохновенно.

- Ваше сиятельство, просто скажите мне, на сколько человек рассчитывать. Поверьте, я не опозорю ни Альтвер, ни Ативерну!

Клялся барон совершенно зря. Он бы не опозорил. Но вмешался случай.

Дарий, услышав отцовское наставление, отправился к другу. От дома подальше. Томми предложил парню прогуляться на ярмарку, зайти в трактир, короче - развлекаться. И результат не заставил себя ждать.

Увы, ярмарка в Альтвере - это далеко не торговый комплекс «Олимпийский», а достаточно скромное место. И вирмане там выделялись, как собака Баскервией в коллективе мопсов.

А дальше, что называется, воля случая.

Лейф на миг отвлекся, расплачиваясь за кожаные перчатки. Мири увидела красивую зеленую ткань и рванула за ней, решив, что это надо купить для Лили. Ингрид помчалась за девочкой. И обе они вылетели аккурат на Авермаля с другом.

Мири-то пролетела мимо. Ибо в силу мелкости и подвижности не годилась для лова. Да и незнакомы с ней были ни Дарий, ни Томми. А вот Ингрид...

Ее сложно было забыть.

- Ты! - выдохнул Дарий.

- !!! - выдохнул Томми.

Действительно, Ингрид была чудо как хороша. Золотые волосы, стройная пока еще фигура в платье уже не вирманского, а скорее иртонского покроя - в стиле ампир, голубого цвета, с пропущенной под грудью лентой цвета тех, что в волосах...

Руки у Дария потянулись вперед головы.

Видимо, на головной мозг и одновременно на другой орган соображалки не хватило. Пальцы ухватили ленту на платье, Ингрид с визгом отскочила назад. Подоспевший Лейф отпихнул Дария так, что тот полетел в ближайшую лужу, а не растерявшийся Томми

заорал что есть мочи:

– Стража!!!

По тому же закону подлости стража нашлась практически сразу. И какова была картина, представшая ее взорам? Ингрид, почти без чувств, прячется за спину Лейфа, бароненок выбирается из глубокой грязной лужи, а Томми визжит что есть сил:

– Взять их!!!

Честно говоря, сам бы Томми с вирманами связываться побоялся. Но Ингрид!

Выглядела она так, что у привыкших к безнаказанности мальчишек вовсе отключились все инстинкты, кроме полового. А ведь если начнется разбирательство...

Дарий, может быть, и пришел бы в себя – не дали. Не успел он еще вылезти из лужи, которая, как на грех, оказалась глубокой, глинистой и со скользким дном, как на Лейфа уже были нацелены копыя, а вирмане приготовились драться.

– Стоять!!!

Крик был детским, но вполне властным. А маленькая фигурка, вклинившаяся между двумя группами противников, выглядела...

Лиля заботилась не только о своем внешнем виде. Но и о виде Мири. И девочка была одета, как маленькая принцесса. А в чем-то, может, и лучше.

Для похода на ярмарку Мири выбрала юбку-брюки и жилет зеленого цвета и желтую шелковую рубашку. Все это было украшено вышивкой, кружевной воротник красиво облегал тонкую шейку, а янтарная брошь в виде совы на плече ненавязчиво подчеркивала, что обладательница – не из простых дворянок. Мало кому по карману будет такая редкость, как белый янтарь. Да еще в столь изящном исполнении – коричневое тело, белая голова, желтые глаза... Мири сама помогала Хельке и ценила эту брошь больше других.

Да и черные волосы были собраны гребнем с тем же янтарем... Стражники замешкались. Дураками они не были. Так вот поднимешь руку – и протянешь ноги. Мало ли кто...

Мири не стала держать людей в неведении:

– Я виконтесса Миранда Кэтрин Иртон. Как вы смеете нападать на моих людей?

Прозвучало это вполне по-взрослому. И впечатления не испортил даже сорвавшийся в конце фразы голос.

Страшно же. Когда ты маленькая, а копыя большие... и даже собаки рядом нет... осталась рядом с Амиром... Мири вздрогнула. Но виду не показала. Это – ее люди. Лиля так объяснила. Она в ответе за своих людей, а они отвечают только перед ней. И перед Мири тоже. А то как же... Она – виконтесса Иртон!

– Да какая она виконтесса! – завизжал Томми. – Врешь ты все!

И улетел в ту же лужу от удара Лейфа. Сбил только что поднявшегося Дария с ног, и парни закувыркались в грязи, как два борца.

– Лейф! Стоять!

Эх, вот почему у Лили выходит рывк, а у нее только визг!

Стражники не связались бы с вирманами – они ж не самоубийцы. Но все на нервах, и движение Лейфа было воспринято, как агрессия. Требовалось срочно защищаться.

– Не-э-э-э-эт!!!

Мири бросилась вперед, и всем телом повисла на копье, которое занес один из стражников. Только не дать бросить! Если начнется драка – ее первой затопчут. Стражник занес руку – отшвырнуть наглую девчонку, но не успел. Вовремя подоспевший

мужчина схватил девочку, оттаскивая ее в сторону.

– Опустишь оружие!!! Не смейте!!! Вас повесят!

Мири на миг перевела дух.

Тахир.

Ну хоть что-то...

– Господин дин Дашшар, мы гуляли по ярмарке, когда эти двое напали на нас. – Палец девочки ткнул в сторону Томми и Дария (плевать, что так некрасиво, зато действует). – А когда мои люди попытались нас защитить, натравили на нас стражу!

Копья медленно опустились.

Тахир Джааман дин Дашшар только головой покачал:

– Уважаемые хранители порядка, хвала Звездной Кобылице, что я оказался здесь. Вы могли ненароком причинить вред виконтессе Иртон.

Копья скромно убрались из виду.

Мири перевела дух. На миг.

– Никого мы не трогали! – завопил из лужи Дарий, который очнулся наконец и сообразил, что с ним сделает отец за ссору с Иртонами.

– Магистрат, – подсказал девочке тихим голосом Тахир.

– Я требую, чтобы нас всех проводили в магистрат и послали известие моей матери, графине Иртон, – громко заявила Миранда.

Вот это стражников вполне устроило. Как бы и всех зачинщиков доставят пред очи градоправителя, а там он пусть сам разбирается. Главное – им не нагорит.

Наверное, они были единственными, кому в этой истории и не нагорело.

Спустя два часа инцидент был исчерпан.

Стражники действительно послали весточку графине, справедливо решив, что лучше не быть крайними в разборках высокородных. Лиля взвыла и помчалась в магистрат, наплевав на все правила дорожного движения. Только чудом Лидарх никого не затоптал. А охрана догнала ее на середине пути, чем вирмане были весьма недовольны. Не любили они отпускать графиню одну. Мало ли что...

В магистрате царило благолепие. Лилю задержать даже и не попытались. Судя по лицу женщины – она сейчас растоптала бы слона, перешагнула и помчалась дальше. Чиновники себя слонами не считали, вот и не полезли под руку. Лилия вихрем взлетела на второй этаж...

Торий орал на отпрыска, Миранда сидела в большом кресле и пила что-то розовое из чашки, Тахир стоял рядом, держал ее за запястье и считал пульс. Томми жался в углу, ожидая, пока придет его родитель, Лейф утешал плачущую Ингрид, которая совершенно расклеилась, а остальные вирмане поливали Дария и Томми такими пламенными взглядами, что оставалось только удивляться – почему на парнях до сих пор одежда не загорелась.

– Все живы?

Миранда слетела с кресла и бросилась к Лиле:

– Мам, я так испугалась!

Лилия подхватила девочку на руки и испепелила барона гневным взглядом. Тот ответил виноватой гримасой.

– Рассказывай, малышка...

Мири послушно пересказала все случившееся. Лиля слушала спокойно. Потом поцеловала девочку в нос.

– Миранда Кэтрин Иртон. Я тобой горжусь. Ты поступила абсолютно правильно.

Не абсолютно, но где уж маленькому ребенку все сообразить. И это-то чудо! Девочке ведь еще восьми нет, а уже так... Умничка, какая же умничка!

Лиля повернулась к Лейфу.

– Так. Лейф Эриксон Эрквиг. Какой Мальдонаи ты полез в драку? У тебя на руках беременная жена, на тебе девочка, а ты?!

Лейф потупился.

– Да я вроде как просто оттолкнул...

– Господин барон! Вашего сына осмотрели? На нем есть синяки? Ссадины? Царапины?

Торий покачал головой. Синяков не было. Разве что немного, там, где он ворочался и падал в лужу. А Лейф действительно почти не бил. Просто... силы-то разные. Вирманин, который привык направлять корабль в бушующем море, и сопляк, которого можно пинком снести.

Лиля вздохнула.

– Лейф, если такое повторится в столице...

– Если кто-то начнет хватать мою жену своими грязными лапами – еще как повторится! – рявкнул Лейф.

– Ингрид?

Вирманка закивала.

– Они хотели...

Но Лиля уже обнаружила полуоторванную ленту на голубом платье. И к Торию Авермалю развернулась настоящая мегера:

– Господин барон. Мы отплываем. Счастливо оставаться.

Торий аж взвыл, понимая, что это – разрыв отношений. Полный. Но сказать ничего не успел. Дарий все-таки не был законченным идиотом. Он бросился вперед и упал на колени перед графиней.

– Ваше сиятельство, отец не виноват...

Лиля резво отпрыгнула в сторону. Хотя было, было большое желание пнуть этого кретина в челюсть. Да так, чтобы он всю жизнь протертыми супчиками питался. Скот!

– Он виноват в том, что не воспитал сына человеком. Моя семилетняя дочь ведет себя лучше, чем дворянин, которому уже за двадцать, – это как?

Дарий покаянно опустил голову.

– Ваше сиятельство, хотите – казните. Только не гневайтесь.

Торий крепко сжал кулаки. Чего ждать от графини, он даже не подозревал.

Но Лиля чуть смягчилась:

– Если бы с головы моей дочери упал хоть волосок, я бы сама вас прибила. А так... Я не требую наказания. Мы просто уезжаем.

– Ваше сиятельство... вы ведь с отцом в хороших отношениях...

– Ваше сиятельство, – подал голос барон. – Не смею просить вас о милости...

– Мам, он неплохой, – сказала Мири.

Лиля тряхнула головой.

– Встаньте, любезнейший. Вас я больше видеть не хочу. Господин барон, мы отплываем завтра. Полагаю, вашей супруге нет необходимости готовить званый ужин. Мы не в том состоянии.

Торий перевел дух, стараясь сделать это как можно более незаметно.

Гневается. Имеет право. Но партнерство уже не разорвет. Не должна.

И может быть, не пороть так Дария? Все ж таки...

Лиля с трудом дотерпела до корабля, где и устроила разнос Лейфу. Впрочем, орать не стала. Прошли те времена. А вот напомнить о беременной жене, о людях, о долге перед ними... это Лиля смогла. Да так, что вирманин вылетел из каюты с красными ушами. Досталось и остальным сопровождающим. Что, у семи нянек дитя повесилось?

Болваны!

Впрочем, от Лейфа вам все равно сильнее достанется.

Тахира Лиля поблагодарила. А Мири занялась вплотную.

У девочки начался отходняк от пережитого. Малышку трясло, у нее зуб на зуб не попадал, хотя в каюте было жарко и даже душно, она цеплялась за Лилю и бормотала, что было так страшно, и эти копы... и хорошо, что ее учили, и она едва не... Ведь и Лейф и Ингрид могли умереть...

В своего щенка она вцепилась так, что аж пальцы побелели. Пришлось отобрать собаку, пока не задушила.

Лиля кое-как напоила ребенка успокоительным сбором, уложила в кровать и сидела рядом. Кстати – вместе с принцем. Амир Гулим примчался почти сразу. Был гневен и возмущен, обещал оторвать Авермалю все выступающие части тела и скормить пустынным шакалам. Планы пришлось подкорректировать.

Явился Торий Авермаль. И с ним отец Томми. Клеменс Триоль. Купец. Но из зажиточных.

Лиля оставила малышку на попечение принца, который принялся рассказывать девочке какую-то сказку, и вышла к мужчинам.

Оба раскланялись и принялись извиняться за своих отпрысков.

И они не хотели.

И дети дураками выросли.

И красота вашей подруги, ваше сиятельство...

Лиля плюнула. И махнула рукой.

– Барон, мы завтра будем на службе и отчалим с вечерним приливом. В гости мне к вам теперь не хочется. Сами понимаете. Я лучше с дочерью посижу.

– У вас замечательная дочь, ваше сиятельство...

Клеменс тоже принялся расхваливать Миранду и сетовать, что за делами свой-то сын дураком вырос. Лиля со злостью посоветовала розги. Она уже знала, что, если бы не Томми, все бы обошлось. Приспичило идиоту орать!

Потом принялись торговаться. С одной стороны – бардак по вине принимающей стороны. Из-за их сначала недоделанных, а потом и недопоротых детей. С другой – Лейф тоже

сдержанности не проявил. Но тут уж Лиля встала грудью и заявила, что не настанет таких времен, когда воин должен сначала к судье бежать, чтобы свою жену защитить от всякой дряни.

Мужчины впечатлились. И договорились на вполне приличную компенсацию Лейфу и Ингрид. За моральный ущерб. Тут такого слова пока не знали, но...

Казни или порки Лилия требовать не собиралась. Ваши дети – вы их и... того-с. Розгами.

Стороны расстались более-менее успокоенные. Торий – тем, что графиня будет поддерживать с ним деловые отношения. Клеменс – тем, что графиня не потребует разборок. Лилия – общей ситуацией. Уж очень не хотелось врагов приобретать. Но и не потерять лицо тоже важно... Ладно! Все сложилось и устаканилось. И вообще – лечь сегодня спать пораньше. Почему нет? Посидеть с Мири, а потом там же и спать лечь. Она тоже не двужильная.

Размечталась. В каюте ее ждал Лонс Авельс:

– Ваше сиятельство, можно мне...

– Что? – почти стоном вырвалось у Лилиан.

– Два слова.

– Слушаю.

– Ваше сиятельство, вы с Авермалем дальше работать будете?

За зиму Лилия набралась от шевалье хороших манер. А он, незаметно для себя, перенял кое-что из жаргона 21-го века. Даме – и вдруг работать! Да раньше бы он и слова-то такого сказать не посмел! А тут...

– Не знаю. А что?

– Что будет при дворе – неизвестно. Но вы – графиня Иртон. Если что, мы ведь сюда вернемся...

Лилия кивнула. Она поняла. Если что – Лонс сюда точно сбежит с супругой, и рушить отношения с Авермалем ему совсем некстати. Так что надо бы...

– Что ты предлагаешь?

– Товары ему отослать. Деньги с него Лейф получит.

– А Мири? Да если бы с ее головы хоть волосок упал. – Лилию затрясло.

Шевалье вздохнул.

– Ваше сиятельство, ведь этого не случилось.

– Но могло.

– Так Дарий и не сильно виноват. Там второй орал...

Тоже верно.

– Ладно. Товары отошлю. Но подарки – нет.

– Так подарки и есть излишек. Нам в столице все пригодится, – тут же согласился Лонс. – Ваше сиятельство, я распоряжусь?

– Сама распоряжусь. Кого-нибудь из вирман позови, Олафа там или Ивара...

Лонс вылетел за дверь. Лилия потеряла виски. В такие моменты ей хотелось обречь под ежика. Корона из кос давила на голову не хуже тернового венца. А то и посильнее. Вес-то несопоставим.

Ладно. Сейчас дождемся вирман – и спать, спать, спать.

Только перед этим...

Торий вернулся домой не слишком довольным. Дарию досталась затрещина, жене – ругательство, барон заперся в кабинете. Где и глушил наливку, пока в дверь не постучались.

– Господин барон, тут, говорят, от графини Иртон.

Барон подскочил и помчался вниз.

Сундук был небольшим, но несли его очень осторожно. Двое вирман смотрели без всякой приязни. Хотя за оружие не хватались.

– Ее сиятельство просила передать.

Письмо было кратким.

«Господин барон. В силу сложившихся обстоятельств ужин не состоится, но рушить наш договор из-за глупости вашего отпрыска и его друзей я не стану. Поэтому передаю все причитающиеся товары для последующей перепродажи.

Уйти так просто вирманам не удалось. Они были всячески обласканы, чуть ли не силком накормлены, напоены и едва не расцелованы, пока барон писал ответное письмо.

«Ваше сиятельство.

Я могу только еще раз упасть ниц к вашим ногам, умоляя о прощении. И отметить, что ваше великодушие не уступает вашей красоте.

Я благодарен вам и надеюсь увидеться еще раз – завтра на службе.

Вы всегда можете на меня рассчитывать.

Немного зеркал, немного кружева, стеклянный разноцветный бисер, стеклянные кубки разных цветов... Бешеная прибыль.

Дария отец не выпорол. Но посадил на хлеб и воду на три десятинки. С молитвами. Для пущего вразумления. Впрочем, Дарий был и так счастлив без памяти, что легко отделался. И даже слегка был благодарен графине Иртон. Если бы она разорвала партнерство...

А вот Томми пришлось намного хуже. Сидеть он не мог больше десятинки. А когда смог – еще месяц находился на хлебе и воде под домашним арестом.

Какой козел придумал, что служба должна начинаться на рассвете?

Какой козел изобрел такие ранние рассветы?

Все – козлы! Спать хочу.

Лиля откровенно не хотела идти на службу. А никуда не денешься. Надо.

Вирмане и ханганы остались на кораблях. Лилю сопровождали пастор Воплер, Лонс Авельс, Миранда, еще несколько людей Лейса, мастера, кружевницы.

В этот раз Лиля шла пешком. Благочестие-с...

У храма она встретилась с Торием Авермалем. Тот прибыл со всей семьей, кроме Дария. Раскланялся с Лилей, рассыпался в комплиментах, но Лиля приняла их сдержанно и холодно. Вы еще не заслужили полное прощение. Договор есть договор, но не дружба.

Служба шла. Патер Лейдер пел. Красиво, ничего не скажешь. Но в шесть утра Лиля предпочитала спать. И подольше.

Наконец все закончилось. Лиля решила подождать, пока все не побеседуют с патером, но куда там. Симон Лейдер почти сразу после службы подошел к ней, раскланялся и пригласил в гости.

Лиля вздохнула. Оставила Миранду на попечение Марсии и вместе с пастором Воплером простествовала за Лейдером.

В «гостиной» было тепло и уютно. Горел камин, стояли кресла. Патер лично сопровождал графиню к одному из кресел, поцеловал ручку и улыбнулся так, что Лили ощутила желание заехать ему в зубы.

А нечего на грудь глядеть такими сальными глазами.

- Ваше сиятельство, вы так похорошели с момента нашей последней встречи...

- Благочестивая жизнь в глуши пошла мне на пользу, - парировала Лили. Откровенно нагло.

Из Иртона она уезжает. А в столице... А там мы попробуем наладить отношения с альдоном. Хотя и тут рушить их не надо. Но! Она - графиня, а это - захолустный патер.

Прогигаться под него не будем. И точка.

- О да. Эввиры, вирмане, ханганы... Ваша свита не оставляет сомнений в вашем благочестии. - Патер принял вызов.

Лили послала ему улыбку.

- Святая Лиара жила среди вирман, пытаюсь обратить их в истинную веру.

- Вы равняете себя со святой?

- Вовсе нет. Именно поэтому не я живу среди вирман, а они в моем доме. Но пастор может подтвердить, что мы пытались обратить их в истинную веру.

Кенет Воплер моргнул.

- О да, патер. Я не могу сказать, что многие из них пожелали воцерковиться, но дети вирман знают Святое слово, а сами они ходили к службе.

Ага. Иногда. И после долгого разговора Лили и Лейфа.

Лили вовсе не собиралась посягать на чью-то веру. Но и мир в Иртоне был необходим. Поэтому примерно раз в месяц Лейф и команда таки скучали на службе. Отнесли к этому, как к дополнительным караулам, составили график и честно приходили послушать. Или поспать под звуки песнопений. Как настоящие воины, они отлично спали и стоя, и даже с приоткрытыми глазами.

В итоге в Иртоне мир и покой, пастор счастлив - язычники его слушают. А вирмане спокойны - их даже задирать перестали. Хоть и безбожники, но на службу ж ходят... Может, тоже поумнеют да людьми станут?

- Вот как? И многие из них пожелали воцерковляться?

- Мы работаем над этим, патер.

Вот так. Работаем мы. И докажи обратное.

- А ханганы?

- Полагаю, если вас не устраивает присутствие в Иртоне или Альтвере наследного принца Ханганата Амира Гулима, я могу отписать об этом его отцу. Он наверняка снизойдет и проявит понимание.

Лили улыбалась так, что патер едва не выругался. Издеваешься, зараза?

Ну, я тебе...

- А эввиров вы тоже...

- Пытаюсь обратить в истинную веру.

- А праведные люди в вашем окружении есть?

- А тех, что пришли сегодня, было мало? Патер, что вас не устраивает? Я отстроила в Ироне два храма, не считая того, что расположен в замке. Я со вниманием отношусь к словам своего духовного наставника. - Лиля уже откровенно наезжала. - Иноверцы? Так и при дворе его величества послы есть. Что ж теперь - выслать всех или святиться заставить?

Патер сверкнул глазами.

- А ваш супруг об этом знает, ваше сиятельство?

- А почему вы у него не спросите?

Лилия попала не в бровь, а в глаз. Джерисон даже не подумал ответить патеру. Всякая шушера тут еще писать будет!

Патер поморщился, словно ему перец в нос попал.

- Я вообще не понимаю, патер, на каком основании вы мне тут устраиваете допрос, - перешла в наступление Лилия. - Что я такого сделала, чем заслужила подобное отношение? Вы словно пытаетесь найти во мне какой-то изъян.

- Как вы могли такое подумать, ваше сиятельство. Просто забота о душах...

- Это тоже ваш долг, я понимаю. Но пастор может подтвердить, что я практически никогда не пропускала службу и со вниманием относилась к его словам.

Разговор длился еще минут пятнадцать. Патер изворачивался и так, и этак, пытался подловить Лилию хоть на чем-то, но куда уж бедняге было равняться с девчонкой из гарнизонного городка.

Вот представьте себе.

Все у всех на виду, на одном конце чихаешь - на другом «будь здоров» говорят, любую новость обсуждают по месяцу... Поневоле изворачиваться и сплетничать научишься. А где одно, там и другое. Оправдываться Лилия умела виртуозно. И вообще.

Все согласно старому анекдоту.

- Дорогой, я и моя подруга видели тебя в гостинице с любовницей.

- Дорогая, я не был в гостинице, у меня нет любовницы, твоя подруга ошиблась, ты ошиблась, это был не я... ну и так далее.

Главное - не признаваться. Ни в чем, никогда, ни за что. Чистосердечное признание хоть и уменьшает вину, но увеличивает наказание. Однозначно.

Так что патер поборолся с Лилей и плюнул. И сосредоточился на пасторе Воплере.

- Сын мой, вы не хотите принести мне свою исповедь?

Воплер кивнул.

- Да, патер. Я хотел бы раскрыть душу и, возможно, получить совет. Мне нелегко.

Лилия вздохнула:

- Пастор, мы будем ждать вас.

- Ваше сиятельство, не стоит...

Бесполезно.

- Пастор, вчера чуть не пострадала моя дочь. Если что-то случится с вами - я себе век не прощу. Это не обсуждается. Мы ждем вас.

И вышла обратно в храм.

Пастор Лейдер ни прощания, ни прощения не удостоился. Наоборот, Лиля поставила себе галочку - узнать, за что его сюда сослали. И если удастся - сослать его еще дальше. На местные Соловки. К чертовой матери!

Копать он под нее вздумал! Да еще так топорно!

Каз-зел!

Для пастора Воплера настал сложный момент.

Кенет отнюдь не был глупцом. О нет... Он многое видел, многое понимал, о многом размышлял. Только вот... Он был болезненно честен в своей вере. Он знал, что Альдонай существует, готов был убеждать в этом каждого встречного и жить только по его заветам.

Ага. В юности.

Потом жизнь резко обломала его мечты.

Как обнаружил Кенет, начав жизнь пастора, вера и религия - это две большие разницы. Примерно такие же, как корова и присосавшаяся к ней пиявка. Иначе Кенет не мог назвать тех своих братьев по церкви, которые паразитировали на людях, пользуясь их верой и наивностью. Увы...

Оказалось, что в церкви полно мерзавцев, которые больше думают не о том, как принести свет в души людей, а о своей личной выгоде. Что любого можно оклеветать, подставить, обидеть, заслат в такой глухой угол, в котором даже и докторуса нет.

Можно.

Кенет понял, что ему никогда не выбраться из Иртона. А когда умерла его жена, потерял всякую надежду на счастье. И принялся беречь и воспитывать Марка.

Все изменилось с появлением Лилиан Иртон.

Он помнил, как горел храм. Помнил чувство острой безнадежности. Помнил, как боялся за сына - ведь все его сбережения... Чем он будет кормить мальчика зимой? Ан нет.

Лилиан Иртон забрала их в замок, одела, обула, накормила, приставила Марка учиться, причем вместе с юной виконтессой. Это было сродни чуду. Помощи с неба. Подарка Альдоная.

Но, когда он как-то попробовал заговорить с графиней о своей благодарности, та только отмахнулась.

- Пастор, вы что - полагаете, я могу бросить кого-то умирать голодной смертью? При чем тут благодарность? Это нормальный поступок. Это мой долг как графини.

Да, но долг не включал всего, что дала ему Лилиан Иртон. К Кенету вернулся смысл жизни.

Он отлично понимал, что вирмане не сильно воспринимают его проповеди. Но... пусть не святятся! Важно другое. Если он посеет в их душах и в душах их детей хотя бы одно семечко истинной веры - все уже было не зря.

Пусть не сразу, но оно прорастет.

А за Марка он вообще готов был графине руки целовать. Он не знал, что и когда от него

потребуют, но был готов платить.

Увы...

Только спустя несколько месяцев он понял, что Лилиан Иртон все делала совершенно бескорыстно. Она ничего от него не ждала. Только духовной поддержки, которую он и так должен был ей оказать. Вот и все.

Она не требовала благодарности, она не торговала своими милостями, она просто делала. И пастор преисполнился благодарности. Он видел странности графини. Но видел также, что они не несут зла в мир. Наоборот. Правильно использованные, они дадут много хорошего. Она лечила, учила, заботилась, трудилась наравне со всеми и никогда не требовала для себя благодарности...

А вот патер Лейдер добрых чувств у Кенета не вызывал. Ибо был представителем касты церковных карьеристов и выжиг.

Кенет привычно опустил на колени для исповеди.

– Брат мой в вере, моя душа сейчас чиста и спокойна.

– И тебя не тревожат язычники?

– Графиня делает все, чтобы они узрели свет истинной веры. И я, недостойный, стараюсь способствовать ей в этом.

– И не тревожит тебя поведение самой графини?

– Брат мой, я тесно общаюсь с ней. Она добра, умна и благородна. Если бы в ней было хоть пятно черноты, я заметил бы это. Но она бережется от происков Мальдонаи.

– Да неужели?

История с Дамисом Рейсом заставила патера сдвинуть брови. А данное объяснение – мол, графиня считает, что Альдонай соединил и расторгнуть этот союз нельзя. А осквернять свою клятву перед Богом и свое ложе – вовсе последнее дело, что бы там в семье ни происходило... Такого бесчестия ни для себя, ни для своей семьи графиня не допустит.

Поступки Лили можно было подать по-разному и истолковать тоже. И невольно пастор Воплер выбрал самый выгодный для графини вариант, объясняя все ее заботой о ближнем и верой в добро.

Патер Лейдер слушал, но увы. Кроме того, Кенет не упомянул о многом. Ни о контрабандистах, ни о покушениях. Зачем? Это дело власти, но не церкви. Тело, а не душа.

Из этого компромата было просто не выкроить.

Так что спустя час Кенет оставил Симона весьма недовольным и направился туда, где его ждали.

Завтра он поговорит с двоими своими братьями по вере. Настоящими, не такими, как этот лощеный крысук. И они отправятся в Иртон. А он – с графиней в столицу.

Страшно, да.

Но может быть это испытание в вере, которое посылает ему Альдонай?

Верую, Господи.

Из Альтвера отплывали с вечерним приливом.

Лили стояла на корме, мучилась подступающей тошнотой и мрачно мечтала об изобретении паровозов. Или самолетов.

В целом первые визиты прошли неплохо. Не считая этого случая с Авермалем. Но тут уж пусть сына воспитывает. А то надо же! Увидел девчонку на улице – и повело! Спермотоксикоз, однако, снимать надо. А то ведь могут и другие снять.

Вместе с головой.

Лейф более-менее успокоился, получив крупную сумму от Авермаля, ему Торий тоже приносил свои извинения. Он бы и в три раза больше выплатил, лишь бы Лиля не гневалась. Факт.

Рвать контакты с Торием пока действительно нельзя. Если придется вернуться в Иртон – барон незаменим. А Лиля, честно говоря, не возражала бы. За зиму она оценила эту глушь. Где тихо, спокойно, уютно, теперь еще и хорошие соседи будут... Если Джейми утвердят в баронах приказом его величества.

Хочется ли ей жить в столице?

Да на фиг!

Грязно, скучено, вонюче, и все эпидемии – ее. И все происшествия.

А с другой стороны, она медик. Она в Иртоне квалификацию, к чертям, растеряет. Может, и стоит остаться? Где-нибудь под боком у отца?

Лиля не знала.

Неизвестным компонентом в ее расчетах пока оставался Джерисон Иртон. Что сделает этот друг, крепко получив по ушам?

Сложный вопрос. Мужское самолюбие – штука такая. Топтать, пинать и забывать про него не стоит. Иначе потом так огребешь...

А с другой стороны – помереть ей, что ли, было?

Желудок забурчал особенно громко, и Лиля, перегибаясь через борт корабля (подветренный, уже выучила, куда блевать лучше) мрачно подумала, что умереть было бы быстрее.

А до столицы почти две недели пути... буэ-э-э-э-э-э...

– Рик, ты все собрал?

Ричард посмотрел на кузена:

– Все. А ты?

– Слуги еще копаются, но уже почти. Итак, в дорогу?

– Да, пора. А то Бернард обидится, что у него почти не погостим.

– Он и так обидится. Судя по сплетням – жлоб жуткий. Родную дочь в черном теле держит.

Рик махнул рукой:

– Будет королевой – приоденем. А нет – так и не надо.

В дверь поскреблись.

Рик открыл и присвистнул. На пороге стояла Анелия Уэльстерская. Джес, не будь дурак, тут же козлом скакнул за штору, пока не заметили. Он не проболтается, а случись что – свидетель Рик у обеспечен.

– Ваше высочество, вы разрешите мне...

– Разумеется, госпожа. Прошу вас. Но почему вы...

Анелия подняла руку.

– Ваше высочество, у меня не так много времени. Я должна быстро вернуться. Я... вот.

Принцесса протянула медальон, который показался большим в ее маленькой ручке.

– Ваше высочество?

– Это на память о нашем лесном приключении... И обо мне, если не вернетесь.

Рик вздохнул.

– Ваше высочество.

Анелия закрыла ему рот рукой.

– Нет! Не клянись, не обещай, не говори ничего. Просто знайте... я буду вас ждать. И молиться за вас, даже если вы не вернетесь.

Девушка на миг придвинулась к Рiku и коснулась губами его щеки. Робко-робко...

Тут же отодвинулась.

По щеке принцессы скатилась прозрачная слезинка. Она всхлипнула и опрометью вылетела из комнаты.

Расслабиться Анелия смогла только у себя в покоях.

Идею ей подсказал Альтрес Лорт, он же дал медальон. Но... Сама Анелия лучше и не придумала бы.

И сейчас ей казалось, что Рик вернется, обязательно вернется.

Его высочество предъявил подарок вылезшему из-за шторы и старательно отряхивающемуся другу.

– Ты посмотри...

Обычный золотой кружок, на крышке выбита морда рыси. Видимо, на память.

– А что внутри?

Внутри оказался портрет Анелии, выполненный с большим искусством. И локон темных волос.

– Рик, а ты как считаешь – вернемся?

– Смотря, что предложит Бернард. Но я сильно подозреваю, что да.

Рик глядел на дверь. Щека еще хранила тепло девичьих губ, а в душе просыпалась жалость. Ребенок ведь, ей бы в куклы играть. Ребенок...

Впрочем, у мужчин жалость и любовь – вещи далеко не всегда совпадающие.

Готовилась к отъезду и Аделаида Вельс.

Герцог Фалион крепко сожалел, что нельзя отослать мерзавку в Ативерну. Но... куда там!

Ее величество Милия Шельтская почему-то стала благоволить к негодяйке. И пока та на виду, в посольстве, сделать что-либо с Аделью не представлялось возможным.

Вот дома, в Ативерне, там другой вопрос. Там можно ее убрать по-тихому – и разводить

руками. Ночь, грабители, мы так сожалеем, все ужасно печально, ах-ах-ах...

Но до возвращения на родину – куда денешься.

Пришлось герцогу удовлетвориться тем, что в посольстве Аделаида стала вроде прокаженной. С ней даже старались не общаться лишний раз.

Кстати, лэйру это не особенно задевало. Она уже сделала ставку на Альтреса Лорта и теперь прикидывала, как себя вести в Ивернее.

По пути – ну тут понятно. Страдающая женщина под ударами судьбы. Кузен издевался, граф Иртон обманул и бросил, ребенка потеряла... Надо страдать. А страдать Аделаида умела.

Кстати, это и в Ивернее подойдет. Может быть, и с Лидией поможет сблизиться. Женщины любят слушать о чужих страданиях и переживаниях. А потом...

Пальцы Аделаиды коснулись дорогой шкатулки из благовонного дерева. Под бархатным дном в ней нашли себе пристанище несколько маленьких плоских флакончиков. Снотворное. Возбуждающее. Медленный яд. Быстрый яд. Как объяснил Альтрес, и даже продемонстрировал на крысах, каждый флакончик рассчитан на пять-шесть человек. Так что капать надо осторожнее.

Что именно достанется Лидии?

В зависимости от везения и самой принцессы. Но цель Аделаида знала точно.

Ричард должен уехать из Ивернеи, пусть не со скандалом, но без обязательств перед Лидией... А она должна будет по дороге исчезнуть из посольства.

Альтрес заставил ее выучить несколько адресов и обещал, если что, вывезти Аделаиду в Уэльстер. А там...

Положения при дворе, прости, пока не обещаю. Сама понимаешь.

Но богатого мужа в глуши – запросто. Это лучше, чем ничего. А лет через пять, когда все успокоится, посмотрим...

Аделаида считала такое предложение весьма щедрым.

В Ативерне ей ловить нечего. Да, там есть дом, есть кое-какие деньги, но... Это все еще надо получить. А она при пересечении ативернской границы окажется под стражей. И получить сможет только пару оплеух. Так дело не пойдет.

Пес с ними, с домом и деньгами. Жива будет – заработает. Найдет, под кого лечь. Так что собираемся. Корабли посольства пойдут по Лимайере, а на ивернейской границе их встретят. М-да... опять корабль...

Аделаиду не укачивало, но корабли она все равно не любила. Тесно, противно... пфе!

Альтрес Лорт тоже готовился.

Сам он в Ивернею уехать не мог. Но вот своим агентам давал самые подробные инструкции. Рассчитывать только на Аделаиду Вельс? Господа, вы шутить изволите? Нет уж. У него и своих агентов хватает. Несколько монет здесь, несколько писем там, и люди начинают работать на тебя. Это Альтрес умел.

Эх, если бы Эдоард не предоставил своему отпрыску право выбирать... Хотя тут его осуждать нельзя. Когда человека принуждают, он все-таки возмущается. А вот когда ему дают свободный выбор – потом и не потрепыхаешься. Сам придумал, сам так захотел... ну и чего ты теперь?

– Чего задумался?

Гардвейг, видимо, воспользовался потайным ходом. И теперь стоял у портьеры и смотрел

на брата.

Альтрес вскочил и помог брату усестся в кресло, шипя сквозь зубы про крутые и темные лестницы, чью-то больную ногу и дурацкое безрассудство.

Гардвейг не обратил на это никакого внимания. Брат был единственным, кому позволялось учить короля, а также попрекать, разносить (не теряя осторожности) и даже составлять за него указы. Альтресу король доверял полностью. Как самому себе.

- Прекрати квохтать...

Альтрес фыркнул, но замолчал и принялся смотреть на сюзерена.

- Надеюсь, в Ивернее твои люди не оплошают?

- Сам надеюсь.

- Анелька все сделала правильно?

- Более чем. Если вылить чуть-чуть черной краски на Лидию, Ричард вернется сюда.

- Точнее, нам придется ехать в Ативерну.

- Нам?

- Или мне, или тебе. Наверное, поеду я. А ты останешься здесь. Я дам тебе полномочия регента на случай моего отсутствия, подтянешь войска... Справишься.

- А ее величество?

- Куда ее тягать с детьми? Старших возьму, все равно девки.

- Тоже ведь... Гард, давай их к Милии пристроим, что ли? Не годится принцесс в такой глуши растить. Мы с тобой это как-то упустили...

- Их надо замуж выдавать. И лучше за границу. Подумай. Может, имеет смысл переговорить с ханганом...

- Имеет смысл взять с собой соплушек и представить их наследнику Ханганата.

- Наследнику?

- Раньше я не знал всей подноготной. Но теперь могу и доложить. Гард, в Ирhone гостил один из самых знаменитых докторусов нашего времени. Тахир Джааман дин Дашшар.

- Ханган.

- Ну да. А теперь представь - Великий Ханган отправил среди зимы своего наследника на трех кораблях через проклятый пролив, к Тахиру, чтобы тот вылечил принца.

- И как?

- Лечение прошло более-менее успешно. Оказалось, что парня травят.

- Чем же?

- Мой человек так и не понял. Писал что-то про кровь Кобылицы...

Это верно. Лиля не особо распространялась о болезни наследника, но шила в мешке не утаишь. Сплетни, слухи... а вирмане, которые ходили в Альтвер и зимой, и ранней весной, позволяли себе расслабиться в трактирах. Где их и ловил Ройс.

Ставил выпивку, расспрашивал... А потом отправлял отчеты. Лиля, кстати, была немного в курсе, но не препятствовала. Если информации мало, это плохо. Если ее много - тоже плохо. Так что будем делиться кусочками сведений.

- Ладно, не это важно. Мальчишку вылечили?

- Не до конца. И сейчас они всей командой направляются в Лавери.

- Зачем?

- Я понял так, что Лилиан Иртон – любимая ученица Тахира, и расстаться с ней он не может ни под каким видом.

- Даже так?

- А Эдоард ее призывает ко двору.

- Ага. То есть девчонка ко двору, за ней лекарь, за лекарем принц. Эдоард не боится мальчишку угробить?

- Он хотел, чтобы ее сиятельство еще ранней весной приехала. Не получилось. Принц еще недостаточно окреп, а вот сейчас...

Гардвейг кивнул.

- Говоришь, хороший докторус...

- А это вот. – Альтрес достал свиток, на котором были переписаны вопросы Лилиан. – Я могу послать им ответы, но сам понимаешь. Лучше...

- Вызвать их не получится?

- Нет.

- Тогда посмотрим, что дальше будет. Если все будет хорошо, увидимся на свадьбе. Но ты подумай пока, чем можно заинтересовать этого докторуса. Мало ли что.

Гардвейг неосознанным жестом потер ногу, и у Альтреса сердце защемило.

Смерть близкого человека страшна.

Еще страшнее смерть *единственного* близкого человека. С которым вы даже дышите одним воздухом.

А самое страшное – это когда он медленно умирает у тебя на глазах, ты все видишь, все понимаешь, но помочь ничем не можешь... Свою бы жизнь отдать, так ведь не возьмут! Хоть криком кричи...

Гардвейг перехватил взгляд своего брата.

- Так, Альт, хватит киснуть. Будешь сопли распускать – женю.

- Иди ты, – беззлобно ругнулся шут. – Угрожать он еще будет... твое величество.

Гардвейг даже и не подумал обидеться.

- А то ж... Вот, кстати, на этой любимой ученице и женю. Обеспечу докторусов своим детям. Элитной ханганской выучки.

- А ничего, что графиня немного замужем? – уточнил Альтрес.

- А ты на то и глава тайной службы. Сегодня муж был, а завтра...

- Тьфу. Издеваться изволишь, твое величество?

- А то. Выпьем?

- Тебе вино нельзя.

- А что – у тебя уже и эля нет?

Альтрес фыркнул и достал из-под стола кувшин.

- Эля нет. А вот...

– Вишневка?

Гардвейг улыбнулся. Одной из немногих слабостей Альтреса была любовь к сладкому. Он, конечно, тщательно ее скрывал. Но не от родных же. Так самому лучшему элю шут предпочитал вишневку.

– Она.

– Разливай.

Джерисон, граф Иртон, вошел в отведенные ему покои. Уселся на кровать, свесив буйну голову ниже широких плеч. И задумался.

Вот так вот. Хоть ты и граф, и молодец, и красавец, а тоскливо. Очень тоскливо.

И мутно все как-то...

Что-то непонятное творится дома. А ему туда не попасть. И Рика не бросить, хоть ты напополам разорвись. Раньше никак не уехать.

Почему? Во-первых, дружба. Но тут Рик бы понял.

Во-вторых, государственные интересы.

Чем занимается посольство на чужбине?

Кто-то ходит по балам, кто-то – по бабам, кто-то ввязывается в скандалы. А остальные дурака не валяют. Собирают сведения о новинках, вербуют информаторов, разбираются в интригах, которые пышным цветом цветут при каждом дворе.

А как о них узнавать?

А вот так вот. Бабы – это однозначно. В постели женщина готова кучу всего выболтать. Хотя мужики не лучше. Охота там или пьянка – и тоже бывает, болтают почище баб.

А Джерисон Иртон...

Бабы на него клевали, все. Автоматически. Неотразимое сочетание молодости, титула, богатства и внешности. И болтали.

Раньше-то он собирался хранить ну, пусть не верность Аделаиде, но что-то близкое к ней. Сейчас же чувствовал себя свободным. И пускался не во все тяжкие, но близко к тому.

Женщины болтали.

Джес рассказывал обо всем герцогу Фалиону.

Да, он терпеть не мог Вяленую Шуку. Но глупее герцог от этого не становился. А благо государства все-таки стоит измены.

А благо семьи?

Тревожные письма, странные известия...

Джес посмотрел на кувшин с вином, стоящий у изголовья, и в гневе шваркнул его об стену. Нелепый поступок, но...

Сорвался. Он ведь тоже живой.

И мрачно улегся спать.

Утром вино вытерли, чуть погнувшийся кувшин убрали. Джес так и не узнал, что в тот же вечер на руках у служанки появились мелкие язвочки, которые та лечила очень долго. А и узнал бы...

Он в первый раз избежал смерти.

Анелия перебирала украшения. Да, за зиму у нее много чего появилось.

Принцесса... Не приживалка в убогом замке, принцесса... Знать бы раньше. В жизни бы с Лонсом не связалась. Но теперь дело сделано.

А с другой стороны...

Альтреса она боялась по-прежнему. Но пока она все выполняет, ее не тронут. Она еще нужна. И?

Рик ее не любил, это верно. Но сомнение она в его глазах видела. И покровительственное отношение. Она младше, он защищал ее, она ему обязана. Мужчины это любят. А если видишь в глазах юной девушки обожание и любовь – это еще и льстит.

Если Лидия не покажет себя еще лучше, Рик вернется.

Она сделала все возможное. А пока... Пока будем жить.

Пока Рик не сделал выбор, она необходима. И ее будут беречь. Но на всякий случай...

Глаза Анелии остановились на одной из шкатулок. Хорошо спрятанный, там лежал флакончик с ядом.

Для себя?

Для графа Лорта?

Для кого-то еще?

Она не знала.

Загнанная в угол крыса опасна. Анелию судьба пока еще не загнана в угол. Но «зубы» девушка уже приготовила.

– Мой господин и повелитель, припадаю к ногам вашим.

– Что с Амиром? – прервал славословия Великий.

Капитана этого он знал отлично. Назар Халим дин Харнари из рода Ищущих воду. Сам выбирал, сам отправлял с Амиром.

– Мой господин, принц Амир поручил мне вернуться домой, отвезти вам письмо и подарки. И передать ваши слова для него...

Ханган незаметно перевел дыхание.

– Как себя чувствует принц?

– Намного лучше. До полного выздоровления, графиня говорит, ему примерно год, если не больше, но уже сейчас за его жизнь можно не волноваться.

– Тахир?

– Ее сиятельство графиня Лилиан Иртон.

– То есть?

– Мой господин, принц все объяснил в письме. Не сочтите за дерзость с моей стороны.

Ну да. Ханган жестом показал капитану посидеть в сторонке. И взялся за письмо сына.

Живой, здоровый... Что надо отцу для счастья?

Будь ты хоть трижды Ханганом, а дети все же... Это твои дети. И этим все сказано.

«Возлюбленный мой отец и повелитель.

Пусть путь твой будет выстлан лепестками роз и залит солнечным светом.

Пусть Звездная Кобылица вечно благоволит к тебе и касается своим копытом твоей дороги».

Так... приветствия пропускаем. Что еще?

«Направив меня на излечение в Иртон, отец, ты воистину проявил великую мудрость. Я не писал раньше, поскольку не было возможности отправить этот свиток домой, а хранить его там, где он может попасться на глаза... да кому угодно, я не хотел.

Первое, что я должен сказать, – я уверенно иду на поправку. Хотя графиня не рекомендует мне больше сталкиваться с этим ядом хотя бы года три.

Потом я смогу спокойно посещать храмы.

О самой графине.

Должен сказать, что это удивительная женщина.

Она не просто умна – она еще и не боится показывать свой ум. Люди слушаются ее беспрекословно. Хотя при всем этом в ней есть некая... странность.

Кобылица устроила так, что одни люди выше других, и это естественно. Но графиня этого не знает и не желает знать. Для Лилиан Иртон я прежде всего человек. А потом уже принц и твой наследник.

Очень странное ощущение.

Она относится ко всем с уважением, но в то же время одинаково приветлива и с эввиром-ювелиром, и с мастерами, и с вирманами, и с моими людьми... Должен сказать, что Рашад был искренне удивлен, когда графиня попросила его давать уроки нашего языка детям вирман. Более того, графиня учит своего ребенка – виконтессу Миранду Кэтрин Иртон – вместе с этими детьми. И я знаю, она сильно ругала учителей, когда те вздумали хвалить девочку только потому, что та высокого рода.

Рашад не отказался, и я впервые видел его настолько озадаченным. Кажется, он собирается так же обучать и своих детей, и детей своего рода.

Графиня – очень странный человек. Такое впечатление, что она разбирается во всем. С ювелиром она говорит о драгоценностях, и я узнал, что именно графиня подсказала, как делать красный и белый янтарь. С вирманами – о кораблях и с громадным интересом слушает их рассказы. Даже посоветовала что-то... А ее изобретение под названием «подзорная труба» у вирман не на вес золота, нет. Они готовы платить драгоценными камнями равного веса за такое чудо.

Я сам смотрел в нее и знаю, что этот прибор хотя слегка и искажает реальность, но с его помощью можно видеть в три-четыре раза дальше, чем просто глазами. Что же касается искажения, графиня упоминала, что продолжает работать над его усовершенствованием.

Кроме того, поговорив с графиней, я посылаю вам несколько подарков из Иртона. И графиня упоминала, что, если вас что-либо заинтересует, она не будет возражать против сотрудничества.

Здесь умеют плести прекрасное кружево, выделывают цветное стекло, а что касается

медицины – мои докторусы до сих пор не отходят от графини и смотрят ей в рот. Примерно на третьей десятинке я обнаружил, что смотрю на нее такими же удивленно-восторженными глазами. Я решительно не знаю, что она скажет или сделает в следующий момент, но я точно знаю, что это будет неожиданно и интересно.

А чего стоит ее дочь, на второй день моего пребывания сообщившая мне, что принц в хозяйстве не нужен, потому что делать ничего не умеет. После этого я решил поучиться ювелирному делу у мастера Хельке вместе с детьми и до сих пор пребываю в удивлении – как она могла все это придумать?

Возможно, графиня Иртон и женщина, но женщина необыкновенная...»

Дочитав письмо, Великий Ханган раскрыл сверток с подарками. И удивленно присвистнул. Это кружево он знал. Конечно, не совсем такое. Но похожее было им куплено за бешеные деньги и подарено жене. А это...

Еще красивее, широкое кружевное полотно с вплетенными янтарными бусинами. Хотя нет, не янтарными. Это явно стекло. Цветное стекло. Но как?

Щедро инкрустированные драгоценными камнями перо и чернильница-непроливайка тоже удивили. Хангану их никто еще не додумался подарить. Вроде как незачем...

Набор стеклянных кубков поразил. Разные цвета, изящество, легкость, красота... Вроде бы немного отличаются, но очень похожи.

А последний предмет... Коробка с фишками. Красивая, дорогая. Лиля, не мудрствуя долго, послала в подарок и этому правителю нарды. Красивые, дорогие, изящно отделанные нарды. А вот правила игры... Тут она не удержалась. Взяла шрифт, листок лучшей бумаги (пока еще толстоватой и зеленоватой), набрала текст на доску и отпечатала подробную инструкцию.

– Что это?

Назар только развел руками. Про книгопечатание он действительно не знал.

Лилия умудрилась заинтересовать еще одного монарха.

Глава 2

Столица нас встречала по одежке

Спустя почти три недели изрядно похудевшая, побледневшая и озверевшая графиня Иртон смотрела на Лавери с борта корабля.

Город не впечатлял. Не видели вы Севастополя! Ночью, с моря... красотища! Лиля вот видела, еще в той своей жизни – море огней, нечто волшебное.

Лавери волшебным не назвал бы даже заядлый романтик. Освещение свечное, отопление печное, грязи по колено, антисоциальных элементов по самое это самое!

Да, средние века.

А ведь придется там жить какое-то время, и фиг ты куда денешься.

Ничего, переживем. Хотя хорошо бы жить под столицей, а не в столице. Но... пока до центра доберешься – не озвереешь? Эх, почему она не помнит, как делаются рессоры?

Были, были в Лилином образовании значительные пробелы. Например, все, что касается техники. Математики, экономики, философии, литературы, истории... Своего рода компенсация за кучу посещаемых кружков. Руками-то ее делать многое научили, а вот основы политологии и в институте не читали. А ведь придется окунуться в такой гадюшник, что только держись...

Эх, жизнь – боль.

– Ваше сиятельство.

Лиля меланхолично посмотрела на Лонса.

– Я.

– Наверное, надо послать гонцов к вашему отцу.

– И к свекрови.

– Вы полагаете?

– А что, у нас есть выбор? В отличие от моего отца, Алисия Иртон – самый дворцовый житель. Кого еще и расспрашивать, как не ее?

– Ее тоже. Но сначала...

Лиля вздохнула. И, понимая, что Лонс прав, послала письмо Августу. Хотя в животе что-то сжималось, и от одной мысли очень хотелось в туалет. Это – не слуги. Это твой отец. Ладно, отец Лилиан Брокленд.

Одна ошибка...

Живот опять противно сжался.

– Ваше сиятельство, чиновники с проверкой!

– Чиновники? – искренне удивилась Лиля.

– Ну надо ж убедиться, что мы ничего незаконного в столицу не ввозим. Да и корабли записать. Этим портовое ведомство занимается, – пояснил Лейф.

– И лучше бы с ними поговорить мне?

– Ваше сиятельство как всегда прозорливы, – ухмыльнулся вирманин.

– А мы им что-то должны?

- Въездную пошлину. По золотому с корабля, по пять медяшек с человека.

- А еще?

- Мы торговать собираемся?

Лиля задумалась. Платить не хотелось. Тем более налог с ее вещей... На фиг!

- Нет у нас товаров. А есть личные вещи графини Иртон.

Лейф коварно улыбнулся.

- На всех кораблях?

- Если ханганы не отобьются, значит, в мире что-то не так, - привычно огрызнулась Лиля. - Ты что думаешь, вирманин неотесанный, что высокородной графине одного корабля для вещей хватит? Минимум пять штук! Не говоря уж про Миранду! Ей тоже хотя бы один кораблик под шмотки нужен, а мы трем на двоих обходимся. Отвратительное притеснение!

Лейф фыркнул.

- Ваше сиятельство, не будь у меня Ингрид...

- Иди-иди, встречай чиновников, льстец. И не забудь топор покрупнее взять, кольчугу надеть. Ну, ты понял.

- Чтобы они еще до встречи с вами обо...

- Обрадовались, - поправила женщина. - Шагом марш!

Портовый чиновник. Две штуки. Один невысок, лысоват и довольно плотен. То есть Лиля на его фоне теряется со своими габаритами... Второй повыше, с густой кудрявой шевелюрой и тоже объемный. Понятно. Явно, место хлебное.

Почему этих гадов не было в Альтвере?

Ну, на кораблях Лиля туда приходила один раз. И то - чтобы кто-то из чиновников осмелился лезть к знакомой градоправителя? Не по Сеньке шапка. За такое Торий голову бы снял. Вот и держались на расстоянии. А тут... кораблей много, столица одна, да и...

Есть, есть у столичных жителей определенный снобизм, никуда от этого не деться. Не у всех. Но встречаются такие типы, которые твердо уверены - жизнь в столице дает им приоритет перед всеми остальными.

Судя по взглядам этих двоих - это они и есть. Снобы. И жлобы. И плевать, что они таких слов не знают. Конечно, поклоны. Конечно, внешне все очень вежливо. Но есть в глазах что-то такое... гниловатое.

- Ваше сиятельство, - начал кудрявый.

Судя по тону, графинь тут прибывало по десятку в день. И они уже успели приесться.

Лиля сидела за столом, не делая даже попытки встать, смотрела на «таможенников» недобрыми глазами и ухмылялась. Лейф чуть в стороне поигрывал топором.

- Мое. Каков размер пошлины?

- Ваше сиятельство, так считать надо...

- Вы, любезнейшие, для того сюда и пожаловали. - Лиля играла перьевой ручкой. Крутила ее между пальцами.

- Значит... три корабля... с грузом товаров... - начал подсчитывать кудрявый.

- Ошибка, любезнейший, - Лиля была сама доброта. - Три корабля лично графини Иртон.

- И...

- А насчет товаров неправда. Графини не торгуют.

- А... - попытался встрять второй.

- Если у вас есть сомнения, обратитесь к его величеству.

- Ваше сиятельство, так ведь трюм же весь в сундуках.

- Это личные вещи. Мои, моей падчерицы, моих людей, - обрезала Лилия. - Вы что, полагаете, графиня Иртон должна путешествовать, как простолюдинка? Фи, любезнейший!

- Ваше сиятельство...

- За три корабля - три золотых. За людей... Лейф?

Лейф громыхнул по полу каюты так, что Лилия даже испугалась. Проломит еще...

- Сколько у нас людей на кораблях?

- Сто восемь человек, ваше сиятельство.

- Итого пятьсот сорок медяшек. Для ровного счета - пятьсот пятьдесят. Одиннадцать серебряных монет.

Лилия отсчитала требуемое и выложила на стол.

«Таможенники» сглотнули и принялись выписывать нужные документы.

«Ее сиятельство графиня Иртон.

Три корабля.

Груз - личные вещи».

Никаких проблем.

Ханганы даже не заплатили. Ибо Рашад устроил такой стон и плач: «Унижают, оскорбляют, с наследника престола деньги драть пытаются, да в Ханганате за такое, да мы протестовать будем!..» - что таможня сама бы ему приплатила, лишь бы отвязался. Амир действительно был принцем Ханганата. Так что ну его, от греха.

Но это было только первым актом. Вторым - пришлось отойти от берега и встать на якорь посредине бухты. И выставить часовых по восемь на корабль.

Зачем?

Воруют. Все, что гвоздями не приколочено. Могут подплыть на шлюпке, забраться на корабль... Ну и немножко отнять и поделить.

Лиле это было не надо, так что она отписала записку отцу и попросила Лейфа отправить. А пока побудем на корабле.

Где останавливаться, Лилия еще не решила.

С одной стороны, графиня должна жить с мужем. Ага. В доме, которому до Иртона, как до Луны пешком. Судя по рассказам Мири, домик был так себе. Человек двадцать поместятся. Но больше - вряд ли. А охрана? А вирмане? А ханганы?

Нет, у тех тоже есть посольство, но...

Амир – ее пациент, это первое. Мальчишке не хочется в посольство – второе. Они там просто не поместятся – третье, и главное.

Ативерна и Ханганат – два противоположных конца континента. И на фиг они друг другу? Ни торговли, ни границ, так, диловинки возят... Поэтому и посольство средней паршивости. Да, красиво, по-восточному богато, но оно маленькое. Человек так на двадцать вместе со слугами.

А потому... Лиля была за компромиссы.

Где бы так устроиться, чтобы всех разместить?

Август явился на следующее утро. Лиля уже встала, успела сделать зарядку и как раз разговаривала с Тахиrom, когда в дверь каюты заколотили.

– Госпожа, ваш отец поднимается на борт!

Лилю словно кнутом стегнули.

– Проси. – Голос несолидно сорвался.

Вот так. Сейчас у тебя первый экзамен в этом мире. Страшно до ужаса! Но если тебя признает «отец», дальше будет легче.

А если нет...

Убивать?

Лиля закусила губу.

Убивать человека, который тебе ничего плохого не сделал? Вся вина которого в том, что он тебя любит?

Что-то внутри сопротивлялось даже мысли.

Нет, Лиля понимала, что в крайнем случае, если ей не оставят выхода, своя шкура станет ближе к телу.

Не хочу!

Дверь скрипнула. И Лиля поднялась из-за стола.

В каюту влетел пожилой человек.

– Доченька моя!

То, что случилось дальше, Лиля списала на остатки личности Лилиан Иртона.

– Батюшка!

Возглас был пронизан такой искренней любовью, которую не симитировал бы и самый лучший актер. И Лиля повисла у мужчины на шее.

Ивар, проводивший Брокленда в каюту, прикрыл за ним дверь и встал на страже.

Минут пять Лиля просто редела в голос. Потом мужчина кое-как оторвал ее от себя и принялся вытирать ей лицо влажноватым платком.

– Ну что ты, маленькая моя, не плачь, все ведь хорошо.

Куда там. Слезы хлынули потоком. И прошло не меньше десяти минут, прежде чем Лиля смогла высморкаться и начать разговаривать.

Впрочем, оглядеть Августа из-под платка ей это не помешало. И прийти к выводу, что в

юности папаша был тем еще сердцеедом. Он и сейчас был очень даже... ух!

Высокий, немного выше Лили, широкоплечий, с полностью седыми волосами и неожиданно черными бровями, с загорелым лицом человека, который много времени проводит на воздухе, и сильными руками...

М-да. Есть в кого красоткой быть. Даже без учета матери.

Теплая рука гладила Лилю по волосам. Она и не надеялась, что в этом мире найдется у нее родной человек. Но теперь...

Какой бы Август ни был, она отчетливо понимала, что не сможет отдать приказ о его устранении. И сама тоже не сможет. Хотя экстракт наперстянки здесь и не обнаружат.

- Батюшка...

- Ну-ка, убери тряпку, дай мне на тебя поглядеть.

Сильная рука приподняла Лилю за подбородок, и женщина скромно потупила глаза.

- А отощала вся! Одни глаза остались...

- Я ребенка потеряла, - неожиданно призналась Лилия.

- Знаю. - Август сверкнул по-молодому яркими глазами. - Дочка, если скажешь, я Иррону голову оторву!

- Стоит ли?

- Вот даже как? Любишь его?

Лилия замотала головой.

- Любила. Раньше. Потом... Ну, не важно. Что теперь уж жаловаться.

- Лилиюшка...

- И не проси, батюшка. Не надо... Мерзко это. Я когда ребенка потеряла, во мне все перегорело.

- Я могу добиться у Эдоарда раздельного проживания для тебя и Иртона.

- Можешь. Но пока не надо.

- Почему?

Лилия вздохнула. Ну вот. А теперь - как в пропасть. Если это пройдет - остальное будет легче.

- Потому что как графиня Иртон я выгоднее для нашего дела. Поэтому сначала надо попробовать договориться по-хорошему. А уж потом, если не получится...

Август присвистнул. И как-то пристально посмотрел на дочь.

Лилия подняла голову и бестрепетно встретила этот взгляд. Она знала, что сейчас может увидеть. Молодую блондинку с длиннющей косой, полноватую, в белом и зеленом, с графским браслетом и кольцом на руке, красивую, хотя и несколько зареванную. А еще - ум и решительность. То, чего и в помине не было у прежней Лилиан.

- Вот даже как?

Лилия молча кивнула.

Остальное пусть сам себе додумает. Но Август молчал. Лилия тоже не стала ничего говорить. Незачем.

- А ты изменилась, дочь. Я не ожидал от тебя таких слов.

– Когда тебя перестают любить и защищать, умнееешь быстро. – Лиля смотрела прямо и спокойно. – Я изменилась, отец. Я многое пережила и, надеюсь, поумнела. Я по-прежнему твоя дочь и люблю тебя по-прежнему... Но я уже не такая маленькая.

Август смотрел удивленно. Лилиа развела руками.

– Ты видел меня в последний раз почти два года назад. За это время я потеряла ребенка, меня пытались убить... я уже со счета сбилась, сколько раз. Я узнала, что у моего мужа есть любовница, а до меня ему дела нет... Было бы удивительно, останься я прежней. Даже не так, нет. Будь я прежней, ты бы сейчас за мою душу Альдонаю молился.

– Вот это верно.

– Так что... Отец, ты сможешь принять меня? Такой, какая я стала? Легко любить ребенка. Легко защищать беспомощную женщину. А вот такую меня?

В каюте повисла тишина. Лилиа ждала ответа, кусая губы. Ну же...

– Такой дочерью можно гордиться. Знаешь, ты сейчас так похожа на мать... Только глаза у нее были синие, как море.

– Знаю, – всхлипнула Лилиа. – Я тут кое-что сделала...

В следующие два часа Август одобрил кружево «мариэль» и стекло «мариэль». Восхитился подзорной трубой, потребовал себе такое чудо – и тут же получил три штуки в красивых футлярах. Удивился калейдоскопу, познакомился с Мирандой и был представлен принцу Амиру. Успел переброситься парой слов с Лейфом, спросив что-то насчет Эрика Торвсона, получил ответ и расплылся в улыбке, мол, старый друг здоров – это хорошо.

Лилиа наблюдала со стороны. И ей все больше нравился этот серьезный мужик, оказавшийся ее отцом. Чем-то он был похож на ее отца из того мира, на Владимира Васильевича. Своей обстоятельностью, юмором, деловитостью... Только бы все срослось!

Когда они опять оказались в каюте, Лилиа приказала подать отцу выпить и закусить, а сама принялась за привычную трапезу. Фрукты и овощи. Благо они в порту. Так что Лилиа могла себе ни в чем не отказывать.

Август выпил пару бокалов вина, отдал должное кухне и осуждающе посмотрел на дочь.

– Ничего не ешь. Тебя скоро ветром сдувать будет.

По мнению Лилии, еще килограмм пятнадцать были лишними, но спорить она не стала.

– Я пока ничего не хочу. Поговорим о делах?

– И о каких же, ваше сиятельство?

Август явно поддразнивал дочь, глаза сияли мягкой усмешкой.

– О важных. – Лилиа улыбнулась. – Я в столице. И меня желал видеть его величество.

– Как только он узнает, что ты прибыла...

– Когда?

– Хм... дня три-четыре. Полагаю, потом ему на стол ляжет доклад.

– То есть у меня три дня, чтобы бросить якорь, и надо уже во дворец?

– Умничка.

– Знаю. Есть несколько вопросов. Первый – мои люди.

– Что ты планируешь?

– Разумеется, они должны остаться со мной.

- А размещать ты их где будешь? Кто у тебя планируется?

- Ну, команды кораблей я не трону. Кто-то должен на них оставаться, - задумалась Лиля. - Далее. У меня примерно тридцать человек вирман, даже чуть больше, включая женщин и детей, Миранда, слуги, мастера, ханганы... Короче рассчитывать надо человек на семьдесят. Можно без особых удобств, но вместе.

- А ханганы...

- Принц еще не поправился.

- Так пусть живут в посольстве с этим... Тахиром...

- Это исключено. Батюшка, Тахир учит меня лечить людей.

- Этого еще не хватало! Ты - графиня!

- И абсолютно ничего не умею делать! - Лилия стукнула рукой по столу, забыв, что в ней зажата груша. Сочная, несмотря на весну.

Сок разлетелся во все стороны, собеседники одновременно выругались, переглянулись и фыркнули.

- Вот, возьми салфетку. - Лилия протянула отцу тонкое полотно, и Август принялся отчищать жилет. - Отец, я понимаю, что ты все делал из лучших побуждений, но мне-то не легче. Что я умела, кроме вышивания?

Август призадумался - и покачал головой.

- Тебя растили, как благородную госпожу...

- То есть существо изначально бесполезное. Я не смогла заинтересовать мужа, я не смогла распознать отравителей, я даже своего ребенка не смогла защитить... Знаешь, я потом лежала, после выкидыша, и думала, что если бы я знала раньше...

- Не кори себя. Это Иртон недоглядел.

- А приятно ему было на меня глядеть? Браки по расчету часто удачны. Но только если трудятся в них оба. Мне кто-то об этом говорил?

- А если не говорил, откуда ты сейчас все это знаешь?

- Научилась, вот.

Лилия делано надулась. Август явно посмеивался, но было в его вопросе и что-то такое... гордость? А ведь похоже. Любит. И даже гордится.

- Одним словом, я продолжу учебу. Глядишь, и еще чего полезного придумаю. Поэтому...

- Дом на семьдесят человек. Я уже понял. - Август смотрел с видом святой невинности.

- Вот.

- Полагаю, я смогу найти то, что тебе нужно. Но в пригороде.

- Так еще лучше.

- Уверена? Другие в столицу рвутся.

- Да пусть их хоть пополам разорвет!

- И есть у меня одна задумка. Ты знаешь, что Алисия Иртон - владелица небольшого поместья под столицей?

- Насколько небольшого?

- Я бы сказал, крохотного. Дом, в котором можно разместить всю твою свиту, конюшни, хозяйственные постройки. Она этим почти не занимается, потому как все время при

дворе.

Лиля тут же ухватила идею.

– И может сдать дом мне в аренду? Таким образом, я не в городе, но в поместье своей свекрови, приличия тоже соблюдены.

– Умница, дочка.

– Вся в папочку, – вернула усмешку Лиля.

– Напиши Алисии. Пусть приедет, и мы вместе поговорим.

– А где она может быть?

– Разумеется, во дворце. Она придворная дама, одна из воспитательниц принцесс. Где ей еще быть?

Лиля вздохнула. Достала перо, бумагу...

– Это? – тут же заинтересовался Август.

Лиля быстро отписала записку, отправила с одним из вирман и принялась разяснять отцу, что это такое и с чем его едят. Пришлось продемонстрировать лист бумаги, напечатанный текст, рассказать, что бумагу можно делать гербовую с печатями, с водяными знаками.

Мужчина только головой покачал. Это же золотое дно... или за такие дела шею свернут. Хотя последнего мы не допустим. Будем драться. А вот заработать на этом... этой бу... маге надо попробовать.

Обязательно.

Алисия Иртон записку получила. И достаточно быстро. Дураков в дворцовой страже нет. И навлечь на себя недовольство «старой гадюки» никто не хотел. Так что Алисия сломала подозрительно знакомую печать, развернула непривычно мягкий и шуршащий конвертик, потерла пальцами бумагу – и вскинула брови.

Такого она не ожидала, ну, не так быстро. И понятно. Августу Лиля писала и из Альтвера, и с дороги. А вот Алисии не стала. Незачем.

«Ваше сиятельство.

Я прибыла в город и буду рада встретиться с вами для беседы. Искренне надеюсь, что вы не откажете мне, и прошу прощения за неуместную поспешность.

Покорнейше прошу вас или последовать за моим посланцем, или написать, когда вы соизволите посетить нас.

«Гадюка» не получила бы своего прозвища, не умей она сохранять хладнокровие при любых обстоятельствах. Она повернулась к слуге.

– Где человек, который доставил это письмо?

– Это вирманин, ваше сиятельство. – Слуга был исполнен уважения. – Попросили его в караулке подождать, его ж нельзя во дворец.

Что верно, то верно. Нечего посторонним вирманам по дворцу разгуливать. Донесут Эдоарду – всем нагорит.

– Идем. Проводишь меня, – решила Алисия. Собираться не было нужды. Во дворце она всегда была в боевой готовности. Расслабиться Алисия позволяла себе только дома за городом. Очень редко.

Вирманин ждал в караулке. Здоровущий такой детина, в плечах метр, в высоту два.

- Ивар Хельвиссон Рейнхольм, ваше сиятельство.

Поклон был выполнен четко и быстро. Не очень придворный, ну да ладно.

- Рада вас видеть, Ивар. Вы принесли мне письмо от моей невестки...

- Ее сиятельство графиня Лилиан Иртон просила передать, что сейчас у нее отец, поэтому, если вы захотите с ними увидеться, она будет рада.

- Я сейчас прикажу заложить карету.

- Я буду ждать, ваше сиятельство.

Кареты при дворе были. И его величество разрешал их брать тем придворным, к кому благоволил. Воспользоваться королевской каретой было большой милостью. Но Алисия имела на это право.

Поэтому спустя час карета въехала на территорию порта, и Алисия взошла на корабль.

Алисия бывала на кораблях. Поэтому первое, что ее поразило, - все было удивительно чистым. словно тут уборка проводится шесть раз в день. Ивар перехватил ее удивленный взгляд и усмехнулся.

- Госпожа графиня сказала, что любого грязнулю на веревке за кораблем прокатит, чтобы отмылся. А уж если у кого платяных зверей найдет...

- Так свирепствует?

- Да нет, она просто грязь не любит. Прошу вас, ваше сиятельство.

Алисия была со всем почетом подхвачена под локоток (если вы поскользнетесь, да ушибетесь, с меня графиня шкуру снимет) и препровождена в каюту. Где ее встретили одинаково веселыми улыбками Август Брокленд и...

Алисия отказывалась верить своим глазам.

Это - Лилиан Иртон?

Невероятно!

Куда девалась застенчивая толстушка в оборочках, которая двух слов связать не могла?

Женщина, сидящая рядом с Августом... Нет, несомненно, это была Лилиан Иртон. Только похудевшая. Но взгляд...

Так и Джайс никогда не смотрел.

Это был взгляд человека, который во всех, всегда видит только врагов. А потом уже все остальное. Впрочем, Лиля тут же опустила ресницы, улыбнулась, а когда вновь вскинула глаза на Алисию, взгляд ее лучился дружелюбием.

- Я рада видеть вас, ваше сиятельство! Надеюсь, мой посланец не был невежлив? Если так, я готова просить за него прощения, вирмане народ не придворный...

Алисия поклялась бы, что настороженность ей почудилась. Но... стоит ли заниматься самообманом?

Или все-таки показалось?

Женщина решила понаблюдать еще. И расплылась в улыбке.

- Моя дорогая невестка! Я так рада тебя видеть! Ты похорошела с нашей последней встречи...

Лиля улыбнулась, неторопливо встала из-за стола и чуть присела в поклоне.

Они обе графини Иртон. Лиля младше по возрасту, но старше по положению. Поэтому по-хорошему Алисия должна начать первой. Но сейчас ее сиятельство давала своей подруге возможность сохранить лицо. Алисия это оценила и воспользовалась.

Но и Лилия в долгу не осталась.

– Ваше сиятельство. Я прошу простить меня, если в чем-то допущена бестактность. И хочу заверить, что ваш визит – честь для меня.

Все вежливо, искренне... и еще один поклон.

Алисия кивнула и присела к столу. Благо, Август уже успел отодвинуть для нее стул.

– Рад вас видеть, графиня.

– Вы не бываете при дворе. Иначе мы виделись бы чаще, – вздохнула придворная дама.

Август развел руками.

– Дворы и дворцы – это не мое. А вот моя дочка...

– Его величество весьма заинтересован в госпоже Лилиан.

Реакция женщины оказалась нетипичной. Кто-то, услышав, что им интересуется король, взволнуется. Кто-то обрадуется. Лилиан просто пожала плечами.

– Поэтому я хочу устроиться в столице и явиться ко двору. Полагаю, приглашение последует сразу же, как только известие о моем приезде дойдет до ушей его величества?

– Сегодня?

– Нет. Хотя бы через сутки.

Алисия понимающе кивнула. Разве нормальная женщина может просто так явиться ко дворцу? Нужны придворные платья, украшения.

– Мне нужно разместить где-нибудь моих людей.

– Ваших людей?

Алисия искренне удивилась. Ладно, слуги. Но зачем их размещать?

Август усмехнулся.

– Тут человек семьдесят вместе с Лилиан. И я так полагаю, она их далеко от себя не отпустит.

– Или они меня, – проворчала себе под нос графиня. И принялась разъяснять Алисии, откуда такое количество народа.

Надо отдать должное придворной даме. Слушала она внимательно, не перебивала. А когда невестка закончила, вдовствующая графиня глубоко задумалась. И даже без подсказок приняла нужное решение.

– Полагаю, я могу пригласить всех в мое поместье за городом. Это недалеко, всего час-два пути в карете, там хватит места для всех. А принимать у себя принца Ханганата – это честь.

Лилия довольно улыбнулась.

– В свою очередь, полагаю, Амир упомянет о вашей доброте и щедрости королю.

– Безусловно, его высочество захотят видеть при дворе.

– А я, со своей стороны, возьму на себя ремонт поместья. Ну и поскольку не хочу пользоваться вашей добротой вовсе уж нагло, оплачу наше пребывание там.

– И речи не может быть об оплате!

Алисия возмутилась абсолютно искренне. Но в глазах Лилиан Иртон прыгали веселые чертики.

– Я а деньги и не предлагаю.

– А...

– Папа, не смотри, пожалуйста.

Август фыркнул и подошел к окну, подзорная труба казалась игрушкой в его руках.

Лиля откинула крышку у одного из сундуков.

– Как вы думаете, ваше сиятельство, сколько это будет стоить, когда появится на рынке?

Алисия только ахнула.

Кружевные веера, перчатки, сумочки, которые удобно повесить на запястье, нечто вроде...

– Это что?

– А это для семейных пар. – Лиля усмехнулась, видя, как Алисия багровеет, начиная понимать, куда надеваются эти кружевные трусики. Пока нечто вроде кружевных шортиков на завязочках. – Полагаю, мужья будут счастливы видеть своих супругов в этих скромных вещичках... Ну, или хотя бы любовниц. А жены сами подтянутся.

– Это же непристойно!

– Почему? Я же не предлагаю в этом по улице разгуливать.

Пока. А потом посмотрим.

– Или вот это...

Лиля вытащила из сундука нечто и встряхнула. Алисия восторженно ахнула.

Кружевное платье.

Хотя нет. Это не целое платье. Это скорее...

– Чехол. Надевается поверх платья, смотрится весьма неплохо. Кстати, у меня есть такой и для вас. Я плохо представляла ваш размер, но подгоняется он в течение дня-двух.

– Это слишком роскошно, – покачала головой Алисия.

– Для графини Иртон?

– Их высочества...

– Могут позавидовать? Для них тоже есть такие же. Я предусмотрела этот вариант. – Лиля была невозмутима. – И учтите, дорого это будет только сначала. Потом же... Чтобы связать это платье, – Лиля непочтительно встряхнула накидку, бросила на стул, – понадобилось примерно десять дней.

– Как?

– Разделение труда.

– Э...

Это понятие было незнакомым для Алисии. Да и сама Лилиан тоже. Она двигалась, говорила, а Алисию не оставляла мысль, что все продумано. Все здесь делается по желанию Лилиан Иртон. И она сама, не замечая этого, действует по ее плану.

Неприятно.

Но такова жизнь.

- Это когда изделие разбивается на десять частей. Одна мастерица вяжет только рукава, вторая – спинку, третья – подол, десятая соединяет, и радуемся жизни.

Алисия только головой покачала.

- Очень красиво. Но стоит ли сбивать на эти изделия цену?

Лиля пожала плечами.

- Это не то шило, которое можно утаить в мешке. Нет, моя идея глубже. Пусть нам подражают. Я хочу, чтобы мои мастерские всегда были впереди. Все, кто придут, последуют за нами. А мастерские «мариэль» и кружево «мариэль» станут знаком качества.

Алисия подумала. И оценила. Действительно, повторить можно. А вот превзойти – далеко не сразу. Да и Лилиан не станет останавливаться на достигнутом, если не...

- А как к этому отнесется Джерисон?

Лиля вскинула брови.

- Пусть лучше думает, как я отнесусь к его любовницам. Да и все остальное... Нам найдется о чем поговорить при встрече.

Судя по лицу женщины, коса нашла на камень. И Алисия не стала углубляться в эту тему.

Вместо этого она поинтересовалась, как все намерены размещаться в ее домике, да и добираться туда – вряд ли на кораблях привезли коней.

- Эту проблему мы решим, – отмахнулся Август. – Корабли отгоним к моим верфям, тут не так далеко, а там уже найдутся и рабочие руки, и телеги, да и кареты могу нанять.

- А я пока отправлюсь в поместье, – вслух подумала Лиля. – Посмотрю что там и как.

- Тебе по-прежнему плохо на корабле?

Август выглядел вполне понимающим.

Лиля вздохнула:

- Когда он не плывет – терпимо. Но лишний раз себя мучить... зачем? Вот Миранда поплывет. Ей море нравится. Да и Амир ее обожает.

- Амир?

- Амир Гулим. Ну, принц Ханганата. Они с Мири нашли общий язык.

Алисия только головой покачала.

Ладно. Время еще будет. И поговорить, и разобраться. Вряд ли Лилиан Иртон сильнее нее в дипломатии. А пока...

- У меня есть два экипажа. И я могу приказать слугам Джерисона. У него несколько карет.

- Отлично.

И разговор плавно скатился на обсуждение переездов и перевозок.

Этим же вечером Лиля сидела у камина. Настоящего, теплого, уютного. Потрескивали дрова, играли языки пламени, и женщина чувствовала себя если не счастливой, то уж точно не несчастной.

Поместье Алисии ей понравилось. В меру большое, но не такое раздутое, как Иртон. Очень уютное, аккуратное, только немножко заброшенное – хозяйка-то во дворце и

днюет и ночует...

Пока здесь была только она.

Еще десяток вирман (Лейф наотрез отказался отпускать графиню куда-либо без охраны), Лонс (с возмущением: никуда я, графиня, от вас не отойду), Марта (никуда я свою девочку одну не отпущу! Да и для Мири надо комнату приготовить...) и Алисия.

Да, вдовствующая графиня отпросилась на пару дней из дворца и приехала с Лилиан. И женщина подозревала, что не просто так.

А вот и...

Тихие шаги за спиной.

- Не возражаете, если я составлю вам компанию?

- Прошу вас, графиня.

Алисия опустила в кресло рядом с Лилиан. На столике, словно по мановению волшебной палочки, материализовались бутылка с вином и два высоких бокала. Лиля взяла один из них, свежеподаренный, покрутила в руках, и огонь заплясал отсветами в причудливо изломанных гранях.

Некоторое время обе женщины молчали. Потом Лиля все-таки решила облегчить Алисии жизнь. Все равно ведь возникнут расспросы. Так что будем поворачивать их в нужное русло.

- Ваше сиятельство, я вас удивила?

- Очень.

- А еще его величество наверняка будет расспрашивать обо мне.

Алисия коротко рассмеялась.

- И это тоже. Но я спрашиваю не из пустого интереса.

- Понимаю. По незнанию можно навредить намного сильнее.

- Правильно понимаете. Я не ожидала такого...

- Преображения? Все верно. На свадьбе... Вы видели хоть одну женщину, которая была сама собой в день свадьбы?

Алисия едва не фыркнула. Ага, как же! Она и сама... Хотя их свадьба с Джайсом и была чисто «для ширмы», но волновалась же! Да еще как! А Лиля...

- Вот и я чуть с ума не сошла. Мы же до свадьбы и не виделись. Ни поговорить, ни подумать, я вся в расстроенных чувствах, меня всю трясет... После свадьбы супруг напился в хлам... А потом меня просто сослали в глушь. И наезжали раз в три месяца.

Алисия сочувственно кивала. Хотя на самом деле... Был у старой гадюки такой грех. Никому она не сочувствовала. А с чего?

Вот взять ту же Лилиан Иртон, в девичестве Брокленд. С чего ей сострадать? Красавица, далеко не дура, из семьи... пусть безродной, но все-таки не на помойке росла, а вышла замуж за графа, отец на руках носит. Муж не любит? Так Джес и не изверг. Что ты сделала, чтобы он тебя полюбил? Шелками вышивала? Ну-ну...

А вот представьте себе другое.

Не красавица. И никогда не будет. Тощая, страшная, со слишком узкими бедрами, то есть детей быть не может. И бесприданница. Вообще. Отец - игрок и мот, мать - забитая клушка, прячущаяся в углу от жизни, братья... так, про братьев лучше и не вспоминать. Это Джайс их сумел отвести быстро и решительно. А девичество Алисии они подпортили основательно.

Отец ее даже ко двору не вывозил. К чему? Хорошо хоть в город привез. Но и в городе... Сиди дома и не дергайся. Разве что в лавку сходить. Да, не подобает. Но прислуги у Алисии не было вообще. Отец считал, что бабы и сами одеться-умыться могут. И не собирався оплачивать слуганок. Так что в лавку бегала Алисия. А готовила ее мать. Все равно отец дома только пил да похмелялся.

Знакомство с Джайсом было невероятной удачей. Для Алисии. Но не для графа Иртона, как она узнала потом.

Она как раз бежала из лавки. Споткнулась, подвернула ногу и пребольно ударилась о камень. Сидела прямо в грязи, и слезы лились потоком. Тут-то на нее и наткнулся Джайс.

В отличие от своего сына Джайс всегда старался неплохо относиться к людям. Не из благородства, нет. Но люди лучше работают, когда им оказываешь внимание и уважение. Алисия часто это потом слышала. А на вопрос – почему ты тогда остановился, Джайс пожал плечами. Мало ли кем окажется девчушка. Любая информация – это хлеб. Любой человек – это уже польза. Может, не сейчас, в будущем. Так что с того?

Джайс запасал людей впрок.

Но тогда Алисия этого не знала. Она разревелась и все выложила мужчине. Про бедность, про родных, про себя... Джайс слушал внимательно. Потом вытер слезы девушке, накормил вкусными пирожками и проводил до дома. А через два дня явился сам. С визитом. И изложил все честно.

Алисия бесплодна – он тоже. Ей нужно спокойствие и безопасность. Ну и деньги. Он это даст. А ему нужна тайна и признание для детей сестры. Родные в курсе. И если Алисия будет так добра...

Алисия была добра.

А еще Джайс был красив. Ведь и кошка может мечтать о принце. И вот, мечта сбылась. Но каким извращенным образом! Влюбленной по уши Алисии предлагали то, чего она хотела. И даже мужчину. В которого она по-девичьи влюбилась. Но...

Она станет не женой. Не любовницей. Всего лишь официальной ширмой.

Больно?

Очень.

Чего стоило Алисии смирить свою гордость, собрать себя в кулак и ответить, что если милый Джайс так пожелает, то при определенных условиях...

И не год, не два, а много-много лет смотреть на чужих детей (это могли бы быть ее дети), на любовь Джайса к сестре (ее никогда так не полюбят), на счастье, которое рядом, а ведь не достанешь. Даже был с ней Джайс только один раз, чтобы скрепить брак, и все...

Только спустя много лет, разбирая бумаги погибшего мужа, она узнала, что Джайс давно ее приглядел. И даже специально караулил и искал встречи.

Нравится?

Да от такой жизни червяк озверееет! А Алисия была далеко не червяком. Вот и стала гадюкой.

А что случилось с Лилиан Иртон?

Алисия и не догадывалась, что Лиля это примерно понимала. Да, всей истории она не знала, только вот... Алисия – неплохой человек. И не от хорошей жизни она так озверела. И капельки зависти к Лилиан Иртон в ее взгляде проскальзывали. Никуда не денешься.

– Наверное, бывает и похуже.

Лиля смотрела спокойно. Она и была спокойна. Ей важен отец. Но, поскольку он ее признал, Алисия становилась элементом важным, но не жизненно необходимым. А

потому надо произвести положительное впечатление, но, даже если не получится, не страшно. Алисия все равно будет опекать и защищать ее. Просто потому, что Лилиан – Иртон. Любые пятна на Лилиан – это пятна и на самой Алисии.

– Наверное. – Алисия кивнула, отпивая глоток вина из бокала. – Я ведь не теряла ребенка, но мне говорили, что страшнее этого горя...

– Потеря ребенка, да... – Лиля покатала вино в своем бокале, отметила, что форма тюльпана неплоха. Но завиток сверху определенно лишний. – Знаете, есть вещи и похуже. Хотя бы для меня.

Алисии даже не пришлось изображать внимание. Она подозревала, что будут жалобы на мужа, невнимание, непонимание, но то, что прозвучало дальше, ее просто поразило.

– Самое худшее, это когда ты есть, а тебя и нет. Вообще.

Лиля полюбовалась недоумением на лице свекрови и соизволила разъяснить:

– Я ничего не значила для своего мужа. Он уже получил верфи и собирался получить наследника. А я... я всего лишь придаток. Я даже распоряжаться не умела. А и умела бы – много надумаешь под дурманом? Слуги этим пользовались вовсю. Мне повезло. Да-да, после выкидыша мне опасались давать дурман. Рядом со мной была верная Марта. И только она одна защищала меня, оберегала, поила, выносила горшок... Много ли может старушка? А она вся выкладывалась.

Подслушивающая за дверью Марта запихала себе в рот передник, чтобы не всхлипнуть. По морщинистому лицу катились слезы.

– Я люблю Марту, как родную мать. Да она, по сути, и есть моя мать. Мариэла Брокленд подарила мне жизнь. Марта выходила меня, фактически сделав то же самое. У меня две матери.

Дальше Марта не слушала. Она стремглав бросилась в свою комнату и там расплакалась. Лилюшка, родненькая моя, золотко мое. Солнышко мое родное...

Как часто мы молчим о своей любви и надеемся, что любимые догадаются? А они ведь не заглядывают в наш разум, и, когда уходят, мы понимаем – недолюбили. Недоговорили о своей любви.

– А тогда... я очнулась. Мне было безумно плохо. Несколько дней я вообще не знала, выживу ли. А теперь представьте – я, вся больная насквозь, спустилась вниз, мне даже воды подать было некому, мне безумно хотелось пить... Марты не было, слуг не дозовешься... Еще бы! Слуги все были на кухне. Пили вино, тискали служанок, смеялись – им было наплевать на меня. Жива я, умираю, есть я, нет меня... Меня могло бы и не стать – это ничего не изменит. И в этом была виновата только я сама. Они развлекались. А я умирала. И никто, никто... никого рядом, кроме женщины, которая любит меня безоговорочно.

Алисия вздохнула. Вот так. А у нее и такой Марты нет. А жизнь прошла, почти прошла...

– Я тогда впервые вышла из себя. Я и не знала, как это бывает. В глазах красный туман, руки дрожат... Наорала на всех, разогнала пирушку... А потом лежала в кровати и думала. Слуги суетились, я смотрела на них и клялась, что никому, никогда не позволю обращаться со мной как с пустым местом. Просто не позволю. Пройду по огню, съем живую жабу, научусь тому, чего раньше не умела, – я все сделаю, но так больше никогда не будет! Никогда!

– Получилось? – Алисия спросила, а потом поняла глупость своего вопроса. – Ну да. Но вот ты стала именно такой. А что дальше?

– Дальше? Дальше – выше, – рассмеялась Лиля, вспоминая читанные когда-то «Хроники Нарнии». – Только вперед. Дальше и выше. Я хочу получить свой собственный титул за заслуги перед государством. Это первое. Я хочу открыть свои производства под защитой короны. Это второе. И конечно, наладить отношения с мужем. У нас многое не складывалось, но это кружево плели мы оба.

- Хорошо, что ты это осознаешь. - Алисия перевела дух.

Эта новая Лилиан ей нравилась. Но женщина понимала, что, если они сцепятся с Джесом, Алисия тоже ведь пострадает. Нейтральных в этой войне не будет. И победителей - тоже.

- Отлично осознаю. Джес не сделал мне ни шага навстречу. Но ведь и я тоже не идеальная жена...

- Хотя можешь ею стать.

- Если рожу наследника, а лучше близняшек, и тихо умру.

- Зря ты так.

- Не зря. Это был бы идеальный вариант. Но я на него не согласна. Странно, правда?

- Очень странно. И.... называй меня Алисия?

- Хорошо. Полагаю, мама - это явно не то. Особенно для такой молодой и симпатичной женщины.

Алисия сверкнула глазами. Но Лиля выглядела абсолютно спокойной и искренней. Она не лгала. И действительно, по меркам двадцать первого века Алисия была вполне симпатичной. Не слишком высокая, очень стройная, тонкокостная, изящная... да и лицо... Не красавица. Но, если придать форму бровям, правильно подкрасить глаза и наложить помаду, будет очень своеобразно. Этакая настороженная хищная птица.

Кажется, вдовствующая графиня это поняла и кивнула.

- А я буду называть тебя Лилиан.

- Лиля. Для близких именно так. Для *самых близких*.

Женщины понимающе переглянулись. Границы были обозначены, и приоритеты расставлены.

Одной нужно сохранение статус-кво и укрепление положения при дворе. Второй же - титул и деньги. И семья. Эти цели совместимы при должном упорстве и усердии. Так что можно подумать и о насущном. Например...

- Знаешь, Лиля, тобой надо заняться всерьез. Загар недопустим для благородной дамы, волосы надо лбом желательно выщипать, щеки чуть тронуть белилами.

Лиля покачала головой. Ни слова, но вполне отчетливое отрицание.

Я достаточно уважаю вас, чтобы не спорить, но делать все вышеизложенное не стану.

- Лилиан?

- Я не буду подчиняться интересам моды, - пожала плечами женщина. - Я хочу ее создавать.

- Вот как? - прищурилась Алисия. - Метим в королевские фаворитки?

Лиля усмехнулась.

- Нет.

- Тогда ничего не получится. Моду задает сейчас баронесса Ормт.

- Близкая подруга его величества?

Алисия кивнула с улыбкой. Умница Лилиан. Ничего объяснять не надо.

- Полагаю, мне надо познакомиться с баронессой. А подружиться?

- Принцессы ее очень не любят.

- А его величество любит своих дочерей?
- И сильно. Баронесса для него всего лишь игрушка, как и для всех мужчин. А дочери...
- Память о любимой женщине?
- Да. Джессимин. Хотя не могу понять, что все в ней нашли?
- Она была красива?
- Да. Но при этом глупа, беспомощна...

Лиля фыркнула.

- Алисия, исходя из своего опыта, я могу сказать так. Мужчины любят тех, о ком надо заботиться. Сильные и умные женщины обязывают. Если рядом с тобой львица, придется стать львом, а не козлом. А с козочкой проще. Травки и молочка, и все. Ну и кого выберут?
- Ты умна.
- Я стараюсь. А кто у нас еще задает моду кроме баронессы? Не может же у нее не быть соперниц?
- И абсолютно права. Герцогиня Тарнес.

И разговор ушел в перечисление титулов, связей, обсуждение друзей и врагов.

Женщины заключили пакт о ненападении. Друг на друга. А вот насчет всего остального мира разговоров не было.

Следующее утро для Лили началось с приятного визита.

- Доложите госпоже, что прибыл Ганц Тримейн.

При этом известии отступила даже головная боль. Лили взвизгнула от радости и вылетела из столовой, где после вчерашнего пыталась впихнуть в себя простоквашу.

Нет, она не напилась. Но голова трещала, как сырые дрова. Она уж и забыла, когда приходилось так напрягаться. Последний раз, наверное, еще когда она была Алей Скороленок. А теперь вот...

- Лэйр Ганц! Как я рада вас видеть!

Ганц Тримейн по всем правилам раскланялся, поцеловал графине ручку, сделал комплимент...

Алисия Иртон еще отдыхала. Поэтому Лили пригласила Ганца за стол и принялась расспрашивать. Мужчина принял предложение без всякого стеснения и с удовольствием стал расправляться с завтраком.

- Уж простите, графиня. Я к вам выехал, даже не позавтракав.
- А к чему такая спешка?
- Хотелось поговорить. До того, как вас представят ко двору.
- Слушаю, лэйр Ганц.
- Вы помните про этого... Алекса, кузена леди Вельс?
- Помню, - помрачнела Лили. Поди, забудь. Шрам до сих пор побаливал. - Его же казнили?
- Да. А вот это...

Перед женщиной на стол легла стопка писем.

– Что это?

– А вы почитайте...

Лиля послушалась, и уже на третьем письме выругалась.

Ну да. Перед ней были доказательства. Доказательства того, что ее покушение готовили и Алекс, и Аделаида вместе. Что бы там кто ни говорил. Она писала чуть ли не приказом. Он отвечал (тут не было оригиналов, только черновики) подробными отчетами: кого, когда, за сколько и за что именно...

– Очень мило. Лэйр Ганц, что вы хотите с этим сделать?

– Что хотел, я уже сделал. И хотел бы... Ваше сиятельство, вы человек прямой, уж позвольте и мне напрямик?

Лиля кивнула.

– Вы когда попадете ко двору, его величество вас так просто не отпустит. Наверняка.

– Да уж кто бы сомневался.

– А ведь вы наверняка захотите свой дом, делами опять же заниматься...

– И?

– Ваш отец искал для вас человека, который будет заниматься тем же, чем я сейчас на королевской службе.

– Он пока мне никого не представлял. – Лиля посмотрела на письма. На Ганца. И ее озарило. – Так вы...

– Да. Хотел бы. А это...

– Я так понимаю, это не взятка. А подарок в расчете на мое доброе отношение, – усмехнулась Лиля. – Кто еще про эти письма знает?

– Никто. В королевских тюрьмах палачам специально уши воском заклеивают, чтобы чего не надо не слышали. А не то...

Лиля кивнула.

– А почему вдруг? Лэйр Ганц, я все понимаю, вы человек умный, сильный.

– Да. И хочу жить долго и счастливо. Дом хочу, семью, детей... На королевской службе это невозможно. Да и уходят с нее только вперед ногами.

– А на моей – возможно?

– Ваше сиятельство, – Ганц был серьезен, – я ведь ненамного старше вашего супруга. А повидал столько... У меня половина головы седая. Вы женщина щедрая и неглупая. Я хочу вам предложить вот что. Я десять лет на вас работать буду. Не за доброе слово, нет. Но знаю, своих вы не обидите. За эти годы я вам людей и подберу, и обучу всему, что сам умею. А когда срок пройдет, хочу уйти. Уехать в тот же Ханганат, жениться, детей растить, умереть в своей постели, а не от удара ножом в спину в подворотне.

Лиля кивнула. И задумалась.

Ганц – профессионал. И ее бы устроил со всех сторон. Но...

– Как я могу доверять вам? Вы можете служить королю, а потом уже мне.

– А мы все служим сначала короне, а потом людям, ваше сиятельство.

– И все же...

- Про эти письма король не знает.

Лиля вздохнула. Тяжелое решение. И опять на ее плечи. И не подскажут, и не помогут. Что же делать? Что делать? Впрочем, долго наша героиня не думала.

- Хорошо. Я познакомлюсь с людьми, которых нашел для меня отец. Это обязательно. Он старался, и я не хочу его обидеть. Если никто из них меня не устроит, я буду говорить с его величеством. И если он одобрит ваше назначение...

Ганц Тримейн кивнул. Кажется, это было больше того, на что он рассчитывал.

- Ваше сиятельство, я надеюсь, письма...

- Какие письма? - сделала невинные глаза Лилия. - Лэйр Ганц, я никаких писем и в глаза не видела.

Мужчина и женщина переглянулись и дружно рассмеялись.

- Лэйр Ганц, надеюсь, вы задержитесь у меня в гостях? Миранда будет рада вас видеть, да и я хотела бы пообщаться...

- Разумеется, ваше сиятельство. Как я могу отказать такой очаровательной женщине.

Лилия сморщила нос.

- Комплимент принят. Вот и не отказывайте. Кушайте, а после завтрака будем разговаривать.

- Ваше сиятельство, я могу...

- Нет-нет, говорить о ваших придворных на голодный желудок? Никогда! Я же пищеварение себе испорчу!

- Двор будет от вас без ума.

- Судя по рассказам Алисии, они там от рождения без ума. Половина. А вот о второй половине и хотелось бы поговорить.

- Алисии?

- Моя свекровь.

- Старая гадюка вас признала? Это дорогого стоит.

Лилия покачала головой. Она не обольщалась насчет своего искусства интриги.

- Нет. Она не то чтобы признала... она мне не друг. Но и не враг. Я могу принести пользу, и поэтому пока она будет меня поддерживать. Но если я буду творить что-то, что поставит под удар моего мужа... ну или вообще семью Иртона...

- Вы же не будете, ваше сиятельство?

Лилия пожала плечами.

- Своего мужа я люблю. Но если он опять намерен обращаться со мной, как с бессловесной куклой... Вам бы такое понравилось?

Лэйр Ганц качнул головой.

- Вот. Я понимаю, есть женщины, которые без посторонней помощи и хлеба не купят. Но я-то не такая. И надеюсь, что граф Иртон это поймет.

- Я тоже на это надеюсь.

Ганц Тримейн кивнул скорее своим мыслям.

Граф Иртон должен понять, что не стоит мешать жене и ее планам. А не то ведь... Нет, убивать его Ганц пока не собирался. Но все в воле Альдоны, милостивого и

всевидающего. И точка.

Завтрак.

И надо действительно пройтись с графиней по списку придворных. Хотя бы по основным. Чего ждать, от кого ждать...

Примерно к полудню к болтающим Лиле и Ганцу присоединилась Алисия, и обсуждение придворных затянулось чуть ли не до четырех часов. Потом Лиля взвыла, требуя отдыха кипящему мозгу, у Ганца и Алисии нашлись неотложные дела, и все разошлись из кабинета.

Этот разговор состоялся вечером.

- Ваше величество...

- Госпожа графиня Иртон, я рад вас видеть. Что случилось, Алисия? Вас не было вчера на приеме.

- Ваше величество, приехала моя невестка.

- Вот как? Лилиан Иртон в Лавери?

- Да, ваше величество.

- Почему она до сих пор не здесь?

- Ваше величество, я прошу для нее отсрочки на три дня.

- Отсрочки?

- Лилиан только что с дороги, а она отвратительно переносит морские путешествия.

- Как и Август... Понимаю.

- Ей надо чуть отдохнуть, привести себя в порядок и уже тогда явиться к вашему величеству...

- Вы правы, графиня. Пожалуй, я пошлю ей приглашение на малый прием, который состоится через три дня. Этого времени будет довольно?

- Более чем, ваше величество. Моя благодарность так же безмерна, как и ваше великодушие.

- Что вы, графиня. Вам ли льстить мне.

- Это не лесть, ваше величество! Это чистая правда!

Эдоард улыбнулся. Может быть, и лесть. Но приятно же.

- Графиня, расскажите мне о своей невестке. Полагаю, вы уже успели побеседовать и составить первое впечатление?

Алисия на миг задумалась. Но потом улыбнулась и опустилась в предложенное кресло.

- Ваше величество, моя невестка - человек очень интересный. И неоднозначный. Вы еще расспросите ее сами. - Осторожно, очень осторожно, чтобы усилить интерес и дать понять, что не стоит давить.

- И все же? Например, чего она боится?

- Полагаю, больше всего ее пугает возможность стать безвольной игрушкой в чьих-нибудь злых руках.

- Почему вдруг?

– Как я поняла из ее рассказа, даже слуги не уважали ее. Впрочем, она никого в этом не винит, понимая, что всегда, в любой семье, в любых разногласиях виноваты двое.

Эдоард кивнул. Это хорошо. Скандал и развод были ему не нужны.

– Лилия выразила надежду, что они с мужем найдут общий язык. Но в то же время она боится.

– И для этого есть основания?

– Возможно. Ваше величество, я говорила с ней. Лилиан умна, воспитанна, это яркая и незаурядная личность... Такие качества одновременно не приобретешь. Почему же мой сын не разглядел их и отправил жену в Иртон? Из-за внешности?

Эдоард задумался.

– Джесу вообще не слишком хотелось жениться.

– Он исполнял свой долг. Но как вышло, что он не разглядел в своей постели такой бриллиант?

Его величество только головой покачал:

– Не знаю. Лилиан это как-то объяснила?

– Она сказала, что была в шоке. Свадьба, брачная ночь, быстрый отъезд...

– И поэтому они с Джесом даже не попытались поговорить?

– Август упоминал, что Джес иногда поддается своему... самодурству.

Больше Алисия ничего не сказала. Но Эдоарду хватило. Действительно, Джес уже на свадьбе был разочарован, ибо жена оказалась на порядок хуже портрета, поэтому и брачная ночь могла пройти довольно резко, а там...

М-да.

– Я могу понять графиню. А вы можете объяснить ей, что жена должна следовать за мужем, но, – тут в глазах Эдоарда заиграли веселые огоньки, – иногда возможны и исключения. Не так ли?

– Ваше величество, вы, как всегда, мудры. И справедливы.

– Надеюсь на это. Ведь король – первый на земле после Альдоная.

– О да, ваше величество.

– А теперь расскажите мне, чего желает ваша невестка, к чему она стремится, о чем мечтает, думает?

Алисия подбирала слова весьма осторожно. Но Эдоард все равно удивился.

– Производство?

– Лилиан показывала мне кое-что из своих изделий. Ваше величество, в том, что касается стекла, кружева... я бы сказала, что такие вещи надо поощрять.

– Например?

Алисия достала из сумочки маленькую игрушку. Лилия сама делала. Да, сложно. Но при должном старании, умении, хорошем стекле, а главное, когда не в первый раз... Стекланная кошечка с бантом была выполнена не из самого лучшего стекла – на взгляд Лили. Не совсем тот оттенок, можно бы и получше, поизящнее, но Алисия восхитилась искренне. Кошечка вышла с розоватым отливом, большим бантом и изящно завернутым хвостиком.

– И это все?

- Остальное Лилиан хотела показать вам, и только вам. Но это стоит внимания, ваше величество.

Эдоард кивнул.

- Я посмотрю. Хотя и такие поделки весьма милы.

- А сервизы из стекла? А окна? Зеркала?

- Целые окна?

- Лилиан не объясняла мне, но я так поняла, что, если ее мастерам дать деньги и простор, они могут сделать стекло ростом с человека.

Алисия развела руками.

Эдоард задумался.

- И что же хочет графиня Иртон?

- Она понимает, что такие дела должны принадлежать государству. И готова предоставить мастеров, объяснить, показать, помочь наладить...

- Разумеется, небескорыстно?

- Недаром ваше величество первый на земле после Альдоная, - усмехнулась Алисия.

- Полагаю, вознаграждение в тридцать процентов прибыли первые лет пятьдесят - это вполне щедро?

Услышь это Лиля, сделала бы большие глаза и присвистнула. С ее-то планами! Да она через десять лет на золоте спать будет. Если захочет. А то холодно, жестко и попа замерзнет.

Но и Эдоард считал такое разделение справедливым. Да, мастерские будут на его земле. За королем охрана, за королем материалы, работники, грубо говоря - база. Но знание и идея...

Сколько они могут стоить?

Иногда они бесценны.

- И это все?

- Нет, ваше величество. Еще моя невестка хочет для себя титул.

- Вот как? Зачем?

- Барон Брокленд - ненаследный барон. Во втором поколении...

- А Лилиан хочет, чтобы ей, как третьему поколению Броклендов, дали титул и он стал наследным?

- Да. Она останется графиней Иртон. А потом, если все будет благополучно, титул Броклендов перейдет к ее второму сыну.

- Разумно.

- Или к тому сыну, который унаследует способности деда. Лилиан сказала, что восхищается отцом и хотела бы, чтобы династия корабелов...

- Можете не продолжать. Что ж, мне это нравится. Если ваша невестка сможет доказать свою пользу короне, будет ей титул.

Алисия улыбнулась. В принципе Лилиан Иртон просила немного. Титулы ничего не стоят королям. А земли у Августа уже есть.

- Более того, если она подтвердит свои авансы, я дам ей доверенность на управление

Броклендом.

– Ваше величество?

– Ее изделия обещают многое. Вот и посмотрим. – Король чуть улыбнулся. Ничего неприличного он в виду не имел, и зря Алисия так встревожилась. Эдоард считал, что ему и так крупно повезло в жизни. У него была любовь и счастье. Мало? Невероятно много. – Август не вечен, и после его смерти поместье должно будет кому-то перейти. Ну так вот. Я сделаю титул Броклендов наследуемым, и пусть Лилиан Иртон управляет поместьем до совершеннолетия сына, которому его передаст.

– Ваше величество, это так щедро...

– Корона не скупится там, где речь идет о ее *верных и преданных* слугах, – Эдоард чуть улыбнулся. – Что еще вы можете рассказать о Лилиан?

– Алия, милая, как ты?

Амалия, изрядно подурневшая на последних месяцах беременности, посмотрела на мужа.

– Вот так. Как корова.

– Ты стала еще прекраснее, милая. Поверь мне.

Амалия скривилась, но спорить не стала. Она видела, что безобразно растолстела, что по лицу идут противные пятна, а отеки превратили некогда стройные ноги в тумбы. Но скоро уже рожать, очень скоро.

С первыми детьми такого не было.

Может быть, это из-за перерыва? Но... Ладно, не надо сейчас об этом.

Женщина коснулась рукой живота. Ребенок тут же ткнул ее ножкой.

– Скоро рожать. Срок уже пошел на дни.

– Милая, я выписал тебе самых лучших докторусов. Чтобы они были неотлучно рядом с тобой.

Амалия кивнула.

Она слушала мужа, смотрела на него. Милый Питер. Такой добрый, такой любящий, такой...

Такой – не тот.

Следующие три дня загородное поместье Алисии превращалось в филиал дурдома. Быстро и верно.

Дом поделили на несколько частей, и все устроились группами. Вирмане, ханганы, Лиля со своими людьми. Вся эта масса народа шумела, ругалась, тут же мирилась, искала шестьдесят две совершенно необходимых вещи, наскоро отмывала особняк. Если бы Лиля не понимала, что это ненадолго, точно бы плюнула и сбежала до ближайшей границы.

Потому что ей доставалось за все и от всех.

Во-первых, за нее серьезно взялись Марсия с подругами. Девушки твердо были уверены, что графиня, *их* графиня должна блистать. Поэтому надо пересмотреть платья, еще раз подогнать, а то бедная графинюшка так похудела за время путешествия на корабле, что просто ужас! Это же столько переделывать...

Во-вторых, с Марсией упоенно ругалась госпожа Тримс. Местная лаверийская супермодистка. Только вот те времена, когда девчушки дрожали от каждого рыка своей хозяйки, давно прошли. Все Лилины мастерицы осознавали, что они – уникальные специалистки. И готовы были отстаивать свое мнение. Поэтому перья и банты летели во все стороны.

Лейс и Лейф на пару, как два сиамских близнеца, гоняли своих воинов. Как-никак, личная дружина графини Иртон, а не хвост кошачий. Все должно блестеть и сиять. И возражения не принимались.

Ханганы тоже не собирались ударить в грязь лицом, поэтому в их часть дома перебрался весь наличный состав посольства. И после кучи поклонов и восхвалений там началось почти то же, что и у Лили. Только тут в качестве жертвы выступал Амир Гулим. Он собирался ко двору чуть позже Лилиан. Дня на два, на три. За меньшее время подготовить весь церемониал не получалось. Но ханганы честно пытались, вводя всех окружающих в состояние оцепенения.

Пыталась удрать на конюшню от суматохи Миранда, но куда там. Лиля лично отловила малявку и заявила, что если она идет ко двору, то и Мири идет ко двору. И плевать, насколько это не положено.

Алисия подумала было, но возмущаться не стала. Пусть. Там есть Анжелина и Джолиэтт, может быть, с ними у Миранды отношения сложатся лучше, чем с Сэсси и Джесом Ивельенами.

А еще были лекари, которым надо было уделять время, Лидарх, который неплохо перенес морское путешествие, но тоже требовал любви, внимания, понимания и прогулок, мастера, которых устраивал у себя Август...

Но рано или поздно кончается все. И вечером третьего дня Лиля обнаружила себя сидящей в том же кресле у камина.

Подошла Мири, ткнулась головой под мышку. Привычно забралась на колени, и Лиля приобняла девочку. Улеглись рядом на ковер собаки. Прибежал откуда-то один из мангустов Тахира и тоже свернулся клубком на каминной полке, свесив хвост.

Женщина и девочка долго молчали, наслаждаясь тишиной.

– Мама, я боюсь.

– Чего, маленькая моя?

– Завтра с утра нам ко двору, там же король.

– И что? С принцем ты уже знакома.

– Амир... он хороший.

– И его величество Эдоард – тоже, честное слово.

– А меня там точно не обидят?

Лиля рассмеялась и поцеловала малышку в нос.

– Мири, милая, рядом с тобой буду я, рядом с тобой будет Ляля, а еще наши люди, и у тебя даже есть нож, и ты умеешь им пользоваться. Так кто рискнет тебя обидеть?

– Сэсси и Джес надо мной все время смеялись.

– Пришла твоя пора взять реванш.

– А ты точно меня защитишь, если что?

– Обещаю. Никто тебя не рискнет обидеть. А если кто-то рискнет, я его сама прикончу.

– Честное слово?

- Ну, барона Донтера мы ведь прибили?

Мири сильнее прижалась к женщине.

- Лиля, ты хорошая.

- Ты у меня тоже замечательная малышка. Я тебя очень люблю. И никому никогда не позволю обидеть.

- Честное графинское?

- Честное графинское.

Джерисон стоял на палубе и смотрел на воду. Настроение было неплохое. Корабли ненадолго причалили в одном из портов Уэльстера, чтобы взять свежих продуктов. Можно бы сходить, развеяться, но сегодня как-то не тянуло на подвиги.

Тянуло поваляться на кровати, возможно, сыграть даже партию в клетки...

Темную тень Джес заметил, только когда та метнулась к нему из-за мачты. Реакция мужчины была мгновенной.

Перехватить занесенную руку с ножом, вывернуть ее, добавить удар в живот и подсечь ноги.

Если бы все прошло удачно, нападавший оказался бы лежащим на палубе, будучи не в силах сопротивляться. Но - увы. Кто бы это ни был, он тоже оказался не лыком шит, и от одного удара падать не собирался.

Мужчина резко извернулся, уходя от удара по ногам, и в свою очередь сделал подсечку. Джерисон тоже увернулся, ответил, разворачивая нож к убийце, и понял, что его усилия не пропали даром. Тело аккуратно опустилось на палубу.

- Твою...!

Джерисон, хоть и граф, но не сдержался, завернув шестиэтажную конструкцию.

При неловком движении убийца напоролся на собственный нож. Как неудачно, а?

Палуба быстро заполнялась народом, явился герцог Фалион и быстро расставил всех. Принца и графа - по каютам, матросов - по местам, придворных - куда подальше, капитана - на допрос, труп осмотреть и за борт...

Почему так?

Ну, служба сыска здесь еще не родилась. По виду мужик был типичным портовым отребьем. Найти такого за время стоянки нереально. Узнать, кто его нанял, - тем более. Да и довериться тут некому. Чужая страна, чужой город...

Никто не пострадал? Вот и ладненько. В следующий раз умнее будем. А если сейчас нажаловаться градоправителю - вдруг этот тип искал, чем поживиться, а на графа случайно наскочил? По пути.

Все может быть, ибо ничего не докажешь.

Джерисон был недоволен, но и ввязываться в долгие дипломатические разборки не хотелось. Надо быть осторожнее. Неужели кто-то действительно пытался его убить?

Невероятно!

И кому это надо?

Нет, в это просто нельзя верить...

Или это как-то связано с тем, что происходит дома?

Ничего не понимаю. А точнее – недостаточно данных для построения исходной версии.
От предположений можно рехнуться – слишком их много.

Одним словом, осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

Глава 3

Мы к вам приплыли на прием... Привет! Бонжур! Хэллоу-у-у-у-у!

Лиля хоть и успокаивала ребенка, но сама все равно нервничала. И только железная выдержка хирурга позволяла ей казаться спокойной. Так что Алисия только головой покачала.

Лиля шутила с Мирандой, гладила собак, спорила с Лонсом, грозила пальцем Амиру в ответ на его комплименты и графине и ее «ослепительной, словно ласковое утреннее солнце, дочери». Короче вела себя как и всегда. И радовалась, что на ней тоненькие кружевные перчатки. Ногти грызть в таких не получалось. Абсолютно.

Итак, дворец его величества Эдоарда Восьмого, а до него и еще семи Эдоардов.

Какой же он?

Лиля в жизни не бывала во дворцах, и ее первым впечатлением оказалось – замок. С привидениями и драконами. И обязательно башнями. Если бы женщина хотя бы немного увлекалась историей в своем мире, она бы решила, что дворец напоминает Хемптон-Корт. Только построенный из белого кирпича и не настолько расширенный. Не было тут знаменитого Генриховского корта, не было фонтанов, да и сам он раза в два поменьше, но тем не менее...

Увы, кругозор Лили имел и обратную сторону.

Она многое умела и любила делать руками. Но многое ей было неинтересно. Например, все гуманитарные предметы (история, литература, философия), математика, физика. Так что резиденцию английских королей девушка не видела даже на картинках. А зачем? Лучше еще раз освежить в памяти анатомию, это полезнее.

Что ей понравилось, так это огромный парк вокруг замка.

Естественно, это была загородная резиденция, где Эдоард предпочитал проводить весну. Тут в изобилии росли сирень, жасмин, жимолость, и, когда они расцветали, запах перебивал даже благовония придворных дам и кавалеров.

Лиля была очарована.

Сначала. А потом, при приближении подъезда... Дорога могла быть и получше, под кустами попадались следы жизнедеятельности организмов, трава не слишком ухожена, до английских газонов тут еще не додумались. Да и сам дворец смотрелся великолепно издали. А вот поближе...

Строили его явно в разное время. И в разных стилях. В результате получилась определенная дисгармония. Хотя не стоит придираться. Это же Средние века, а не Викторианская Англия.

Хотя последнее Лиля просто не помнила. Оно ей надо, медику?

Зато Мири пребывала в восторге: вертелась, крутилась и довела Лилю до того, что женщина пригрозила взять малявку на поводок вместе с собаками, если та не успокоится.

Подействовало.

Минуты на три. Ребенок, что вы хотите?

На въезде их встретили. Увидели в карете Алисию, взглянули на приглашение с печатями и тут же пропустили внутрь.

Карета загрохотала по щебеночной дорожке, и Лиля стиснула зубы. Кто-нибудь изобретет рессоры или нет?! Надо бы ехать с Лейфом верхом, но куда там! Платье помнется, прическа угробится. Паланкин не подходил по простой причине – у Лили в нем открывалась морская болезнь. А пешком графини тем более не ходят. Оставалось только терпеть.

Но вот и дворец.

М-да.

Первое, что могла сказать Лиля, исторические хроники врут. Хронически. И недоговаривают, что дворец грязный. Просто кошмарно. И воняет от него соответственно.

А еще молчат про узкие окна, застеклённые слюдой и маленькими кусочками стекла в толстых свинцовых рамах, про чадающие факелы и лампы, про пыль и паутину. Про то, что у лакея на ливрее подозрительные пятна, и воняет от него так, что собаки шарахнулись.

Про то, что у парадного подъезда всегда толкуются бездельники, и Лиля, не успев выйти из кареты, стала объектом их внимания. Въезжать на территорию дворца можно было или королевским каретам, или по специальному приглашению. А карету Лилиан взяла у Алисии.

И перекрасила. Алисия каретой практически не пользовалась, и та заросла грязью. Поэтому конюхи, прибывшие с Лилей, три дня приводили карету в порядок, матерясь во весь голос. Белые и зеленые тона, герб Иртонов на дверцах, белые занавески, посеребренные спицы колес...

Понты?

И что?

Это так же, как в России. Если ты жена губернатора, ты *не сможешь* ездить на «жигулях». Твоего супруга местная дума так ославит...

А Лилиан Иртон...

А кто она такая? Да никто. Пока ноль без палочки. Ибо палочка, то есть супруг, отсутствует на законном месте. И выглядывать из-за его сильного плеча не получится. А значит...

Вот представьте себе. Подъезжает к ресторану ржавый «Запорожец», выходит оттуда девица в драных джинсах и самовязаном свитере и топает на вечеринку. Реакция присутствующих?

Да обсмеют ее со всех сторон и загонят под плинтус. И даже если девчонка достаточно зубаста и языкаста, все равно толку не будет.

Или... к ресторану плавно подруливает белый «вольво» последней модели, и оттуда изящно выгружается нимфа в платье от Карден. Или Шанель. И в брюликах...

Разница очевидна. Так что можно и на серебряную краску разориться за жуткие по местным меркам деньги. И тихо подумать: «Погодите у меня, умники».

Бокситов и нефелинов в природе должно быть много, надо их только найти. А уж получить алюминий – вопрос времени и терпения. И алюминиевую пудру – тоже.

Ну да ладно. Это потом.

А сейчас Лиля выполняла свою программу.

Карета остановилась. Сопровождающий ее вирманин (Лейф в начищенной кольчуге производил такое сногшибательное впечатление, что собаки не лаяли. Они падали.) подошел к карете и распахнул дверцу.

Несколько придворных, прогуливавшихся по дорожкам неподалеку от парадного входа и увлеченно сплетничающих, в шоке наблюдали, как первыми из кареты выпрыгнули две здоровущие собаки. Нанук и Ляля. И замерли в классической позе – уши торчком, хвост неподвижен, тело напряжено, носы настороженно нюхают воздух, глаза сканируют пространство на предмет выявления угрозы хозяевам.

Лиля еще сомневалась – брать их с собой или не брать, но Алисия махнула рукой. Мол, с

королем согласовала, разрешение получено, а если по дороге кого и покусает, авось не отравятся. Да и придворная шваль будет покорректнее. Собака – она ведь не человек, на дуэль вызывать не станет.

Далее из кареты появилась... куколка.

Иначе и не скажешь. Маленькая девочка в белом и зеленом была очаровательна.

По размышлении, Лиля остановилась на зеленом платье. И для Миранды, и для себя. Мало ли что, в белом по траве прогуляешься, и больше этого не сделаешь. Поэтому пока что благородная травянистая зелень.

Белыми были – и у нее, и у девочки – кружевные перчатки, кружевной пояс, кружевные воротники и манжеты. У Миранды еще и громадный белый шелковый бант на макушке, окончательно превращавший девочку в фарфоровую куколку.

Оценили единогласно – минутой восхищенного молчания.

Вслед за Мирандой показалась Алисия.

Она была одета довольно просто. Зачем «гадюке» бриллианты? Да и траур опять же. А потому – скромное темно-зеленое платье, которое оживляли графские изумруды и белый кружевной воротник. Из роскоши – брошь на платье, белый янтарь в золоте. Если быть точной – камей. Идею Хельке опять же подсказала Лиля. А ювелир оценил и сделал несколько штук. Одну из которых презентовали Алисии. Женщина приколотла ее у горла и довольно кивнула. Такого тут еще не делали. Но красиво.

Придворные зашушукались, видя, как девочка кладет руки на холки псам. Как Алисия что-то говорит малышке, и та серьезно кивает.

Но вирманин подал руку еще раз. И из кареты появилась третья женщина.

Солнце вспыхнуло на золотых волосах, превращая их в корону. Сама Лиля замаскировала графский браслет широкими кружевными манжетами и нацепила жемчуга. Август расстарался и добыл для любимой дочурки. Длинная нитка жемчуга на шее, кольцо с жемчужиной, жемчужные серьги (это уже Хельке) и несколько нитей жемчуга в золотых волосах...

Вот с прической Лиле пришлось сложнее всего. Миранде можно было завязать бант, Алисия волосы укладывала по моде двора – в нечто напоминающее улитку, и закрепляла кучей шпилек. Но у нее и волосы были длиной до лопаток. А у Лили-то коса. Да какая!

Если такую тяжесть на голове закрепить – мигрень обеспечена. А посему Лиля плюнула и заплела обычную «французскую» косу. Только с помощью Марсии вплела в нее жемчуг и кружево. И дорого, и просто. Чай не бал, простой прием. Хотя для этого мира и такой метод плетения стал новинкой.

Лиля огляделась, улыбнулась и кивнула Мири:

– Малышка?

Миранда послушно вложила ладошку в руку женщины. На окружающих обе не обращали никакого внимания. Сами придут и сами познакомятся. Любопытство – оно такое.

Алисия осмотрела женщин и кивнула:

– Идемте.

Лейф дал знак своим людям. Мужчины подхватили три ящичка с подарками и направились вслед за дамами. Вообще во дворце вирман не слишком жаловали. Ативерна – морское государство, вирмане – морские разбойники, куда уж дальше. Но в данном случае Лиля ничего не нарушала. Это вовсе не охрана – не может же благородная графиня сама таскать подарки!

Нет, никак не может.

И перед графиней Иртон зазмеились коридоры королевского дворца.

Честно говоря, Лиля не раз порадовалась, что надела зеленое платье. И что на ней не десяток нижних юбок, как полагается, а всего две. И те очень легкие. Их можно было подхватить руками и не подметать полы.

А полы были грязные. Научить благородных дворян вытирать ноги никто не додумался. Научить их не гулять по животным и человеческим отходам жизнедеятельности – тоже, и в результате на полу были определенные следы, а в замке пованивало таким специфическим душком компостной кучи. К тому же пол был посыпан соломой. А к этой сельхозпродукции Лилия относилась весьма недоверчиво после того, как они один раз с Лешей попробовали воплотить в жизнь исторические хроники. То есть заняться любовью в стогу сена.

Потом, простите, неделю траву из всех мест вытаскивали.

Миранда, поглядев на маму, тоже приподняла платье.

– А они тут полы не моют?

– Подозреваю, что просто выметают солому и сжигают, – пробормотала Лилия, лихорадочно вспоминая, что, кажется, в этой соломе еще и блохи живут. Нет, если она хоть одну на себе или Миранде потом найдет, она весь этот «версаль» щелочью зальет. От подвалов до крыши! А собак надо сразу же искупать. Вот как только вернемся, так и сразу.

– Фи!

Лилия едва не фыркнула. Много ли надо ребенку? Полгода не прошло, а мелочь уже нос морщит при виде грязи. А, ладно! Вот если удастся, она тут еще римские термы откроет! С массажем и бассейном. И будет долго прятаться от местной инквизиции.

Мимо дам прошел один из знатных кавалеров. Чуть поклонился, проследовал дальше... Донесся весьма характерный звук. Товарищ явно позавтракал горохом.

– Фи! – повторила Миранда.

И Лилия впервые подумала, что мужу малявки придется тяжело.

Коридоры кончились неожиданно, и Лилия едва не уткнулась в большую тяжелую дверь.

– Кто? – выскочил какой-то нещадно надушенный тип.

– Ее сиятельство графиня Иртон с подарками для его величества и их высочеств, – ледяным тоном ответила Алисия.

Тип прищурился.

– Откройте ящики, я должен проверить, что там нет яда.

Лилия посмотрела на Алисию, но та кивнула. И женщина махнула рукой вирманам.

К подаркам тип не притрагивался. Посмотрел, кивнул и разрешил закрыть крышки.

– Девочка?

– Моя дочь, виконтесса Иртон.

Мужчина кивнул и сделал отмашку лакею. Слуга распахнул двери и рывкнул так, что Лилия едва не отпрянула.

– Ее сиятельство графиня Иртон, ее сиятельство вдовствующая графиня Иртон, виконтесса Иртон!!!

Мири крепко вцепилась в надежную материнскую руку. И Лилия сделала шаг вперед.

Тяжело это?

Неприятно.

Особенно когда на тебя смотрит куча народу. С другой стороны – не отвечали вы, граждане, на семинарах. Особенно совместных! Когда народу в зале полторы сотни студентов. А тебе еще доклад делать... И сделаешь! Потом хоть опишайся, но, пока ты на людях, страх долой! Нахальство в руки!

Лиля ощутила, как привычно расправляются плечи, а на лице появляется знакомая насмешливая улыбка. Кто тут против меня? Кому-то жить надоело? Исправим...

И они двинулись.

Поплыли.

Прошествовали.

Впереди – ледоколом – Алисия. За ней две собаки с весьма недружелюбным выражением на мордах. Сначала Лиля хотела оставить собак дома, но потом поговорила с Алисией и поняла, что собака при дворе – явление житейское. Так что Нанук и Ляля тоже были приглашены.

За собаками двигались Лиля и Миранда. И замыкали процессию вирмане, недовольные, но ящики-то доставить надо!

Алисия остановилась внезапно. Вперед Лиля не смотрела, стараясь сберечь платье и не вляпаться во что-нибудь на полу, поэтому даже удивилась. А потом свекровь склонилась в реверансе.

– Ваше величество...

Лиля выпустила ручку Миранды. И тихий, на грани слышимости, шепот:

– Малышка, делай, как я.

А теперь юбку придержать, голову склонить, грудь вперед, зад назад и присесть. Глубоко и уверенно. Почти в ту позицию, которую все занимающиеся японскими боевыми искусствами знают по себе. Киба дачи.

А то ж!

Все равно под юбками ног не видно, даже кончики туфель из-под них не торчат, а в такой позиции Лиля могла стоять часа полтора. Раньше. Сейчас – минут десять, не рискуя ляпнуться на заднее место. Нет, а вы что хотели? Плие и гранд батман? Ага, особенно первое. Тогда она точно произведет фурор, потому как задом в солому – это круто.

Лонс, когда увидел, был в шоке. Сначала. В юбке-брюках это ведь не скроешь. А потом призадумался. Отрепетировали пару раз в широкой юбке, и получилось неплохо.

– Можете подняться, – разрешил высокомерный голос.

Лиля так и сделала. И не удержалась – бросила взгляд из-под ресниц.

На троне сидел симпатичный мужчина лет так шестидесяти. То есть на самом деле ему на десять – пятнадцать меньше, однозначно. Средние века, тяжелые условия жизни, минимум косметологии... вот и стареют раньше времени. Но Лиля все равно восхитилась. Потому что человек в короне был сильно похож на Шона Коннери. Вот если бы Шон был блондином и сероглазым. Было бы самое оно.

По левую руку от коронованного типа сидели две симпатичные девчушки. Одна чуть постарше, с более капризным выражением лица, вторая определенно помягче. Но на отца были похожи обе. Как более женственные копии. Овал лица, форма надменных губ, улыбка... Принцессы? Да, наверное. Старшая – Анжелина, помладше – Джолиэтт.

– Мы рады видеть вас при дворе, графиня.

Лиля бросила быстрый взгляд на Алисию. Та чуть опустила глаза, мол, можно.

- Ваше величество, я счастлива, что вы удостоили меня своим вниманием.

- Вы, графиня, человек необычный, а необычные люди всегда привлекают внимание, где бы они ни находились.

Лиля сделала еще один реверанс. Мол, благодарю за комплимент.

- Надеюсь, дорога не слишком утомила вас?

- Нет, ваше величество. Ради исполнения вашего повеления я готова была проделать и втрое больший путь.

Эдоард перевел глаза на Миранду. Лицо его чуть смягчилось.

- Юная виконтесса... Как поживаете, госпожа?

- Ваше величество, - девочка явно подражала Лиле, - я счастлива, что вы пригласили нас.

- Вы замечательно выглядите, виконтесса.

- Благодарю вас, ваше величество, - Мири держалась с несвойственным ее возрасту достоинством, - я старалась.

Прозвучало это так, что Лиля искренне улыбнулась. Малышка... И поняла, что Эдоард смотрел на нее. Говорил он с Мирандой, а реакцию отслеживал ее. И, кажется, остался доволен увиденным. Ну да.

- Я доволен вами, графиня. Задержитесь, после приема я хочу побеседовать с вами и вашей дочерью.

Лиля присела в реверансе.

- Ваше величество, ваша воля - закон для меня. Позволено ли мне будет вручить вам мои скромные дары и отпустить моих людей?

Эдоард подумал пару секунд и чуть склонил голову. Лиля кивнула вирманам.

В этот раз она сделала упор на стекло. И приготовила три ящичка. Подарки Алисии она уже вручила, для Амалии - еще впереди. А сейчас...

- Что это?

Лейф, Олаф и Ивар сделали несколько шагов, отрепетированно опустили на одно колено и протянули три ящичка. На крышке каждого была вырезана корона. Но королевский ящик был самым большим, ящички для Анжелины и Джолиэтт поменьше.

Девочки бросили взгляд на отца, и тот милостиво кивнул. Еще бы! Смотрели они, как два щенка, только что хвостами не виляли.

Малышки сорвались с мест и атаковали вирман, которые распахнули перед ними ящички. Митенки. Кружевные, отделанные янтарем. Красивые штучки. Сделать несложно, выглядит шикарно. И с размером не промахнешься. Возьми ребенка примерно в том же возрасте, обмерь руку и вяжи. У Лили такие были. Давно, она тогда на восточные танцы ходила. Сама себе крючком связала дня за четыре.

Девочки переглянулись, не понимая. Лиля подтолкнула Миранду. Малышка аккуратно раскрыла свой веер на запястье. Обмахнулась, прикрыла лицо, хлопнула ресницами и задорно подмигнула из-под кружева. На девочке были как раз такие митенки, для удобства. Сама Лиля старалась быть осторожной. А Миранда - ребенок. Мало ли за что зацепится.

Принцессы оценили. И тут же опробовали новинку. Лиля подумала, что угадала. А еще приятно - митенки не мешают носить кольца.

И потянули ручки ко второй игрушке. Лиля исходила из того, что принцессы прежде всего девочки. А девочкам интересна всякая мелочь. Поэтому Лиля аккуратно выдула из

стекла несколько фигурок. Кот, собака, змея... Тут главное было довести и не разбить. Как поняла Лиля, стекло в этом мире пока еще было некачественным, про цветное вообще говорить было страшно – стоило жутко дорого, а уж о таких милых мелочах и вовсе никто не слышал. Технологии недоросли. Вот лет через пятьдесят... Но поскольку нет, мы воспользуемся.

Стеклянные игрушки вызвали восторженный писк. И до третьей новинки дело дошло минут через пять. Калейдоскоп. Самый простой калейдоскоп. Такой был у маленькой Али, разве что в пластиковом корпусе. А тут металл и стекло. И получилось! Глядя на ошалелые лица принцесс, Лилия поняла – девчонки ее. С потрохами. Они дорвались до игрушек.

Эдоард только головой покачал. Кажется, ему тоже было любопытно, почему ахают девочки, держа у глаз металлические трубочки, но не при всех же! Потом расспросит...

– Ваше сиятельство, вы уже второй раз смогли угодить моим дочерям.

– У меня тоже дочь, ваше величество.

Подтекст Эдоард понял. Что понравилось Миранде, то и принцессам понравится. Дети ведь. И еще один. У меня дочь. Не у нас, не у моего мужа, нет. У меня. Графини Иртон.

И это Эдоарду понравилось. Как ни крути – внучка. Сына король любил, но понимал, что воспитанием девочки должна заниматься мать. А судя по последним происшествиям... Король мог оценить сдержанность графини. На ее месте он давно бы потребовал развезда. Как минимум. А она терпит. Ради Миранды?

Да, скорее всего. Стоит только увидеть, как она смотрит на малышку. С любовью и нежностью. Так и Джессимин смотрела на своих дочерей.

– Пожалуй, я погляжу на свой подарок потом. – Эдоард улыбнулся. – Ваше сиятельство, полагаю, ваша дочь может побыть со своими кузинами. Девочки, так и быть, я вас отпускаю. Но это только сегодня, ради вашей кузины.

Принцессы вспорхнули со своих мест. Присели в реверансах, и Лилия с грустью подумала, что у них это красивее получилось.

– Мири? Поговоришь с девочками?

– Да, мам. Ты меня потом оттуда заберешь?

– Обещаю. Я, и только я.

Сказано было так тихо, что даже Эдоард не расслышал, только Алисия. Которая тут же и вмешалась:

– Ваше величество, позвольте я провожу девочек в детскую.

– Да, пожалуй...

Лейф положил подарок к ногам короля, и его тут же забрал лакей, отнести в кабинет.

– Графиня, я хочу, чтобы вы остались до конца приема. Потом мы с вами побеседуем. Вас проводят.

Лилия опять присела в кибя дачи. Простите, в глубоком реверансе.

Миранда прошла за Алисией. Принцессы шествовали впереди, не выпуская из рук игрушки. Лилия угадала идеально. Но вот и дверь. Двое стражников отдали честь, лакеи распахнули створки. В гостиной принцесс сидели несколько женщин, при виде которых Алисия что-то прошипела, а Анжелина, как более старшая, кивнула Миранде на дверь.

– Предлагаю поговорить в малой гостиной. И, – женщинам, – за нами не ходить!

Вирмане составили коробки на пол и вышли за дверь. Миранда знала, что ее будут

ждать.

Алисия послала девочке улыбку и тоже вышла. Девочка прошла за кузинами в малую гостиную. Огляделась.

Симпатично, но грязновато. У них дома уютнее. А тут и паутину бы смести, и потолок побелить, и пол помыть... Мири привыкла, что на полу в Ироне иголку найти можно. А тут грязно.

Ляля обнюхала все вокруг себя и села рядом с хозяйкой. Мири только вздохнула. Купала щенка она сама. Ее ведь собака, вот и... И Лиля точно потребует искупать щенка.

Анжелина и Джолиэтт уставились на Миранду. Девочка смотрела на кузин. Последний раз они виделись довольно давно. Года два назад. И воспоминания сохранились весьма отрывочные. Она все время жалась к отцу, а девочки трещали о чем-то своем. Потом она случайно пролила на себя суп, и отец увез ее домой. И в общем-то все. Эдоард был бы рад, если бы Миранда теснее общалась с кузинами, но как?

Алисия внучку почти не видела. Джерисон был постоянно занят. И кто будет заниматься малышкой? Йерби?

Ага, их только попроси. Эдоарду они не слишком нравились. Да, Мадалена была выгодной невестой. Большое приданое, симпатичная, но тут как получилось. Мадалена просто была дочерью барона Йерби от первого брака. От второго у него родились еще четыре дочери и сын. Все рыжие, веснушчатые, крикливые и постоянно разряженные в самые яркие ткани, они напоминали Эдоарду стаю чаек, которых покрасил безумный художник. И дико раздражали. От первого брака у Йерби был еще один сын, но после неприятной истории барон выгнал его из дома, и про Майкла Йерби никто больше не слышал. В том числе и Эдоард.

Йерби растил дочерей, выводил их на приемы и стремился найти женихов. Но это было довольно сложно сделать. Первая жена Йерби, Миресса, была из хорошей семьи, с большим приданым, которое разделилось между сыном и дочерью, согласно договору. Вторая же, Валианна, родилась в семье безземельных дворян, и единственными ее достоинствами были рыжие волосы и пышная грудь. Продала-то она их выгодно, но больше ничего мужу не принесла. И Йерби просто с ума сходил, думая, куда ему пристроить свою ораву. Даже изгнание старшего сына из дома не помогло. Согласно условиям, поставленным отцом Мирессы, если ее дети умирали или исчезали без вести, наследниками становился не их отец, а их дети, или его внуки. То есть – Миранда Кэтрин Иртон.

А давать девочку людям, которые потеряли большие деньги из-за ее рождения... увольте.

– Как это называется? – первой нарушила молчание Анжелина.

Миранда улыбнулась кухне, внезапно осознав, что Лиля говорила правду. «Люди могут быть выше тебя по положению или богатству, или возрасту. Но пока ты выше их по знаниям и умениям, ты всегда будешь в выигрыше».

– Калейдоскоп? Или веер?

– Ка...до...

– Вот это, – Мири указала кончиком своего веера на зажатый в руке Анжелины калейдоскоп, – *ка-лей-до-скоп*. Он служит для развлечения. Ну и можно запомнить эти узоры, а потом вышить по ним что-нибудь красивое. Смотреть тоже лучше на свет, тогда картинки будут ярче.

– А откуда это у твоей мачехи?

– Мамы! – резко поправила Миранда. Мадалену Йерби она не помнила. А Лиля успела стать ей мамой.

– А папа говорил нам, что твоя мама умерла, как и наша, – вмешалась более младшая Джолиэтт.

Миранда вскинула голову.

- Я ее не помню. А Лиля меня любит. Она меня учит, заботится обо мне, вот собаку подарила.

Ляля производила впечатление. Еще бы. Щенки быстро растут, и из умильного комочка меха давно получился этакий лосенок, голова которого находилась примерно на уровне плеча невысокой Миранды. Про зубки и говорить нечего.

- Подумаешь, собаку, - протянула Анжелина. - Папа нам пони обещал.

Но Миранда почуяла неуверенность в ее словах.

- А мне мама купит сразу аварца.

- Ава-арца?

Мири пожала плечами. Вышло достаточно небрежно.

- Ну да. И Амир подтвердил.

- Амир?

- Принц Ханганата. Амир Гулим. Он классный. Он к маме лечиться приехал, и он знает, что мама мне обещала аварца. Он тоже обещал. И уже отцу написал.

Мири непроизвольным жестом запустила пальцы в шерсть собаки, потрепала ее по холке.

Принцессы переглянулись. Если бы кто-то мог прочесть их мысли...

Ну да.

Провинциальная кухня оказалась не такой уж простушкой, как думали обе. И роскошное платье, и красиво уложенные темные волосы, и громадная собака рядом (а она и еще вырастет), и обещанный аварец, и знакомство с принцем...

- А почему принца отправили на лечение к твоей маме?

- А она уже одного хангана вылечила. Он оказался из рода Стражей караванной тропы, он вообще очень хороший. У них же там строго - если ты испытал телесный ущерб, ты не можешь вести за собой караван. А мама его вылечила. Он даже и не хромот. Так, иногда к непогоде сломанная нога ноет... Он ей аварца и подарил. Его Лидарх зовут. Мама хотела сначала мне жеребенка от Лидарха, но потом решила, что заказать в Ханганате быстрее.

Слов у принцессы не осталось. Одни эмоции. Мири выкладывала все так спокойно, словно это было в порядке вещей. И дружить с принцами, и получать в подарок аварцев...

- А что было с принцем? - пискнула Джолиэтт.

- Мама сказала, его отравили ядом. Киноварью. Или кровью Звездной Кобылицы. Она меня тоже учит разбираться.

- А она откуда все это знает?

- А ее дедушка Тахир учит. - Мири не задумывалась над последовательностью событий. Но Анжелина и Джолиэтт - тоже. Им стало интересно.

- Дедушка Тахир?

- Ну, он мне не родной. Но он нас всех тоже учит. Это Тахир Джамаан дин Дашшар. Он самый знаменитый лекарь Ханганата, вот! Только в ядах плохо разбирается. И преступников ловить не может... Сыщиков на них нет...

- А это кто?

Мири улыбнулась. Даже этого не знают? Ну и принцессы пошли!

– Это такие специальные люди. Вот жил как-то барон Шерлок Холмс на улице с названием Бейкер-стрит...

После королевского кивка, разрешающего удалиться, Лиля отошла к стеночке. Господи, хоть бы прислониться... Нельзя. Грязи – по уши, потом платье не отстираешь. Да и вообще.

Она спокойна, холодна и безразлична. И колени у нее не трясутся, и адреналиновый отходняк не накатывает. Для нее вообще эти приемы – как семечки. Разгрызть и выплюнуть.

Лиля не обольщалась, это только первый раунд. Будет и второй, и пятый, и двадцать девятый, еще как будет. Но этот – за ней.

Она продемонстрировала свою власть, свою силу, что может быть полезной... Ну и нанесла серьезный удар по образу «коровы».

Да уж... С одной стороны, Лиля не могла осуждать супруга. Ну правда ведь – была корова. Есть, вышивать, молиться. Да еще и за сто килограмм. Кому такое в дом надо? Что, очередей нет? Странно, очень странно...

С другой же... А что ты сделал, чтобы твоя жена стала королевой? Легче всего действовать по принципу «с глаз долой – из мыслей вон». Мог бы и постараться.

Но ведь и Лилиан Брокленд вряд ли хотела учиться... Так! К лешему!

Лиля достала из рукава тонкий кружевной платочек, промокнула виски.

В ладонь хозяйке ткнулся холодный мокрый нос.

Нанук, лапочка...

Главное, чтобы с Мири было все в порядке.

Вирман Лиля отправила приглядывать за мелкой. Ее саму обидеть – это если кому жить надоело. А вот малышке похищение тяжело далось. До сих пор иногда кошмары снятся.

Пес завил хвостом. Лиля потрепала собаку по пушистой холке. Ладонь наполовину ушла в густой мех. Нанук, хороший мой...

– И что его величество нашел в этой провинциалке?

Лиля наострила уши.

Рядом с ней остановились две дамы. На одной сапфиры, на второй никаких камней нет. Здесь вообще с этим было очень строго. Можешь носить хоть какие побрякушки, но статусное кольцо на руке быть обязано. Если ты обладаешь титулом. А если ты безземельный дворянин – носи кольцо с золотистым топазом. Своего рода печатка и удостоверение личности. Баронесса, если у нее были средства, могла надеть на бал ожерелье с рубинами. Но на руке у нее все равно должен быть квадратный перстень с сапфиром. Вроде того, что сиял изумрудными огоньками на руке Лили.

– Даже не знаю. Она просто метит на место фаворитки.

– Думаешь? Баронесса ее сожрет с костями.

– Не скажи. Это все-таки графиня.

– И что? Мелиссия уже недовольна.

– Мелиссия весь двор замучила своими требованиями и капризами, как только его величество ей столько позволяет!

Лиля присмотрелась к дамам.

Ну да. Обеим под сорок, довольно симпатичные, одна в синем, гармонирующем с сапфиром, вторая в желтом. Обеих не мешало бы вымыть, причесать и правильно подкрасить. Тогда будут вполне симпатичные женщины.

И обе поглядывают на нее... Ясненько. Подойти и представиться нельзя. Должен представлять кто-то, но Лиля здесь новенькая. Ее представить просто некому. И в то же время...

Если король благосклонен к ней, надо заранее подлизаться. Например, сообщить, что королевской фаворитке Лиля не понравилась. А где та фаворитка?

Лиля обежала глазами зал. И быстро столкнулась взглядом с женщиной в темно-синем.

М-да. Действительно – не мог его величество кого попрличнее найти?

Баронесса Ормт была невысокой пухлой женщиной с большой грудью и мелко завитыми светлыми кудряшками. На вытянутом личике с хорьковыми чертами злобно сверкали синие глаза. Дынеобразная – вытянутая в длину – форма головы, жутко утянутая талия и, судя по расположению утяжки, короткие ноги. Ну и пусть. Это проблемы короля – с кем спать.

Лиля равнодушно отвернулась от королевской фаворитки. Тоже мне, картина Пикассо!

Понадобится – я тебя через мясорубку проверну. А пока нет смысла ссориться.

– Ваше сиятельство?

Лиля обернулась.

– Его величество поручил мне проводить вас после окончания приема.

Лиля благодарно кивнула слуге и в очередной раз пожалела об отсутствии часов. Оставалось только терпеть. А что там обсуждают дамы?

– А ты видела, какое кружево?

– Интересно, где такое можно найти?

– Оно, наверное, стоит будет на вес золота.

– Если не больше. А прическа? Как ты думаешь, можно что-то такое сделать?

– Надо бы поговорить с моей горничной, у нее золотые руки...

– И откуда она это взяла?

Лиля довольно улыбнулась. Да, в том, что касается женщин, она попала в цель. Мода, красота, шик... На что готова женщина, чтобы стать красивее?

Да на все. И точка.

Амалия застонала и схватилась за живот.

– Дорогая? – Питер смотрел встревоженно.

Лицо женщины кривилось в болезненной гримасе.

– Больно... мне кажется, началось...

Питер подхватил жену на руки и понес в спальню.

Его отец довольно кивнул и отправился писать Алисии Иртон. Не сказать, чтобы он любил старую гадюку, но все-таки это ее дочь и ее внук...

Бабка должна знать о таком событии. А в идеале – присутствовать.

– Ваше сиятельство...

Перед Лилей распахнулась тяжелая дверь королевского кабинета. Лиля поступила, как учили. Три шага вперед – чтобы дверью по попе не хлопнули, и глубокий реверанс.

Пока хозяин кабинета не разрешит подняться.

– Встаньте, графиня. Прошу вас, проходите.

Лиля послушно поднялась. Не удержалась и бросила пару взглядов по сторонам. А ничего так. Вкус у хозяина кабинета есть. Кому-то покажется, что здесь мрачно. А ей понравилось.

Тяжелая мебель из темного дерева, тяжелые шторы – темно-коричневые с золотом, камин в углу, рядом с ним два кресла. Но хозяин кабинета сидел за столом. И на столе перед ним, кстати, непроливайка и подставка с пером. А под рукой ящик с подарками.

Лиля почувствовала себя малолеткой у директора, но смолчала. А Эдоард щелкнул декоративным замочком.

– Даже не запечатываете?

– Ваше величество, у меня нет воров.

– Разве, графиня?

Лиля хлопнула ресницами. Раскрыла веер, пару раз обмахнулась им.

А ты чего ожидал? Нет, если мой муж еще кого-нибудь не нанял. Ага, щас! С мужем я сама разберусь, не вынося сора из избы.

– Симпатичная игрушка.

– Ваше величество, я надеюсь, вы примете мой скромный подарок.

Еще бы. Веер лежал сверху. Только мужской вариант. Из плотной ткани в темных тонах. И слегка расшитый янтарем и золотой нитью. Получилось в меру красиво, в меру стильно. И вовсе не по-дамски.

Эдоард достал веер, сложил его, раскрыл, пару раз обмахнулся, как это делала Лилиан.

– Неплохо. На приемах, когда много людей, очень полезно.

– Я счастлива угодить вашему величеству.

– А чем вы еще решили мне угодить? Что это за предметы?

– Ваше величество разрешит мне показать?

– Прошу вас, графиня.

Лиля подошла к столу и для начала извлекла калейдоскоп. Вот его устройство она отлично представляла, поскольку в детстве два разобрала и собрала заново. Первое было проделано из любопытства, второе – когда мама заявила, что нового не купит. Сломала? Умей и починить!

– Это калейдоскоп. И в него надо смотреть на свет, ваше величество. Помогает отдохнуть и расслабиться.

Рисункам Эдоард отдал должное. Красиво. И действительно, можно так долго крутить калейдоскоп, пытаясь расслабиться. А еще что?

– Еще один кладоскоп?

- Нет, ваше величество. Если вы соблаговолите подойти к окну...

Его величество даже и не задумался. Подошел, приставил к глазу подзорную трубу - и вгляделся в даль.

- Альдонай!

Лиля не мешала. Сам разберется. Труба была одной из лучших. Хотя тут были бы силы и время...

- Графиня, откуда у вас это?

- Мои люди придумали.

- И как это...

- Подзорная труба, ваше величество.

- Чудесно. Скажите, такие трубы сложны в изготовлении?

- Не очень, ваше величество. Но у меня мастеров всего двое...

Тонкий намек был понят, и Эдоард кивнул.

- Хорошо. Это мы исправим. И что еще?

- Увеличительное стекло, ваше величество.

- Увеличительное стекло?

Лупа удалась, без преувеличения. Хотя шлифовать ее было долго и занудно. Но - справились. И Лиля осторожно извлекла ее из футляра.

А потом лист бумаги с напечатанным текстом.

Эдоард вскинул брови.

- Что это, графиня?

- Детская сказка, ваше величество.

- И как вы смогли написать так много абсолютно одинаковых букв?

- Я не писала, ваше величество. Я - печатала.

На рассказ о книгопечатании ушло минут десять. И к концу рассказа Лиля уже вполне освоилась. Да и Эдоард забыл, что хотел подействовать на нервы строптивой девчонке. Незачем.

Она действительно сокровище.

Книгопечатание открывало невероятные горизонты. А бумага...

Уж чего-чего, а камыша, крапивы и прочего травяного сора в Ативерне хватало. Если крестьянам приказать собирать - возы привезут. Да и лупа...

Эдоард к старости стал слегка дальнозорким. Приходилось читать чуть ли не с расстояния в метр, а то и приказывал секретарю зачитывать. А теперь все в его руках.

Про очки Лиля пока не заикалась, понимая, что это требует уже других знаний и умений. Линзу-то она сделает. Но ведь две одинаковых, да еще и определить, сколько на каждом глазу, и все подогнать... увольте! Пусть лупами обходятся!

А она еще штангенциркуль изобретет - у отца такой был, не прибор, а сплошное удовольствие.

Но пока - только это.

– А бумагу можно и продавать. Делать гербовую, с оттиском, и продавать для прошений, для жалоб, для кляуз...

Эдоард даже зажмурился от удовольствия. Священное для любого короля слово «казна».

Графиня – определенно чудо. Если так пойдет и дальше... Да Мальдона с ним, с титулом. Даст он ей титул! Уже за подзорную трубу даст. А ведь это наверняка не конец. И... какой шильды Джес так расписывал жену? Что он, поговорить с ней не удосужился за столько времени? Умная женщина, спокойная, ничуть не истеричка... Разве что на дверь постоянно оглядывается. И кстати, симпатичная. Он бы даже сказал, красавица. М-да... Как же она нервничала на своей свадьбе. Или это перенесенные испытания сыграли роль? Можно попробовать выяснить. Только...

– Ваше сиятельство, вам не терпится закончить нашу аудиенцию?

– Нет, ваше величество. Там за дверью осталась моя собака...

Лиля действительно оставила Нанука у секретаря. И переживала за пса. Он умница, но все новое, незнакомое. А он еще щенок.

– Ведите ее сюда, – разрешил король. И едва не присвистнул при виде Нанука.

Собак Эдоард любил, был ценителем и знатоком. И мог оценить стати вирманской сторожевой. Пес обещал вырасти таким, что собака Баскервильей рядом с ним смотрелась бы таксой.

И умный. Пространство просматривает, хозяйку охраняет, ученый.

– Хороший пес. Графиня, вам говорили, что я не благоволю вирманам?

– Да, ваше величество.

– Я надеюсь...

– Ваше величество, я умоляю вас не запрещать мне нанимать вирман в свою охрану. Если бы не они, меня бы и в живых не было. Да и Миранды...

– Ганц о многом рассказал мне, графиня. Но хотелось бы выслушать и вас. Присаживайтесь, – легкий жест в сторону кресел перед камином, – я прикажу подать вина и фруктов. Ваша дочь сейчас с принцессами, никто не мешает нам поговорить. Расскажите, что с вами произошло?

Лиля послала правящему монарху улыбку и пару раз взмахнула веером.

Вы хотите рассказ? Да бога ради... Я вам сейчас такого расскажу! Заодно, кстати, и на Йерби настучу, а может, и за Ганца словечко замолвлю.

Три часа спустя Лиля кое-как выползла из королевского кабинета.

Сил хватало на то, чтобы держать осанку и выглядеть надменно. Но и только. В остальном хотелось выбрать место почище, упасть и просто полежать. Даже не поспать. Только привести в порядок мысли и чувства.

Три часа.

Немного радовала мысль, что королю пришлось не легче. Эх, водички бы сейчас. Холодной, ключевой, пол-литра внутрь и три – на голову.

Эдоард расспрашивал обо всем. И Лиля «честно» отвечала. Ну не говорить же правду. Хотя звучало бы:

«Ваше величество, ваш племянник довел жену до такого состояния, что та помре. Уже полгода как. А ее место заняла я. Нет-нет, тело то же самое. Душа другая. Поговорим за честный бартер?»

Что-то подсказывало Лиле, что после такой заявки ей будут предоставлены на выбор психушка или костер. Хотя тут не жгут. Тут просто вешают. Но после пыток. Добрые люди, хорошие.

А, ладно. Все равно разговор прошел неплохо.

Эдоард пытался расспрашивать о семейной жизни. Лилия честно призналась, что муж ее сплавил в захолустье, навещал весьма редко, и общение их ограничивалось позой миссионера. И тут же перевела стрелки на неведомых отравителей. Мол, если б не они, уж я бы расстаралась, да и супруг, может быть, что-нибудь да изменил. Но что вы хотите, когда себя в зеркале не узнаешь?

Эдоард покивал головой и посочувствовал. Мол, обязательно гадов найдем и накажем по всей справедливости, чтобы никому неповадно было.

Лилия тоже покивала. Мол, найдите, ваше величество. Век буду за вас Альдоная молить. На супруга-то в этом плане положиться нельзя. Еще и сам всякую дрянь расплодил. Одна Аделаида Вельс с кузенком чего стоят!

Его величество нахмурился и поинтересовался, намерена ли Лилия на этом основании требовать развода или разъезда? Право-то на ее стороне...

Лилия вспомнила про слона и три тонны шоколада и наивно заметила, что она, конечно, вся в горе от измены супруга. Но... А куда ему, бедному, было деваться? Ей вообще после выкидыша и неудачного лечения (кстати, не найден ли докторус Крейби? Нет? Ай-яй-яй...) запретили интимные отношения. А то могут дети появиться, а ей пока рожать ну никак нельзя. Через пару лет, когда поправит здоровье, к тому времени и отношения с мужем наладятся... Может быть.

Она потому так к Миранде и прикипела. Бедная малышка, почти без отца.

Тут король возмутился и заявил, что малышке ни в чем не отказывали. Лилия в свою очередь заметила, что баловать и воспитывать суть две большие разницы. И его величество, как отец, должен это понимать.

Его величество чуть рассердился, но согласился. А куда деваться? Лилия и так вела себя выше всяких похвал. Мири любит, с мужем отношения собирается налаживать, если он сам к тому готов, ну а проблема любви и воспитания остро стоит в любое время и в любой семье. Будь ты хоть король, хоть свинопас.

Так что его величество получил желаемый ответ и успокоился.

Графиня Иртон не собирается разрушать семью. Все зависит от поведения ее мужа, но, если оно будет таким же, вот тут – простите. Взбеленить можно и червяка, а ее сиятельство уже эволюционировала. Да и сколько можно? Похитители, работягловцы, соблазнители... С этого места поподробнее? Как прикажете, ваше величество.

Соблазнитель сидит сейчас в трюме одного из моих кораблей. Зовут его Дамис Рейс, и утверждал он, что нанят некими Йерби. Врал? Да вполне возможно, вы же понимаете, это произошло после отъезда Ганца Тримейна, а я, хрупкая слабая женщина, где уж мне расспросить негодя правильно.

У вас в темнице расспросят?

Ах, ваше величество, вы сняли громадный груз ответственности с моих плеч. Как-никак это родственники Миранды. Не хотелось бы травмировать малышку.

Эдоард покивал, мол, я с вами согласен. Передадите мерзавца... да хоть бы и Ганцу Тримейну. Вы с ним уже общались, нашли общий язык.

И Лилия тут же не удержалась с просьбой. Мол, ваше величество, вы простите мне мою ужасную наглость, но нельзя ли, чтобы Ганц Тримейн вообще за мной приглядывал, пока я в столице. Он профессионал, умница, мы сработались, а вы все равно кого-нибудь приставите?

Тут его величество согласился не раздумывая. И даже был доволен.

А почему нет? Кого-нибудь приставить придется. И то, что графиня сама об этом просит, только упрощает дело. С Ганцем он еще поговорит, но пока пусть будет так.

А чем вы, графиня, собираетесь заниматься в столице?

И тут Лиля решила рискнуть.

Первое. Ей хотелось заняться производством стекла. Во всех его видах. Не только обычным, но и цветным стеклом, зеркалами, сервизами, всякими милыми поделками.

Это – для людей. А еще – и это уже серьезнее – линзы, лупы, подзорные трубы и микроскопы. Телескопы и очки. Почему бы нет?

Лилия примерно представляла себе масштабы. На всю ее жизнь хватит работы, и детям останется. Надо только наладить это дело так, чтобы Ативерна сняла все сливочки. Как Венеция со своего Мурано.

Второе. Кружево, шитье, вязание, ну и мода. Это тоже было вполне возможно. Лилия не стала говорить про «Модный дом Мариэль». Пока. Потом – будет видно. Сначала пусть все привыкнут, что Ативерна станет центром моды.

И третье. Самое важное и самое нужное. Медицина.

Вот тут Лилия не собиралась упустить ни единой крупинки знаний. Химия? Обязательно. Фармакология. Анатомия. Терапия, педиатрия, любимая полостная хирургия, гинекология, патология...

Опять-таки. Все это не перечислялось его величеству. Про стекло рассказала, про кружево – тоже. А третий пункт был сформулирован весьма приблизительно: «Хочу, чтобы больше никто не оказался во власти такого шарлатана, как Крейби». А если он считался хорошим докторусом, значит, тем хуже для Ативерны.

Короля это в принципе устраивало. Территорию предоставляло государство. Оттуда же шло оборудование. И мастера. То есть подмастерья. Мастерами они станут потом, еще не скоро. Вся прибыль шла в казну. А Лиле выделялись тридцать процентов. За идеи и направления.

Казалось бы – за что? Идеи носятся в воздухе, один выдохнул, второй вдохнул... Но Эдоард был умен. И понимал, что идеи-то носятся. Но, если эта женщина за несколько месяцев в захолустье смогла сделать то, чего нет в других государствах, наверное, она и больше сможет?

Август, например, когда работает вдохновенно, делает потрясающие корабли. Нюхом чувствует, что где подправить, кого куда поставить. Дали ему свободу действий? Дали. И верфи Брокленда на все королевства славятся. И корабли ему даже из Ханганата заказывают.

Вот и Лилиан Иртон, похоже, в отца пошла. Нет, ну как Джес ее не разглядел?!

Эдоард был вполне объективен. Если бы ему досталась такая жена... Любви, может быть, и не было бы. Но вот стать ему союзником, соратником и подругой она смогла бы. Поэтому Эдоард мягко намекнул Лилиан Иртон, что при сохранении статус-кво возможно многое.

Титул? Почему бы нет. Вы будете третьей баронессой Брокленд. И одной из немногих (по пальцам руки пересчитать) женщин, которым оказывалась такая честь. Но сначала дело. Например, производство стекла на землях Короны. Сделаете? Получите.

Деньги-то вы и так иметь будете. А потом передадите второму сыну титул Броклендов. Или не второму. Какому захотите. Ваш титул, вы и разбирайтесь. Хозяин – барин.

А по поводу книгопечатания...

Почему бы нет. Но для этого процесса нужно благословение церкви.

Ах, с вами пастор? Отлично. И что он говорит?

Он благословляет. Осталось договориться с альдонами? Ну... почему бы нет?

Хм...

Выдержки из святых текстов? Молитвенники? И можно вообще рассказы с картинками?

Это реально? И даже разноцветное? А образцы у вас есть? Ах, в глуши нет необходимых веществ? Это понятно... Там, как оказывается, только янтарь есть. Кто на добыче остался? Тарис Брок? Доверенное лицо Августа Брокленда? Логично. Не ворует? Хотя даже если и будет приворовывать, все равно выгоднее, чем раньше было. Я подумаю, может, пошлю туда кого-нибудь из своих чиновников. Полагаю, граф Иртон возражать не будет. Да, я знаю, что мое величество самое мудрое. Кстати, графиня, а откуда у вас эта игра? Нарды?

Прочитали в старом свитке? А свиток... не сохранился? Своровали, скорее всего, пока вы были опоены? Бывает...

Скажите, а что за трения у вас вышли с соседом? Бароном Донтером? Решил похитить Миранду, чтобы требовать выкуп?! Сволочь!

Или вообще жениться на малышке?!

Графиня, вы были абсолютно правы, когда его прикончили. Ах, вы его не убивали? Несчастный случай во время погони? И сколько раз он падал на меч в результате несчастного случая? Ну ладно-ладно, шучу. Вы все сделали правильно, графиня. Корона претензий не имеет. Надо будет подобрать нового владельца освободившимся землям.

Есть настоящий барон?

А этот какой был? Игрушечный?

Ах, его отец, обманным путем, а сам Клив Донтер вообще родился в результате инцеста? Графиня, это серьезное обвинение... Ах, у вас и документы с собой? Копии? Дайте-ка погляжу. А настоящий барон где? Он скрывался в Альтвере, а потом бежал в Иртон? Он не прогадал. Надо будет поговорить с ним. А потом уже решим, подтверждать его баронство, или нет. Тарис Брок пока присматривает и за соседним поместьем?

Госпожа, а вам не кажется, что вы много на себя берете?

Ах, больше никому... Мужа рядом не было, умирать не хотелось, вот и пришлось. И брать, и раздавать. Ну-ну...

Говорите, вас травили дурманом? А доказательства? Ах, с собой привезли? Семейство отравителей? Отлично. Передайте их моим людям. Отдадите распоряжение вирманам? Графиня, а никого больше не нашлось, что вы наняли на службу морских разбойников?

Интересная постановка вопроса. Что значит – больше никого не было? Ганц сказал, что вместе с Мирандой приехал целый отряд! Ах, вы не знали о его приезде? Муж не сообщил, поэтому на милость Альдоны вы никак рассчитывать не могли? И вообще, Альдоной помогает тому, кто сам себе помогает.

Хорошие слова, всем бы их помнить. Но почему вы их не рассчитали? Решили, что они могут принести пользу? Это – морские разбойники. И их клятва верности постольку-поскольку...

Бойтесь? Потому как человек из отряда Лейса на вас покушался? Ах да, Ганц мне докладывал.

Ладно, графиня. Оставьте своих морских негодяев при себе. Но во дворец они пусть вас больше не сопровождают. Это мое последнее слово. Да, я знаю, что я милосерден и великодушен. Партию в нарды? Нет? Бойтесь выиграть, а такого короли не прощают? А отказов они не прощают тем более. И вы так в себе уверены? Что сможете у меня выиграть?

Что ж, графиня, подтвердите свои слова делом. И может быть, я разрешу вам приглашать ваших разбойников во дворец.

Лиля выиграла. Четыре раза из шести.

Поддаваться не получалось. Его величество пока еще был не профессионалом, но уже и не любителем. И поддавки уже не проходили. Так что в итоге его величество согласился на вирман. Но погрозил Лиле пальцем. Мол, не думайте, что так легко отделаетесь. Я еще отыграюсь.

Лиля заверила короля, что игра-то сугубо мужская, а ее слабые мозги...

И получила по ушам. Не такие уж и слабые. Наследника Хангана вы ведь вылечили.

Лиля тут же спихнула все на Тахира. Мол, это все он.

Почему раньше не вылечил? В Ханганате?

Так кто ж его знает? Может, постранствовал, знаний набрался. Мне-то, когда он в Иртон заявился, от радости плясать захотелось. Случись что – докторуса нет. Рассчитывать не на кого. А у меня ребенок, то есть Миранда.

Принц? Амир Гулим. Да, жил. Да, поправляется. Да, приехал. Почему не пришел? Так ведь, ваше величество, ему приглашение на прием не послали... Вот он и решил подождать.

В ближайшее же время? Специальный прием? На все воля вашего величества.

Вы довольны, что он выздоровел? Я тоже, он ведь совсем еще ребенок, таких втроем жалко. Почти как Миранда, только чуть постарше. Дипломатические отношения? Да что вы, ваше величество, я, глупая женщина, о таких вещах не задумываюсь. Все в воле вашего величества.

И наконец ее отпустили.

Подводя итоги, она считала, что все прошло неплохо. Хотя давил его величество неслабо. Надавить, отступить, попробовать с другого конца, сделать вид, что прогневался, и тут же сменить гнев на милость.

С такими методами Лиля была знакома. Элементарная технология допроса. Раскачать, заставить нервничать, ударить, успокоить, опять отступить на нейтральную территорию и снова в атаку. Откуда?

Простите, а вы представляете, скольким вещам можно научиться, если *учиться*? Не просто отсиживать занятия в школе и думать, чем займешься после уроков, нет? Если разговаривать с сослуживцами отца, если впитывать информацию из всех щелей, если понимать, что знания – самое ценное в мире...

Знания будут бесполезны, только если ты сойдешь с ума. Но тогда тебя уже не будет. Останется только тело. И тебе будет все равно, что с ним происходит.

А в остальном...

Дом может сгореть, любимый человек – бросить, с работы могут выгнать, страну может захлестнуть война – возможно все. Но то, что у тебя в голове, и те навыки, которые у тебя в руках, всегда могут дать тебе шанс выжить. Тебе и твоим близким. Аля Скороленок всегда помнила об этом.

А Лилиан Иртон ощутила и прочувствовала на своем опыте.

И сейчас, хотя и не сразу, она распознала эту методику. И ответила достойно.

На нее давят? Строим дурочку. Я женщина слабая, беззащитная, меня всякий обидеть может... если я его раньше не обижу.

Ее хвалят? Льстим без зазрения совести. Вы, ваше величество, с вашей невероятной прозорливостью, умом, опытом... Да плевать, что он король, и ему льстят без перерыва на сон и еду. К лестии никогда не привыкают. Нет человека, которому надоедают похвалы в его адрес. Особенно если хвалят грамотно.

Отступают? Вот тут можно и попросить, состроив умильные глазки кота из «Шрека». Чуть-чуть, не наглея.

Любой допрос – это парный танец. И если ты попадаешь в ритм... Это кто еще кого допросит.

Да, король сделал кое-какие заключения о Лиле. Но и она видела перед собой не короля, а обычного мужчину. Пожилого, симпатичного и грустного. Демократическое воспитание прорезалось, и Лиля видела, что Эдоард стар, устал, достаточно одинок и довольно-таки мягок со своей семьей. Любит дочерей, наверное, и сына тоже любит... пока сказать сложно. Жену однозначно любил. Иначе бы не повесил портрет там, где мог им постоянно любоваться.

Жену, да...

Красивая женщина эта Джессимин. Черноволосая, синеглазая, с теплой улыбкой. Лиля знала такой тип. Домашние уютные плюшевые кошечки. Ни когтей, ни зубов, ни сильного характера, зато умеют любить и мурлыкать. Такую ребенок будет таскать вдоль и поперек, а она и мяукать не будет.

Сильной королевы из такой не выйдет, но зато король будет счастлив. Что, видимо, и было.

Но знать и делать – вещи разные. То, что она понимала, не значит, что умела. Поэтому...

Плевать!

Забрать Миранду – и домой!

И спать. Сутки.

Эдоард задумчиво ввертел в пальцах одну из фишек.

М-да.

А ведь его обыграли. И не только в нарды. Откуда только у этой девочки такие таланты?

Если Лиля поняла, что именно с ней делают, то Эдоард был не глупее. И быстро сообразил, что верного результата не получит.

Но и рвать нить беседы не стал. Зачем? Даже если противник понимает, что ты делаешь, что-то он обязательно выдаст. Обрывки, отрывки...

Но Лилиан Иртон держалась достойно.

Что смог вытащить его величество? Женщина эта безусловно умная, сильная, очень жесткая. Изначально она была такой или сыграла свою роль потеря ребенка, теперь и не скажешь. Но что есть, то есть. И Эдоард понимал – он таких еще не видел. Ее поведение, манера речи, характер, ум – все было необычно. Но так увлекательно.

И так любопытно ее изучать.

А понимать, что и тебя изучают, еще интереснее. Хотя женщина делала это очень аккуратно. Ни вопросов, ни нахальства. Просто наблюдала за его реакцией. Очень внимательно. Но опять-таки. Сама учтивость. Само послушание.

Эдоард не сомневался – любой его приказ будет выполнен. Но до известного предела. А вот потом начнется, как в детской сказочке. Приказал король луну с неба достать, мальчик и привел его к морю. Вот, мол, луна – и не на небе. Прикажете начать вычерпывать? Приказал явиться ни верхом, ни пешком, ни в повозке – ну так мальчик к ноге зайца и привязал. Вроде бы приказ и выполнен. И придаться не к чему. Но только в выигрыше вовсе не король.

Да, эта женщина может принести много пользы.

Она будет чудесным другом. И страшным врагом. Но она дружелюбна. И демонстрирует это, как может.

Подарки, обещание пользы, забота о том, о чем должен был позаботиться ее муж. Даже возможность примириться с мужем и та входит в комплект. И в то же время...

Нет, не фальшь. И не ложь.

Но Эдоард понимал – любое дело она обставит так, чтобы оказаться в выигрыше. Ей можно приказать. Но выполнит она букву приказа. Не его дух. А в крайнем случае найдет, как извернуться.

Август был проще.

Эта женщина сложнее. Но насколько она интереснее... Нет, так просто Эдоард ее от двора не отпустит. Пусть приедет Джес. Тогда надо будет сдать ему супругу с рук на руки, проконтролировать их примирение и только тогда... да и отпустить ли?

Надо еще присмотреть место под стеклодувные мастерские. Да и кружевные цеха. Где бы это лучше разместить?

Секретарь – существо полезное. Лиля в этом убедилась еще раз. Даже если в роли секретаря выступает не милая девочка в мини-юбке, а сухопарый человек в роскошном наряде и с таким лицом, словно топор проглотил. Стоило только подойти к столу и признаться, мол, не знаю, где сейчас находится моя дочь, ее принцессы увели. Как секретарь тут же высунулся в приемную, кликнул лакея и приказал проводить даму, куда она прикажет.

У Лили руки зачесались сунуть товарищу шоколадку, но какао-бобов в этом мире не было. Пришлось обойтись маленьким зеркальцем. Специально взяла с собой штук пять. Небольших таких, как пятидесятиграммовые шоколадки.

И еще раз убедилась, что некоторые вещи вечны.

Зеркало исчезло как по волшебству. А секретарь пригрозил лакею оторвать голову, если дама будет недовольна. И дама опять пошла по коридорам, аки Штирлиц. Хотя сейчас она бы с Тихоновым поменялась. Вот на что спорим – в гестапо с гигиеной было на порядок лучше.

Пес уверенно подставил холку под хозяйскую ладонь, и Лили потрепала его по шее. Зверюга моя обожаемая...

Главное, чтобы с Мири было все в порядке.

Пес завилял хвостом. Лили вздохнула и на секундочку расслабилась. Умница, барбос, умничка.

– Ты смотри, Фалион, какая тут прелестница, – произнес мужской голос.

Лили оторвалась от собаки. Слуга словно растворился в стене. Лили почему-то не сомневалась, что он появится, как только возникнет необходимость. Но вмешиваться в разборки благородных? Нашли дурака.

Один повыше и помоложе. Средней симпатичности, темно-русые волосы этакого пыльного оттенка, длинный крючковатый нос, тонкие губы. Но серые глаза смотрят спокойно и даже с любопытством. Простое темное платье, даже кинжал у пояса вроде бы простой. Кажется простым. Эрик объяснял Лиле, что акулу добыть сложно. И рукоять, обтянутая кожей акулы, стоит дорого. Если ножик соответствует рукоятке, это серьезное оружие.

Второй – этакий колобок и живчик. Темноволосый, полненький, кареглазый и с широкой улыбкой. Такие всегда везде свои – душа компании, заводилы. Вот только завести они могут и в болото.

- Что вам угодно, господа?

Вот так. И арктического льда в голос.

Увы. На «живчика» не подействовало. Такого надо бы холодильником глушить. Тогда дойдет.

- Госпожа, простите мне мою неучтивость, я надеюсь, что ваша красота равна вашему великодушию. Клянусь Альдонаем, невозможно пройти мимо, когда видишь такую красоту!

- А вы постарайтесь, - усмехнулась Лиля.

Голова болела. Ей было не до любезностей. Забрать бы ребенка и свалить. Бояться она и не думала. Да, коридоры. Да, она одна. Случись что - свидетелей не будет. Лилия была не настолько благородна, чтобы предположить в средневековых парнях чистоту помыслов. Но это работает в обе стороны. С ней Нанук, который прекрасно может откусить что-нибудь важное, а в рукаве, в специальных ножнах, спрятан небольшой кинжал. С ножами Аля Скороленок работать умела. Хирург же. Каждый день с ножичком да на человека.

Так что бояться она не собиралась. А вот остаться одна хотела.

- Пошли, Тарни, - бросил высокий.

Но живчика, похоже, зацепило.

- Фалион, давай хотя бы узнаем имя прекрасной дамы. Госпожа, вы же не оставите нас своей милостью? Прошу вас о малом - или я узнаю ваше имя, или умру, и моя смерть будет на вашей совести.

- Умирайте, - «великодушно» разрешила Лилия. - Полагаю, ваш спутник одолжит вам кинжал?

- Что?

Лилия ухмыльнулась. Куда вам до студентов-медиков, ребятки. Там быстро кусаться научишься!

- Вы собираетесь умереть, если я не скажу вам своего имени? Ну так умирайте. Моя совесть выдержит этот груз.

Живчик явно растерялся. Как вывернуться, не потеряв лицо, он не представлял. Но тут ему на глаза попался Нанук.

- Прекрасные дамы теперь ходят во дворец с собаками? А что потом? Коз и овец сюда приведут?

- Козлы и бараны тут уже есть, - парировала Лилия. - Будет вполне изысканное общество.

- Ах ты...

Куртуазность кончилась. Но тут высокий цапнул своего спутника за плечо так, что «кругляшок» скривился от боли.

- Госпожа, прошу простить нам нашу назойливость. Ваше пожелание - закон. Мы удаемся.

Лилия чуть присела в реверансе.

- Буду очень признательна, если вы оставите меня одну.

Повторять не пришлось. Толстячок так просто не ушел бы, но спутник буквально уволок его за собой. Лилия криво усмехнулась, глядя собаку.

Вот так вот.

Дворцы, короли, и такое быдло, которое кочует из одного века в другой с назойливостью таракана. Лиля уже подозревала, что придется его как следует приложить. Ну да ладно. Избавилась – и слава богу.

Слуга появился как призрак. И Лиля надвинулась на него.

– Кто эти двое?

– Наследник герцога Фалиона и барон Рейнольдс, ваше сиятельство.

– Та-а-ак...

В мозгу щелкнула картотека. Герцог Фалион. Старая сволочь и интриган. Довольно богат, земли на границе с Уэльстером, участвует в посольстве, кстати, где и ее супруг. Наследник известен своим увлечением – разводит скаковых лошадей и продает их за бешеные деньги. Мечтает вывести коней не хуже аварцев. Но фиг ему что удастся.

Барон Рейнольдс. Бонвиван, выпивоха, бабник и жуир. Короче – серая дворцовая скотинка. Живет на доходы с поместья.

Лиля чуть перевела дух.

Не следовало бы так нарываться. Но они были одни, честь не пострадает, самомнение – тоже. Да и вроде как она никого не обхамила, все в пределах нормы. Она – графиня. Он – барон. Полез – огреб. Все просто и понятно. Не Фалион же первым начал, ему графиня Иртон вообще по барабану.

– Если я узнаю, – шепнула Лиля слуге, – что кто-то рассказал об этом разговоре, я опять приду во дворец. С собакой. И она тебе что-нибудь откусит. Понял?

Лакей закивал. Лиля довольно кивнула.

– А раз понял – проводи меня к покоям принцесс и подожди, пока не отпущу.

Александр Фалион протащил своего спутника до выхода из зала. И только за дверью выпустил.

– Ты что, озверел?! – возмутился Тарни. То есть барон Тарни Рейнольдс.

– Нет, это ты объясни мне, что на тебя нашло? Приставать к женщине, к тому же знатной даме, не служанке какой-нибудь. Еще бы немного – и поднялся скандал. А на тебя король и так смотрит неодобрительно.

Тарни скорчил рожу.

– Слушай, а кто эта красотка? Я ее раньше при дворе не видел.

– Я тоже.

– Надо бы разузнать.

– Хочешь – оставайся и узнавай. Мне сейчас некогда.

Действительно, виконт Фалион опаздывал. Вот что бывает, когда заночуешь у некоей пылкой дамы. Проспал, а Тарни ему вообще встретился по дороге.

– Но ты видел, какая...

Тарни показал на себе весьма выразительными жестами, какие достоинства есть у женщины.

– Видел, видел...

Нельзя сказать, что Фалион был равнодушен к женской красоте, но ему не восемнадцать, чтобы на каждую бросаться. Хотя незнакомка и его зацепила.

Только не внешностью. Хороша, этого не отнимешь. Но понравилось ему, как она отшила Тарни. Быстро и без лишних рассуждений. Такую пустыми комплиментами не возьмешь. Такими женщинами надо заниматься. Но зачем? Выгоднее найти ту, которая за колечко с сапфиром исполнит тебе все акробатические позы.

И все же...

В отличие от Тарни Фалион заметил и кольцо с изумрудом, и край обручального браслета, выглядывающего из-под пышного манжета... графиня.

Интересно, как ее зовут?

Мири рассказывала про Шерлока Холмса.

Лиля, когда начала знакомить девочку с этими историями, столкнулась с суровой правдой жизни. Половину пришлось выбросить, половину обрезать. Но кое-что проходило почти без правки.

Например, «Голубой карбункул», «Скандал в Богемии», «Пеструю ленту», «Вампира в Суссексе», даже «Собаку Баскервиль» Лилия умудрилась адаптировать. Хотя Артур Конан Дойл от такого кощунства наверняка в гробу переворачивался. Ну и ладно. Поворочается – и опять уснет. После некоторых фильмов и свободных продолжений, которые видела когда-то Лилия, ее правка была наиболее безобидной.

Принцессы слушали с открытыми ртами. Но это и понятно. Вот что читают благородным девицам? Правильно. Религиозные тексты, романы и опять религиозные тексты. И так – без конца. А ведь дети же! Им и страшилок хочется, и чего-нибудь интересенького. Поэтому Мири тоже третий час изображала Шахерезаду. Хотя и не знала, кто это такая.

Девочки успели уже выпить по несколько чашек детского вина, Мири отказалась и сообщила, что мама ей голову оторвет.

Анжелина и Джолиэтт захлопали глазами, и Мири пояснила. Лилия ей запретила любые спиртные напитки до пятнадцати лет. Потом – свободный выбор. Но пока ребенок еще растет, алкоголь вреден. Даже такой разбавленный. Вода, чай, компот – пожалуйста. Но не вино.

Пришлось посылать служанку за кувшином с холодной водой для Миранды. А заодно приказать ей принести и тазик для омовения. Ибо девочка решительно отказалась брать пирожные грязными руками.

Ополоснула пальцы в ароматизированной воде, прополоскала в ней же столовые приборы и взялась за пирожное, не забывая рассказывать:

– Этот крик разбудил всех в деревне, даже в самом отдаленном домике...

Именно на этом животрепещущем моменте в дверь поскреблись. И появилась Алисия.

– Ваши высочества, прошу простить меня за дерзость. Госпожа виконтесса, за вами мать пришла.

Мири подскочила и вылетела к Лиле.

– Мама!!!

Ребенок перенервничал. Лилия подхватила малышку, потрепала по волосам, лихо сдвинув бант на сторону.

– Мелкая, ты как тут?

– Жива-здоровая. Мам, а ты можешь к нам зайти на пару минут?

– Зачем?

– Анжелина и Джолиэтт не верят, что ты мне аварца купишь!

Лиля заметила мордашки принцесс в двери, спустила Миранду на пол и присела в реверансе.

– Ваши высочества...

– Графиня, надеюсь, вы уделите нам пару минут вашего времени, – протянула Анжелина.

Лиля вздохнула. Голова болела. Но как тут откажешься?

Спустя два часа Лиля таки погрузилась в карету. Мири дремала на руках у Лейфа.

Алисия смотрела на невестку с открытым уважением.

Что-что, а находить общий язык с детьми Лиля умела. Даже с подростками. Надо, чтобы им было интересно. А дальше они сами в вас вцепятся.

Вот девочкам и стало интересно.

Для начала их пришлось научить плести французскую косу. Тот же вариант, что у Лили. Потом подтвердить, что принц Ханганата обязательно приедет ко двору. Показать, как правильно обмахиваться веером. Рассказать еще одну историю из жизни мистера Холмса про «медные буки». Пообещать поговорить с вирманами на тему еще парочки сторожевых. Для принцесс.

Девочки были очарованы. И искренне приглашали Лилю прийти еще. Пришлось дать согласие. Все равно приезжать через пару дней.

– Дорогая невестка, кажется все прошло очень неплохо.

Алисия была искренне довольна. Лиля нахмурилась.

– Вообще-то все не так радужно.

– Что случилось? Его величество?

– Его величество остался мной доволен. И обещал прислать мне приглашение на большой прием. Вместе с посольством Ханганата.

– Это замечательно. Но что тогда?

Лиля сморщила нос и рассказала о своей встрече в коридоре. Алисия сдвинула брови.

– Рейнольдс? Знаю я его! Я завтра же королю скажу! Пусть палками его прогонят! Скотина! Совсем ум потерял!

– Может, не надо? Мое слово против его, никто ничего не докажет.

– А Фалион?

– А он будет подтверждать мои слова против своего друга?

Алисия задумалась.

– Знаю я и Рейнольдса, и Фалиона. Сложно сказать, подтвердит Фалион, или не захочет раздувать скандал.

– Вот и я его не хочу. Приехать еще не успела...

– Ладно. Я Рейнольдса сама «прополоסקаю». Еще пожалеет о своей наглости... быдло!

– Быдло?

– Он барон в шестом поколении.

Нувориш. Понятненько.

- А с Фалионом его что связывает?

- Рейнольдс - прилипала. Подхалимничает, старается, чтобы его видели в компании более знатных и богатых, ему кажется, что так он выглядит солиднее. А Фалион неплохой мальчик, неглупый, разводит скаковых лошадей на продажу. Его кони славятся на несколько королевств. Ну, после аварцев.

- Аварцы лучшие, - вздохнула Лиля.

- Безусловно. Но ханганы не хотят продавать ни одной кобылицы. А вывести эту породу ни у кого не получается.

- Незнание генетики не освобождает от ее влияния... - пробормотала Лилия едва слышно.

- Что?

- Нет, ничего. Мысли вслух. Алисия, чем мне может грозить эта ссора?

- При ней никого не было?

- Только слуга.

- Это не в счет. Мало ли что слуги болтают. Фалион промолчит, Рейнольдс тоже... Ты поступила правильно. Вот если бы ты спустила Тарни его наглость, было бы хуже. Не забывай, ты - графиня Иртон. А Джерисон - племянник короля.

- И король его любит. Очень любит.

Лилия задумчиво смотрела в окно. Алисия бросила на нее встревоженный взгляд. Но вроде бы нет, не догадалась.

- Его величество очень любил Джессимин. А они с Джайсом были очень близки. Джайс стал поверенным в любви тогда еще принца Эдмона и его самым близким другом.

- Наверное, Джессимин было очень сложно. А долго они с принцем встречались?

- Десять лет. То есть восемь лет просто так и два года после смерти ее высочества Имоджин. Пока был большой королевский траур.

- Не знаю, смогла бы я десять лет жить вот так? Прятаться, таиться... Даже детей нельзя было иметь. Они ведь незаконные.

- Это жизнь. А она часто бывает жестока.

Лилия кивнула.

И все же, все же...

Были у нее нехорошие подозрения. Но зачем их озвучивать? Это так, на крайний случай. Чтобы торговаться с мужем.

Ладно. Это потом.

- Миранда вымоталась.

- Ты возьмешь ее на прием?

- Не знаю. Не хотелось бы. Все-таки она еще маленькая.

- Я могу попросить принцесс, чтобы они о ней позаботились.

- Неплохая идея. Они согласятся?

- Да, должны. Анжелина и Джолиэтт... я никогда не видела их такими.

- Они же дети. Им тоже интересно. А принцессы они уже потом.

- Странная мысль.

- Я могу перестать быть графиней. Но я останусь Лилиан. Что бы ни случилось.
- Ты уверена, что стоит говорить такое Миранде?
- Безусловно.

Алисия с сомнением покачала головой.

А дома их ждал посыльный со свитком.

Амалия Ивельен рожала. Алисии предлагалось приехать. Женщина покривилась. И неожиданно даже для себя предложила Лиле:

- Поедем вместе?

Лиля вздохнула.

- Сейчас поговорю с Тахиром и Джейми. Пусть собираются.

- Зачем?
- Полагаю, что грамотный лекарь – дело не последнее.
- Повитуха должна справиться.

Лиля сморщила нос.

- Должна? А она об этом знает?
- То есть?

Но Лиля уже не отвечала.

- Тахир! Джейми! Собирайтесь!
- Особенно не торопитесь. Она в загородном поместье Ивельенов.
- То есть?

- Туда часа три пути. Верхом. А в карете даже чуть больше. Если сейчас выедем – приедем ночью.

- И что вы предлагаете?
- Поедем с утра. Как рассветет.

Лиля вскинула брови.

- Алисия, милая, при мне лучший докторус Ханганата. Разве он будет там лишним?

Женщина задумалась. Ехать не хотелось. Но... как поступила бы мать? Помчалась бы туда опрометью.

А Лилиан Иртон умна. Если она увидит, что Алисия ведет себя.... неправильно... Нет, такого допустить нельзя.

- Дай мне две минуты. Я сделаю пару глотков вина, и в путь.
- Мы раньше и не соберемся.

И Лиля помчалась вверх по лестнице, не переставая призывать друзей. А по пути еще и раздавая ценные указания. Марте – взять Мири и уложить спать. Лейсу – выделить охрану для ребенка. И чтобы ни на шаг! Лейфу – подумать насчет пары щенков для принцесс. Пастору Воплеру – молиться за успех. Ингрид – заняться ремонтом и прикинуть, сколько чего нужно. Лонсу – поговорить с ханганами насчет приема. А пока распорядиться на конюшне. Насчет лошадей для графинь и свиты.

Алисия наблюдала за этим ураганом в некотором оцепенении. М-да... Действительно –

Брокленд. И ничего тут не поделаешь. Остается только надеяться, что она не разозлится на Джеса. Иначе... беднягу просто сдует.

Амалия ничего не соображала.

Было больно. Очень больно.

Повитуха все чаще хмурилась. Питер внизу мерил шагами гостиную. Его отец, Лоран Ивельен, сидел в кресле и хмурился. Ему происходящее не нравилось. Но и сделать он ничего не мог. Оставалось только молиться Альдонаю.

Глава 4

Новые родственники

Лидарх рванулся с места с такой скоростью, что Лиля даже слегка отклонилась в седле. Похлопала коня по шее.

– Потерпи, мальчик. Мы с тобой еще поскачем... Но сейчас надо подождать остальных.

Лидарх покосился на нее большим лиловым глазом, и Лиля от всей души потрепала его гриву.

– Всему свое время, малыш.

Коня она обожала. Али не прогадал и заслужил вечную признательность Лилиан. Лидарх был умен, красив, обожал свою хозяйку и готов был за нее в огонь и в воду.

Лиля также готова была отгрызть голову любому за своего коня. Сама вычесывала его, наплевав на занятость, старалась уделять ему по возможности больше времени, и это дало свои плоды. Конь и всадница постепенно становились единым целым.

Лидарх чуть снизил скорость, обежал вокруг кареты Алисии.

– Я чуть-чуть вперед, а то Лидарх застоялся.

Лейс кивнул паре своих людей, и те сорвались вслед за графиней. Ничего. За городом можно немного погонять. Да и Лилиан все понимает. От охраны уходить не станет. Мало ли что, мало ли как...

Золотой конь почти летел над дорогой. Всадница словно составляла с ним одно целое. Алисия любовалась.

Почти нереально. Невероятно красиво.

Коса женщины растрепалась, и золотые волосы стелились по ветру. И куда смотрел Джес?

Как он вообще мог не разглядеть свою жену?

Алисия терялась в догадках. Джес не был дураком. Да, капризный, да избалованный мальчишка, но не дурак ведь! А чтобы не увидеть такое в женщине... Сопляк самонадеянный.

Алисия наморщила нос.

А ведь Лиля умна. И надо контролировать свое поведение. Расслабилась за долгие годы, привыкла. А графиня Иртон смотрит. И видит равнодушие за ее словами о любви к дочери.

Хотя...

Лилиан Иртон умна. Даже если она дойдет до правильных выводов, она промолчит. Алисия никогда об этом не узнает. Жить-то Лилиан хочется. А Эдоард за такое не пощадит.

Интересно, как там Амалия?

Алисия покосилась в окно. Карету взяли только ради нее. Вся остальная свита ехала верхом. Даже седобородый старик, которого Лиля рекомендовала как одного из лучших лекарей Ханганата, предпочел коня.

Может, и ей надо было?

Лоран Ивельен потягивал вино.

С Амалией что-то было не так. И сильно не так. Повитуха становилась все мрачнее. И пару раз уже буркнула, что надо бы думать, как бы не пришлось выбирать между матерью и ребенком.

Хорошо хоть детей отослали на верховую прогулку, как только началось. А если что – пусть ночуют в городском доме.

Питер был весь бледно-зеленый. А если бы его пустили, и вовсе бы в комнату к жене пролез.

М-да...

Амалию он любит беззаветно. И это еще мягко сказано. Питер жил, дышал, любил только потому, что рядом была она. И Лоран сильно опасался потерять и сына, если... А еще по старой привычке ожидал всего самого худшего.

Чего он не ожидал, так это бляения слуги:

– Ее сиятельство графиня Иртон, ее сиятельство вдовствующая графиня Иртон.

И золотого вихря, ворвавшегося в комнату.

Лилиан невольно оттягивала на себя внимание.

Среди подарков Али был и отрез желтого шелка. Яркого, живого... И Лиля не удержалась, сделала себе рубашку. Коричневая юбка-брюки и коричневый жилет с золотым шитьем, рассыпанные по бархату пряди золотых волос – как ни скалывай, как ни связывай, но при скачке все равно растреплются.

Все остальные на ее фоне смотрелись бледно.

Лоран и сам не заметил, как оказался на ногах.

– Ваше сиятельство...

– Ваша светлость!.. – Лоран только сейчас заметил Алисию. Как всегда строгую, чопорную, в простом зеленом платье с роскошной кружевной шалью, за которую ему бы пришлось месячный доход отдать. Интересно, откуда такая роскошь? Надо бы выяснить. – Позвольте представить вам мою невестку. Ее сиятельство графиня Лилиан Иртон.

Лиля чуть поклонилась. Едва-едва, в той мере, которая допустима. Родственное приветствие с нотками дружеского расположения.

«Перед родственниками можно не кланяться. Так, слегка, госпожа. Наклоните голову... замечательно».

Спасибо, Лонс.

– Мне... – Лоран аж заикаться начал. Вот чего он не ожидал, так это златовласой красавицы в своей гостиной. – Я счастлив приветствовать ваше сиятельство в моем скромном поместье.

Красавица чуть улыбнулась. Зеленые глаза вспыхнули смешливыми искрами.

«Она понимает, какое впечатление производит, – мелькнула мысль у Лорана, – и вовсю этим пользуется!»

Он не ошибся.

Лиля и знала, и понимала, и пользовалась без зазрения совести.

– Я тоже счастлива быть здесь, тем более по такому радостному поводу. Вас уже можно поздравить?

Лоран помрачнел. Но прежде, чем он успел что-либо сказать...

Повитуха вошла без стука.

– Ваша светлость, герцогиня теряет силы. Еще немного, и нам придется выбирать между матерью и ребенком. Если не случится чуда.

Лиля даже не шевельнулась, но по комнате повеяло чем-то таким...

– Со мной лучший лекарь Ханганата Тахир Джиаман дин Дашшар. Ваша светлость, с вашего позволения...

– Да-да! – Питер вмешался так резко, что даже Алисия вздрогнула. – Прошу вас, графиня. Может быть, ваш лекарь...

– Тахир! Джейми!

Лоран вздрогнул. Оказывается, вслед за графинями в зал набилась еще толпа народу. И сейчас от этой толпы отделились двое. Один – сопливый еще мальчишка с растрепанными светлыми вихрами. Второй – седобородый старик в традиционных одеяниях Ханганата.

– Ваше сиятельство, – поклонился старик. – Я готов следовать за вами.

– Тогда... Ваша светлость, позовите слуг!

Лоран, ничего не понимая, хлопнул в ладоши.

– Джим!

Слуга появился через секунду. И был тут же взят в оборот:

– На кухне есть горячая вода?

– Д-да... ваше сиятельство.

– Проводи нас туда.

– Н-но...

– Нам надо вымыть руки с дороги и умыться, – пояснила Лиля. – И надо нагреть как можно больше воды.

На тему гигиены она не обольщалась. Попахивало от герцога весьма выразительно.

На кухне на Лилю смотрели в полном шоке. Но благородная графиня может чудить, как ей угодно. Кому-то что-то не нравится?

Та-ак...

– Ваше сиятельство, – Тахир едва шептал, – я почти не принимал роды.

– А гарем?

– Взгляд на жен Хангана карался смертью. Мне могли показать, что болит и как – на кукле. И можно было говорить с женщинами из-за занавесей.

Лиля только присвистнула. Ну не фига себе! И они еще живут при таком уровне медицины?

– Я тоже роды принимал еще в Альтвере, – подключился Джейми.

Лиля вздохнула. Она сильно подозревала, что по сравнению с местными повитухами она – светило медицины.

От повитухи... попахивало. А под ногтями у нее можно было сажать картошку. В три ряда.

Слуги с опаской переглядывались, пока женщина и двое мужчин тщательно промывали руки, протирали лица, Лиля скрепила непослушные волосы и убрала их под жилет.

Белые накидки у них с собой тоже были. Только накинут они их в комнате. Чтобы народ не шокировать.

Ну, вот и дверь...

Амалия лежала неподвижно. Боль туманила разум. Поэтому, когда над ней склонилось нежное женское лицо, она сначала подумала, что это бред. К тому же настой, который давала ей повитуха, чтобы приглушить боли, тоже бил по мозгам.

Женщина улыбнулась. Солнце, пробившееся в маленькое окно, вспыхнуло золотом в ее волосах. И Амалия подумала, что умирает.

- Ты сияющая?

Женщина покачала головой. И Амалия вцепилась ей в руку.

- Не забирай меня! Я не могу пока уйти! Пока - нельзя!

- Не беру.

Лиля высвободила ладонь из цепких пальцев.

- Ну-ка давай посмотрим, что тут у нас...

Ребенок появляться не желал. Интересно, он хоть жив? Лиля приложила грубо сделанный деревянный стетоскоп. Пусть хоть такой пока... Сердцебиение определенно было.

Лиля брезгливо сорвала с кровати грязную простыню. Загремело по полу. Это что? Кинжал! Да какой... Отделанный золотом и драгоценностями. Зачем?

- Что тут делает эта гадость?

Повитуха выпрямилась и поджала губы.

- Роженице обязательно надо подложить в кровать нож. Чтобы он разрезал боль. И к тому же мальчики быстрее вылезают к оружию.

ТЬфу!

- Джейми! Тахир!

Джейми схватил повитуху за плечи и потащил к двери. Тетка пыталась вырваться, но куда там. Юноша открыл перед ней дверь и проводил напутственным пинком.

- А ну пошла, ворона!

Дверь хлопнула. Опустился засов, парень еще успел увидеть, как перед дверью встают двое ребят Лейса. И вернулся к графине.

Амалия застонала в очередном приступе, и Лиля решилась действовать.

- У нас есть обезболивающее? Джейми, ей небольшую дозу.

Джейми повиновался. Влил Амалии ложку горького зелья, которую та машинально проглотила. И принялся наблюдать, как графиня колдует возле женщины, вызвав у той очередной болезненный стон.

- Ничего. Потерпи еще немножко, девочка. Еще чуть-чуть.

Амалия чуть слышно простонала, и на руках у Лили оказался ребенок. Небольшой такой... не самый симпатичный... но зато живой. Он открыл ротик и заорал так, что ставни задрожали.

Лиля, не глядя, сунула его Джейми и вернулась к роженице. Амалия застонала, еще раз, потом еще, и на кровать упал второй живой комочек. Которым и был осчастливлен Тахир.

Амалия опять застонала, и Лиля подошла так, чтобы женщина ее видела. Синие глаза крепко затуманены обезболивающими, но какое-то соображение в них было.

- Я... мертва?

- Нет. Все хорошо, у тебя два чудесных ребенка... Кто? - Сама она как-то и не взглянула.

- Мальчики, - откликнулся Тахир.

- Вот. У тебя два мальчика.

Амалия вяло зашевелилась, и Лиля кивнула мужчинам. Малышей, завернутых в белую ткань, положили к маме. А те орали от души.

- Тахир, а вы поместили, кто родился первым? - Лиля сомневалась в своей способности различить малышей. Для нее они все были на одно лицо.

- Да, учительница.

Лиля сверкнула на мужчину глазами, но Тахир невозмутимо отвесил ей церемониальный поклон. Руки у груди, глаза в землю...

- Госпожа, спасибо вам за свет новых знаний.

Пришлось изображать то же самое.

- Благодарю за помощь, друг мой.

Лиля мрачно подумала, что не избежать ей написания учебника.

За этот день Питер пережил несколько смертей.

Лоран не ошибался. Свою жену наследник герцогства Ивельен любил до умопомрачения. Встань вопрос - мать или ребенок? - Питер выбрал бы мать. И если бы Амалия умерла при родах, наверное, быстро согнал бы себя в могилу.

Первая «смерть» у него была, когда начались роды. Жене было больно. Из-за его ребенка.

Из-за него... Боли Питер не боялся. Случались у него и дуэли, и поединки, но одно дело, когда ты сам. Ты - мужчина. Сильный, умный, храбрый... да, в конце концов, ты защищаться можешь!

А это - женщина. Слабая. Любимая. Единственная. Которая может только молиться Альдонаю.

Питер знал, что результат родов во многом зависит от Бога. И оставалось только молиться.

Увы...

То ли праведности не хватало, то ли адресата.

Альдоной решительно не желал слушать. И все чаще доносились крики, в которых уже не осталось ничего человеческого. И все мрачнее становилась повитуха.

Появление графини Иртон ничего не меняло для Питера. Что она может? Поддержать его за руку? Да если бы ему предложили обменять жизни всех находящихся в поместье на жизнь его Амалии, он бы не колебался ни секунды. Но ведь не предлагали...

Когда графиня сказала про докторуса, Питер ощутил прилив надежды.

Ханган?

Да хоть сама Мальдоная! Лишь бы помогло!

Докторус, правда, оказался странным. И потребовал как можно больше горячей воды и умыться с дороги, вместо того чтобы тут же пойти к роженице. Но мало ли, как у них принято?

Удивительнее то, что вместе с ним мылись еще графиня и молодой человек, прибывший в ее свите. И поднялись они все вместе. Втроем. Отец Питера хотел было это пресечь, но в него вцепилась Алисия.

– Герцог, не мешайте им.

– Графиня?

Интонацией Лоран предлагал дать пояснения. И Алисия не сплеховала.

– К Тахиру едут даже из Ханганата. Сейчас в Ативерне находится принц Ханганата Амир Гулим.

– Хорошо. Тахир – лекарь. А остальные двое?

– Джейми – травник.

Лоран смягчился. Травник – это полезно.

– А ваша невестка?

– Тахир не поехал в Ханганат именно из-за нее. Лилиан – его любимая ученица, и он с ней не расстанется.

– Ученица?

– Моя невестка потеряла ребенка. И решила научиться всему, чтобы впредь такого не повторилось.

– Все в воле Альдоная.

– Кроме козней подлецов.

– То есть?

– Ребенка моя невестка потеряла из-за какого-то мерзавца. Ну ничего, король найдет этого негодяя, – пояснила Алисия.

Питер почти не прислушивался. Не до того.

Сверху доносились стоны.

Иногда они затихали, и мужчина чувствовал прилив надежды. Но детский плач заставлял себя ждать. А стоны были все отчаяннее. Потом они вовсе стихли. Или просто стали не слышны?

На повитуху, которая разгневанно вошла в комнату, Питер обратил внимание сразу же.

– Что случилось?

– Меня выгнали! – возмущенно заявила женщина. – А если в моих услугах не нуждаются, я ухожу.

Повитуха имела полное право возмущаться. Ее звали в самые богатые дома, она считалась одной из лучших... И нате вам! Девчонка (пусть и с графским званием, графья – они тоже рожают) приказывает ее выгнать, мальчишка выпихивает за дверь... Да пропади оно пропадом!

И к тому же... Повитуха сильно подозревала, что это кончится либо смертью матери,

либо смертью ребенка, а значит, надо держаться отсюда подальше. Такие случаи вредны для репутации.

– Подождите! – Лоран встал. – Вам заплачено, так что извольте вернуться и помочь...

– Ваша светлость, меня выгнали и закрыли дверь изнутри, – медленно повторила повитуха.

Свалить все на этих мерзавцев! Пусть сами отдуваются за смерть маркизы.

– Но... кто?

– Графиня.

– Н-но...

Стоны неожиданно прекратились или стали тише.

Питер бросился вверх по лестнице.

Мужчине не стоит присутствовать? Плевать! Там его жена и его ребенок!

Перед дверью спальни стояли двое мужчин. Незнакомых.

– Нельзя.

– Что?!

Питер не столько разозлился, сколько был в шоке. Ему, герцогу Ивельену, в его же доме...

– Графиня приказала не мешать. Вот и не мешайте.

– Да вы понимаете, с кем говорите? Я вас на конюшне до смерти засечь прикажу! – взвился Питер.

Двое мужчин смотрели абсолютно безразлично.

– Ваша светлость, графиня приказала никого не пускать. Вот и не пускаем.

– Я тут хозяин!

– А графиня вашей жене помогает. А если вы помешаете, может быть только хуже. Ваша светлость, вы поймите, мы люди подневольные. Графиня нас тогда тоже заперет...

Жан Корье нагло врал. Он отлично знал, что пороть Лилиан никого не прикажет. Скорее всего, выкинет вон. Но этого тоже не хотелось.

У графини было интересно. Выдали форму, учили новому, кормили от пуза, щедро платили, да еще и... Что привлекало людей в Лилиан Иртон – это ее отношение. Она ни на кого не смотрела свысока, мол, я – графиня, а вы – быдло. О нет. Она могла поговорить даже с золотарем. Она могла выслушать, ей всегда можно было пожаловаться, и, если ты прав, графиня решала вопрос в твою пользу.

И Жан сам не заметил, как стал служить ей по-настоящему.

Не за страх или деньги, нет. Просто потому, что она такая. Ее сиятельство Лилиан Иртон. И этим все сказано. И если она (пусть устами Джейми) приказала никого не пропускать – никого и не пропустят. Даже если придется драться. Хотя до этого вряд ли дойдет – парень, сразу видно, не боец.

И верно. Питер сломался.

Опустился прямо на грязный пол, вздохнул:

– Альдонай... помоги!

Мужчину охватывало отчаяние. А еще он знал – если Амалия умрет, он покончит с

собой. Просто заколется кинжалом. И плевать на все. Без Амалии он жить не сможет. Это было сродни смерти. И Питер готовился к самому худшему.

А потом из комнаты (через год? Через миг?) донесся детский крик.

Яростный и громкий, он разорвал пелену отчаяния. И Питер «умер» в третий раз.

Что ему ребенок? Была бы жива Амалия.

Но крик повторялся. Громкий, яростный, живой. А потом скрипнула дверь.

На пороге стояла графиня Иртон. Вся, с ног до головы, закутанная во что-то белое, толстенная золотая коса опять растрепалась. Но зеленые глаза светились.

- У вас близнецы, ваша светлость. Два мальчика. Оба здоровы и весьма симпатичны.

- Амалия? - выговорил Питер, почти мертвея от ужаса в третий раз.

- С ней все будет хорошо. Я дала ей снотворное. Так что найдите детям кормилицу. Ну и уход потребует... ся.

Слово оборвалось по простой причине. Питер Ивельен, герцог и аристократ, сгреб женщину в объятия так, что та только выдохнула. Силушки герцогу было не занимать. И радости - тоже. А сейчас все это выплеснулось наружу. И на пути радости оказалась ни в чем не повинная графиня.

- Ваша светлость! Пустите!! Раздавите!!!

Питер покружил графиню по комнате и наконец выпустил. Бросился туда, где мирно спала Амалия. И рядом с ней попискивали два маленьких свертка. Опустился на колени. Коснулся щеки жены. Теплой, розовой... И только сейчас поверил, что все в порядке.

- Графиня, я ваш должник навеки.

Лиля смущенно улыbnулась.

Такого счастья, которое лилось из карих глаз Питера, она ни у кого еще не видела.

- Все в порядке, ваша светлость.

Герцогенок, только обратив внимание на Тахира и Джейми, бросился к ним.

- Господа! Господин дин Дашшар! Господин ...э-э-э...

- Мейтл. Джейми Мейтл, травник, - отрекомендовался парень. Но, пока его титул не утвержден, пусть будет так.

- Господин Мейтл! Если вам понадобится какая-нибудь помощь - клянусь, Ивельен в любой миг будет в вашем распоряжении...

- Это наша работа, ваша светлость. - Тахир был величественен как никогда.

- Чудо привело вас в мой дом, господин дин Дашшар.

- Ее сиятельство Лилиан Иртон - чудесная женщина, - безмятежно согласился Тахир.

Лиля спорить не стала.

Откинула назад тяжелую косу и кивнула своим людям на дверь.

- Ваша светлость, вы, наверное, побудете с женой и детьми?

Питер радостно закивал.

- Да-да, графиня...

- Мы еще успеем увидеться. А пока я поговорю с вашим отцом. Вам нелегко дался этот

день, отдохните.

Питер кивнул. И опустился на колени рядом с кроватью.

Графиня Иртон спасла ему и жену, и детей. Он подумает об этом потом. Сейчас он просто хотел побыть со своей семьей.

Лиля вышла и привалилась к стене возле спальни.

- Фу-у-у-у. Нет, ну что за идиоты!

- Ваше сиятельство?

- Одна повитуха, и та кинжалом на голову урезанная!

- Да нет же. - Джейми чуть улыбнулся. - В таких случаях обязательно приглашают докторусов.

- И где они? - Лилия едва не зашипела кошкой.

- Сидят и ждут. Их дело, чтобы дети были здоровы.

- А помочь?

- Ваше сиятельство, так это ведь неуместно - чтобы мужчина да в такие материи...

Лилия покрыла материи так, что даже стражники присвистнули. Хотя половину и не поняли.

Вниз спускались сначала Жан и Рем, потом Лилия, у которой, честно говоря, ноги подгибались, потом Тахир и Джейми. Лилия всю дорогу выплескивала свое возмущение идиотками-повитухами и идиотами-докторусами. Которых скрестить бы да оставить без помощи, чтобы точно передохли. И не размножались!

Баба умирает, а они там вино лакают?! Да им это вино с другой стороны влить надо! Ведерной клизмой! Вот! Лилия, может, и промолчала бы, но сейчас она ощущала себя так... Обратно, наверное, надо ехать в карете Алисии. Или хотя бы часок отдохнуть здесь.

Сейчас, когда пошел откат адреналина, ее просто трясло.

Да, зачет по акушерству она заслужила честно. И маме помогала в свое время. Гарнизоны - место такое. Фельдшеру чего только делать не приходится. И рядом были люди, умные, опытные, знающие. И обезболивающие, и антисептики, и капельницы. Но самой ей такое пришлось делать впервые.

Тогда - да.

Теперь же...

Лилия до самого последнего момента думала, что ребенок один. И ей-ей, дурного везения в ее действиях было больше, чем ума.

Ноги подкашивались. Голова кружилась. Тошнило. Все симптомы стресса на организм, разом.

- Сейчас бы фронтовых сто грамм, - произнесла она.

- Ваше сиятельство?

- Выпить хочется, - честно призналась Лилия Тахиру.

- Почему бы нет? Вы заслужили. Ваше сиятельство, а могла герцогиня сама?..

Лилия покачала головой.

- Если бы мы не помогли, она бы умерла.

– Умерла?

Естественно, дверь перед Лилей открыли именно в этот момент. И конечно, Лоран Ивельен услышал только последнее слово.

– Умерла? А ребенок?

– Ваша светлость, успокойтесь, – взмахнула рукой Лиля. – Несмотря на все усилия повитухи, ребенок жив. Оба. И Амалия жива. У нее сейчас Питер. Я ей дала снотворное, пусть отдохнет.

– Сейчас.

Лоран кивнул дворецкому, и тот опрометью бросился на кухню, распоряжаться.

– Графиня, что было с моей невесткой?

– Когда детей двое, они друг другу мешают. – Тахир влез в разговор, за что Лиля была ему только благодарна.

– Вы...

– Графиня Иртон под моим руководством. – Тахир был безмятежен и величав.

– Н-но...

– Это не самый сложный случай. А графине надо учиться.

Ивельен только головой помотал. Такого заявления он точно не ожидал. Да и Алисия.

– Лиля, с моей дочерью все в порядке?

– Вы снова бабушка, Алисия. – Лиля подарила ей улыбку. – Дважды. Два мальчика-близнеца. И как вы их будете отличать, ваша светлость?

– Э-э-э-э...

– Мы повязали им ленточки на руки. Старшему – беленькую. Младшему – зеленую.

– Ваше сиятельство, я ваш должник. Сам Альдонай привел вас и ваших сопровождающих в наш дом. А ну стоять!

Рык относился к пытающейся незаметно выбраться из гостиной повитухи.

– Ты куда это? Значит, надо выбирать между матерью и ребенком? Да?! Я тебя на конюшне запороть прикажу, дрянь!

– Ваша светлость, у вас радость. Простите ее, – тихо попросила Лиля. Чего ей не хотелось, это разборок в ее присутствии. Может, она бы и не полезла. Но ей было плохо. Упасть бы... в горячую ванну.

Повитуха бросила на графиню какой-то странный взгляд. Герцог не стал спорить.

– Ладно. Иди уж, раз ее сиятельство просит. Эй, там, проводить ее до ворот! Графиня, я могу что-нибудь для вас сделать?

– Да, ваша светлость. Мне нужно вымыться и отдохнуть.

М-да, надо развивать еще и школу акушерства. И как со всем этим справиться?

Школу... а ведь можно.

Лиля покусала губы.

Анатомия может рассказывать и Тахир. Кстати, надо бы кого-нибудь вскрыть, чтобы убедиться в отсутствии отличий. Миры разные, может, у местных печень с селезенкой местами поменялись или аппендикса нет? Кто их знает. Травы прочитает Джейми. Что-то даст она. Но имеет смысл готовить несколько видов. Как в медколледже. Три года, и

ты готов хоть к черту в пасть. Или в районную поликлинику, что не намного лучше.

Смешно?

Так в некоторых районах в поликлиниках натуральное средневековье.

Если бы можно было, Лиля бы всех чиновников обязала лечиться только в районах. Заболел? Езжай, лапа, в Лебедянь. Или Закопыткино! Или Скопино!

Короче, по месту приписки. А не в Швейцарию или Англию. Мигом бы районные больницы подтянули до европейского уровня!

До того доходило, что капельницы нормальной не оставалось.

Надо это обдумать. И поговорить с королем. Эдоард наверняка будет заинтересован в бесплатной медицине. Можно будет брать сирот с улицы, воспитывать при школах, создавать интернаты. Правозащитников тут еще лет тысячу не увидят, поэтому вопить о правах сирот никто не будет. И можно будет воспитать детей правильно.

С нужной профессией в руках.

Выспаться не удалось.

Блохи-с... Которым плевать, кого кусать. Они про титулы не знают, они кусаются.

Лиля полночи мечтала о родном, обожаемом, великолепном дихлофосе. Потом плюнула, стащила с кровати одеяло, благо оно было дико толстым, завернулась в него и остаток ночи провела в кресле. Там тоже кусали. Но на порядок меньше.

Так что с утра женщина была доброй, как шершень.

А вы как хотели? Не успеешь заснуть – тебя цапают за сидалище. Просыпаешься, чешешься, опять пытаешься заснуть, и тебя цапают еще за что-нибудь... А потом по второму кругу.

Так что когда в дверь поскреблись, женщина была готова на подвиги. Например, зарубить дракона, загрызть герцога... Ладно. Они все так живут. Они не виноваты.

Лиля потребовала от слуги таз с горячей водой, вызвав искреннее недоумение, и принялась за разминочный комплекс.

Итак. Разминка. Шея, руки, талия, ноги. Разогрев, а именно – аэробика. Интенсивное движение. Смесь армейского комплекса с шейпингом творит чудеса. И жир сгоняет, и мышцы нарабатывает, только себя жалеть не надо. И Лиля выполняла упражнения с редким остервенением.

Махи руками, ногами. Не просто так, нет. Если машешь рукой – представляй перед собой врага, и в нос ему! А потом в печень! И ногой так же! И спуску не давай! И разогреешься, и злость спустишь.

Растяжка. Шпагат нам не надобен, но мышцы тянуть надо. Так оно полезнее. Садимся в плие. Прыжок. И приземляемся в то же плие. Отлично подтягивает. Заодно поборемся с целлюлитом и вторым подбородком. На разогретое тело это самое то. Есть упражнения.

И под конец постоять в кибя дачи. Минут пять хотя бы.

А что?

Ей еще рожать.

Прожить всю жизнь монашкой Лиля не собиралась. Дети рано или поздно будут. А готовиться к их рождению надо года за три. Разрабатывать мышцы. А то проходили мы это. Скулят, понимаешь, по роддомам – ой, у меня боли, ой, у меня спина, ой, у меня что-то не так...

А откуда, простите, оно будет так? Ты попу-то подними, родная! И вперед! Двигаться! Акула всю жизнь двигается и на боли не жалуется. А ты – офисный работник. Весь день в кресле, самая серьезная нагрузка – папку с бумагами перенести, потом в машину – и домой. Там тоже на лифте, а в квартире все за тебя сделает бытовая техника. Ну и чего тут ждать?

Конечно, внутри не мышцы, а сопли. И чему тут удивляться? И ведь мало кто осознает это *до* проблемы.

А врачи ругаются. Не со злости, нет. Потому, что семьдесят процентов болезней именно от недостатка движения и нагрузки на нужные мышцы. И таблетками это не вылечишь. А еще иногда – глядя на детей и понимая, что ты тут ничем не можешь. Просто не можешь помочь, потому что человек не помогал себе сам. И становится тошно и больно.

Женщина – это прекрасный цветок. Но чем больше он распустится, тем быстрее завянет. И помнить об этом надо каждый день и час. И вести себя соответственно. Или не плачь потом, что больно. За лень так и расплачиваются. Болью, слезами, детскими болезнями, потому как запущен организм... Жестоко? А жизнь вообще штука нелегкая.

Лиля подскочила из стойки, выполнила несколько ударов руками и улыбнулась.

А ведь не так плохо.

Если посмотреть, что было и что стало? Была квашня. Сейчас же... Ну, на топ-модель мы не тянем. Ибо не вешалка. Есть и грудь, и попа... Но, простите за грубость, уже не расплывшаяся квашня, а нормальная русская женщина. Бедрa широкие? А ты талию давай делай поуже. И смотреться будет отлично.

Тренировка, дрессировка, ежовые рукавицы и трусы из шкуры дикобраза. Чтобы иголки в попе спокойно жить не давали. И результат будет вполне ощутим!

В дверь поскреблись, Лиля завернулась в одеяло и впустила слуг.

И с удовольствием принялась плескаться в тазике с горячей водой.

Ванну – дома. А тут хотя бы так. Обтереться, вытереться насухо и надеть... Взять с собой смену белья Лиля не озаботилась. Не думала, что придется задержаться на ночь. А то, что было, стало несвежим – скачка, лошадь.

Как там Лидарх, интересно? Она вчера была не в том состоянии, чтобы обиходить коня, так что надо сейчас взять кусок подсоленного хлеба, пару яблок, и вперед. Заглаживать свою вину перед мальчиком. Он-то привык к хозяйским рукам, теперь дуетя.

Внизу пока еще никого не было. Так что Лиля отловила одного из слуг и объяснила, чего хочет. Тот покивал и провел женщину на кухню. Дородная кухарка тоже поклонилась и без единого слова выдала требуемое. Лиля только головой покачала.

Хорошо их тут герцог дрессирует. Душевно. У нее на кухне... нет, Лория бы все выдала. Но обязательно донесла бы хозяйке. И смотрела бы при этом...

Эввиры вообще-то жутко прижимисты. Если ты гость – можешь получить запрошенное, но с дозволения хозяев. И никак иначе. А то повадятся тут. На всех не напасешься.

Здесь такого не было. Ну и пусть, ей же легче.

Конюшни оказались здоровенным сооружением, размером с казарму. И каждая лошадь содержалась в стойле размером с однокомнатную квартиру. Лидарха тоже не обидели. Но выглядел аварец...

Лиля не знала, как это лучше выразить. Но, когда это твое животное, когда ты с ним *срастаешься*, ты начинаешь думать по-другому. И видишь его тоже по-другому. Находишь в нем много человеческих черт, начинаешь понимать его, уважать, признавать право на свое мнение, да самое простое... кто-то скажет, что у Нанука – морда? Лиля, например, считала, что морда у Дамиса Рейса. А у Нанука и Лидарха лица.

Вполне умные и человечные.

Это такие же живые существа, со своим характером, со своими принципами и логикой. Ты ее не понимаешь? Вспомни дедушку Дурова. Ведь кого только не дрессировал. Так, может, беда не в животном, а в тебе?

Впрочем, это уже было не важно. Потому что Лидарх заметил хозяйку и вскинулся с радостным ржанием. Мол, ты, конечно, зараза, бросила меня одного, но я тебя все равно рад видеть.

Лиля скормила ему круто посоленный хлеб, несколько яблок, потом потребовала у конюха, который обнаружился неподалеку, скребницу со щеткой и принялась как следует обихаживать коня.

Аварец млел.

Не то чтобы ему требовался тщательный уход, конюхи тут были отличные. Но мы в ответе за тех, кого приручили. В том числе. И в красивой одежде в конюшню пойдешь.

Хотя...

О чем тут речь?

Изначально одежда была красивой. И ехала Лиля, рассчитывая поздравить хозяев. И Тахир, и Джейми были с ней – так, на всякий случай.

Но когда пришлось работать...

Сначала ты три часа едешь в этой одежде. Потом в ней же принимаешь роды... Кровавых пятен не осталось, но, простите, мокрыми у Лили под конец были и голова и попа. За один такой случай пять кило потеряешь. А потом никто ведь не додумался не то что простирнуть шмотки – по старому лентяйскому обычаю за окошко вывесить!

Так что еще вопрос, от кого сильнее припахивало. От Лили или от лошади?

Лиля тихо разговаривала с Лидархом, рассказывая, что лучше коня на свете просто нет, расчесывая роскошную гриву, и тоже наслаждалась процессом. Релаксация – она и такая бывает.

А одежда... а плевать! Графиня она или нет?

Заработаем себе на шмотки! Никуда не денемся!

Так их и застал герцог Ивельен.

– Ваше сиятельство...

Лиля едва не подскочила от неожиданности. Слишком уж увлеклась общением с конем.

– Ваша светлость, доброго вам утра... Как себя чувствует маркиза?

– Я у нее еще не был. Но Питер провел там всю ночь. Полагаю, если бы что-то было не в порядке, он поднял бы на ноги весь дом.

Лиля вздохнула.

Где бы себе такого найти?

Чтобы не дурак, симпатичный, богатый, родовитый и еще любил без памяти? Если только в сказке. Там как раз каждый третий герой такой. А в жизни получаешь на руки головастика и начинаешь активно заниматься выращиванием. Увы...

– Я полагаю, перед отъездом Тахир захочет еще раз осмотреть виконтессу. Надеюсь, вы не будете против?

– Что вы, графиня. И можете называть меня Лораном. Мы же родственники... И я вам сильно обязан. Если бы с Амалией что-нибудь случилось, Питер бы с ума сошел.

– Если бы вообще выжил, – мрачно прокомментировала Лиля. – На него вчера смотреть было страшно. Кстати, можете называть меня Лилиан. Раз уж мы родственники.

Улыбка, играющая на губах женщины, понравилась герцогу. Графиня достаточно умна, чтобы не отказываться от предложения дружбы и признательности. И отлично понимает, что это – до определенного предела. Но... невестку ему она и правда спасла.

– Лилиан, а зачем вам это лѐкарство? Вы же не собираетесь становиться докторусом?

– Разумеется, нет (хотя бы потому, что мои знания на порядок... на несколько порядков выше тех, что есть у докторусов). Но иногда это может принести немалую пользу. Если бы мы вчера не оказались здесь, Амалия умерла бы. А если бы господин дин Дашшар не начал учить меня – все равно пользы не было бы. Ребенка надо было повернуть, а у него недостаточно тонкие руки. Пришлось мне.

Лоран поехал.

– Это неподходящее занятие для знатной дамы.

– Да. Но иногда нет выбора. Ваша светлость, я хочу предложить вам кое-что.

– Лоран, Лилиан. Для вас – Лоран.

– Хорошо. Лоран, Амалии потребуется специальный уход еще около месяца. Роды были тяжелыми.

– Да. И вы хотите....

– Тахир обучает меня, как учили его. Но ухаживать за больными он обучал еще вирманок.

– Вирманок?

– Так получилось.

– Я думал, вирманки не выезжают с острова...

– Это стечение обстоятельств, – пожала плечами Лиля. – Я могу прислать вам нескольких женщин, чтобы они ухаживали за роженицей. Маркиза Ивельен достойна всего самого лучшего. Не так ли?

– Например, вирманок в прислуги?

Искры в глазах Лорана плясали, подсказывая, что обижаться не стоит.

– Например, специально обученных женщин, которые сумеют вовремя распознать опасность и позаботиться о матери и детях.

– Хм... Пожалуй, я буду не против.

Лиля чуть склонила голову, пряча победный блеск в глазах.

Есть первая поклевка. А потом... потом начнется раскрутка. А почему нет? Сама маркиза Ивельен в первых пациентках, не хвост кошачий. А к тому же...

Еще из прошлой жизни Лиля вынесла простое убеждение. Слова Эйнштейна: «Относительно родственников можно сказать много чего... и сказать надо, потому что напечатать нельзя», – ей не были знакомы. Но зато...

Например, у Татьяны Викторовны был братец, который из-за конуры (комната в рассыпающейся хрущевке) чуть не свел в могилу родную мать. Ситуация там была очень некрасивая. И хотя почти все остались живы и здоровы, а бабушка Лилю еще вязать научила, но Лиля с тех пор подсознательно считала, что хорошего от родственников ждать не стоит. Особенно там, где замешаны деньги. А Иртоны богаты. И стали еще богаче за счет брака... Черт его знает, как там у Ивельенов, но доверять родственникам надо с большой оглядкой.

Категорический императив. Точка.

Вирмане могли быть полезны в этом плане. Слуги многое знают. И поневоле будет что-то крутиться: слово здесь, сплетня там.... О враге надо собирать информацию.

Родственники не бывают врагами?

Это вы с ними денег не делили.

Лидарх толкнулся носом в графское плечо, заставив женщину повернуться обратно.

- Солнышко мое! Извини, заговорила и забыла про моего красавца. Подожди минуточку, сейчас я.... Лоран, вы не возражаете, если я...

- Разумеется, нет. Это потрясающий конь, и он заслуживает самого лучшего ухода.

- Как и маркиза...

- Да присылайте вирманок. Я согласен.

- Хорошо... Повернись, золотой мой... вот так, а теперь мы и тут почешем.

- Графиня, а вы не хотите продать коня? Я заплачу любые деньги.

Лиля покачала головой.

- Простите, ваша светлость, но это подарок.

Герцог нахмурился, но кивнул с пониманием:

- Королевский подарок.

Лиля не стала говорить, что королю и предназначалось. Али просто перехватил коня для нее.

- О да.

- Надо будет спросить графа, как он раздобыл такую редкость.

- Это подарок не графа. Али Ахмет дин Тахирджиан из рода Стражей караванной тропы преподнес мне Лидарха в благодарность за спасенную жизнь.

- Спасенную жизнь?

- В Альтвере господин дин Тахирджиан случайно оказался на пути разъяренного быка. Который не знал о его статусе. И забодал бы беднягу, если бы не я и моя охрана. Вот и...

Да, Лиля недоговаривала. И что? Не на исповеди! Перетопчется!

- Понятно... Графиня, у вас настоящий дар. Оказываться в нужное время в нужном месте.

Лиля пожала плечами.

- Я не задумывалась. Но все в воле Альдоная.

Алисия ждала их в гостиной. Там же присутствовали Тахир и Джейми.

- Лилиан, милая, как спалось?

Лиля улыбнулась свекрови:

- Да блохи кусались. А так все в порядке. Как Амалия?

- Я ждал вас, чтобы сходить и осмотреть больную, - тут же подключился Тахир.

Лиля улыбнулась.

– Хорошо. Лоран, вы не возражаете?

– Разумеется, Лилиан.

Алисия только брови вскинула. И тут же вцепилась в герцога. Стоило только Лилиан со свитой выйти из комнаты.

– Я смотрю, вы нашли общий язык с моей невесткой?

– Лилиан Иртон – весьма интересная женщина. И да, – Лоран довольно улыбнулся, – с ней интересно разговаривать. Она очень... необычная.

– Так Брокленды же. – Алисия и сама замечала необычность Лилиан. Но одно дело – сумасшествие, а другое – эксцентричность. – Что вы хотите от дочери Августа?

– Брокленд... ну да, этот корабел... из простонародья, кажется?

– При Лилиан так не скажите. – Алисия подметила в голосе Лорана оттенок пренебрежения. – За своего отца она и в огонь и в воду. Да и вообще за своих любимых...

– Своеобразное качество.

– Она – дочь Августа. Отец сам ее воспитывал в глуши, до самого замужества, в свет она не выходила, с людьми почти не общалась...

– М-да. Понятно, откуда что взялось. Графиня, а почему ваш сын запер такую потрясающую женщину в деревне? Я бы понял, если бы был скандал или она сразу же забеременела бы. Но ведь... Или я чего-то не знаю?

Алисия мысленно выругала «сыночка».

– Полагаю, что они просто не нашли общего языка.

А что тут еще скажешь? Джес – болван? Так это ему и без нас скажут.

Лоран покивал и даже вежливо согласился. Хотя было видно, что герцог ни капли не поверил.

Ладно. Потом они с Лилей придумают, что кому говорить. А светская версия – именно такая. Не сошлись характерами. Не поняли друг друга.

И отвалите все! Развелось «подсвечников», каждый так и норовит свечку подержать возле чужих дел!

Амалия лежала в кровати. Питер сидел рядом и держал жену за руку. Лиля только вздохнула.

Где-то ты, мой единственный, который так же будет сидеть рядом? Гуляешь, а мне тут плохо без тебя...

– Доброго утра, маркиз. Маркиза...

Питер отпустил руку жены, встал и раскланялся.

– Ваше сиятельство, я рад вас видеть.

– Взаимно, маркиз. Но мы по делу.

– Что-то не так? – тут же насторожился Питер.

– Перед отъездом я бы хотел осмотреть госпожу и детей еще раз. Чтобы убедиться, что все идет как положено, – вмешался Тахир.

Питер только кивнул.

– Да, разумеется. Мне нужно присутствовать при осмотре?

- Если пожелаете. Обещаю, ничего неприличного не будет. - Последняя фраза была уже обращена к зардевшейся Амалии. Лиля в это время рассматривала сестру мужа.

Красивая женщина. Вчера как-то было не до внешности. А сегодня можно заметить, что у нее шикарные черные волосы, большие синие глаза и хорошая улыбка. Если Джес похож на нее... сама знаешь, что похож.

Только вот мы оберток не кушаем.

- Мне вчера показалось, что вы сошли с небес, графиня, - подала голос Амалия.

- С вашего позволения Лилиан. - Лиля улыбнулась. - Мы все-таки родные люди, к тому же после вчерашнего. И уверяю вас, я живая и настоящая.

- И я очень благодарна вам. Питер мне все рассказал.

Амалия бросила взгляд на мужа, и Лиля внутренне подобралась. Что-то было не так. Но что именно?

- Мы ничего не сделали. В Ханганате это обычная практика.

- Не скромничайте, Лилиан. Вы спасли жизнь мне и моим детям. И я благодарна вам.

Лиля пожала плечами.

- Главное, чтобы все были живы и здоровы. Итак, с вашего позволения...

- Да, разумеется.

Тахир подошел к кровати и откинул одеяло. Амалия, лежащая в такой рубашке, что хоть палатку шей, залилась алой краской.

- Простите, маркиза, но осматривать вас через одеяло я не могу.

- Д-да... я понимаю...

Лиля внимательно наблюдала. Тахир работал. И женщина была довольна собой. Осмотр он проводил вполне грамотно. И опрос тоже. Где что тянет, где болит... Лиля сделала бы лучше, но у нее и опыта больше. Она внимательно слушала, но было похоже на то, что осложнений удастся избежать. Особенно если исключить инфекцию. Ну да, об этом вирманки позаботятся. Заодно будет им практика.

Ингрид как-то обмолвилась, что до родов она от Лили ни на шаг не отойдет. А то на Вирме слишком большая смертность. Примерно пятьдесят процентов детей. А каждый пятый примерно раз и их матери. А что вы хотите, если рожать в двух шагах от стойла с козой? В этом отношении самые цивилизованные, как ни странно, ханганы. Хоть и в пустыне живут, но ежедневное омовение (или хотя бы обтирание влажной тряпкой) для них обязательно.

- Как видите, ваше сиятельство, - Тахир закончил осмотр и повернулся к Лиле, - послеродовой период протекает, как и должен. Температура нормальная, пациентка вполне адекватна...

Лиля кивнула.

- Вижу. Маркиза, мы договорились с вашим свекром. Я вам сегодня к вечеру пришлю несколько специально обученных женщин.

- Зачем? - Амалия быстро натянула на себя одеяло.

- Потому что вам еще нужно лежать примерно дней десять. - Лиля перестраховывалась, но больше - не меньше.

- Если вы считаете, что это нужно...

- Необходимо. И мы еще сами приедем дня через три. Я, господин дин Дашшар, господин Мейтл. Чтобы быть полностью спокойными за вас и ваших детей.

– Хорошо. А дети...

Лиля, Тахир и Джейми подошли к колыбельке, стоящей тут же. Мужчины, не спрашивая, вытащили по младенцу и принялись разворачивать. Что-то, а родовспоможение Джейми не пропускал. Он отлично понимал, что ему еще жениться, а жене – рожать. В таком деле уж лучше сейчас учиться, а не потом хоронить.

Дети были нормальными. Для близнецов – вполне. Каждый примерно по два с половиной килограмма. Первенец чуть помельче, второй чуть покрупнее... Нормальные дети. Главное, чтобы пуповина зажила, а так – должны выжить. Здесь народ крепкий.

Что и было заявлено счастливым родителям в самых изысканных формулировках. Те остались довольны. Но что-то Лилю царапнуло.

Она и сама не могла сформулировать что.

Вроде бы все прекрасно. Любящий дедушка, обожающие друг друга супруги, дети, достаток... И все же что-то носится в воздухе. Что?

Бог весть.

Лиля не знала. Во всяком случае – пока.

Ладно. Потом разберемся. А сейчас домой.

Дома отдохнуть тоже не удалось. Ибо Ханганат – дело беспокойное. Амира с утра навестил королевский посланец и передал приглашение по всей форме. С золотом, виньетками и печатями.

Так что завтра к обеду Амира со свитой будут ждать у его величества Эдоарда Восьмого. И куча бла-бла-бла на тему добрососедских отношений и взаимопонимания...

Лиля только вздохнула. Она сильно подозревала, что такие же приглашения ждут и ее с Алисией.

И не ошиблась.

Сборы много времени не заняли.

У Лилиан платьев вагон нашит и навязан. Выбрала подходящее да нацепила. Волосы тоже уложить несложно. Вариантов французской косы прорва. И Лиля знала довольно много. У Али Скороленок волосы были короткие, а вот у ее соседок по общежитию... Поневоле плести научишься.

Украшения? Изумруды. Благо к лицу. Можно янтарь. Желтый и белый. Хельке с ним колдует до сих пор. А еще... На этот раз Лиля запланировала показать новое украшение.

Цепочка – и изумрудная капелька, свисающая с нее.

Простенько? Да. Но для кулона.

А теперь вспомните, как это носили так, чтобы капелька оказалась на лбу. Красиво ведь? Фероньерка – вещь очень изящная.

Цепочка сложного плетения – Лиля специально попросила Хельке выбрать для нее золото, похожее по оттенку на ее волосы. Украшение сливалось, но получалось красиво. Так, словно изумруд горит звездой во лбу женщины. Необычно. Здесь такого еще не знали. И Хельке клялся, что обогатится. Он уже поговорил со своими родственниками в Лавери, благо тут хватало ювелиров-эввиров, и не собирался упускать ни монетки из грядущей прибыли. Почему нет? Да половина придворных дам себе такие захочет. А вторая половина сразу и закажет!

А их можно столько видов наделать... С кулонами разных типов, без кулона, тройную –

это когда цепочка обхватывает лоб и закрепляется еще одной – через макушку, название Лиля не помнила, но картинки видела... Делать – минута.

А продавать...

Хельке вполне оценил силу рекламы. Если графиня Иртон, да еще можно такие же подарить принцессам.

Эта миссия была возложена на Амира. А почему нет?

Надо же что-то дарить? Хотя бы символически. Лилия при этом вспомнила классическое «бабе – цветы, дитям – мороженое» и едва удержалась от хрюканья. Но забавно ведь...

С подарком его величеству, хотя бы чисто символическим, было сложнее. Но выход нашлся. Шелка в посольстве были, благовония тоже, добавили усыпанный драгоценностями кинжал, который срочно раздобыл тот же Хельке, и решили, что для полуофициального визита сойдет.

Но сколько ж времени ханганы угрохали на свой внешний вид...

– Ваше величество...

Вошедший был не слишком пригляден. Невысок, лысоват, с брюшком, вообще больше похож на лавочника, чем на аристократа. Но это практически единственный человек, который мог поднимать короля даже с постели. Потому что был королевским казначеем.

Герцог Винштейн.

Как мог в семье обедневших аристократов, у которых за душой не осталось ничего, кроме титула, родиться финансовый гений? Кто знает... Но Арман Винштейн был именно таким. Он умудрялся делать деньги из воды, из воздуха, из грязи под ногами и при этом даже не слишком повышал налоги. Наоборот, за время правления Эдоарда кое-какие налоги снизились, что вызвало горячую любовь к нему простонародья.

А почему бы нет?

Снизить налог, поднять пошлину, поиграть с ценами на продукцию гильдий... Тут можно развернуться. Хотя вот уж чего Винштейн не любил, так это гильдии.

И не любил – это мягко сказано.

С его точки зрения, гильдии мешали королевству развиваться дальше, а стало быть, королевство упускало ощутимую выгоду. А гильдии – увы...

Если с Эдоардом Арман Винштейн мгновенно нашел общий язык, то найти его с гильдиями не удавалось ни королю, ни казначею.

Прижать их?

Можно бы. Только есть ли смысл? Ведь сбегут. Да и по другим государствам вонь пойдет. Но вонь переживем. Просто нужен аналог гильдиям. А какой?

А вот тут – увы...

Если король сам будет создавать мануфактуры – можно, да, но кто будет там работать? Обучить мастера – дело не одного дня. Да и гильдии – за какие братья сначала? Они ведь друг за друга держатся. Начнет корона прижимать одних – появятся проблемы у всех. А вот провоцировать бунты, восстания, беспорядки... кому это надо?

Уж точно не Эдоарду.

Поэтому хоть и ругался казначей, хоть и пытался что-то сделать, например, отдавать подряды только определенным мастерам, ссорить между собой и гильдии и людей внутри гильдии, но толку пока было мало. А сейчас...

- Ваше величество, я предвижу нечто интересное.

- Я тоже. - Эдоарду самому надоело зависеть от гильдий. А ведь зависимость была. И крупная. Стоило какому-либо мастеру попробовать работать с короной и бросить гильдию, как у того начинались такие неприятности... От поджогов и саботажей до кирпичного дождичка. - Вы видели подарки графини Иртон?

- О да! Стекло восхитительно. А кружево...

- Вот. И графиня клянется, что ее люди могут наладить производство.

Глаза казначея вспыхнули искрами.

- Большое ли?

- Насколько я понял, пока не очень. У нее не так много людей. Но вот если со временем...

- Стеклодувы. И портные.

- Абсолютно точно.

- А еще докторусы, насколько я понял?

- И всем им это резко не понравится.

- А это их трудности. Я так понимаю, вы хотите поддержать графиню?

- И я, и после меня Рик - на наш век этой склоки хватит да еще останется. Но расшатывать их мы начнем уже сейчас. А вот когда люди увидят, что корона обходится и без гильдий...

- Кое-кому это резко не понравится, ваше величество.

- А на всех не угодишь. Зато государству будет выгоднее без этих мерзавцев. Производство должно быть в руках короны.

Казначей молча поклонился. Это они уже не раз обсуждали.

- Я решил отдать графине тридцать процентов прибыли.

- Ваше величество!

- Много? А ты сам подумай, кто станет мишенью.

- Она не согласится. Наверняка.

Эдоард усмехнулся.

- А мы ей не скажем.

- Другие скажут.

- Это не важно, Арман. Для графини это единственный способ получить независимость от мужа...

- Независимость?

- Если она станет полезна государству, Джерисон не сможет с ней ничего сделать.

- А он собирается?

- Мне кажется, они найдут общий язык. Но... ладно! Важно не это. Графиня стремится к независимости. Это первое. И второе. Я кое-что понял о ней. Она предана своим людям.

- Простите?

- Да. Когда я расспрашивал ее о ее мастерах, она готова была за них и в огонь и в воду.

Это ценно.

– Очень ценно, ваше величество.

– Она своих людей не отдаст. А мы их прикроем поначалу от гильдий. Пусть все воспринимается как придурь знатной дамочки.

– На что способны эти бабы! – насмешливо улыбаясь, подхватил казначей.

– Вот-вот. Постарайся, чтобы все так думали. Создадим базу, обучим людей, а когда все начнет разворачиваться, будет уже поздно.

– Ваше величество, ваша мудрость не имеет границ.

– Не льсти. Сам понимаешь, от тебя потребуется очень многое.

– Разрешите приступить, ваше величество?

– Иди считай. Я отдам графине Тараль. Вот и думай, что, как, к чему...

Арман низко поклонился и исчез за дверью.

Эдоард проводил его добрым взглядом. Умница. И отличный казначей. Тут ему повезло, хотя везение – это правильно подобранные кадры, разве нет?

Он начнет, Рик продолжит, работы хватит еще и внукам. Но гильдии давно пора преобразовать. Сколько людей они зажимают? Скольким ломают жизнь? Да и для страны они уже гиря на ногах... Ничего.

Постепенно, медленно, они справятся.

Эй, вы, расступись, отойди живей, эй, ты, эта шишка других важней.

Лиля ощущала себя героиней старого мультфильма. Не хватало Джинна, слона и Джафара. Ну и двор немного другой. А все остальные присутствуют. А то ж...

Танцовщицы?

Шесть штук.

Воины?

Три десятка. Собрали всех по посольству. Собрали народ с кораблей, припахали вирман, набрали массовку.

Носильщики паланкинов.

Музыканты.

Просто носильщики – не в паланкин же подарки запихивать. Простите, там и так сидишь, ощущая себя младенцем. Тоже ноги к ушам заворачиваешь...

Лиля заявила, что в этой крысоловке не поедет. Увы, пришлось. Этикет... А если уж честно – Амир попросил. И отказать пациенту Лиля не смогла. Но во время шествия спряталась в паланкин и носа не казала.

Ее жутко мутило и два раза едва не стошнило. И вообще она была уверена, что выглядит глупо. В паланкины хорошо запихивать миниатюрных красоток в восточных нарядах. А она?

Ни разу не миниатюрная и не восточная. И даже... ладно, симпатичная. Но не красotka.

Да и народ тут бескультурный. Сбежались смотреть, как на цирк. А такая известность Лилиан Иртон была и даром не нужна.

А то еще комком грязи кинут... Пару раз уже кинули, хорошо хоть не грязью, а цветами. Но схлопотать розой по носу тоже радости мало. Так что до дворца шествие добралось не слишком скоро.

Лиля уже раз двадцать пообещала себе изобрести леденцы. Вдруг поможет от морской болезни? Паланкин остановился, и в него заглянул начальник охраны.

– Так... ваше сиятельство...

Изумруды были идеально видны.

– Графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон.

– Благодарю вас, графиня.

Шторка опять опустилась.

И вся процессия под звуки музыки, с плясками и воинами, которые то и дело били мечами в щиты, двинулась по парку.

Лиля нашла в этом только один хороший момент. Хотя бы обувь цела останется. И платье.

Жалко и то, и другое. Сегодня женщина решила быть скромной и надела все белое.

Какой дурак сказал, что полным нельзя надевать светлое? Надо просто правильно выбирать сочетание цвета и фасона.

И в результате – белое шелковое платье в стиле ампира аппетитно облегает высокую грудь. А вот сверху на него накинут зеленый кружевной чехол, связанный крючком. Выглядит он как халат, который застегивается под грудью на большую пряжку с изумрудом. Но вид придает.... Особенно здесь, где кружево в цене... Алисия сомневалась, разумно ли это, но Лиля махнула рукой.

Завидовать будут всегда. И ненавидеть будут всегда.

И пусть.

Пока она полезна, ее и пальцем не тронут. А потом... перелетные кирпичи встречаются в любом мире.

Ладно, не будем о грустном. Тем более что уже распахивались двери в зал. И дворецкий громко объявил принца Ханганата...

Из паланкина Лиля наблюдала, как Амир вылезает, раскланивается и закатывает длинную речь минут на десять. Разумеется, на родном языке.

А присутствующий переводчик проговаривает все это дело еще раз.

Именно она подала Амиру эту идею. Прожив несколько месяцев в Иртоне, парнишка сильно подтянул язык, но мало ли что? Мало ли как?

Слово царя тверже сухаря. И к принцам это тоже относится. А тут... Ничего я такого не говорил, это толмач неправильно все перевел. Я его на конюшне запорю!

Поскольку глава местного посольства горячо поддержал эту идею, Амир согласился. Но выговорил у Лили, что она едет в составе его свиты.

Лиля зашипела, но спорить не стала. Хотя собиралась прийти заранее, потолкаться во дворце... а, ладно! Кому она нужна, те сами ее найдут.

Единственное, что ее смущало, – а кто она, собственно, такая? Какое у нее место в свите? Она не подданная Ханганата, она вообще никаким образом с посольством не связана... Она – кто?

Амир посмеялся и в шутку предложил назвать ее матерью невесты. После чего получил по ушам с клятвенным обещанием оторвать все ненужное. Например, голову. И признался, что это шутка.

Лиля показала ему кулак и решила поговорить с Алисией. На фиг им такие шутки,

Миранде только в гарем не хватало! Где то травят, то при родах умирают, а любая медицина – через кукол!

На фиг! Ибо не фиг!

Поэтому...

– Госпожа, любезно предоставившая мне кров, ее сиятельство графиня Лилиан Элизабетта Маризэла Иртон, – услышала графиня.

Занавесь паланкина отдернулась, ей подали руку, и Лиля по возможности изящно вылезла наружу. Между прочим, тренировалась. Целый час влезала-вылезала, пока не убедилась, что носом не ляпнется.

По комнате пролетело завистливое женское «о-о-о-о-о-ох!!!».

Выглядела Лиля весьма и весьма. А что платье немного помялось... Ну кто обращает внимание на такие мелочи?

Главное – *богато!*

Кружево смотрелось именно так.

Амир Гулим, стоящий рядом, подал Лиле руку, женщина приняла ее и позволила подвести себя к трону Эдоарда. Тот, осведомленный обо всем заранее, через Алисию, смотрел спокойно и даже с одобрением. Как-никак сам приказывал вытащить парнишку любой ценой. Вот и...

Амир закатил еще одну речь, минут на пять. Из которой следовало, что само Провидение привело под кров графини лучшего докторуса из всех возможных, а именно Тахира Джаамана дин Дашшара, что волей Провидения графиня поддерживает докторусов... И если бы не она, помер бы бедный принц аккурат полгода назад. А раз не помер, то признателен за это. И просит разрешения у всемилостивейшего Эдоарда то время, которое требуется для долечивания, оставаться под крышей любезнейшей графини... И пусть стыдно будет тому, кто плохо об этом подумает!

Эдоард милостиво разрешил. Еще бы! У него-то, считай, договор с Ханганатом в кармане. А наладить отношения с принцем – дело такое... Время, приемы, подарки – сейчас это становится возможным благодаря Лилиан. Ну и спасибо графине.

И, разумеется, мы рады вас видеть.

Нет, это мы рады, что вы рады...

А уж как мы рады, что вы рады, что мы рады...

И такое бла-бла-бла на целый час.

Лилия очень быстро заскучала и принялась стрелять глазами по сторонам.

Вот юные принцессы. В митенках, с веерами, все при параде, жадными глазами смотрят на ее фероньерку. Лилия встретилась взглядом сначала с одной, потом с другой и медленно опустила веки. Мол, хотите – будет. Мое слово.

Девочки это поняли и сидели уже с намного более радостными выражениями лиц.

Собак Лилия во дворец сегодня не взяла. Но Лейф клятвенно обещал двух щенков. Тоже кобелька и сучку. И собирался обежать весь Лавери, но собак найти.

Вот Алисия. Стоит чуть в стороне, на лице ее написано одобрение... все ж бонусы Иртонам.

Вот Лоран. Приехал из своего поместья? Интересно...

Вот... О! Ганц Тримейн! Ну да, он по статусу может находиться на таких приемах. И надо бы с ним потом поговорить.

А вот и еще пара знакомых.

Наследник Фалиона и его приятель.

Первый смотрит достаточно доброжелательно, второй так сверкает глазами, что рука сама к булавке тянется. Ничего, сверкай сколько влезет. Понадобится, я на тебя сверху сяду и раздавлю. Много может барон-иждивенец против графини? Да почти ничего.

А вот и официальная фаворитка.

Смотрит на Лилию взглядом голодной кобры. А если... Ответить ей невинным взглядом и чуть улыбнуться?

Улыбка – она разная бывает. Можно улыбнуться приветливо. Можно – коварно. Можно надменно. А можно и так. Обещающе. Мол, мы еще поговорим. Я не представляю тебе угрозы, но и не хочу вражды. Поговорим?

И, кажется, баронесса это поняла. Взгляд ее стал чуть спокойнее.

А Лилия ненароком шевельнула сумочкой.

Там лежала коробочка с еще одной фероньеркой. Почему нет?

Ночных кукушек тоже надо задабривать. А то как накукуют... уж лучше б просто нагадили.

Наконец говорильня прекратилась. И его величество разрешил слегка передохнуть. Своего рода ланч. Закуски на громадных подносах, напитки и даже танцы.

Здесь такого строгого этикета не было, и в присутствии короля разрешалось даже сидеть. Но только если руки заняты чем-то вроде карт или костей. Несколько столов стояло в углах зала. Но туда Лилия не подходила.

Неинтересно. Да и карты в ее семье не жаловали. А зря. Сейчас ввести бы здесь покер или преферанс и раздеть всех до скелета!

К самой Лиле никто не подходил, и она скучала в одиночестве, разглядывая народ. Ничего удивительного в этом не было. Новая незнакомая фигура, чего от нее ждать – непонятно... Но долго проскучать не удалось.

– Ваше сиятельство, – шепнул за спиной голос, – баронесса Ормт просит вас составить ей компанию.

Лилия обернулась и обнаружила рядом слугу в раззолоченной ливрее.

М-да. Вопрос.

С одной стороны – королевская фаворитка. И портить отношения не к месту.

С другой...

Вот если бы баронесса сама подошла или это как-то ненароком произошло – было бы удобнее. А так получается, что Лилия к ней бежит по первому зову.

Графиня. Супруга племянника короля. К королевской постельной грелке.

М-да... дилемма.

– Полагаю, баронесса подождет. Можете ей передать, что графиня занята беседой с его высочеством.

Лилия послала Амиру теплую улыбку. Слуга испарился.

– Спасибо. Выручили, ваше высочество.

В неформальной обстановке Лилия уже давно называла своего пациента по имени. Но дворец все-таки...

- Графиня, для меня честь служить вам. К тому же Миранда мне не простит...

- А вы не должны сейчас быть возле принцесс?

- Они отлучились ненадолго. - Лицо Амира являло собой странную картину. Смесь насмешки с брезгливостью.

- Э...

- Ну да.

Амир кивнул на одну из ниш, от которой за версту разило нечистотами.

Лиля сморщила нос. Ну да. Здесь так принято. Горшки за ширмами. И спасибо, если горшки, а не просто на пол. Такая вот смесь... бархат платьев и грязная солома на полу. Золотое шитье - и ночные горшки со всем содержимым, которые выплескивают прямо у черного входа или в парке. Фу.

Понятно, что Амир кривится. Насколько поняла Лиля, в Ханганате такое было не принято. На жаре любые нечистоты и помои являлись источником жуткой вони, да и могли послужить рассадником заразы. Поэтому в качестве туалета у них использовались ямы в земле. После определенного уровня ямы засыпались песком. Но - вне дворцов и домов.

А мусорные кучи, которые встречались в Лавери на каждом шагу, у ханганов вывозились за пределы населенных пунктов и также закапывались. Так что здесь Амир чувствовал себя некомфортно. И делился с Лилей своими впечатлениями.

- Я думал, здесь, как в Ирtone...

- Ваше высочество, Иртон - исключение, а не правило.

- Я понимаю, но неприятно же.

Вернулись принцессы. И, заметив Амира рядом с Лилиан, подошли к ним. Старшая щебетала что-то принцу, младшая пыталась поддерживать с Лилей светскую беседу. Лиля по мере сил помогала девочке. Да, Джолиэтт пока еще была неумела. Ну так и сама Лиля-то...

Постепенно к компании присоединились Алисия и Август Брокленд. Лиля присела перед отцом в реверансе, была облаплена, расцелована в обе щеки, и корабел на весь зал заявил, что красивее его дочери просто не найти.

Амир заметил, что красота предела не имеет, и под это дело подарил принцессам по фероньерке.

Баронесса Ормт смотрела из угла злыми глазами, но подходить не решалась. Видимо, принцессы ее не любили, и нарываться даме не хотелось. Лиля решила пока не обращать внимания. Для всех и сразу хорошей не будешь.

После беседы и легкого перекуса (кстати, никто при дворе не думал, что есть надо с закрытым ртом, а избыток приправ, по мнению Лили, скрывал тухлятину) Эдоард разрешил придворным прогулку по парку. И подал пример, пригласив баронессу.

Та одарила окружающих взглядом, в котором читалось плохо скрываемое торжество, и проследовала вместе с его величеством. Выглядело это, кстати, забавно. Эдоарда Бог ростом не обидел, а баронесса была метр в кепке в прыжке с табуретки. Так что... Лиле они напомнили мультяшную девочку Веру и обезьянку Анфису. Там, где обезьянка в компании с папой. Амир огляделся и предложил Анжелине правую руку, а Джолиэтт - левую. Август подхватил под локоток Алисию, Лиля задумалась, как быть, но тут...

- Ваше сиятельство, вы разрешите?

Серые глаза встретились с зелеными.

Александр Фалион Лиле не особенно нравился. Сухарь и зануда, однозначно. Знала она таких, они пока тебе весь мозг в печень не вынесут, не успокоятся.

Лилян Иртон маркизу тоже не особенно понравилась. В его вкусе были темноволосые и миниатюрные женщины с маленькой грудью и темными глазами. А эта... вирманская героиня баллады. Но...

Было в ней что-то такое, какая-то изюминка, которая цепляла и не давала оставаться спокойным. Вроде бы все невинно, женщина полностью спокойна, а где-то в глубине глаз, на дне души – не поймаешь! Не зацепишь! И вообще, строила я таких, как ты, рядами и колоннами.

Да и была у мужчины причина побеседовать с графиней Иртон. Просто попробуй подойди, когда с ней беседуют две принцессы и принц. Высокое общество, однако. Могут и послать, а это вредно для репутации.

– Благодарю вас, маркиз.

Лиля приняла предложенную руку, и пара направилась к выходу из зала. Графиня молчала. И для Фалиона это было непривычно. Обычно женщины стремились заинтересовать его. Эта же выжидала.

– Ваше сиятельство, как вам понравился дворец?

– Отмыть бы его с мылом, – протянула мечтательно Лиля, – он бы мне понравился еще больше.

– Вы считаете, что тут грязно?

– Что вы, – ресницы прикрыли зеленые глаза, – здесь замечательно.

Фалион так и не понял – издевка это или нет. Но решил принять все всерьез.

– Вы очень дружны с ханганами, госпожа.

– Да, так получилось, маркиз.

– Прошу простить мне мою невежливость, госпожа, но идут слухи, что вы владелица чистокровного аварца?

– Да, – осторожно согласилась Лиля.

– Может быть, вы согласитесь продать его?

– Продать Лидарха? Только через мой труп! – Лиля даже про вежливость забыла.

Фалион чуть улыбнулся, неожиданно найдя в женщине нечто родственное.

– Что вы, графиня, это было бы преступлением против королевства. Но, может быть, тогда вы согласитесь на случку?

Лиля вскинула брови.

– Мне говорили, вы – заядлый лошадишник...

– Да, госпожа графиня. И я вам клянусь – все меры предосторожности, все будет соблюдено. Ваш конь не пострадает...

Лиля даже и не собиралась сразу соглашаться. Вот уж какого опыта в ее жизни точно не было... Так что не торопимся.

– Я подумаю, ваша светлость. Понимаете, это для меня так неожиданно.

– Да, графиня. Я вас понимаю.

– Лидарх для меня как ребенок, ваша светлость. Он просто часть меня.

– Как я вас понимаю, графиня.

– Маркиз, скажите, а давно вы занимаетесь лошадьми?

Как известно, хочешь найти подход к мужчине – спроси про его хобби. Дальше можно не слушать, а твои реплики могут свестись к «неужели?», «невероятно!» и «вы такой умный, я бы в жизни не додумалась!». Остальное мужчина расскажет тебе сам. И еще будет расхваливать всем остальным, какая ты умная и внимательная собеседница.

Фалион что-то говорил о чистокровных аварцах, жаловался на ханганов, которые не разрешают вывозить кобылиц и даже чистокровных жеребцов практически не выпускают за пределы Ханганата...

Лиля слушала вполуха и приглядывалась, куда бы удрать. Пока из-за какого-то куста не раздался вскрик? Стон? Кому-то плохо?

Лиля отреагировала раньше, чем поняла, что происходит. Рефлексы медика – сначала броситься на помощь, а потом уже подумать, что из этого следует. Намертво вбитые в свое время матерью.

– Госпожа? – Тахир появился словно из ниоткуда.

Дама билась на земле, изо рта шла пена, глаза закатывались... Рядом с ней на коленях стоял невысокий кругленький мужчина и безуспешно пытался придержать ее.

– Одержимая! – прошептал кто-то рядом.

Одержимость? Э нет. Лиля без малейшей брезгливости опустилась рядом, кое-как придержала голову. И, уже увидев зрачки, знала, что она права. Клиническую картину приступа эпилепсии сложно спутать с чем-то другим.

Ладно. Сделать тут ничего нельзя, только ждать. Ну и следить, чтобы не покалечилась.

– Тахир, придержи ее, чтобы не билась обо все подряд!

Голову повернуть набок, чтобы слюной не захлебнулась, – вот так. И ждать пару минут.

– Что это?

– Эпилепсия. – Про Фалиона Лиля просто забыла. Как и не было. Сработали отточенные до автоматизма рефлексы медика.

Перед тобой больной человек. Ему нужно оказать помощь. Срочно. Остальное – потом!

Минута... полторы... две... есть!

Лиля почти физически ощутила момент окончания приступа. Тело на земле выдохнуло и обмякло. Слюна потекла еще сильнее.

– Вроде бы все, – сообщила графиня Тахиру.

– Да? – с какой-то странной интонацией отозвался медик.

– Да. Ей теперь только отлежаться... Вовремя успели.

– Вовремя – для чего?

Лиля подняла глаза.

М-да. Песец – животное ходячее и кусачее. Хорошо хоть дело было в парке, а не на приеме. Но какие черти принесли сюда его величество? И ладно бы с баронессой, ту хоть прибить можно! Но – нет. Рядом с его величеством стоял альдон. А кто еще?

Весь такой высокий, седовласый, с взглядом доброго дедушки Торквемады, в длинной рясе, с драгоценными побрякушками на груди и на пальцах...

И первое, что приходит на ум, – святая инквизиция. Даже зная, что в этом мире ее нет.

Ну, соберись, девочка. Или ты докажешь, что тетка не одержимая, или тебя вместе с ней по кусочкам разберут.

- Чтобы помочь человеку, - спокойно ответила Лиля.

- Помочь в чем?

Лилия вздохнула. Кое-как поднялась с земли. Твою ж... грязи на платье... ладно! Люди – важнее.

- Это случается с особо тонко чувствующими людьми. У них очень хрупкая душа... И когда они волнуются, переживают, когда рядом много людей и мало воздуха, может начаться такой приступ. Это ее беда, а не вина.

- Вот как?

- Да. Если женщина не выпалась, если она перенервничала... это бывает. К тому же женщине еще сложнее, чем мужчине.

- Почему же?

- Мужчины сильные. А мы – хрупкие и слабые. Мы можем плакать над увядшим цветком. А сколько мужчин во дворце заплачут вместе с нами?

- Графиня, это бывает у многих? – Фалион решил вмешаться в дискуссию.

- Нет. Только у тех, у кого особо чувствительная душа и нежное сердце.

Снизу раздался стон.

Дама явно не осознавала, где и что она. Это и понятно... Лилия поспешила на помощь.

- Лежите пока и не пытайтесь встать. Тахир!

- Я пригляжу. Сколько лежать... минут десять?

- Да. А потом лучше еще часика два, но в более удобном месте. С вами это не в первый раз?

Дама глухо простонала.

- И это случается, когда вы встревожены, когда вам плохо, когда вы волнуетесь... Ладно, сейчас не до этого. Давайте мы вас попробуем проводить к ближайшему диванчику.

Тахир поспешил на помощь. Но прежде, чем лекарь успел, рядом с женщиной на колени опустилась высокая фигура.

- Госпожа, обхватите меня руками за шею. Сможете?

Лилия вскинула брови.

Маркиз Фалион раскрывается с неожиданных сторон. И не побоялся костюмчик замарать?

Мужчина неожиданно легко подхватил упитанную дамскую тушку и огляделся по сторонам.

- В беседку, маркиз, - негромко подсказал его величество. - Полагаю, господин дин Дашшар составит вам компанию? А графиня пока объяснит нам, что произошло.

Лилия присела в реверансе. И выругала про себя грязь. Платье испорчено, стирка неизбежна. Не то чтобы это было сильно заметно на общем фоне. Но неприятно ж...

- Ваше величество, ваш приказ – закон для меня.

- У нас в Ханганате тоже есть люди, страдающие болезнью солнца, - заметил Тахир. - Мы полагали, что это от нашей жары.

- Нет, друг мой, - Лилия вздохнула. - Это не жара, хотя и она может спустить с цепи болезнь. Так бывает. Если у человека очень чувствительная душа и она не может перенести давления жестокого мира, а наш мир пока еще несовершенен, она заставляет

человека отключаться. Вот в таких припадках.

- У них есть название, графиня?

- В старой книге это называлось эпилепсия.

- Почему ею страдают только некоторые? И в основном – женщины? Возможно, что это все-таки результат вселения шильды, – сдвинул брови альдон.

- Нет, светлейший. – Лиля покачала головой и спокойно встретила взгляд серых глаз альдона. – Это не шильда. Это болезнь и несчастье, потому что в такие минуты человек полностью беспомощен. Он может причинить себе вред, может захлебнуться своей слюной или откусить себе язык... Может умереть, если ему не помочь. И именно здесь отгадка. Если человек, страдающий таким недугом, окажется на поле боя, что с ним станет? У него начнется приступ, и он погибнет. Увы...

- Ага. Вот как... Вы считаете, что этой болезнью страдают равно, но в силу условий...

А ведь умен. Но и мы не на заборе деланы.

- Я никогда не набралась бы наглости что-то считать, светлейший. Это писали мужчины, жившие за несколько сотен, а может, и более лет до меня. А я только ученица господина дин Дашшара...

- И поэтому не вы следовали его указаниям, а он – вашим?

Лилиа хлопнула ресницами.

- В минуту опасности и солдат может отдать приказ командиру. И если это правильный приказ, разве не будет он выполнен? Мы не могли рассуждать. Нам надо было спасти женщину.

Альдону ответ явно не понравился, но крыть было нечем. И Лилиа не удержалась:

- Кстати, лучшим лекарством от такой болезни в тех же книгах называлась молитва. Она дарит измученной душе спокойствие, и человек намного реже страдает этой хворью. Полагаю, что если найдется хороший патер или пастор...

Альдон скривился, но парировал достойно:

- Графиня, а откуда у вас эти книги?

Лилиа была сама невинность.

- Полагаю, что о книгах из библиотеки Иртона лучше спрашивать моего супруга. Если он вообще в курсе, что покупала в семейную библиотеку его покойная бабушка. Я-то вообще историю святой Ридалины искала, а наткнулась... Воистину, надо сходить помолиться святой, ибо с ее руки была сейчас оказана помощь несчастной женщине.

Лилиа ханжески сложила руки и закатила глазки. Судя по всему, народ оценил. Напряженность рассосалась. Его величество наклонил голову.

- Графиня, мы полагаем, что вам надо пройти к больной и рассказать ей подробнее обо всем, если господин дин Дашшар еще этого не сделал.

Лилиа присела в реверансе.

- И не уезжайте, не уведомив нас. Мы хотели бы с вами поговорить чуть позднее.

Лилиа сделала еще один реверанс и подошла к альдону:

- Благословите на дело лечения, светлейший...

Мужчина сдвинул брови, подозревая, что над ним издеваются. Но глаза Лилиан были невинны, а реверанс исполнен самого глубокого почтения.

И мужчина решил сохранить видимость мира.

Он коснулся головы Лилиан, что-то пробормотал и осенил ее знаком Альдоная.

– Иди, дитя света. И помни, что только он рассеивает тьму.

Лиля в свою очередь сотворила знак Альдоная.

– Во имя Альдоная...

И направилась в сторону беседки. М-да, вляпалась.

Лиля вздохнула.

Она и сама все отлично понимала. Но не оставлять же женщину – вот так? Она медик. И клятву Гиппократ давала. И плевать, что в этом мире Гиппократ не было! Будет!

Фалион стоял возле беседки. И рядом с ним крутился невесть откуда взявшийся прихлебала... Как его? Тарни? Кажется, да.

– Маркиз, я должна извиниться...

Фалион только махнул рукой.

– Все в порядке, графиня. Вы хоть знаете, кто это такая?

Откуда? Лиля покачала головой.

– Графиня Марвел известна в свете как затворница. Муж ее в свете появляется, а сама она на приемы не ходит и на балы не ездит.

– Оно и понятно, маркиз. Наверное, знала о своей болезни и боялась попасть впросак. А сегодня?

– У нее выбора не было. Его величество прислал приглашение, а воля короля...

– Да, воля короля – закон. Вы мне разрешите?

И Лиля зашла в беседку.

Не считая следов человеческих фекалий на полу, здесь было уютно. Рассеянный свет, затянутые плющом проемы...

Графиня Марвел лежала на чем-то вроде лавочки, ее утешал Тахир. Рядом с графией стоял невысокий кругленький мужичок и держал ее за руку. Тот самый граф? Жenu он, похоже, любит. Но донести ее... точно, не донес бы. Фалиону причитается.

Естественно, Фалион с другом тоже просочились за Лилей. Женщина присела рядом с графией на каменную скамейку.

– Как самочувствие? Ну-ка, будь умничкой, посмотри на меня.

Зрачки были в норме, пульс более-менее, ну насколько его можно было ожидать... Лиля вообще боялась сотрясения мозга. Часто случается при припадках, человек ведь падает бревном, да во весь рост, но земля, видимо, была не настолько твердой.

– Все в порядке. Но вас, графиня, надо доставить домой.

Графиня всхлипнула – и залилась слезами. Лиля преодолела брезгливость и погладила ее по грязной голове. Да уж. Прическе капут, волосы отмывать неделю. Землю сегодня явно не пылесосили.

– Ну все, ничего страшного, болезнь отступила. Но вам, графиня, если не хотите повторения таких приступов, надо заниматься собой. Эпилепсия – не самое лучшее приобретение.

– Эпи... что? – не поняла графиня.

– Я говорю о вашей болезни, которая вызывает такие приступы, – пояснила Лиля. – Она называется эпилепсия. В ней нет ничего страшного, но выглядит это очень неприятно. А

чтобы такого больше не повторялось или повторялось как можно меньше...

- Так это болезнь?! - Графиня оживала прямо на глазах. - Это не одержимость?

- Нет, конечно. Это просто болячка. Вредная, противная, но болезнь. И я могу показать вам свиток, где она описана.

- Всего лишь болячка, - медленно повторил граф. И вдруг сцапал Лилию за руку. - Ваше сиятельство, я ваш должник!

И принялся слюнявить тыльную сторону кисти.

- Графиня! Вы чудо! Но как вы...

- Ваше сиятельство, вас и вашу милую супругу действительно надо доставить домой, - вмешался Фалион. - Вы прибыли в карете?

- Д-да... - Граф оторвался от Лили.

- Я сейчас пошлю слуг.

- Пусть подъедут к дворцу. Сейчас больную лучше не перетруждать, - вмешалась Лилия. - И графиня, если в течение нескольких дней у вас будет болеть все тело, не удивляйтесь. При такой болезни все мышцы сводит спазмом, а потом они расслабляются. Так бывает. Если хотите, я потом расскажу вам подробнее.

- Благодарю вас, графиня.

На официальных приемах полагалось носить официальные украшения. Изумруды Лилиан были не просто побрякушками. Это статусные вещи. И граф это отлично понял.

- Вы разрешите пригласить вас к нам, когда моя жена оправится после... болезни?

- Да, разумеется. И если вы позволите, мой наставник Тахир Джиаман дин Дашшар, один из лучших докторусов Ханганата, навестит вас завтра. Чтобы убедиться, что выздоровление идет своим чередом.

- Мы с супругой будем вам очень признательны, графиня.

Графиня Марвел оживала на глазах. И Лилия ее понимала. Не случись ее рядом, и тетку точно заклеямили бы одержимой. А теперь фигушки. Есть свиток, есть свидетельства докторусов, что это не одержимость. На том и стоять будем.

А альдон?

Это проблема. Но если они примут то, что Лилия собиралась им предложить, - проблем с церковью у нее уже никогда не будет. Как бы еще не канонизировали.

- Графиня, это действительно не одержимость?

Фалион подкрался незаметно.

- Нет, ваша светлость, - ровно ответила Лилия. - Я понимаю, что признаки похожи, но болезни коварны.

- И что вызывает эту болезнь?

- Тонкая душевная организация. Недостаток свежего воздуха. Нездоровый образ жизни.

- Интересно...

- Подробнее вы можете узнать у господина дин Дашшара. Я лишь его ученица. - Лилия смотрела невинно. Но что-то Фалиона заинтересовало в ее словах.

- Господин дин Дашшар остановился у вас?

- Как и его высочество Амир Гулим.

- Полагаю, вы не будете возражать, если я нанесу вам визит вежливости?

- С целью поговорить с господином дин Дашшаром? Что вы! - На губах Лили проскользнула коварная ухмылка. - Я часто бываю занята, но господин дин Дашшар... - Взгляд на Тахира.

- В свободное от занятий с графиней время я буду рад видеть вашу светлость.

Тахир не подкачал.

После ликбеза от Алисии Лиля смотрела на эту сцену с плохо скрываемым ехидством. Фалионы были снобами не хуже Ивельенов. И предпочитали приглашать всех, кого им хотелось увидеть, к себе. Это считалось честью.

В другой ситуации Фалион мог бы предложить Тахиру нанести ему визит. Но отлично понимал, что целитель откажется. Не могу оставить пациента, и все тут. А Амир Гулим... ну-ну. Чтобы парнишка сделал что-то, что не понравится его обожаемой спасительнице? Да раньше на свиньях розы вырастут.

Пригласить к себе графиню?

То же самое. Одно дело - королевский дворец. Когда его величество щелкает пальцами, танцуют все. Но наносить визиты без мужа благородная дама попросту не может. И не будет. Даже в сопровождении свекрови.

Так что маркиз остается вежливо посланным к Мальдонае. И придраться тут не к чему.

Что Фалион отлично понял. А Лилиан ему зачем-то нужна. Нет, не сама Лилиан, а сведения об этой болезни. И пришлось маркизу идти на компромисс.

А Лиля станет популярна. Еще бы, заманить к себе самого Фалиона! Вяленую Щуку-младшую!

Ну хоть какая-то польза.

Да и от Лидарха товарищ не отвяжется.

Слуга доложил, что карета графа Марвела подана. И Лиля посмотрела на графское семейство, поднимаясь с дивана.

- Ваше сиятельство, вы поняли? Это не одержимость. Это просто болезнь. И она поддается лечению. Мы с вами еще об этом поговорим, а пока не волнуйтесь. Потому что, когда вы нервничаете, эта болячка проникает еще глубже.

Графиня закивала. Граф тоже пару раз кивнул, снова попытался расцеловать Лиле руки, но женщина предусмотрительно отошла подальше.

- Тарни, - бросил прихлебателю Фалион, - проводи!

- Господин дин Дашшар, - тут же вмешалась Лиля, - вы не откажете в любезности...

Тахир не отказал. А поскольку он был ближе, то подхватил под ручку графиню и помог встать с диванчика. Под другую руку жену подхватил граф и повел к выходу. Тарни осталось щелкать зубами и плестись в хвосте. И самое неприятное - опять ничего не сделать.

Графиня четко показала, что ему не доверяет. Но попробуй, хоть слово скажи! Себя же на посмешище и выставишь!

И обидеть клятого хангана никак нельзя. Король в порошок сотрет. Стерва!..

Лиля проводила взглядом графиню и повернулась к Фалиону.

- Маркиз, вас не затруднит проводить меня к отцу и свекрови?

- Разумеется, ваше сиятельство.

Лиля кое-как вышла из беседки, и пара отправилась на поиски. Долго искать не пришлось. Августа было слышно за километр. А кто бы еще рассказывал про отличия дромонов от драккаров?

– Лиля! – ахнула Алисия, увидев невестку. – Что случилось?!

Лиля кратко изложила события. После чего была изругана за опрометчивость. Но надолго Алисии не хватило. Женщина выразила свою благодарность Фалиону и посмотрела на Августа.

– Полагаю, что нам с Лилиан лучше подождать окончания аудиенции в покоях принцесс.

– А я прогуляюсь. Его величество упоминал, что хочет поговорить со мной и с тобой...

Лиля кивнула. Царственно (полнота способствует) поднялась, чуть кивнула Фалиону на прощанье, даже и не думая протягивать руку для поцелуя. Хватит уже, и так всю конечность излапали.

– Маркиз...

Фалион тоже вежливо поклонился.

– Надеюсь на ваше гостеприимство, ваше сиятельство.

Лиля чуть опустила ресницы и выплыла из гостиной вслед за Алисией.

Надежда – мой компас земной... А мы под него магнит подсунем!

Принцессы уже вернулись с прогулки и были рады видеть графиню Иртон. Да и Лиле нравилось возиться с девочками. Но долго им поболтать не удалось.

Лиля едва успела рассказать еще один ужастик про Холмса и пообещать щенков, как только их привезут из Вирмы, как ее вызвали к королю.

Его величество Эдоард Восьмой был умеренно недоволен. О чем и сообщил графине.

Лиля потупилась и сказала, что она ужасно расстроена недовольством его величества и сделает все, чтобы загладить свою вину.

Эдоард вздохнул, посмотрел на искренне расстроенную женщину и сбавил напор.

– Графиня, с альдоном я поговорю. Но и вам придется дать ему объяснения.

Лиля пожала плечами.

– В любой момент, ваше величество. Это действительно болезнь, и я готова показать свиток, рассказать все, что знаю. Да и его высочество Амир говорил, что в Ханганате тоже этим страдают.

– Да, его высочество... Вот за это, графиня, я вам благодарен. Хороший юноша. И если именно он сменит отца на престоле, у нас с Ханганатом будут дружеские отношения.

Лиля чуть опустила ресницы.

– Ваше величество, служить вам – уже награда.

Эдоард улыбнулся:

– Графиня, я ценю вашу преданность и подумаю, что можно для вас сделать. А пока поговорим о деле. Стекольные мастерские и кружевные. Помните наш разговор?

– Да, ваше величество.

– Тогда давайте пригласим к нам людей и все обсудим.

Эдоард позвонил в колокольчик, и спустя минуту в комнату вошли Август и невысокий

полноватый мужчина, очень хорошо за полтинник. Но его карие глаза были ясными и острыми.

– Герцог Винштейн, глава казначейства.

– Очень приятно. – Лиля еще раз присела в реверансе.

– Итак, мастерские, – взял слово король. – У меня есть для них подходящее место. Поместье Тараль.

Лилиа смотрела спокойно. Ей это название ни о чем не говорило. Зато Август потер руки.

– Оно досталось короне после смерти последнего владельца, барона Тараль. Находится всего в паре часов пути от дома вашей свекрови. Но это поместье – по сути замок на берегу моря. А сам Тараль – полоска каменистой земли, где ничего не вырастишь и даже рыбу ловить не получится.

– Почему, ваше величество?

– Там та же ситуация, что у вас в Ироне. Рифы и мели. Зыбучие пески. Туда даже контрабандисты не заходят. Высадиться невозможно. Одним словом, желающих не нашлось. Но замок неплох. Я отдам приказ укрепить его, сделаем пристройки, и пусть там селятся ваши люди. Устраивайте цех, берите мастеров, я дам приказ стеклодувам и швеям, пусть ваши люди выберут себе подмастерьев, никто им мешать не будет.

Лилиа подумала, что про Иртон тоже так говорили, мол, дыра, ни пройти ни проехать. Но вслух сказала совсем другое:

– Ваше величество, это *так* щедро!

– Графиня, корона получит семьдесят процентов прибыли, вы – тридцать, но налаживать производство будете вы. Это понятно?

– Я сделаю все от меня зависящее, ваше величество. – Лилиа смотрела уверенно и спокойно.

– И даже больше, графиня. Ваши новинки великолепны, но мне нужны не единицы, а...

– Поток, ваше величество?

– Вот именно, графиня. Поток. И чем больше, тем лучше.

– Ваша воля – закон, ваше величество.

– Тогда предлагаю вам обсудить детали, графиня. Герцог, вам слово...

В следующие два часа Лилиа только что не за голову хваталась. Казначей «удедал» ее по всем статьям. И, кажется, был этим весьма доволен.

Замок. В него нужны слуги. Какие? Сколько? Слугам нужно платить. Опять-таки сколько?

Нужны лошади, нужны возки для перевозки товара и сырья, нужна обстановка в комнаты, нужно кормить мастеров, нужно оборудовать мастерские, нужно, нужно, нужно...

Если бы не Август, ее бы вообще в порошок растерли. Но и Август мог только пообещать проконтролировать, помочь, поддержать...

У Лилии буквально голова пухла. Наконец она достала из изящной сумочки маленький блокнот и, спросив у короля разрешение, принялась записывать.

Блокнот?

Ну ничего сложного. Два скрепляющих кольца сделал Хельке, бумагу – сама графиня. Нарезать и закрепить. Не идеально – ну так всему свое время. Главное, ни один пункт не забудется.

Важным для Лилиан было еще и другое. Если организационные вопросы можно свалить на кого-то из людей отца или герцога – найдет ей Август еще одного профессионала, а она будет все контролировать и следить, чтобы не воровали. То вот вопрос безопасности ее волновал сильно. И еще одно. Где жить? Каждый день не наездишься.

Но король успокоил ее.

Безопасность? Обеспечим. У короля хватает войск, выделим. А вирман оставьте для личного пользования.

Кто этим займется? А вот Ганц Тримейн и... Вы друг друга знаете, сработались, спелись, сшипелись... Вы довольны, графиня? Более чем? Отлично. А теперь к организационным вопросам.

Для вас организовать такое в новинку?

Выделить вам одного из чиновников королевского казначейства? Пока нет? Почему? Вы не знаете, кому можно доверять? Вы сомневаетесь в слугах короля?

Ах, вы просто пока не знаете, кто проявит достаточную дальновидность, чтобы работать с женщиной... понятно. Ладно, поговорите с теми, кому доверяете, побеседуйте, дадим вам пропуск в казначейство. Пусть так.

Где жить?

В замке Тараль без кого-либо из старших родственников рядом вы жить не можете. Или отец, или Алисия. В противном случае ваш супруг окажется опозорен. Вы ведь этого не хотите, правда?

Чистая правда, ваше величество.

Поэтому жить дома, а на дорогу – да, тратить время. Может быть, вас утешит то, что пара часов – это в карете. Верхом быстрее.

Утешит?

Отлично!

Действуйте, графиня. Вот приказ в казначейство, вот приказ гильдиям, деньги выдадим, когда представите смету. Ищите и работайте. Август вам поможет. Вы свободны. Оба.

Лилия раскланялась и вышла вон. Август смотрел на дочь с сочувствием.

Фу-у-у-у...

Лучше б она три дня на лесоповале проработала! Вымотал ее этот разговор до крайности. Одно утешает. Увидев ее неопытность и полное незнание некоторых вопросов, король чуть успокоится. Наверняка. А то слишком уж много странностей вокруг графини Иртон.

А теперь домой. Отлеживаться и отсыпаться. Работа – завтра.

Корабли рассекали гладь Лимайеры. Река приняла их в свое лоно и мерно покачивала на небольших волнах.

Посольство Ативерны.

Рик и Джес сидели на палубе флагмана и занимались важным делом. Играли в нарды.

Рик, которому игра весьма понравилась, выпросил у Гардвейга полную копию и научил кузена. На свою голову.

Те, кто хоть раз увлекся игрой в нарды, знают, насколько это коварная зараза. Затягивает не хуже зыбучих песков. И выбраться наружу стоит большого труда.

Но парням выбираться и не хотелось. До Ивернеи было еще плыть и плыть, а чем-то заниматься посреди реки все равно надо.

- Есть! Шесть – пять!

- Так... а у меня? Четыре пятерки! Все, Джес, ты попался!

- Это еще не факт! Запереть меня ты смог, а теперь попробуй не выпустить!

- Попробую...

За играющими издали наблюдал герцог Фалион. Игра ему тоже нравилась. И спокойствие, царящее на корабле. И награда, обещанная ему в случае успеха дипломатической миссии.

Единственное, что его раздражало...

Взгляд герцога обратился к третьему из кораблей. Эх, отправить бы эту шлюшку домой. Но нельзя. Состав посольства оглашен, согласован со всеми заинтересованными лицами и включение в него новых персонажей, равно как и исчезновение старых вызовет логическое недоумение со стороны Бернарда. Угрозило ж Иртона... М-да, будь это его сын – порол бы его Фалион вместо завтрака, обеда и ужина, пока не научится в людях разбираться. А то главная беда Джерисона – он умеет *использовать* людей. К своей выгоде и в своих целях, этого не отнять, но вот *разбираться* в них... тут – хуже.

Ну да ладно. Если поумнеет – хорошо. Если помрет, Фалион тоже плакать не будет. Его забота – принц и брак, а не всякие там кузены-балбесы. Даже если король и привязан к этому шалопаю... Фалион что, ему лично штаны завязывать обязан? Или на страже стоять?

Хочет гулять по борделям, пусть гуляет. Хочет тащить с собой свою девку, пусть расхлебывает. Уж Фалион его воспитывать не собирается... Своего хватило.

Вспомнив сына, Фалион нахмурился. И было отчего.

Была, была своя тайна и у Вяленой Щуки.

Аделаида Вельс сидела в своей каюте. И от нечего делать вышивала. Получалось плохо, но ведь и бралось, только чтобы время занять.

Леди приходилось тяжело.

Придворные дамы наперебой спешили ее укусить, кавалеры чуть ли не впрямую делали ей непристойные предложения, Фалион смотрел волком, Джес не замечал, Рик, ну этот вообще с самого начала мимо нее смотрел. Было плохо и тошно. Но душу грело обещание Альтреса Лорта.

Граф был умен и понимал, что до конца посольства с ней ничего не сделают. А вот потом... А потом, если она все сделает правильно, ей помогут и скрыться, и жить дальше. И неплохо жить. Даже если придется выйти замуж за старика – какая разница?

Главное, чтобы муж был достаточно богат. А для всего остального на свете найдется достаточно смазливых конюхов.

Мы еще побарахтаемся, леди Вельс, мы сдаваться не собираемся.

- Отец, вы позволите?

Бернард Второй Ивернейский поднял голову и вздохнул:

- Входи, Лидди.

Дочку он любил. Поэтому Лидия Ивернейская без страха скользнула в кабинет. В нее не

запустят чернильницей, как в кого-нибудь из братьев. И ее не выгонят с обещанием порки на конюшне, как многих придворных.

– Отец, ты позволишь? Я хотела бы с тобой поговорить.

– Присаживайся.

Бернард кивнул Лидии на стоящее рядом кресло. Оно определенно знало лучшие времена, да и обивка требовала замены уже лет сорок как, но скупость Бернарда вошла в поговорку.

Скорее Альдоной сойдет на землю, чем Бернард расщедрится, – говорили в народе. И в чем-то были правы.

Во всяком случае, получив королевство от мота-папаши полуразоренным, Бернард смог поставить его на ноги и даже скопить неплохую сумму в казне. А что всякие лишние траты не приветствуются... Стулом можно пользоваться? Вот им и будем пользоваться. А заказывать каждый год новую мебель или обивку – это расточительство. Король против. И точка.

Бернард был высок, лысоват, больше всего он напоминал паука-сенокосца. И, увы, дочь пошла в него. Та же фигура топ-модели двадцать первого века с кодовым обозначением «скелет в растяжку». Те же бледные голубые глаза, та же тяжелая челюсть. Серые, словно пыльные, волосы стянуты в пучок на затылке. Да и манерами...

Лидия во многом походила на отца. Например, одно и то же платье она могла носить годами, то перешивая его, то пришивая оборочку или украшение... Денег же нет! Надо экономить!

Так что двор Ивернеи представлял собой достаточно жалкое зрелище. Не могут ведь придворные выглядеть богаче своего короля? А дамы – прекраснее принцессы? Никак не могут.

И для этого приходилось прикладывать немало усилий. Но в тюрьму ведь никому не охота за оскорбление короны. Так что...

– Что ты хотела, дочка?

– Папа, к нам едет Ричард Ативернский. Просить моей руки.

– Не совсем так, дочка. Принц едет на смотрины. А просить твоей руки или договориться с Гардвейгом, он будет решать сам.

– Сам?

– Да, я тоже считаю, что это глупо. Но Эдоард дал сыну слишком большую свободу.

– Батюшка, если я ему понравлюсь...

– Этот брак, и ты отлично это понимаешь, – основа мирного договора между Ативерной и Ивернеей. К тому же тебе действительно давно пора замуж.

– Я не хочу уезжать из родного дома. – В блеклых глазах показались слезы. – Батюшка, смилуйтесь!

– Дочь моя, выбор за Ричардом.

– И если он выберет меня, вы отдадите меня?

– Да. И дам неплохое приданое. Тысячу... даже две тысячи золотом... может быть...

Лидия ахнула.

– Батюшка, это же расточительство!

– Да. Но ты моя единственная дочь. Поэтому, даже несмотря на нашу бедность, я не стану скупиться.

О прилагавшейся провинции Бальи Бернард не знал. И хорошо, что не знал. Рядом с ней обещанная тысяча смотрелась жалкой подачкой.

Сумма-то была вполне приличной. Для приданого богатой баронской или бедной графской дочери. А для откровенно жадного Бернарда – вообще королевской. Так что Лидия поблагодарила отца и вышла из кабинета.

Пробежала до своих покоев, упала на кровать...

Замуж не хотелось.

В Ативерну не хотелось. И на все были свои причины. Но не ругаться же с отцом?

Лидия просто решила по мере возможностей оттолкнуть от себя Ричарда. А что? Выбор у него есть, пусть роднится с Гардвейгом! Почему обязательно надо приносить ее жизнь в жертву батюшкиным интересам?

Не хочу!

И не заставите!

А вот как лучше?

Лежа с сухими глазами на кровати, Лидия обдумывала план действий.

В себя Лиля пришла уже дома. Август отпоил ее чаем и подробно разъяснил, что ничего страшного не произошло. Даже наоборот.

О таком можно только мечтать. Лиля становится партнером государства и пожизненно станет получать эти тридцать процентов. А там и ее дети, кто знает. Это уж как договор составят.

То есть жарко ли, холодно ли, мастерские будут работать. А Лиле будут капать денежки.

Без расхода на сырье, оборудование, наем мастеров, их прокорм и проживание. Сейчас Лиле просто предоставляется возможность устроить все по ее вкусу.

Да, за королем решающее слово. Но условия – действительно королевские.

Да, Лиле придется посвятить этому несколько месяцев. Но чем она сейчас собирается заниматься? По балам-приемам ходить? Нью-нью...

Август только фыркнул, глядя на решительное отрицание дочерью и балов, и приемов. Точно, в него пошла. Сам он всю жизнь на верфях.

Да и не требуется от Лилиан ничего такого ужасного. Надо поговорить с кружевницами и стеклодувами. На предмет учеников и учениц. Потом – явиться в гильдии с пергаментом короля и потребовать себе подмастерьев. Да, гильдиям это не понравится, но ей-то что? К тому же многие мастера держат подмастерьев в черном теле. А тут у парней появится шанс...

Лилия кивнула, вспоминая своих.

Но этим займется Август.

Эдоард – одно. Мастера – другое. Незачем Лиле все делать самой.

Далее – найти хорошего управляющего. Поручить Ганцу Тримейну проверить всех и вся. Съездить в поместье. Нанять слуг (также проверенных) в поместье Тараль.

Ну а дальше все будут заниматься своим делом. Слуги – мыть и чистить, управляющий – подсовывать графине счета, которые нужно проверять, ну и воровать немного... Мастера – творить и ждать новых идей от графини.

Так что не надо Лиле самой ноги стаптывать.

Надо найти нужных людей.

Лиля выдохнула.

– Пап... а ты?

– А я думаю... Есть у меня один человечек, неглупый, вот я хотел бы его в Иртон послать, а Тариса оттуда забрать. Ты не возражаешь?

Лиля замотала головой.

Тарис Брок устраивал ее со всех сторон. Мужчина умный, грамотный, серьезный, они уже сработались – возражений нет. Но побыстрее бы...

– А до тех пор разрешите вмешаться мне?

Хельке появился словно из ниоткуда. Август махнул ему рукой.

– Присаживайся к нам, если есть что сказать.

Август неплохо относился к эввирам. Уважал их за незаурядный ум и способности к торговле, часто вел с ними дела, и с Хельке сразу нашел общий язык. Мужчины раздавили вместе бутылочку настойки и сговорились.

– Ваше сиятельство, а вы подумали о реализации?

Лиля пожала плечами.

– Было бы что реализовать.

– А вот я хотел бы с вами об этом поговорить. У меня, как вы знаете, есть племянники...

– Торес-старший. Вы его имеете в виду? – догадалась Лиля.

– Да, ваше сиятельство. Мальчик не родился ювелиром. Зато находить общий язык с людьми, договариваться, распоряжаться – это для него. Я даже загрустил, ну кто доверится эввиру? Но...

– Я поговорю с Торесом, – решила Лиля, – и, если мы сработаемся, почему бы и нет. Сначала пусть поможет с Таралем, а потом, когда придет Тарис Брок, перекинем ребенка на реализацию продукции, по времени будет самое то...

– А что вы таки думаете о реализации? – поинтересовался Хельке.

Лиля честно призналась, что она об этом не думала.

– А если, ваше сиятельство, поговорить с нашими старейшинами?

Лиля вскинула брови. Мол, не знаю, что это за зверье. И Август с Хельке принялись просвещать даму.

Эввиров в этом мире не любили. Поэтому они вынуждены держаться друг за друга. Например, селиться общинами. Во главе общины стоят несколько стариков из самых почтенных, как правило – три-четыре человека. Они судят, рядят, разбирают споры между своими, все работающие эввиры часть денег отчисляют общине, и из них помогают тем, кому не везет.

Там есть еще много чего. Но главное – в другом. Эввиры – народ торговый. И у них налажена сеть лавок и связь по всему матерiku. Если графиня договорится о проценте, это все равно получится дешевле, чем налаживать дело самой.

Лиля задумалась. И кивнула.

– Я поговорю с королем. Если он согласится, почему бы и нет? Составим договор, обговорим обязанности и права сторон, обязательства друг перед другом, штрафы за их нарушение. Тем более, что я буду выступать лишь посредником. А его величество – заинтересованной стороной.

Хельке выглядел грустно. Судя по всему, хитрый эввир собирался чуточку нажиться на графине. Но – увы. На Эдоарде сильно не наживешься.

С другой стороны, можно получить свое и не деньгами.

Защитой, спокойствием, снятием кое-каких запретов. И это ювелир понял очень быстро.

– Ваше сиятельство, вы считаете, что такой вариант возможен?

– Разумеется.

Лиля задумалась.

Да, с эввирами можно иметь дело. Но – не ей. Государство с этим лучше справится. А она и правда поговорит с королем. Тем более надо выяснить о Джейми... Ну это надо удочку закинуть Алисии.

Свекровь у нее классная. Всегда можно договориться. А ведь даже самые милые дамы ревнуют своих сыновей к невесткам. А тут – полное спокойствие...

Ладно. Это ее куда-то не туда понесло.

А что еще можно сделать для реализации?

Лиля подумала немного. Ну не менеджер она, вот ни разу... А с чего начинают все законодатели моды?

А ведь все просто.

Надо создать свой модный дом.

И начало есть. Торговая марка Мариэль, в честь мамы реципиентки, знак – красный крест.

И фирменный магазин. В столице, со всеми заездами и заходами, и чтобы в нем можно было купить кружево, полюбоваться на себя в громадное зеркало, выпить что-нибудь экзотическое из стеклянных бокалов, немножко посплетничать, может быть, съесть что-то необычное... а почему нет?

Надо это дело просто обдумать. Но сначала поговорить с мастерами.

Разговор с девушками пришлось отложить. Потому как Тахир и Джейми потребовали объяснений. Что такое эпилепсия, где она живет, с чем ее едят и как с ней бороться.

И ведь не откажешь...

Минут десять потребовалось, чтобы растолковать разницу между приступами эпилепсии и истерическим припадком. А ведь путали, и частенько.

– Ваше сиятельство, а есть ли лечение? Вы странно вели себя там, во дворце...

Лиля опустила ресницы.

– Да, Тахир, нет от этой болезни лекарства. Такого, чтобы можно было травку заварить или там швы наложить. Нет. И не будет, наверное, еще очень долго.

– Обычно вы сразу говорите, чем можно помочь. А тут...

– А тут я сделала все, что могла. Не дала женщине навредить себе. Сказала, что это болезнь, а не одержимость. Потому что жизнь в постоянном страхе приступа, страхе разоблачения... это само по себе доведет до любой болезни.

– А почему вы нам раньше не рассказывали? – не удержался Джейми.

– Да я и так вам спокойной жизни не даю, – усмехнулась Лиля. – Мальчик, нельзя сразу объять необъятное. Люди лекарской науке по десять лет учатся, а ты хочешь все за год

освоить? Да и какой год? Полугода не прошло!

Джейми потупился. Ну, есть такое. Если бы парня воспитывали, как барона, он бароном и стал бы. Но воспитывали-то как лекаря. Вот он и прикипел... что ж. Значит, баронство Донтер будет баронством со здоровым образом жизни.

- Но пациентке вы не скажете, что это неизлечимо?

- Нет. Я и так... Но выхода другого не было.

Лиля прикрыла глаза. Усталость разъедала. А что тут поделаешь?

Да, совершила глупость. Да, на глазах у альдона. Да, страшный риск и подстава. Но когда было сначала думать, а потом делать... Кто твердо следует сему идеальному рецепту в критической ситуации? Ну?! Что, нет ответа? То-то же.

- Да уж, - поддакнул Тахир. Если бы тогда сказать, что это не лечится...

- Не лечится только то, что свыше послано, - встрял Джейми. - Как наказание.

- И это становится делом Церкви, - Лиля вздохнула. - Конечно же.

Несказанное повисло в воздухе. Церковь и врачи никогда особо не ладили. Первые полагали болезни воздаянием за человеческие грехи. Вторым чихать было на воздаяние, они старались помочь людям. Отсюда и возникал конфликт. И все трое прекрасно это понимали. Но есть вещи, которые даже при своих не говорят вслух. Целее будешь.

- Так что пришлось немного приукрасить, а немного умолчать кое о чем. Но я бы сказала, что в данном случае и мои слова были неплохим лечением. Во-первых, эффект плацебо. - Мужчины, уже ознакомленные с этим понятием, дружно кивнули. - Во-вторых, снялся постоянный страх, который топором висел над пациенткой. А поскольку все болезни от нервов, ну не все, но процентов много...

- То ей так и так будет легче.

- И ее мужу тоже. То она ежедневно ждала всяких пакостей: доноса церкви, приступа, монастыря... Сами понимаете - радости тут мало. Эта болезнь хорошо развивается на нервной почве, воздействует на разум. Можно было ожидать всего, вплоть до сумасшествия. И если этого не случилось, можно считать, что дама она крепкая, а болезнь протекает в легкой форме.

- И что тут можно сделать?

- Свежий воздух. Успокаивающий сбор. Все. Ну еще средство для расслабления мышц после приступа. Хоть бы и горячая ванна с солью или маслами, может быть, массаж.

- А что может вызвать эту болезнь?

- Все что угодно. Цвет, запах, звук, какое-то сочетание всех трех признаков.

- Интересно... А реально это подобрать? - заинтересовался Тахир.

Лиля пожала плечами.

- Может быть. Но для этого нужно больше одного случая.

- А если ее расспросить? Ну, хотя бы попробовать?

- Вы - знаменитый лекарь из Ханганата, Тахир-джан. Вам и карты в руки.

Тахир усмехнулся. Знаменитый-то он. А лечит и учит - графиня. Но надо же делать хорошую мину при плохой игре?

Надо. Будем.

- Как прикажете, госпожа графиня.

Лиля благодарно улыбнулась.

- Ну если вопросов больше нет, я пойду. Отдохнуть хочется...

Марсия и девушки, услышав такие новости, выдали нестандартную реакцию. Разревелись в шестнадцать ручьев. И Лиле пришлось их успокаивать часа полтора, прежде чем девчонки смогли внятно объяснить, что происходит. А то женская коллективная истерика – штука самоподдерживающаяся.

Как оказалось, девушки ужасно счастливы. Это же престиж! И какой!

И вообще, можно поговорить с его величеством. Раньше-то кружево плели одной тоненькой полоской, так и занимались этим обычные модистки. А сейчас, когда его прорва... Может, и гильдию кружевниц создать? Корона обеспечиткрытие.

Лиля вписала эту идею себе в блокнот и решила спросить у Эдоарда. Когда пойдет вместе с Джейми.

Такие перспективы! Да они же будут первыми невестами, смогут и за купцов замуж выйти.

А с другой стороны, расставаться с графиней им было решительно неохота. И как все совместить?

Лиля предложила простой выход. Гробить такие таланты в горничных нельзя. Это однозначно. Юбку подать несложно, а ты поди кружево сплети! Так что девушки пусть набирают себе учениц, селятся в поместье Тараль, а с Лилей они так и так видятся будут часто. Не соскучатся.

Ну и, конечно, если что-то шить или связать – это только у них. И никак иначе.

На том и договорились.

А вот мальчишки повели себя совершенно иначе. Что стеклодув, что кузнец были в щенячьем восторге. Они и так собирались работать вместе. Уж очень хорошо у них все пошло тандемом.

Но получить свою территорию, свои мастерские, подмастерьев... Некоторые такого и к шестидесяти годам не достигают! А им еще и сорока нет. На двоих.

Мечты сбываются!

В следующие десять дней Лиля постоянно бывала при дворе. Первое время – потому что надо. Так и король приказал. Это потом можно будет заниматься делом, а сейчас... Сейчас надо всем показать, что его величество весьма расположен к графине Иртон.

Как это сделать? Оказывать ей знаки своего благоволения. Для этого необходимо иметь графиню в пределах досягаемости.

Как проходит день при королевском дворе?

Лиля прикинула, что день его величества Эдоарда – это нечто среднее между днем короля Людовика XIV и днем Николая I. Король встает, о чем объявляет личный камердинер, одевается – целая процедура, кстати говоря, – с помощью дворян. Туда Лилиан не допускали. Оно и к лучшему. Между прочим, нужду его величество тоже по утрам справлял. Прямо при людях. И выносить королевский горшок считалось честью. А ей вот почему-то не хотелось...

Затем подавали легкие закуски. Здесь не завтракали, предпочитая обедать и ужинать. Лиле это не нравилось.

Потом к королю, уже полностью одетому, приходил личный патер. Собственно, альдон при дворе тоже появляется, но альдон – скорее лицо светское, чем духовное. А патер

благословлял короля на благие дела во имя государства. Король выслушивал его, отпускал, и начинался малый выход.

Это когда его величество идет по галерее в кабинет. Вот тут придворные – все, кто имеет при дворе какой-то чин, обязаны были стоять, кланяться, а если король разрешит, то и подавать прошения.

Король проходил в кабинет, выслушивал министров, решал самые неотложные дела – как правило, это затягивалось до обеда. Так что до тех пор ее сиятельство Лилиан Иртон могла быть полностью свободна. А вот на обеде извольте появляться.

Честно говоря, скромный столик Иоанна Васильевича тут не прокатывал. Почки заячьи верченые, головы щучьи с чесноком... а не желаете запеченного зайца, внутри которого зашита такая же запеченная перепелка? А форель, фаршированная креветками и в соусе из восемнадцати трав? А устрицы и мидии, приготовленные в вине? Ативерна – государство полуморское, поэтому морские продукты тут имели большое хождение. А уж икра черная, красная... Тут ее можно было пожирать, сколько влезет.

На королевском обеде сидеть имеет право только король. Остальные стояли у столов. О присутствующих судили по их важности для короны в зависимости от сервировки, от количества еды. Однажды, говорили, пригласили герцога, а подали ему деревянную кружку с водой и кусок хлеба.

Сожрал как миленький, без скандалов. А нечего было королевскую любовницу... фантазировать.

После королевского обеда – прогулка. Тут тоже извольте быть, графиня. Чтобы его величество мог подозвать вас с каким-нибудь вопросом. А то ж...

На прогулке короля беспокоить права не имеют. Но сам он, если желает выделить кого-то, обязательно подзовет.

После король опять удалялся в кабинет, где и работал. Лиля это время использовала, чтобы побывать у Алисии или проехать по столице, или посплетничать с другими дамами – языки у них были совершенно гадючьи. А с другой стороны, и наши студенты не лыком шиты. Так послать могут – не вылезешь.

Вечером прием. Танцы, карты, нарды, которые теперь приобретали популярность при дворе. И тут уж изволь, графиня, быть у его величества. Партий пять-шесть за вечер они разыгрывали обязательно.

Лиля злилась, ругалась, шипела, но выбора не было. Для бизнесменов необходимость – присутствовать на званых вечеринках. Для Лилиан Иртон необходимостью было присутствовать при дворе. Рассказывать что к чему, показывать на себе новинки, рекламировать их...

Надоело?

Стисни зубы и терпи. Эти люди – твои будущие клиенты.

И Лиля терпела из последних сил.

Хотя многое скрашивали рассказы Алисии.

Как оказалось, королевский двор делится на три партии. Одна – самая крупная – это сторонники короля. Те, кто во всем его поддерживает, одобряет, и вообще – король всегда прав.

Вторая партия – оппозиция. Куда ж без нее... Здесь она мирная, потому что Ативерна страна богатая и спокойная (тьфу-тьфу-тьфу). Конечно, они по мере сил продвигали свои интересы, старались что-то выгадать, вполголоса критиковали королевскую власть... Ну и гордились своей свободой.

Эдоард их сильно не гонял. Если будет необходимость, оторвет головы. А пока пусть резвятся.

Третья партия – маятники. То туда, то сюда... их большинство. Эдоард умело поддерживал равновесие, то удаляя одних, то приближая других. А еще были родственные интересы, семейные... да есть очень многое. Алисия рассказывала.

Лилиан приглядывалась. И все больше понимала, что это – не ее. Не бывать ей придворной дамой. Скучно, тошно, тоскливо, неинтересно. Медик ты, Аля. Была и останешься.

И как к лекарю к ней обращались многие. Тахир не отказывал никому, набирая бонусы себе и своей ученице. Вот болезням при дворе было раздолье. Лиля уже видела многое, от банальной экземы до сифилиса. И радовалась только одному. Хорошо хоть ее супруг не наградил. Антибиотиков-то нет... Эх... жизнь.

Глава 5

Знакомства в верхах и низах

Амалия Ивельен посмотрела на близнецов в колыбели.

Ее дети.

Ее и Питера.

Два мальчика, Роман и Джейкоб. Питер аж весь светится. А Амалия помнила только боль.

Красное полотно боли, застилающее весь свет и скручивающее внутренности в смертельной судороге. В какой-то момент она подумала, что умрет, и не испугалась этого. Умирать страшно, когда за чертой тебя никто не ждет. А ее ждать будут. Она знает.

Потом она подумала про Сэсси и Джеса, про... Она ведь не сможет оставить своих детей, правда? И попыталась выбраться назад. Но боль давила, отбрасывала, не пускала, и женщина теряла волю к сопротивлению. А потом, в какой-то миг стало легче.

Над ней склонилось женское лицо. И Амалии показалось, что это святая. Она что-то говорила, и боль уходила. Постепенно... А потом женщина услышала крик своих детей. И поняла, что жива.

После уже она узнала, что это была Лилиан Иртон. А еще поняла, что ореол сияющей вызван закатными лучами солнца, которые ярко осветили женщину. Потом, все потом.

И искренне удивилась.

Корова?

Ну, братик!

Как Лилиан Иртон ни назвать, но уж точно не так. В зеленых глазах светился незаурядный ум, розовые губы улыбались, а статная фигура... Да, статная, но не жирная ведь, позволяла нести себя с достоинством! И с каким!

Женщина знала себе цену. И цена была высока.

Она уехала, и на следующий день прибыли трое вирманок. Амалия только глазами хлопала.

Докторусы рекомендовали ей лежать хотя бы дней десять. Она и лежала... Вирманки устроили в спальне локальный ад. Хотя такого слова Амалия и не знала. Они мыли, чистили, вытряхивали, гоняли служанок, и на возмущение четко отвечали, что все болезни от грязи. А госпожа графиня приказала позаботиться о госпоже маркизе. Дискуссия закончена.

И Амалия не могла не заметить, что дышать стало легче. Что дети меньше плакали. Что ей самой приятнее, когда ее обтирают надушенной водой два раза в день.

А уж когда прибыли подарки от Лилиан Иртон на рождение детей...

Фероньерку Амалия оценила. Как и длинную сорочку, отделанную кружевом. То есть у этой сорочки верх, который должен прикрывать грудь, был кружевным, а остальное из шелка.

И всякие кружевные мелочи.

И это сделано в Иртоне? В захолустье? В имении Джеса?

Невероятно!

Но это – было.

Амалия не могла дожидаться, когда встанет с постели. Ей безумно хотелось пообщаться с новой родственницей. Понять, откуда что взялось. Разобраться, как ее проглядел брат.

А сама Лилиан Иртон, прислав служанок, даже не писала. Ей было капитально не до того.

Зато многим было дело до Лилиан Иртон.

Например, представителям гильдий докторусов и стеклодувов, которые первыми пострадали от инициативы графини Иртон.

И сейчас в гильдии докторусов шла беседа. Обсуждалось, что в их огород запустили ханганского козла.

От кого происходят все блага докторусов? Да разумеется, от богатых клиентов. А тут! Роды у Ивельенов принял этот заморский гад! Графине Марвел (с которой кормились аж три докторуса) тоже помог. Да так удачно, что граф Марвел приказал «гнать палкой шарлатанов до ворот!».

И прогнали.

А заслышав о таких приятных вещах, к Тахиру потянулись пациенты.

Ему же деньги, ему подарки, ему... и его ученикам! Вот где беда-то! Ученики – вот главное зло. Он уедет, они останутся. И уже вне гильдии. А кто им помешает набрать своих? А если они действительно начнут помогать людям?

Какое самое страшное зло для врачей? Эпидемия?

Вот уж ничего подобного!

Главная беда – это качественно вылеченный пациент. Ему ведь повторные услуги докторуса уже и не требуются. И как тогда жить?

Лечить бедняков?

Да кому они нужны? Что с них возьмешь?

Докторусы (в том числе и придворные, они ведь тоже состояли в гильдии) думали, размышляли, советовались (попутно уничтожив пару десятков кувшинов вина) и наконец, пришли к выводу.

Мерзавец-ханган нарушает их исконные права. Подействовать на него они никак не могут. Он личный докторус графини Иртон.

Подействовать на графиню?

После того, как она выкинула докторуса Крейби, увольте. У нее вирмане, у нее ханганы... Хватило и графа Марвела с его палками. Что решит сделать графиня Иртон, вообще неизвестно.

Обычно люди докторусов уважают. А вот графиня...

Про повитуху она высказалась явно непечатно (думала, что ее никто не слышит, но двери-то были приоткрыты), про докторусов, которые вместо того, чтобы помочь роженице, сидят и жрут вино, – тоже.

Воздействовать на нее нечем. Остается только жаловаться королю. В связи с попранием прав гильдии...

А почему нет?

Не дело бабе лезть в лекарские заботы. Не дело! Вот и надо ее оттуда выкинуть!

И чем скорее, тем лучше.

Так что составляем петицию и идем плакаться королю.

Лиля закончила крутиться при дворе, в Тараль прибыли первые рабочие, и женщина со вздохом облегчения попрощалась с нудными для нее приемами и балами.

Теперь посвятить пару дней Миранде и своим людям, и за работу. Казалось бы, так.

Ан нет.

Двор не хотел отпускать свою игрушку, не насытившись.

И следующие несколько дней дома прошли для Лили под знаком песка.

Другого слова она подобрать не смогла. Ее дом стал местом паломничества.

Она выезжать не собиралась. Пригласить ее могли, но графиня могла и не приехать. Мол, занята. И отказать, на волне своей полезности у короля, она могла кому угодно. Кроме альдона. Но тот точно ее к себе не потребует.

Приглашать Алисию? Та одна и приедет. И еще поиздевается, мол, невестка занята. Некогда ей по гостям разъезжать.

А посплетничать? С гадюкой? Ну-ну... Если кто хочет – лес открыт. Ловите и сплетничайте.

Оставалось только сделать первый шаг самим. И навестить. Кого?

Алисию. А то ж! Лилиан-то Иртон пока еще просто принята при дворе и пользуется благосклонностью короля. Не больше и не меньше. Но Лиля откровенно смеялась над этими вывертами средневекового этикета. Она могла куда-нибудь съездить вместе с Алисией. Но «старая гадюка» только фыркнула.

– Лиля, милая, ты – новая достопримечательность двора. К тебе будут ломиться просто из любопытства. А вот ты...

– А что могу я?

– Можешь никого не принимать. Можешь принимать.

Теперь настала Лилина очередь фыркать.

Можно не принимать. Но нельзя. Ибо ее товар – идеи и новые вещи. И без рекламы это дело не пойдет. А как проходит реклама в Средние века? Да демонстрацией. И рассказами о новинках. Это делалось при дворе, но там многого просто не покажешь.

Так что гнать никого нельзя. Пусть хоть сама Мальдоная явится. А вот как себя держать? При дворе – проще. Там можно было удрать, можно не общаться, да и его величество умело отсекал графиню от толпы придворных с помощью своих доверенных лиц.

– Да как угодно. Ты – графиня Иртон. Твой супруг – племянник его величества.

– Но я дочь корабела.

– Да. Ты этого стыдишься?

– Нет. Но придворные могут на меня смотреть сверху вниз из-за этого.

– И ты им позволишь?

Лиля только усмехнулась. Вот уж чего-чего... С одной стороны, в Средние века искусство сплетни и оттачивания языка на людях было более развито. По причине отсутствия СМИ.

С другой – человек двадцать первого века быстрее обрабатывает информацию. А уж какими ядовитыми бывают медики... Между прочим, по институту ходила шутка, что

гадюка на эмблеме – это медик, который сцеживает яд. И в ней была доля правды.

Так что Лиля не боялась. Но предстоящее времяпрепровождение навевало на нее тоску заранее.

А куда деваться?

Надо, Лилия...

И Лилия приказала слугам лишний раз вычистить весь дом. А заодно указывать всем благородным господам и дамам дорогу к туалету прямо с порога. Вырыли его в саду, поставили будочку, вот туда и валите. А если кто под кустом нагадит, она его или ее вместе с продуктом жизнедеятельности и прикопает. На удобрения!

Пусть дворец засирают. И свои дома. А в доме графини Иртон такого не будет.

Точка.

Лилия угадала.

В последующие несколько дней дверь дома графини просто не закрывалась. Прибывали дамы. В товарных количествах. Одни и с родственниками. Группами от трех до пяти человек. И всех их объединяло одно и то же – невероятное любопытство.

Лилиан Иртон входила в моду.

Ее наряды, кружево, стекло.... Так получилось – это было то, чем могли пользоваться и мужчины и женщины. Любых возрастов, любых категорий, но с достаточно высоким достатком.

Но надо же знать людей!

У Тани есть, а у Мани нет? Да Маня мужу мозг вынесет, но свое получит. Не хуже, чем у Тани. А в идеале – лучше!

Лилия улыбалась.

Она просиживала в гостиной по шесть – восемь часов напролет. Улыбалась. Рассказывала о своих изделиях. Демонстрировала. Кружево – на себе. Иногда – на Миранде. Но часто малявку в гостиную она не пускала. Как и собак, как и ханганов. Нечего. Еще блох от великосветских дам подцепят...

Да-да.

Блохи и вши были в ассортименте. Не всегда, вообще-то если носить шелк, то с блохами становится полегче. Но ведь не у всех на него есть деньги. Зато у всех есть любопытство.

Поэтому Лилия старалась держаться подальше от визитеров. Волосы заплетала потуже. Повсюду раскладывала и развешивала полынь. И подвешивала пару пучков даже себе под юбку. Плевать на неудобство! Блохи хуже!

И все приезжающие, как один, удивлялись и чистоте, царившей в доме Алисии. И коврику у порога (у каждого порога) о который предлагалось вытереть ноги, чтобы не тащить грязь в гостиную. И веничку из душистых трав, который для тех же целей предлагали слуги. А уж как удивлялись отсутствию ночных ваз и маленькому домику во дворе с буквами «эМ» и «Жо» на дверцах! Лилия первым делом распорядилась, выкопать и построить – на десять дырок. Чтобы в очереди никто не стоял и на улице не гадил.

Придворные вскидывали брови. Мол, зачем так утруждаться?

На что Лилия отвечала, что неприличнее, когда от знатного господина или, того хуже, дамы дерьмом воняет. А вонять будет, если туфелькой вляпаешься. А та – дорогая. Или платьем. И ведь отстирать сложно...

Этот аргумент принимался. Духами тут обливались в диком количестве. И благовониями

окуривались. А Лиля с удовольствием разъясняла, как туалет устроен. Несложно ведь? Почти разборный, почти щитовой домик. Нагадили, зарыли, перешли в другое место. Разве не удобно? А на том месте хоть бы и посадить что? Неплохо расти будет, кстати.

Придворные удивлялись, но принимали как список чудачеств графини Иртон. Нравится ей чистота? Нравится, когда в доме пахнет цветами – а громадные букеты стоят в стеклянных (дикая роскошь!) разноцветных вазах повсюду? Так, может, и попробовать? Ведь может в моду войти...

А я от моды отстану?

Не бывать такому!

Лиля никого не убеждала, ничего не рекламировала, она вообще нагло ссылалась во всем на старые свитки, ханганов, мастеров, которые все придумывают. А она? А она просто попала! Вот и крутимся, как можем.

А еще...

Спирт она получила давно.

Но кто забудет, сколько приятных вещей можно делать на спиртовой основе?

На спирту можно настаивать многое. Масла здесь были еще не в моде. Но всегда можно настоять что-то сильно душистое. Мята, сирень, роза, ландыш, кстати, та же полынь... Связываться с эфирными маслами Лиля не собиралась – слишком мал выход. Но вот такие вещи сделать могла. Запахи пока получались больше спиртовые. Но и не самые плохие.

Поэтому Лиля завела обычай – предлагать при входе в гостиную салфетки, смоченные одеколоном, чтобы вытирать руки и лицо. Слава богам, косметика здесь была пока не сильно в моде. Белила на свинцовой основе тут не изобрели, а мел, которым пробовали штукатуриться некоторые модницы, легко отваливался и осыпался. Свекла размазывалась. Сажа была не самым стойким красителем для бровей и ресниц.

Поэтому здесь было не принято краситься, ложиться спать в том же макияже, а с утра просто подновлять его. Приходилось либо соскребать косметику, либо стирать ее полотенцем, смоченным в ароматической воде (те же лепестки цветов и травы, добавленные в тазик) а затем накладывать новую.

Одеколон дамы оценили сразу. Он снимал всю косметику практически без разводов, а когда Лиля еще добавляла, что такие притирания могут улучшить кожу, дамы покупались мгновенно.

Самогонный аппарат работал без перерыва. И Лиля собиралась сделать еще штук шесть. А лучше – десять.

Графиня строго предупреждала, что принимать внутрь эту настойку не надо. Можно отравиться. Но наружу – в любых количествах.

Откуда?

Из Ханганата. Благо – далеко.

Не верите? Съездите, проверьте. Приедете – расскажете.

Где его достать?

Пока нигде. А можно будет...

Вы знаете, мой отец, Август Брокленд, собирается открыть в столице нечто вроде модного дома.

Что это такое? Это место, в которое могут прийти знатные дамы, посидеть, выпить чашечку травяного отвара с медом или бокал вина, скушать пирожное (с ума сойти, тут еще не додумались до безе!), купить себе какие-либо изделия из стекла или кружева, им продемонстрируют все новинки... Одним словом, престижное местечко.

Где?

Здание в столице подыскивается.

Август действительно проникся идеей. Но сам он общался с главами гильдий, и за дело взялся племянник Хельке – Торес Герейн, которого Лиля решила называть по фамилии, чтобы не путать с Тарисом.

Герейн быстро выкупил несколько небольших зданий в центре города и принялся за перестройку. Благо деньги считать не приходилось. Эдоард мягко намекнул, что корона поможет... временно. А деньги потом пойдут из прибыли.

Требовалось объединить здания в одно. Сделать большой салон, несколько примерочных, склад. Второй этаж для слуг и мастеров, которые будут там жить.

По итогам и решим – годится парень для серьезной работы или нет. Но молодой эввир проникся радужными перспективами и работал не за страх, а за совесть.

Лилия стискивала зубы, раскланивалась, рассказывала, показывала и мечтала об автомате Калашникова.

Да, это необходимо делать. Но как же это достает!

Развлечением оказался визит баронессы Ормт.

О ней Лилия поговорила с Алисией. И выходило так, что дергаться сильно смысла нет. После смерти Джессимин таких баронесс перебивало у Эдоарда порядка двух десятков. Каждая – месяца на три, чтобы не зазналась. А потом лишнее колечко в зубы, и вали. А будешь возмущаться или права качать – со двора сгоню. На фиг.

Поэтому, что бы из себя баронесса ни строила, цена ей – медяк. И тот ломаный.

К тому же, по утверждению Алисии, баронесса отличалась недалекостью, скандальностью, стервозностью и неумением не таявкать на слонов.

А то?!

Басни Крылова Лилия тоже рассказывала Миранде, как помнила, конечно. Но оценила их Алисия. И Эдоард, который посмеялся, послушав «гадюку», и попросил рассказать что-нибудь еще.

Баронесса-таки не удержалась. Любопытство взяло верх над гордостью, и она явилась к Лиле в сопровождении двух подруг.

Лиле было откровенно смешно наблюдать, как баронесса разрывается между желаниями укусь побольше и узнать побольше. Одновременно и то и другое сделать не получалось. А Лилия не собиралась спускать баронессе наглость даже в мелочах. Обе подружки были страшны, как атомная война, и в подметки не годились баронессе. А сама фаворитка жалко смотрелась рядом с Лилиан. Понимала это и бесилась. И шипела.

– Такая жалость, графиня, что вам приходится носить этот траурный зеленый цвет, – лицемерно вздыхала баронесса.

– Ничего, достопочтенная, – усмехалась Лилия. – Я ношу этот зеленый, как траур по своим врагам.

– Неужели у вас так много врагов, ваше сиятельство?

– Разумеется, нет, баронесса. Я ведь не зря ношу по ним траур.

Хороший враг – мертвый враг. Не будешь хорошей – будешь мертвой.

Разговор переходил на новинки, на кружево, на фероньерки... А потом – опять!

– У вас такой милый деревенский румянец, графиня... Наверное, жизнь в захолустье

очень увлекательна...

– Если женщина умна – ей везде интересно. И с ней всегда интересно. А если нет, значит – нет.

– Все равно, я бы не смогла жить в такой глуши. Но мой муж никогда со мной так не поступил бы. Он меня ценит.

– Разумеется, такую жену, как вы, надо высоко ценить, – парировала Лиля. – Не сомневаюсь, что ваши... таланты оценил по достоинству весь двор.

Баронесса сверкнула глазами. Но кусаться пыталась.

– А почему ваш супруг не взял вас с собой в посольство, графиня?

Лиля вскинула брови. Было желание сказать про беременность. Но зачем? Этот слух она запустит через Алисию. А не через трех кошелок, которые пробиваются через постель.

– Баронесса, состав посольства утверждался его величеством. А воля короля – закон для его подданных. Который не обсуждают, а исполняют. Может быть, вас не затруднит поинтересоваться у его величества?

Намек был вполне толстым. Но баронесса восприняла его по-другому.

– О да, его величество доверяет мне.

– Разумеется, он ведь доверяет вам самое ценное, – съязвила Лиля.

Баронесса вспыхнула. Ее подруги захихикали и тут же осеклись.

– На что вы намекаете, графиня?

– Разумеется, на государственные дела. А о чем вы подумали?

Но улыбка на губах графини явно намекала на нечто другое.

Как любая женщина, добивающаяся всего умом и трудом, Лиля не любила дам, которые пытаются добиться того же через постель.

Несправедливо как-то! Она пашет как лошадь, учит, сдает зачеты, а однокурсница имеет тот же красный диплом за игру на флейте любви ректора. Ее подруга претендовала на место в аспирантуре, но каков поп – таков и приход. И взяли другую. Которая гордилась своим умением исполнять почти все позы из «Камасутры».

Увы...

Баронесса отбыла через пару часов, злая, как Мальдоная. А Лиля без сил упала на кровать в своей комнате.

Лучше мешки таскать, чем светскую жизнь вести.

А ведь придется.

Как ни странно, отдушиной в череде визитов стало явление маркиза Фалиона.

Александр прибыл один и верхом. Раскланялся с Алисией, которая ненароком оказалась дома. Вытер руки и лицо наодеколоненной салфеткой. Восхитился царящей в доме чистотой. Подарил Лиле громадный букет цветов. Передал игрушечную лошадку для Миранды. И завел светскую беседу. Чтобы на шестой минуте поинтересоваться Лидархом. После чего разговор плавно переместился в конюшню. И Лиля простила Фалиону все его занудство и чопорность.

При виде Лидарха маркиз просто растаял. И ходил вокруг аварца, как кот возле сливок. Глаза горели, с лица не сходила восторженная улыбка, а несколько яблок от Лили были приняты почти как королевские регалии и с благоговением скормлены лошади.

Лидарх тоже оценил человека и ткнулся ему в плечо плюшевым носом. Лиля потрепала его густую гриву.

- Подхалим. Заласканный, залюбленный, балованный, очаровательный нахал.

Фалион улыбнулся.

- Графиня, он великолепен!

Лиля кивнула.

- Он чудо. Сами понимаете, маркиз, разве можно расстаться с таким красавцем?

По лицу Фалиона читалось, что он бы точно не расстался. Даже под угрозой расстрела.

- Графиня, но вы же не будете против, если... у меня есть несколько симпатичных кобылок...

Лиля вздохнула и кивнула.

- Не буду. Но поставлю и свои условия. Чистота и только чистота. И осторожность.

- Ваше сиятельство!

Маркиз возмущался совершенно искренне. Лиля улынулась.

- Я понимаю. Но и вы меня поймите. Вы бы не доверили такое чудо просто так, верно?

- Верно.

Маркиз машинально поглаживал Лидарха. Подхалим млел.

И Лиля не удержалась.

- Если очень хотите, можете прокатиться верхом. Я разрешаю.

Судя по глазам маркиза, он оценил. Но не бросился сразу пользоваться приглашением.

- Ваше сиятельство, я ценю вашу щедрость. И у меня есть еще одна просьба.

Лиля смотрела испытующе.

- Тахир Джааман.

- На нем я вам прокатиться не предлагаю, - не удержалась Лиля.

Маркиз взглянул на нее ошалелыми глазами, а потом шутка дошла до адресата. Лиля и не ожидала, что сия великосветская шука может так громко и весело смеяться. И так заразительно. Лидарх недовольно фыркнул, оглушенный взрывом смеха. Но прошло минут пять, прежде чем высокородные господа смогли успокоиться.

- Ваше сиятельство, - наконец выговорил Фалион. - А господин дин Дашшар может проехаться ко мне в имение?

Лиля вздохнула.

- Он свободный человек, а не мой слуга или раб. Что именно вам нужно? Кто-то болеет?

Фалион опустил ресницы более чем красноречиво.

Лиля вздохнула.

Ладно. Съездить - от нее не убудет. Посмотрит, как там коней содержат, да и Тахиру лишняя практика. И ей развеяться... не графиня она! И не производственник! Не менеджер. Она изначально медик. И ее работа - людей лечить. А не пытаться скрестить ужа и ежа, чтобы получить три метра колючей проволоки.

- Ваша светлость, вы с ним поговорите. Если он согласится, я рада буду.

– Ваше сиятельство, вы очень добры.

На каких условиях согласился Тахир? Только если с ним поедет его любимая ученица. И ученик. Никакого ущерба чести, одна – графиня, второй – барон, просто пока непризнанный. Фалион почему-то был недоволен этим обстоятельством. Но Тахир уперся рогом, и маркиз уступил.

На следующий день трое лекарей под охраной вирман отправились в гости к маркизу. В этот раз Лиля уже подставляться не собиралась. И по дороге разъяснила Тахиру, что, как, когда, какие вопросы... Она поможет, если что. Но лучше не доводить до помощи.

Лили крутилась среди дам. А его величество принимал делегацию докторусов. Которые готовы были бить челом хоть об пол, хоть об стол, лишь бы его величество прекратил самоуправство графини Иртон. Которая – без ума, как все бабы.

Разве ж можно доверять ханганам?

Да еще доверять им лечить людей?

Они дикари, идолопоклонники, в Альдоная не верят!

Ах, их лечение помогает? Так потом еще хуже может стать! Кто их знает, негодяев!!! Нельзя так рисковать, никак нельзя... Да, может, оно и не помогает, может... может, колдовство все это!

Эдоард докторусов принял. Выслушал. И нежно осведомился – не думают ли они, что графиня Иртон, жена племянника короля, якшается с нечистью? Раз те колдуны, то, значит, и графиня?

А если такое предположение возникло – не есть ли это наезд на законную власть?

Сегодня графиня, завтра герцогиня, а послезавтра и до короля доберутся?

И чего это вы, любезнейшие, тут так крыльями бьете? Если все так, как вы говорите, – но хочу заметить сразу, что исцеление графини Марвел проходило при альдоне, и тот никаких признаков Мальдонаи или ворожбы не заметил, – вы вообще должны сидеть ровно и ждать, пока исцеленным графией станет хуже. Разве нет?

А вы суетитесь... Кстати, вы подумали, что с вами может случиться за претензии к королевской родственнице? Пусть даже и той, которая нашему плотнику троюродный забор?

Разумеется, сказано все это было высоким стилем, но вышли докторусы от короля как оплеванные. А Эдоард свистнул секретарю. И попросил запустить сплетню, что приходила гильдия докторусов, жаловалась на Тахира дин Дашшара и на то, что его лечение помогает людям. Примеры есть? Есть.

Вот и испугались. Сами-то сделать ничего не могут, только деньги тянут...

После чего к Тахиру хлынул поток больных. Но ханган не жаловался. Обширная практика под руководством чуткого и грамотного учителя, а Лили настаивала, чтобы больными занимались и Тахир, и Джейми, и трое ханганов, которые прибыли в Иртон для лечения принца, а теперь хвостом ходили за ней...

Для Лили же важным было налаживание контактов в свете, продвижение идей гигиены, ну и натаскивание своей команды. Так что королю можно было бы сказать большое спасибо.

Если бы не одно «но».

Времени не оставалось ни на что, даже спать приходилось по четыре часа в сутки. Так что к Фалиону Лили ехала с огромным удовольствием. Имеет женщина право на отдых?

Имеет! И точка!

Маркиз встретил их на подъезде к дому. Раскланялся, умудрился поцеловать Лиле ручку, не слезая с седла, получил в ответ веселую улыбку и помрачнел. И заговорил о деле уже в доме.

- Господа... ваше сиятельство... Я вынужден просить вас сохранить все увиденное и услышанное здесь в тайне. Я понимаю, что сомнения, но...

Тахир взмахом руки отмел все его слова.

- Ваша светлость, я - лекарь. И все, что произойдет между мной и пациентом, останется между нами и Звездной Кобылицей... ну, у вас - Альдонаем. И больше никто об этом знать не должен.

Фалион кивнул. Кажется, он все еще сомневался. Но потом-таки...

Дверь этой комнаты отличалась от остальных. Даже здесь и сейчас. Темный дуб, железные полосы, засов и замок, охранник рядом...

- Как сегодня? - спросил Фалион.

- Сегодня тихо.

- Посмотрите сначала так, господин дин Дашшар, - Александр отворил окошко в дверце. Тахир бросил взгляд и кивнул Лиле:

- Ваше сиятельство...

Предварительный диагноз Лиля поставила практически сразу. А как его не поставить, если видишь полуголую тетку в драной рубашке, грязную, нечесанную тридцать лет, со слюной, текущей изо рта, и пустыми глазами? Есть варианты?

Есть. Шизофрения, психоз, маниакальные состояния - вот в психиатрии женщина была не слишком сильна. Да и не все ли равно, чем страдает человек? Важно другое. Помочь ему не получится. Никак. Простите, но транквилизаторов она тут не получит. И даже галоперидол остается мечтой.

Может быть, конечно, опаивают, но кто? Ладно, маркиза расспросим.

Тахир смотрел на грустные глаза женщины и понимал: тут поможет только Звездная Кобылица. Но от нее дождись... Все-таки в Ханганате обычаи более правильные. И мужчина имеет право взять нескольких жен - мало ли что случится с одной. А тут...

- Это у нее давно?

- После выкидыша. Постепенно становилось все хуже и хуже, она начала кидаться на людей, пытаться убить.

- Вы ее чем-то поили? Лечили?

- Докторы пускали кровь, обливали ледяной водой.

- Не помогало?

- Становилось все хуже и хуже. У нее бывали минуты просветления, но так редко...

Лилиа задумалась.

- А сейчас? Вы ее чем-то поите? Успокоительным?

Путем длительных расспросов удалось установить, что в замке перебивало штук двадцать докторусов, что каждый поил чем-то своим, что очень хотелось бы, чтобы жена выздоровела... Лилиа и сама потихоньку отметала версию отравления.

Ее-то травил не супруг. А тут...

Фалиону проще было бы супруге яду подкинуть. И скончалась бедняжка, перепутав пудру с мышьяком. Примерно так.

А кому-то другому?

А кому?

Если докторусы менялись, слуги менялись, даже специальной служанки у дамы не было – никто не выдерживал. Кухарки – и те здесь менялись раза три.

И травят, если что, долго. Нет, за такое время рано или поздно попались бы.

Походило на то, что в роду уже было что-то психическое. А роды просто сдвинули пружинки. Одни, вторые, гормональный баланс в это время дает организму прикурить – вот и пошло все вразнос. И получился маниакально-депрессивный психоз. А какой?

А важно ли?

– У нее в роду кто-то этим же страдал?

Фалион мрачно кивнул.

– Ее мать покончила с собой. Я узнал уже после свадьбы... – и понял по лицам Лилиан и Тахира, что помощи не будет. – Это...

– Неизлечимо. – Тахир был грустен и спокоен. – Медицина бессильна помочь. Мы еще не так много знаем, чтобы лечить недуги души, а не тела.

– Души?

– Да.

– А молитва...

Лиля не решилась вслух сказать, что тут можно хоть обмолиться. Не поможет.

– У вас есть дети?

– Дочь.

Тахир кивнул. Все было еще хуже. Во-первых, ребенок мог унаследовать проблемы матери.

Во-вторых, Фалион не мог избавиться от жены. Вот если бы ни одного ребенка не было, тогда, путем долгих заездов к альдону и крупных сумм.... А так... условия-то соблюдены. Дети есть, жена не изменяет, а что у нее крыша едет – молись, дитя мое, Альдонаю. Он смилостивится.

Все-таки в Ханганате люди мудрее.

Фалион вздохнул, попросил о соблюдении полнейшей секретности, получил слово и пригласил гостей на чай с плюшками. То есть вино и легкую закуску. Пообещал подумать насчет случки – либо кобылу привезти, либо жеребца... Ну, там видно будет, как лучше, получил принципиальное Лилино согласие и попросил Тахира посмотреть еще и дочь. Разумеется, когда та вернется из деревни.

Сейчас девочка (хотя пятнадцать лет по местным меркам – уже как бы и взрослая дама, замуж пора) жила в Фалионе, на границе с Уэльстером. И туда же Фалион-младший собирался отправить свою супругу. Давно пора. Раз уж вылечить ее не удастся, что все и подтверждают...

Вечером лекари ехали домой.

Лиля была грустна. Тахир пытал ее на тему психических расстройств. Джейми размышлял, что смотреть надо, на ком женишься. А дома ее ждал Ганц Тримейн.

- Ваше сиятельство, нам надо поговорить.

Выражение лица Ганца было таким, что Лиля проглотила все возражения.

- Что-то случилось?

- Да, ваше сиятельство.

- И?

В кабинете Ганц уселся в кресло и серьезно посмотрел на Лилиан.

- Ваше сиятельство, вы просили меня узнать, кто стоял за Каристом Трелони.

- И вы?

- Я расспросил семейство Дарси. Потом нашел те корабли, о которых говорил Карист.

- «Розовая чайка» и «Золотая леди».

- Они принадлежат купеческой компании «Рокрест и сыновья». Я потихоньку начал копать. И не скажу, что результаты меня порадовали.

- Ганц, не тяните кота за хвост!

Лиля сверкнула глазами.

- Рокрест Анвар, сорока пяти лет от роду. Компанию свою основал не так давно, лет около десяти назад.

- На какие шиши?

- А вот тут интересно. Ваше сиятельство, он женат. Прочным браком. На дочери милого человека, Жюльетте Феймо.

- Кто такой этот Феймо?!

- А теперь, ваше сиятельство, начинается самое интересное. Дуг Феймо работает дворецким у Ивельенов.

- У кого?!

- Да. Лоран Ивельен, герцог Ивельен...

- И он дал денег на развитие дела?

- Документами, ваше сиятельство, это не подтверждено.

Лиля задумчиво кивнула.

- То есть от всего отопрется. А разрешения на допрос с пристрастием король не даст.

Ганц тоже кивнул. Графиня опять смотрела в корень. Даже он с трудом докопался до истины. А уж король... да мало ли, кто там и на ком женат?! Это не доказательство.

А Ивельены – один из знатнейших родов королевства, Питер Ивельен женат на сестре графа Иртона.... Кстати, еще и из-за этого не поверит. Хотя мало ли тех, кто родную мать продать готов за медяк?

Он опасался и реакции Лилиан. Как-никак родственники, да еще эти роды... Но графиня в очередной раз его порадовала. Заговорила, как о решенном деле.

- Ганц, я вас учить не буду. Но хотелось бы знать все про Ивельенов и их дворецкого. Вплоть до того, сколько раз в день они в сортир ходят. В поместье – ладно. Там не подберешься. Но вот в городе...

- Я постараюсь, ваше сиятельство.

– А я хочу предложить вам одну идею, которая, несомненно, придется вам по душе. Ганц, вы никогда не задумывались о людях, которых будете набирать ко мне на службу?

Мужчина вздохнул.

– Сделаем как обычно. На улицах много народа, готового служить за монетку. Или у вас есть идея, госпожа?

Последнее предложение Ганц произнес даже с надеждой. С идеями графини Иртон он был уже знаком. Были в них сумасшедшинка и избыточный размах, но, если немного обстругать, получалось весьма прилично.

– Гвардия Ганца Тримейна.

– Ваше сиятельство?!

Сначала Ганц подумал, что Лиля и правда собирается подкупить гвардейцев.

Потом – что она сошла с ума.

А под конец... а ведь может и выгореть, нет? И обойдется дешево. И результат...

Август Брокленд, как обычно, зашел к дочери без доклада. Лилия сидела за столом и что-то быстро писала. Удобная вещь все-таки это ее перо.

Увидев отца, она расцвела улыбкой, послала ему воздушный поцелуй и указала на кресло.

– Папа, я рада тебя видеть. Присядь на пару минут, я мысль запишу...

Август кивнул. Вот к этому он относился с пониманием. Сам грешен. Ему бы кто помешал корабли проектировать – долго бы икалось.

Так что Август расположился в удобном кресле, налил себе чего-то красного из графина, сделал глоток – и поморщился.

– Это что такое?

– Компот. Земляничный. С мятой.

Да-да, в этом мире была земляника. И хоть считалась она ягодой для простонародья, потому как росла на земле, Лиле было плевать. Она ее ела лукошками. И приохотила почти всех, кто был в замке. Ханганов – так точно.

Лилия дописала, аккуратно положила перо на специальную подставку – производство Хельке Лейтца, дворяне в очередь становились за такими игрушками, половина ювелиров в столице сейчас только на хитрого эввира и работала, – и посмотрела на отца.

– Рада тебя видеть, батюшка. Что-то случилось?

– Почему ты так думаешь?

– А иначе ты бы приехал дня через три. Когда здесь Алисия будет.

Август невольно покраснел. Хотя на его продубленной ветрами пристаней коже этого заметно не было. Но Лилия понимающе кивнула.

– Она отличная женщина. И женой будет замечательной. Тебе пару подарков для нее подобрать?

– Да уж сам справлюсь, не глупее тебя, малявки, – усмехнулся Август.

– Если у тебя получилась такая малявка, как я, – точно не глупее, – польстила отцу Лилия. – Итак?

– Но если что – ты против не будешь?

Лиля помотала головой.

– Я? Против?! Нет уж, только не против Алисии. Папа, женись! Я больше всех рада буду. Вы заслуживаете хоть немного счастья на старости лет.

– Я тебе дам, старость, – рыкнул Август. – Я тебе еще сто очков вперед дам! Молодежь...

Лиля улыбнулась. А потом перешла к остальному:

– Так что случилось?

– Во-первых, у меня объявился Маркус Кальтен.

Лиля мысленно пробежала свою картотеку. Кальтен, Кальтен... Лиле это имя ни о чем не говорило. Но внутри что-то шевельнулось, и женщина решила уточнить вроде как спокойно:

– У тебя? Дома?

– Да еще бы он ко мне домой явился, – окрысился Август. – Помнит, тварь, за что я на него собак спустил! Нет, Лилюшка, он был на пристани. И расспрашивал о тебе, пока не вышвырнули.

– Во-от как... – Лиля протянула это медленно. Потому что перед мысленным взором принялись разворачиваться картинки.

Наконец-то проснулась память прежней Лили. И ничего удивительного. Первая любовь – гадость такая. Не гниет, не горит, зато разъедает... преотлично.

Сценка первая.

Розовая тушка-Лиля сидит в гостиной и вышивает. Хотя пока она не такая уж и тушка. Просто пухленькая девушка.

Молодой человек появляется неожиданно.

– Госпожа, простите, что потревожил вас.

По меркам этого мира, он красив. Золотые волосы, синие глаза, ангельская улыбка и при этом мощное телосложение. Парень отлично знает о своей привлекательности и этим пользуется. Но это с точки зрения нынешней Лили. А вот прежняя просто млеет.

Дальше идет обмен комплиментами. То есть парень ими просто сыплет. А Лиля-прежняя краснеет и что-то мямлит. От непобедимой застенчивости – ну и немного потому, что не представляет, что тут можно ответить. Кругозор-то у девочки – одна вышивка, а тут другие навыки нужны.

Сценка вторая.

На этот раз толстушка уже осознанно усаживается в гостиной. И парень ее не разочаровывает. Опять появляется, на этот раз с букетом полевых цветов – вот жлоб! Мог бы и на розочки разориться. Но полевые ведь проще надрать. А потом запесочить их сверху красивыми словами. Мол, думал о вас, мечтал о вас, ваши глаза, как стебли этих простеньких цветов, но вы достойны королевской короны...

Количество лапши превышает все разумные пределы. Но парень понимает, что бабы любят ушами. И старается.

Это нынешняя Лиля видит дешевые приемчики, у которых борода еще при Адаме отросла. Это она понимает, что перед ней образец классического пикапера на средневековый лад. А прежняя Лиля млеет. И влюбляется.

Тяга у девочки к красивым мужикам, что тут такого странного? Чай не Фредди Крюгеры.

Так что все у Маркуса получается.

Еще несколько «случайных» встреч – и Лиля готова есть у него из рук. Даже откровенное дерьмо.

А чего хочет парень?

А парень хочет простого. Он – помощник и секретарь Августа Брокленда. Серая конторская скотинка, не считая внешности. А у Августа – дочь. И таким образом тоже можно пролезть в богачи.

Дело, опять же, знакомое, жена будет довольна, с тестем договоримся... А радостей и на стороне поискать можно. Пару смазливых служаночек в дом взять или по старым подружкам пройтись.

Лилия-нынешняя об этих мыслях догадывается. У прежней в мозгу полыхает пожар первой юношеской любви. И скажите мне – кто в этот период способен рассуждать разумно и взвешенно?

Наконец Маркус решает, что почва достаточно подготовлена. И дарит девочке колечко.

Лично Лилия такое и от Лешки не приняла бы. Они с Лешкой сами себе на кольца заработали, сами и заказали две одинаковые полоски золота, сплетенные в виде косы. А тут... дешевенький даже на вид ободок с непонятным камушком. Ладно. Дорог мне не твой подарок, дорога твоя любовь.

Увы.

Маркус недооценил решительность Августа Брокленда. Ловеласа мгновенно вышвырнули с волчьим билетом и строгим запретом на посещение верфи. А для доходчивости еще и собак спустили. Зубастеньких...

Лилию, наплевав на истерики, скандалы и крики, отправили в загородное поместье, где из мужчин были садовник, конюх и разнорабочий. Всем глубоко за полтинник, и страшные они, как черти. Еще есть охрана, но все женатые.

Там-то девушка и начала заедать горе, выплакиваясь на груди у верной Марты. А Август решил озаботиться поисками мужа. Ведь девушка созрела.

– Лилиюшка, ты в порядке?

Лилия встряхнулась. Оказалось, что она все это время сидела, как зомби. Глаза в одну точку, и фейс кирпичом.

– Да, папа. Я в порядке.

– Вспоминаешь негодяя... Лилия, ты только не дури.

Лилия вскинула брови. А потом поняла, чего опасается отец, и принялась хохотать, да так звонко, что Нанук недовольно поднял голову и повел хвостом. Мол, чего расфыркалась, хозяйка?

– Ой... Не могу... ой... пап, ты всерьез считаешь, что мне эта пакость нужна?

Август вполне ощутимо расслабился. И мирно пояснил:

– Кто ж знал. Тогда ты была влюблена, как кошка. Первое чувство...

– Так не последнее же, – ухмыльнулась Лилия.

Август принял ее шутку. И кивнул.

– Да, для последнего чувства мелковат он будет.

– Зато для Нанука в самый раз, да, моя лапочка?

Пес, услышав свое имя, поднял голову, улыбнулся хозяйке черными губами, и опять опустил лохматую башку на лапы. А что тут неясного? Он хозяйку никому в обиду не даст.

- А что во-вторых, если этот прохвост только во-первых?

Август кивнул.

- Мне пришлось серьезно поговорить с гильдейскими. Малышка, ты понимаешь, что тебе будут пакостить? Ставить палки в колеса, устраивать кражи, поджоги, порочить твою репутацию?

Лиля пожала плечами:

- Наверное, будут.

- Да не наверное. Еще как будут... Девочка моя, ты сейчас оказалась в очень неудачном месте в очень неудачное время.

- Вот как?

- Понимаешь, король давно хотел укротить гильдии. Но альтернативы не было.

- А теперь есть я и мои мастера.

- И при должном обучении и правильном подходе...

Лиля кивнула, осознавая, что ее будут жрать. Открыто и откровенно.

- А что хочет король? Чтобы все производство было в руках государства?

Август медленно кивнул.

- Да. Времени потребуется много, но...

- Этого и при жизни Миранды не увидят, - вздохнула Лиля. - Пап, но у нас все равно нет выбора. Если выбирать: договариваться с гильдиями или с королем, я - за короля. Тут на двух стульях посидеть не удастся.

Август кивнул еще раз.

- Рад, что ты это понимаешь. И раз уж так, следи-ка ты за своими мастерами. Сама понимаешь...

Лиля все понимала.

- У Ганца есть задумки на этот счет.

- Расскажешь?

- Лучше он сам потом расскажет...

Мурзик притаился за кучей мусора. Хорошей такой кучей, качественной, и собирался просидеть тут не меньше часа. Во-первых, времени хватит прожевать краюху хлеба, недавно украденную в пекарне. Остатки ковриги лежали за пазухой. Отнесет домой. Но кое-что и самому надо съесть, чтобы ноги носили.

Во-вторых, Толстяк Рони, который как раз остановился на этой же улице со своей тележкой и яростно торговался за ковригу хлеба с Толстухой Маго. Если эта гнида его увидит, обязательно начнет требовать деньги.

А платить Толстяку Мурзик, он же Марис Ремзи, не собирался. Тем более по медяку в день, как тот требовал. Совсем охамел и зажрался, гад! Где ж мальчишке срубить медяшку в день! Хорошо если едой удастся наскрести или находками. А так-то... Да будь у Мурзика медяк, он бы его уж точно Толстяку не отдал, домой бы чего получше купил, а то мелкие все время голодные. А он самый старший, ему уж десять стукнуло. Кормилец. Мамке помогает, хоть и крохами - а все дело.

А где мальчишке заработать?

В подмастерья? Так взнос нужен. И мастер может ему не платить, только кормить-поить, тогда маме он помогать не сможет. А пока еще выучишься... Это если мастер не будет жлобом и не зажмет тебя в «вечниках», или вечных, долговых подмастерьях. Знал Мурзик двоих таких. У одного уж борода седая, а он все подмастерье.

Не, это к Мальдонае...

А остальное... Сложно мальчишке заработать в Лавери. Очень сложно.

Толстяк вдруг замолчал. Ор – и его, и Маго, – прекратился. И было это так неожиданно...

На улице появился франт. То есть Мурзик таких слов не знал. Он просто увидел хорошо и дорого одетого мужчину. С мечом у пояса, с золотым шитьем на тунике, с пером на шляпе и даже при перчатках, с ума сойти!

Рони, увидев такое, перестал торговаться, бросил Маго ковригу и припустил по улице. И Мурзик отлично знал зачем.

Сейчас свистнет Кривому Луи, и тот встретит франта в каком-нибудь переулке. После чего в этом переулке окажется одним голым обезображенным трупом больше. Не новость для городской стражи.

Мурзик подумал.

А если попробовать поговорить с франтом? Мурзик его попробует вывести, а тот ему даст монетку. Почему нет?

Толстяк и так на Мурзика злится, хуже не будет... А если что – он убежит. Он легкий, ловкий, по крышам лазит, как кот...

Мужчина как раз прошел мимо облюбованной Мурзиком кучи, и мальчишка решился.

– Эй, дядя!

Ганц Тримейн – а это был именно он, обернулся. Увидел чумазую мордашу, поглядывающую на него с опаской. и усмехнулся.

– Чего тебе, племянничек?

– Ты никак помереть хочешь?

Ганц фыркнул.

– У меня другие планы. А что?

– А вот сейчас соберет Толстяк свою кодлу, и встретят тебя в переулке. И тряпки не оставят срам прикрыть, – прошипел мальчишка.

– Может быть, – Ганц пожал плечами. – А тебе что за корысть меня предупреждать? В альдоны податься решил? Так молод еще, не возьмут.

Мальчишка хихикнул, показывая дыру на месте молочного зуба.

– Не, туда мне рано. Хошь, провожу так, чтобы не нашли?

– Хошь.

– А что дашь?

– Медяк пойдет?

– Три медяка, – заявил Мурзик, шалея от своей наглости.

Но Ганц не разозлился.

– Два, и по рукам.

Мурзик выскользнул из-за кучи. Но приближаться не спешил.

– Деньги покажь!

Ганц помахал в воздухе монеткой. Потом сплюнул на землю и растер каблуком:

– Чтоб мне сдохнуть, если обману.

Клятвы городского дна королевский доверенный знал. Работа такая.

Мурзик кивнул.

– Давай за мной, дядя.

И припустил в противоположном Толстяку направлении, на всякий случай держа дистанцию между собой и клиентом. Ганц последовал за ним. Оглядываясь по сторонам, но и без лишних опасений. Сейчас еще не ночь. Да и места не самые безлюдные. И он – дичь кусая.

Но выйти без приключений им не удалось.

Толстяк оказался весьма проворным. И когда дорогу мужчине и ребенку перегородили трое парней, Мурзик резко побледнел.

– Толстяк!

– Ты далеко не уходи, крысеныш. – Толстяк тоже узнал мальчика. – Сейчас с этим придворным разделаемся и тобой займемся. Эй, ты, богатенький. Если трепыхаться не будешь, мы тебя даже не поуродуем. Но налог за проход по нашей улице заплатить придется.

Ганц оглянулся. Сзади подходили еще двое.

Много?

Пятеро на одного – да, много. Но не в том случае, если у тебя есть пара козырей в рукаве. Кстати, в прямом смысле.

– А велик ли налог?

– Да все, что на тебе есть, – ответил еще один, поигрывая дубинкой. Короткой, со свинчаткой... Страшная штука в умелых руках.

Ганц взглянул на дрожащего мальчишку.

– Можешь мне под ноги не попасть?

Мурзик судорожно кивнул.

Он-то вскарабкается по стене любого дома. А вот его «работодатель»...

Но Ганцу это и не требовалось. Забыв про брезгливость, он толкнул мальчишку в плечо.

– Действуй!

Мурзик бросился к ближайшему дому и в мгновение ока оказался на его крыше. Троица сделала шаг вперед. Но Ганц, вопреки их предположениям, не стал пятиться, подставляясь под дубинки сообщников сзади. Он бросился вперед так быстро, что никто не успел среагировать. И в морды нападающих полетело красно-желтое облачко. Перец трех сортов. Штука дорогая, но убойная.

Графиня и посоветовала, и снабдила.

Было это еще давно, когда в лихие годы в России развелась всякая дрянь, сидящая на лавочках и земле в ожидании жертвы.

У родителей Али Скороленок не было сомнений. Их ребенок справится с парой-тройкой негодяев. Но больше – вряд ли. И то...

Не надо смотреть глупых фильмов. Это там герой пинает всех подряд и никого не

убивает. А в реальной жизни шанс для одного человека справиться с тремя-четырьмя только один. Бить насмерть. А это – превышение допустимой самообороны. Или как-то так... Вот почему у всех мерзавцев, получивших по ушам, тут же открывается чакра праведности?

Мы просто время подошли спросить, а нам – по ушам. А поскольку их больше... Скороленкам не хотелось вытаскивать ребенка из милиции. И потому в кармане у Али всегда жили несколько пакетиков молотого перца. Дешево и сердито.

Пакетик (разорванный, конечно) в морду, и нападающему еще долго не до тебя. К тому же это не газ из баллончика, не патентованное средство защиты... Вы понимаете, у меня просто пакет был в кармане. Ну испугалась. Я руки выдернула, он и вылетел. И в глаз. А разорвался уже в полете. Бывает...

Але пару раз доводилось пользоваться. Один раз против собаки, которую чуть ли не натравили, второй – против человека. И она была довольна.

Остался доволен и Ганц.

Нападающим оказалось не до него. И он успел резануть мечом одного, ткнуть мгновенно выхваченным кинжалом другого и пнуть под зад улепетывающего третьего, прежде чем развернулся к двум другим, подходящим сзади. Но там было уже пусто. Трущобные крысы воевать не стремились. Не их работа.

Ганц огляделся... Лишь бы мальчишка не сбежал. Нет, сидит на крыше, смотрит.

– Ух ты! Ты что – гвардеец?

– Нет. Так ты меня проводишь?

Мурзик слез с крыши.

Толстяку не повезло. Мечом пришлось именно по нему, и неудивительно. Говорил больше всего он. А Ганц отлично понимал, что прирезать заводилу – половина победы.

– Сдох?

Ганц равнодушно пожал плечами:

– Туда и дорога.

Мальчишка хозяйственно обшарил карманы раненых, переложил к себе несколько медяков, покосился на Ганца.

– Добьешь?

Ганц подумал. И дважды взмахнул мечом.

Угрызения совести? Конвенция? Права человека? Простите, он таких слов попросту не знал. Зато знал, что хотели сделать с ним. А еще знал, что эта шваль ни на что хорошее не способна. Воровать, убивать, гадить... Разве мир будет без них хуже?

Что ж. Пусть его покарает Альдонай, если так. Но тот молчал. Так что Ганц решил считать свой поступок богоугодным. И пошел дальше за проводником. Чтобы рассчитаться даже тремя медяками на выходе из трущоб.

Мурзик аж рот разинул.

Да он богат!

У него теперь целый кулак медяшек! Больше, чем на пальцах руки, даже, может, двух рук! И дядька не обманул, даже больше дал... и Толстяка прибил... Хороший тип. Полезный.

Мальчишка независимо вытер нос.

– Ты это, если понадобится, спроси Мурзика.

- И ты поможешь?

- Что ж не помочь за деньгу? - Мурзик старался выглядеть солидно.

Ганц сделал вид, что думает. Хотя все уже решил для себя.

- А ты знаешь, мне как раз нужен десяток ребят для хорошего дела.

- Какого дела?

Мурзик старался смотреть независимо.

- Тут есть, где пожрать? И я тебе расскажу... Платить буду - не обижу.

- Я на все подряд не согласный, - поспешил предупредить Мурзик.

- А я тебе все и не предложу, - усмехнулся Ганц. - Так есть?

Мальчишка задумался и кивнул в сторону.

- «Копченный кальмар». Ничего так жратва...

Мужчина кивнул.

- Показывай.

В «Кальмаре» воняло так, что становилось ясно - коптили его уже дохлым. И основательно разложившимся. Но Мурзик такие мелочи не замечал. А Ганцу тоже было наплевать.

Он вербовал первого из «отряда Шерлока Холмса». Или, как спустя какое-то время назовут его мальчишек, «Тримейн-отряда».

В течение недели за еду и несколько медяков в месяц было завербовано порядка тридцати таких мальчишек. И работать они собирались не за страх, а за совесть.

Сеть начала формироваться.

Лиля тоже не теряла времени. Теперь ее атаковал пастор Воплер.

Идея книгопечатания плотно засела в уме мужчины. И он пошел по своим пасторским организациям. А поскольку ходил он с несколькими отпечатанными листками и всем говорил, что это дело - на благо Церкви, очень скоро его позвали к альдону.

Помариновали, конечно, в приемной, но результат того стоил.

О Лилиан Иртон уже сплетничали, альдон уже стал свидетелем ее «подвига», и печатная страница вполне вписывалась в складывающийся образ.

Но Воплера он принял неблагосклонно. Пусть не расслабляется.

Альдон Роман был сыном безземельного дворянина. Пробриться наверх ему стоило и крови, и денег, и изворотливости. И сейчас он внимательно рассматривал печатную страницу.

- Что это такое?

- Светлейший, это бумага.

- Бу...ма...га?

- Да. Ее сиятельство нашла рецепт, как получать это из самых простых растений.

- И для чего она?

- Светлейший, графиня сказала, что это - для Церкви.

И Воплер, выложив еще несколько страниц на стол, пустился в объяснения.

Мол, рукописных книг мало. И они дороги. А эти приспособления позволят обеспечить книгами самые захолустные храмы. А кроме того, можно ведь делать и картинки с поучениями... И Церковь могла бы заняться этим, графиня не настаивает на монополии, даже наоборот. Она готова отдать права или Эдоарду, или альдону...

Роман слушал внимательно и прикидывал.

Действительно, это могло бы быть весьма полезно. Но просто так соглашаться на нечто неизвестное?

Нет, надо подумать... хорошенько подумать.

Лиля действительно не претендовала на лавры книгопечатника. По здравом размышлении она поняла, что, если станет распыляться на все подряд, толку не будет. Ее дело медицина!

Вот и...

Но тут есть такая засада. Чтобы заниматься медициной (гильдия докторусов тоже не зря хлеб ест и любого новатора загрызет), надо иметь деньги и «крышу».

Деньги? Ну, если она направит в нужное русло производство в Тарале, о деньгах можно не беспокоиться. Еще ее внуки будут брюликами в орешки играть.

А «крыша»... Эдоард ее обожает за одну подозрную трубу. А ведь она и еще что-нибудь вспомнит. Сколько знает человек, который не просиживает целый день, играя в компьютерные игрушки?

Много.

И даже из тех же игрушек можно взять информацию.

А вот второй ее «крышей» будет Церковь. Лиля серьезно подумала о книгопечатании и поняла, что либо Церковь и государство схлестнутся в кровь на этой делянке, либо мирно поделят территорию при ее посредничестве. А графиня будет иметь одобрение обеих сторон и свой скромный процент. Двадцать процентов ее вполне устроят. Технология-то примитивна. И все будут довольны.

Государство будет печатать свое, Церковь – свое. А Лилиан Иртон посреди всего этого безобразия будет тихонько пробивать учебники по медицине и детские книжки. Известно же, что в схватке льва и тигра побеждает обезьяна, которая наблюдает за схваткой. Ну или как-то так.

А значит, сядем на попу и будем обезьянить.

Так что, когда пастор Воплер принес Лиле известие от альдона, женщина приняла это спокойно.

Поговорим. Только этикет в памяти освежим.

И вот Лиля вступала в святая святых.

Альдоны жили в храмах. И этот конкретный изволил обитать в главном храме Лавери.

Здесь по воскресеньям проводились парадные службы, здесь хранилась церковная казна, и поговаривали, что здесь же, в подвалах, находились темница и пыточные.

Лиля подумала и решила обезопаситься.

Честно сказала Алисии, куда и зачем идет. Написала письмо и даже попросила Ганца Тримейна рассказать все королю, если на нее случайно упадет перелетный кирпич.

Мало ли?

Лиле было страшно. И неудивительно.

Начнем с того, что человек двадцать первого века в большинстве своем религиозно безграмотен. Предыдущее же поколение рванулось кто куда, кто в дикий атеизм и агностицизм, кто – в избыточную религиозность. А вот просто сесть и разъяснить, что данному течению надо от людей, обычно как-то не получается ни у той, ни у другой стороны. Лилия была в родном мире далека от этого. Изначально усвоив, что вера и религия суть вещи разные, в Бога она верила. Как и большинство медиков. А вот религию с ее обрядами и историями считала чем-то вроде шаманства с бубном и не интересовалась. Зачем?

Есть же анекдот про ошалевшего Бога. Вот. Он-то писал только десять заповедей. Их и будем соблюдать. Не воруй, не убивай, люби родителей... А остальное – «ф топку!»

Соответственно, про Церковь Лилия знала мало. Запомнилась только инквизиция, изведшая всех баб, симпатичнее вороньего пугала, в странах Европы. Ну, может, и не всех, но учили-то так.

И здесь Лилия подсознательно ничего хорошего от Церкви не ждала. А что может быть хорошего? Как-то вот учили в советские времена, что Церкви думающие не нужны, ей нужны верующие...

«Нет! – тут же воскликнут все верующие. – Вас учили неправильно!»

И начинают с пеной у рта доказывать каждый свое. От такого и самый добрый человек осатанеет.

Одним словом, Лилия нервничала и рычала. Пастор Воплер успокаивал ее, но толку было мало. Едва и ему не досталось на орехи.

И вот госпожа графиня в главном храме.

Спору нет, красиво. Синяя с золотом роспись, большие окна, много света... Красиво. Но грязи по уши и тут. Отмыть бы все...

Альдон Роман ждал ее сиятельство в своем кабинете. Из уважения к полу женщину не стали мариновать в приемной. И Лилия оценила. Вежливо улыбнулась секретарю – парень аж шарахнулся, нервы свели лицо женщины в такую гримасу... – и прошла внутрь. Кенет придержал для нее дверь и хотел пройти следом. Но альдон покачал головой, и пастор Воплер остался за дверью. Переживать за госпожу.

Лилия прошла три установленных этикетом шага и присела в глубоком реверансе. Сегодня она выглядела строго и просто. Ничего дорогого или лишнего.

Белое шелковое платье с вышивкой – зеленые и желтые осенние листья по вороту и подолу. Никакого декольте, никаких разрезов, кружева – и того нет. Единственное, что себе позволила Лилия, это кружевные перчатки. Грызть в волнении ногти она бы не отучилась и под расстрелом.

Кольцо, браслет, серьги с изумрудами. Волосы по-прежнему заплетены во французскую косу, перевитую белыми, желтыми и зелеными лентами. Все очень просто и акkuratно.

– Встань, дитя света, – наконец разрешил альдон.

Лилия послушно встала, но глаза держала опущенными.

– Ваше сиятельство, – голос альдона звучал мягко, – я рад видеть вас у себя в гостях.

Лилия подняла глаза от пола.

– Светлейший, ваше приглашение – большая честь для меня.

– Но вы ее заслужили, графиня. Прошу вас, присаживайтесь.

Лилия оценила мягкое кресло. И его коварство – тоже.

С одной стороны, кресло. Мягкое и уважительно удобное.

С другой стороны, кресло. В котором ты окажешься на две головы ниже альдона. Да и изящно вылезти не сумеешь.

Лиля послушно присела на самый краешек.

– Благодарю вас, светлейший.

Альдон оценил ее хитрость. И улыбнулся, попробовал надавить:

– Может быть, вы сядете поудобнее?

– Сесть можно, да выбраться сложно, – ответила Лиля присказкой. Очень хотелось добавить: «Сесть я всегда успею», – как герой известного фильма. Но вряд ли тут поймут шутку.

– Я настаиваю, вы ведь женщина.

– Вот именно. – Улыбка графини была исполнена невинности. – Подобаает ли женщине вставать с кресла перед духовной особой, раскорячившись самым неприличным образом?

Альдон усмехнулся.

– Может быть, предпочтете другой стул?

– Я доверяюсь вашей мудрости.

– Но поступаете по-своему?

Взгляды встретились, посыпались первые искры.

– А разве не так поступают все женщины?

– Пожалуй... Вина, графиня?

– С вашего позволения, обычной колодезной воды, светлейший.

– Сначала кресло, теперь вино...

Лиля смотрела мужчине прямо в глаза. Честно и открыто. Да, ты сильнее. И можешь меня раздавить. Но я не хочу играть. Вот я вся здесь, как на ладони. Надо ли затевать поединок?

– Я не употребляю вино. Оно делает мужчину слабым, а женщину – продажной.

Альдон кивнул, оценив фразу.

– Вы неглупы, графиня. Я мог бы разговаривать еще долго – и ни о чем. Но давайте перейдем к делу. Ко мне пришел пастор Воплер вот с этим.

Несколько листов легли на стол.

Лиля бросила беглый взгляд.

Сказка... То есть житие святой из ее библиотеки. Ею же и отпечатано. И?..

Молчание затягивалось. Лиля не знала, что от нее хотят услышать, альдон ждал естественной женской реакции – словоизвержения. Не дождался и вновь принялся прощупывать почву:

– Это ваша работа?

– Это моя идея. Работа больше моих людей.

– Что за материал?

- Это бумага. Она дешевле пергамента, для нее требуются только растения, хотя и не все подходят...

- Откуда вы о ней знаете?

- Прочитала в старых свитках.

- Откуда у вас свитки?

Лиля невинно развела руками. Откуда? Без понятия. Там ведь куча Иртонов до меня жила, может, кто и прикупил чего...

- Ага. Скажите, графиня. Вы три года жили в Иртоне. В тишине, спокойствии... Почему вдруг сейчас началась такая активность?

Лиля опустила глаза. Замялась. Что тут ответишь? Раньше меня тут не было? Убить не пытались? Ребенка не теряла?

Но альдон, сам того не ведая, помог ей:

- Не смущайтесь, ваше сиятельство. И не бойтесь. Мне вы можете сказать все. И ни одна тайна не уйдет из этого кабинета.

А я - уйду? И как далеко? Лиля вскинула глаза. И решилась.

- Светлейший, вы правы. Я и смущаюсь и боюсь. И у меня есть на то причины.

- Неужели, графиня? Какие же?

Ты думаешь, я сейчас признаюсь в чем-то типа черных месс? Ну-ну...

- Светлейший, я смущаюсь говорить с вами о достаточно интимных вещах. Ведь вы - мужчина, а я женщина. И да, я боюсь. Я очень боюсь, что вы неправильно меня поймете. А я по глупости своей не сумею объяснить.

Альдон Роман едва не рассмеялся самым возмутительным образом. Нет, графиня говорила то, что должна. И так, как должна. Но ее поза, ее взгляд...

Вроде бы все правильно, все почтительно, но создается полное ощущение вулкана, который кто-то прикрыл сверху простышкой. Полыхнет - и дай Альдоной спастись. Придаться не к чему. Но приглядеться, призадуматься...

- Вы - и глупость? Графиня, вы какая угодно, но не глупая. И я - не мужчина. Я слуга Альдоная. И мое призвание - выслушивать людей и утешать их в горестях и печалях. Попробуйте просто довериться мне.

Лиля мялась, как девчонка на первом свидании.

- Светлейший... прошу вас, не осуждайте меня за возможно резкие слова...

- Не буду, графиня. Попробуйте рассказать мне все, и я уверен, что мы найдем общий язык.

Лиля вздохнула.

- Я даже не знаю, с чего начинать.

- Начните с начала. Несколько лет назад вы вышли замуж за графа Джерисона и уехали в Иртон. Там жили спокойно и счастливо вплоть до этого лета. А потом что-то изменилось. Что же?

- Я потеряла ребенка, светлейший. - Лиля смотрела в пол, чтобы альдон не увидел злых искорок в ее глазах. - Я не знаю, как это объяснить. Когда в тебе растет новая жизнь, когда ты во сне видишь этого ребенка, представляешь его, мечтаешь, как будешь кормить, носить на руках, петь песни, как муж посмотрит на тебя с одобрением... и у тебя отнимают эти мечты. У тебя отнимают все. А ты просыпаешься на пепелище разбитых надежд. Знаете, я ведь ничего не хотела от жизни сверх того, что есть у

каждой женщины. Выйти замуж, любить, быть любимой, носить и рожать детей своему мужу, воспитывать их и видеть их счастье, а потом и внуков... Немного, правда?

Теперь Лиля вскинула голову и смотрела альдону прямо в глаза. Она уже не лгала. Этого хотела и Аля Скороленок. Просто ко всему этому надо было добавить и любимую работу медиком. Но это вторично.

- Этого хотят все женщины, графиня. Но далеко не все получают.

- Все в воле Альдоная.

- Это верно. Итак, вы жили спокойно.

- А потом потеряла ребенка. И поняла... Светлейший, если бы я не была так глупа! Если бы я заметила, что меня опаивают! Если бы обратила внимание на ту служанку... Мое безволие стоило жизни моему сыну.

Потеряла контроль? Разозлилась? Прячет лицо? Почему бы не попробовать ее прощупать поглубже? Альдон ринулся в атаку. Обычно женщины упрекают других в своих бедах... поможем?

- Ваше безволие? Графиня, мне кое-что рассказали и про вашего мужа. Заслать вас в глушь, где ворует управляющий, а до ближайшего городка дней десять пути... Наезжать пару раз в год – это подобающее поведение?

Лиля опустила ресницы.

О, она много сказала бы про своего супруга. Но – нельзя.

- Я не могу судить своего мужа. Наверное, он был прав.

- Да неужели? Графиня, вы не думали, что ваш супруг тоже виновен в ваших проблемах?

Лиля вздохнула. Ага, как же. Я начну жаловаться на мужа, а ты это потом используешь?

Нет уж. Компромат искать будешь в другом месте. Если тебе кто и застучит, я тут буду не при чем.

- Светлейший, мы так привыкли обвинять в своих бедах кого-то другого. Соседей, родных, друзей, судьбу... Не пора ли начать смотреть на себя? И на свои поступки.

- Необычное мнение, графиня.

- Поймите меня, светлейший. Мы сами виноваты в том, что с нами происходит. Да, воля Альдоная над нами. Но и от нас многое зависит.

Альдон пожевал губами.

М-да. Чего он не ожидал, так этого. Обычно женщины начинали жаловаться. На супруга, на судьбу, на все, что перечислила графиня. А тут...

Я виновата. Но я стараюсь все исправить.

Очень неженское мышление. Неудивительно, что графиня опасается об этом говорить. Ладно, будем прощупывать дальше. Очень необычная женщина. Но были в истории и такие. Просто о них не вспоминаешь, пока лично не столкнешься.

- Ваше сиятельство, вы потеряли ребенка. А дальше?

- А дальше я поняла, что могу кое-что исправить. На моих землях умирали дети. От голода умирали. Пусть это дети крестьян, но ведь дети же! Невинные дети! Своего ребенка я не спасла. Но хотя бы этих детей.

- Это делает вам честь, графиня. Не понимаю, почему вы стесняетесь об этом рассказывать.

- Светлейший, делать добрые дела можно и не говоря о них. Не думаю, что Альдонаю

угодно пустое хвастовство.

Альдон закатил глаза. Да уж. Такие заявки слышишь нечасто. Обычно сделают на медяк, а звону на золотой. А тут...

– Графиня, я понимаю, почему вы предпочитаете молчать о ваших взглядах. Они настолько несвойственны женщинам...

– Да, светлейший. Я надеюсь на ваше понимание.

И словно крышка закрылась. Дальше хода нет. Альдон понял, что его просто не пустят глубже, отделаются общими красивыми фразами, умными словами, но не разозлился. А на что тут злиться? Графиня оказалась достойным противником, честь ей и хвала. Он не смог ее вскрыть? Сломать эту оболочку невозмутимости?

Несмотря на все изображенное, а он видел – она просто изображала некоторые чувства (или ему дали увидеть?), а на самом деле была спокойна. Абсолютно. Но это и манило. И притягивало. Альдона уже не интересовали женщины. Да и в молодости – не очень. Но загадки... они стали его любовью. Ему были интересны люди и их тайны. Он обожал исследовать первых и разгадывать вторые. Это привело его к сегодняшнему положению и позволяло его удерживать. Но графиня...

Альдонай, какая восхитительная задача! Он не разгадает эту загадку сразу, он будет разматывать клубочек долго, со вкусом, не торопясь или не гоня лошадей.

Нет. Он будет медленно получать удовольствие.

Если бы Лиля сейчас посмотрела ему в глаза, она бы увидела почти влюбленный взгляд.

Кто ты, Лилиан Иртон?

Какая ты?

Что ты прячешь в глубине души?

Я верю, ты не станешь лгать на исповеди, но на твоей правде будет столько покрывал, что я не смогу ее сразу найти.

Ты без страха бросаешься на помощь людям и отстаиваешь свое мнение и пред королем, и передо мной.

Ты отважный боец.

Но ради чего ты это делаешь?

Как ты стала такой?

Я обязательно найду ответы. А пока...

– Ладно. Графиня, давайте перейдем к свиткам. Как вы наткнулись на них?

– После болезни. Потери ребенка... Я была слаба, ничего не могла делать, только читала. И Марта принесла мне свиток из библиотеки. – Лиля, кстати, сильно и не врала. – Марта действительно приносила ей жития святых. – В нем было что-то странное... про лечение людей. Я даже толком не поняла, что к чему.

– Тогда вы и решили начать учиться лечить людей?

– Если бы я знала, мой ребенок... сейчас я могла бы держать его на руках... Прошу вас, светлейший, не надо об этом!

Опять слова, опять игра. Заметно, увы. Но ведь графиня говорит то, что положено, и так, как положено. И придраться тут не к чему. Что можно спросить? Почему вы мне лжете? Но ее дела не противоречат ее словам. И все же остается впечатление двойного, а то и тройного дна. Почему так?! Ладно, это потом, потом... А вот что есть интересного...

– Графиня, вы можете доставить эти свитки сюда? Для изучения?

- Могу приказать это сделать. Я захватила часть из Иртона. К моему сожалению, они были настолько ветхими, что буквально рассыпались в руках. Мне пришлось их просто копировать...

- И вы не уверены, что там все правильно?

- Светлейший, - горькая улыбка, - я даже не уверена, что все поняла. Там много странных слов, которые я никогда не слышала. Но мои знания ограничены. Все, что я могла, - это переписать свитки в надежде, что они попадут в руки людей поумнее меня.

- Не принижайте себя, графиня.

- Не перехваливайте меня, светлейший. - Лиля решила чуть показать зубки. Иначе все будет слишком ровно и гладко. - Я могу загордиться, а где гордыня, там нет места разуму.

- Золотые слова, - искренне вздохнул Альдон. - Их надо выбить на стене храма...

Графиня потупилась. И даже честно попыталась покраснеть. Не получилось.

Лиля решила отдать альдону свиток по фармакологии. Если кто не изучал ее - без пол-литра не разберется. Или по гигиене с эпидемиологией? Наверное, даже второе. Заодно чистоту пропиарим.

- Хорошо. Я пошлю с вами своего человека.

- Как прикажете, светлейший. Буду рада помочь.

- А теперь к вашей... бумаге.

- Светлейший, я считаю, что это надо обговаривать не со мной. А с его величеством.

- Даже так?

- Есть вещи, которые люди знать обязаны. Это книга Альдоная. И ее можно выпускать в таком виде. На бумаге. Она дешева, а печать книг позволит распространить их везде. Даже в самой бедной семье будет святое слово.

Роман кивнул.

- Возможно. Но это может принести и вред. Появится множество толкований книги.

- А вы можете напечатать не только книгу, но и разъяснения к ней. Или давать их в проповедях.

Роман кивнул.

- Это верно. Но его величество...

- А почему бы нет? С одной стороны - церковная литература. А с другой... Неужели в государстве не найдется, что напечатать? Летописи, законы, указы... Сейчас их переписывают, а так - один раз набрал, отпечатал раз двести, и рассылай. Экономия времени.

- Тоже верно.

- Я считаю, что такие важные вещи должны принадлежать короне и Церкви.

- И не хотите ничего для себя, графиня?

- Хочу, светлейший.

Роман кивнул. Ну вот. Это уже интереснее. И более похоже на правду. А то бескорыстие внушает подозрения.

- Во-первых, я хочу процент от прибыли.

Это понятно. И правильно. И объяснимо. А что еще?

- Так. А во-вторых?

- Напечатать те свитки. Даже если сейчас я что-то не понимаю, оно ведь может пригодиться потом! Нашим детям, внукам.... Они разберутся!

- Даже так?

- Светлейший, я небескорыстна. Мне стыдно в этом признаваться, но у меня есть мечта. И на ее осуществление нужны деньги. Много денег.

- Неужели? И что же это за мечта?

- Светлейший, знаете, что мне сказал докторус, когда я очнулась?

- Не играйте в загадки, графиня...

- Что меня лечили клизмами, кровопусканием и рвотным.

- От потери ребенка?

- От родильной горячки.

- И что же вам помогло?

- Только воля Альдона. Иначе я бы не выжила. Светлейший, я не хочу, чтобы дети гибли по вине таких докторусов. Тахир дин Дашшар учит меня. А я хочу организовать... Вы же знаете, у нас много сирот. А куда им дорога?

Альдон нахмурился. Вопрос был неприятным.

Куда-куда. На городское дно. Мальчикам - в вору, девочкам - на панель. Радости мало, но и альтернативы не было.

- Я думаю, что это может сделать наша Церковь. Можно взять девочек-сирот с улицы и начать обучать их. Хотя бы оказанию первой помощи. Вот как графине Марвел. Уходу за ранеными и больными. Разумеется, с дозволения Церкви и по воле Альдона. Он посылает нам болезни, но он же, в мудрости своей, дарует и избавление от страданий, чтобы мы успели одуматься и понять, что делаем неправильно. Учить этих девочек.

- За счет казны?

- За мой счет. Хотя бы вначале, пока еще не видна выгода для государства. Я прошу эти проценты не для себя. И вложу их в благое дело.

- Даже так, графиня? А как к этому отнесется ваш супруг?

Яда в улыбке было более чем достаточно. Даже не сильно замаскированного. И Лиля ответила таким же ядовитым выпадом:

- Полагаю, светлейший, что вы сможете его убедить в разумности принятого мной решения. Или его величество. Если бы рядом со мной был кто-то знающий, мой ребенок мог бы остаться в живых! Его ребенок!

- А что потом делать с вашими девушками?

- Использовать по назначению. Сколько у нас людей, нуждающихся в уходе? Пожилых дам, женщин после родов, есть вещи, о которых просто неприлично говорить с мужчиной... Кстати, так и мальчиков можно учить. Сколько людей погибает на поле боя? А сколько потом, от ран, от того, что за ними нет должного ухода и присмотра?

- Хм...

Роман задумался.

Определенно, рациональное зерно в этом было. Но соглашаться, не обдумав? Нет уж.

- Я подумаю над вашими словами, графиня.

- Это больше, чем я могла надеяться, светлейший.

- Разве выслушивать людей не моя обязанность?

Зеленые глаза вдруг озорно сверкнули.

- Выслушивать и услышать – две разные вещи. Разве нет?

- Интересная постановка вопроса.

- А разве она ошибочна? Светлейший, вы могли просто послушать меня. Могли бросить в темницу. Могли выгнать. Могли... да многое. И можете.

- Не боитесь?

- Боюсь. – И опять озорной блеск глаз. – Но не вас, как человека, а вашей власти. И того, к чему она обязывает.

- Я редко слышу такие слова, графиня.

- Тогда я промолчу.

Передавила? Вылезла из образа страдающей женщины? Лиля подняла ресницы. И наткнулась на веселую искру в серых глазах.

- О нет. Я подумаю над вашим предложением. Но возьму с вас свою цену.

- ???

- Мне бы хотелось видиться с вами. И беседовать.

- Воля светлейшего – закон. И ваша воля – тоже.

Роман усмехнулся. А ведь интересная женщина. Странная. Необычная.

Но зла в ней вроде бы нет. Почему Джерисон Иртон держал ее в захолустье? Такой женой можно только гордиться, Роман даже не сомневался, что она скоро станет достопримечательностью двора. И прятать такое сокровище?

Ничего не понимаю.

Но разберусь. Медленно, спокойно, обстоятельно... обязательно.

Лиля вернулась домой не скоро. Отдала сопровождающему несколько свитков и упала в кресло.

Вроде бы беседа прошла неплохо. По крайней мере, ее не считают шильдой, не пытаются предать анафеме, не объявляют служанкой Мальдонаи.

Пока.

Надо постараться, чтобы и дальше оставалось так же. Но сегодня она шла по очень тонкому льду. А учитывая ее вес... Так, вот не надо себя грызть. Она уже вполне симпатичная женщина.

Но теперь – один неверный шаг, и ее ничто не спасет. И не обязательно ее казнят. Хватит и несчастного случая.

М-да.

Надо поговорить с Тахиром. Предупредить отца.

А еще надо срочно представить королю Джейми. Если что-то случится с ней, у ее людей будет запасной вариант. А ее знания не пропадут. Хотя бы их кусочек.

- Ваше сиятельство, вы сегодня поедете на прогулку?

Лиля вздохнула. Оторвалась от свитка.

- Надо. Кто меня сегодня сопровождает?

Олаф расправил плечи.

- Я, ваше сиятельство, еще Гэл, Торв, Ивар.

Лиля кивнула.

- Хорошо. Сейчас буду готова.

Действительно, надо было заняться Лидархом. Сегодня она в Тараль не ездила, так что конь нуждался в прогулке. А одну ее вирмане никуда не отпускали.

Взять с собой Миранду?

Нет, не сегодня. У них занятия с Тахиром. Пусть мелкота учится азам первой помощи.

И вскоре маленькая кавалькада выехала за ворота поместья.

Лиля привычно пустила коня в галоп, пролетела почти километр, потом чуть осадил Лидарха, перешла на рысь, потом на шаг. Потом опять в галоп. Вирмане следовали за ней. Непривычны морякам были лошади, но за зиму в Ироне они кое-как научились.

Прогулка заняла часа полтора. И к дому Лиля подъезжала спокойная и довольная. Аккурат до слов дворецкого.

- Ваше сиятельство, к вам посетитель.

- Кто? - Лиля отложила хлыст на столик. Она им вообще не пользовалась, Лидарх за такое взвился бы на дыбы. Да и как можно - по близкому существу хлыстом стегать? Просто положено к сбруе...

- Маркус Кальтен.

Лиля вскинула брови.

- Вот как? Проси.

И удобно устроилась в гостиной, облокотившись на кресло.

- Господин Кальтен!

Дверь распахнулась. И вошел он.

Сердце резко екнуло. Хорош, подлец! Те же глаза, волосы, улыбка... А что припахивает, морщинки намечаются и второй подбородочек, - так это все мелочи для любящего сердца, разве нет? А первая любовь не ржавеет. И фиг ее убьешь.

Но то - для Лилиан. А нынешняя Лиля улыбнулась. Вежливо и корректно.

- Чем обязана, любезнейший?

Маркус распахнул объятия.

- Девочка моя!

Так, человек в танке. Пока через броню дойдет...

- Любезнейший, у меня мало времени и много посетителей, - подбавила металла в голос Лиля. - Что вам угодно?

Руки опустились. Все равно обнять Лилиан вышло бы только вместе с креслом. А в синих

глазах засветилось что-то неприятное.

- Дорогая, ты мне не рада?

- Молодой человек, я не знаю, почему вы все время называете меня этими странными прозвищами и тем более «тыкаете», но подозреваю, что надолго моего терпения не хватит. Излагайте свое дело и убирайтесь!

Синие глаза потускнели. Наполнились слезами.

- Ты не хочешь меня видеть. Я так и знал, что ты забудешь меня... О женщины! Я верил, любил, отдавал и душу и сердце, я так и не мог забыть, а ты... вы, графиня...

Лиля честно прослушала спектакль одного актера – минут пять. Все равно стenal он с таким чувством, что никого другого было бы не услышать. Можно бы водой окатить, но графин оказался за спиной Маркуса. А проходить мимо – еще платье начнет грязными руками хватать... увольте!

Но все кончается. Выдохся и Маркус. Лиля прищурилась.

- Любезный, то, что я когда-то увлеклась смазливой парнишкой, не дает вам права приходить сюда и чего-то хотеть. Все мы были молоды и глупы. История закончена и не возобновится.

Маркус завелся заново. Теперь умоляя дать хотя бы один шанс. Хотя бы видеть – иногда. Слышать – иногда. Ну хоть одним воздухом дышать...

Насчет воздуха Лиля запретить не могли. Планета общая. А вот все остальное...

- Еще раз повторяю, убирайтесь. Или охрану позвать?

Лицо парня приобрело совершенно другое выражение.

- Госпожа графиня, значит... А у меня есть кое-что из того, что вам будет интересно.

- Неужели?

- А вы не помните, какие нежные письма мне писали?

Лиля не помнила. И уж тем более не собиралась поддаваться шантажисту.

- Отлично. Извольте вернуть мне их, сегодня же.

Намека Маркус не понял.

- Госпожа графиня, я беден и незнатен. Но и у меня есть гордость. Эти письма останутся со мной, пока я жив.

Или пока ты не заплатишь.

Лиля не стала терять времени на спор. Вот еще! Вместо этого она хлопнула в ладоши.

- Олаф!

Вирманин, стоящий за дверью, ворвался внутрь, как молния.

- Да, ваше сиятельство.

- У этого человека есть письма, с которыми он не расстанется, пока жив. Сделай мне одолжение...

- Письма забрать, мерзавца убить?

Олаф сделал шаг. Улыбка у него была... вполне впечатляющая. До уровня Эрика он недотянул, но Маркусу и того хватило.

- Лилиан!

Х-хэсь!

Олаф в два шага преодолел расстояние до Маркуса и отвесил тому затрещину. Да такую, что наглец чуть носом в столик не влетел.

– К графине обращаться – ваше сиятельство.

Маркус дернулся было, но сильная рука сгребла его за загривок. И принялась встряхивать.

– Молчать, тварь. Слушать графиню. Ваше сиятельство?

– Олаф, съезди, пожалуйста, к нему. Возьми ребят. И wygrеби у него все бумаги. Вообще все. Привезите их сюда, я разберусь. А этого...

– Убить?

Маркус задрожал. По штанам расплылось мокрое пятно, в воздухе повис характерный запах. Лиля сморщила нос.

– Жалкая же тварь...

– Лилиан! Ваше сиятельство!!!

– Олаф, свяжите его, заткните рот, отвезите на корабль, расспросите как следует, а потом все в вашей власти. Но лучше, конечно, убить.

Маркус обвис тряпкой.

Графиня и вирманин переглянулись. И поняли друг друга. Убивать негодяя не станут. Но запугают до истерики и запихнут матросом на какой-нибудь корабль. Добровольно-принудительно. Пусть там орет до посинения.

Письма ей вернут. Дальше – молчание.

Олаф потащил добычу из комнаты. Лиля брезгливо распахнула окна, чтобы выветрился запах, и кликнула прислугу. Вымыть все после уroda, как после покойника. Чтобы уж точно не вернулся.

Где были мозги у ее предшественницы, когда она увлеклась этим слизняком?

Уж точно не в голове.

Фу!

Джейми она представляла королю спустя два дня. Заодно Лиля решила поговорить про поместье Тараль. Она съездила туда и осталась не слишком довольна.

С одной стороны, идеальное место. Легко охранять, плохо шпионить. С другой... Туда же все везти надо! Вплоть до еды! Неудобно. Пока объемы производства маленькие – это одно. А когда они вырастут?

С третьей стороны, а вы найдите еще место под столицей. Чтобы дешево, сердито и не затрагивало ничьих интересов. В этом времени пригород пользуется спросом.

На сей раз, слава богам, обошлось без приемов и прочей мишуры. Алисия тихо провела графиню с Джейми во дворец чуть ли не с черного хода и собиралась так же выпустить. А зачем разводить шумиху?

Эдоард осмотрел травника без особой приязни.

– Итак, Джейми Мейтл. Он же барон Донтер? Или?

Джейми поклонился, радуясь, что нахватался от шевалье Авельса хороших манер.

– Ваше величество, вы позволите мне изложить свою историю?

– Излагайте, любезнейший.

Джейми не подкачал. Он честно рассказал, что слышал от матери, от приемного отца, как мать умерла, как он жил с приемной бабушкой, как переехал в Иртон, где и столкнулся с Кливом Донтером. Предъявил доказательства. Про свое изначальное вранье графине даже не упомянул. И правильно. Незачем. Лиля его и поняла и давно простила. Врал. И что теперь? Мы все так или иначе недоговариваем или искажаем правду. Вы бы стали выкладывать всю подноготную невесть откуда взявшейся тетке? Нет, действительно бы все выложили?

Предъявил копии (в ладонь) портретов из Донтера.

Наследственность ощущалась. Джейми был просто копией некоторых Донтеров. Эдоард внимательно осмотрел все и мрачно кивнул.

– Да, пожалуй, мне придется поверить в вашу историю. Итак, вы хотите баронство и титул.

Джейми смотрел прямо и спокойно. Хотите? О нет.

– Я прошу вернуть мне мое по праву рождения. Ваше величество, я обещаю служить вам верой и правдой, как служили мои предки.

– Возможно, я так и сделаю. А чем вы займетесь после возвращения титула, барон?

– Ваше величество, я хотел бы доучиться у Тахира Джаамана дин Дашшара.

– Вот как?

– Когда мы ездили принимать роды у маркизы Ивельен...

– Кстати, как она?

– Амалия прислала письмо. Она здорова, дети тоже, и они приглашают нас с Алисией в гости, ваше величество, – отрапортовала Лиля.

Взгляд Эдоарда смягчился. Дочь он любил. И эти двое помогли ей. Ну, помог Тахир дин Дашшар, но ведь благодаря Лилиан он там оказался?

– Это хорошо. Итак, барон?

– А если бы это была моя жена? А я даже помочь ей был бы не в силах.

– Хм...

Эдоард вздохнул.

Да уж. Сильнее всего гнетет чувство собственной беспомощности. Когда Джессимин рожала, он чуть дырку в полу не протер. Все четыре раза. А если бы мог помочь? Остался бы он в стороне? Да никогда! А если бы была возможность узнать, как помочь?

У него такой возможности не было. А юный барон... почему бы и нет? Мальчик неглуп, далеко пойдет, а увлечения и похлеще бывают. Вот, один граф вообще собрал в своем доме коллекцию красоток, которые изображают при гостях всякие непристойности, другой коллекционирует табакерки, третий...

Один барон-лекарь урона благородному сословию не нанесет. А может, и оздоровит его.

– Разумно, барон. Согласен, доучиться вам надо. А потом?

– Буду делать все по вашей воле, ваше величество. Скажете остаться – останусь. Скажете уехать – уеду.

– А чего бы вы хотели?

– Может быть, вступить в гильдию докторусов, ваше величество...

- Барон - докторус?

- Лучше быть хорошим докторусом, чем плохим бароном, ваше величество. Вы можете выгнать меня в любой миг. Но мое умение останется при мне.

Эдоард усмехнулся.

- Могу выгнать, могу казнить...

- Все в ваших руках, ваше величество.

- Ладно. Идите, любезнейший. О моем решении вам сообщат. Графиня, задержитесь.

Лиля, вскочившая было, присела в реверансе и опять опустилась в кресло.

Да-да. Знак милости короля - ей было разрешено сидеть. Джейми пришлось постоять, а для нее принесли кресло. И вполне приличное. Даже роскошное.

- Мы говорили с альдоном. И о вашей идее в том числе. Вы правы. Отдавать все в руки Церкви нельзя. Но и отлучать ее от книгопечатания - тоже. Мы договорились, что основной пай - пятьдесят процентов, - будет у государства. Тридцать процентов у альдонов. Двадцать - у вас.

- Вы так щедры, ваше величество.

- Все равно ваши деньги вернутся в казну. Роман рассказал мне про вашу идею.

- Да, ваше величество?

- Я нахожу ее здоровой. Моим войскам нужны лекари. Грамотные и обученные. Но сможете ли вы...

Ответ у Лили был.

- Ваше величество, Тахир обучил уходу за ранеными порядка двух десятков вирманских женщин. Полагаю, основы смогут преподавать и они. А потом уж и кто-то из нас троих. Да и вирманки сами стремятся учиться дальше.

- Графиня, я уже говорил, что мне не нравится ваше сближение с этими морскими разбойниками.

- Я знаю, ваше величество, они разбойники. Но ведь и отношение к ним такое. И выжить иначе они не могут. А если показать им, что может быть по-другому, может быть, что-то и изменится?

- Вы мечтательница, графиня.

- Наверное, ваше величество. Но на примере моих вирман могу сказать, что хотя бы не безнадежная.

Эдоард усмехнулся.

- Ладно. Сколько человек вы собираетесь обучать?

Лиля выдохнула.

И заговорила.

Вообще, она изначально не собиралась разворачивать широкую программу. Просто следовала армейскому правилу - просить больше, чтобы получить хотя бы желаемое. И желаемое она получит. Наберет человек десять - пятнадцать для начала. Из кого? А из тех сирот, братьев которых Ганц собирает в свой «Тримейн-отряд». Ну или если еще кто-то подвернется. С таким классом они справятся, практики более чем достаточно, а потом уже обученные ею люди начнут учить других. Да, хирурга так не подготовишь. Но грамотную медсестру - а почему бы нет?

Что - каждый, кто ухаживал в своей семье за лежащим больным, имеет медобразование?

Нет. Просто нахватались для начала, а потом уже жизнь научила. А тут их научат сестринскому делу и зачаткам хирургии. И хватит. Терапия, педиатрия, фармакология – это для тех, кого будем учить углубленно.

Просто, если бы она не получила одобрения государства и Церкви, могло бы начаться шипение. А сейчас – простите.

Меня альдон одобрямс!

Смотрел, как на идиотку, но ведь одобрил же. Хоть и сказал, что милосердие хорошо в умеренных дозах. Так что теперь я не еретик. Все с благословения Альдоны. А под это столько можно спрятать...

Лиля собиралась работать, учить, учиться. Это можно было проделать при условии своей безопасности. И сейчас она не то чтобы достигла, но ведь и того раньше не было.

Поработаем!

Джес и Рик смотрели на столицу Иверней.

Фалдеро роскошью не поражал. Лавери был приморским городом, и часть грязи смывалась в море дождями. Лавери украшали море и песок, белые паруса кораблей и крылья чаек. А Фалдеро был откровенно серым и убогим.

– Тошно здесь как-то, – нарушил молчание Джес.

– И плесенью пахнет. – Рик уже почти жалел, что приехал.

– Будем надеяться, что принцесса ею не пропахла, – подмигнул Джес.

Рик скорчил ему рожу. Джес рассмеялся и хлопнул кузена по плечу.

– Не вешай нос. Гардвейг тебя всегда ждать будет. И грудастая Анелька тоже.

Рик вздохнул еще печальнее.

Где же ты, моя королева...

Не лучше оказалось и посольство Ативерны. Если у Гардвейга можно было разместиться со всеми удобствами, то тут их даже во дворце поселиться не пригласили. Бернард сэкономил на всем.

– У него и дети такие же, и дочь, – рассказывал спустя пару часов старый посол. – Не знаю, принц, понравится ли она вам, но Лидия очень своеобразная. Она не расстается с книгами, очень экономна, не любит наряжаться, а когда ей говорят, что она – молодая красивая девушка, отвечает, что в казне нет денег на мишуру.

– Хм...

Рик не знал, как к этому относиться. Нет, в чем-то такая жена бесценна. Но только если найти с ней общий язык. А если нет?

Не будут ли тебе выговаривать за каждую пуговицу? Не придется ли пришивать их самостоятельно?

– Кто у нас еще?

– Шесть братьев. Старший, наследник трона Рафаил, дальше идут Адриан, Габриэль, Мигель, Хулио и Эстебан. Старший примерно ваш ровесник, младшему лет восемь. Все они обожают сестру. Или, во всяком случае, хорошо это изображают.

– Та-ак...

- На людях в королевском семействе тишь и гладь. Что кипит внутри, я узнавал по обрывкам сведений, от слуг. Известно, что его величество может поколотить любого из принцев. Дочь он вроде бы любит. Но та - копия отца.

- Не знал, что Бернард любит книги.

- Любит. Но старается этого не показывать.

- Ладно. Что еще вы мне можете рассказать про придворных?

Повествование затянулось до поздней ночи. Джес зевал, но терпел. Рик слушал с интересом. Герцог Фалион еще и вопросы задавал. Вялая Щука был зубастым именно из-за хорошей подготовки.

Первый прием должен был состояться через десять дней. Рик расслаблялся и отдыхал после дороги, гулял, играл в нарды. Ничто вроде бы не предвещало беды, но тут Джеса настиг ворох писем.

Началось это так.

Рик, которому тоже пришло письмо от отца, сидел в кабинете.

«Дорогой мой сын, - писал его величество. - Надеюсь, что с вами и вашей свитой все благополучно. А также что в Ивернее вы будете более внимательны и осмотрительны, чем в Уэльстере. Герцог Фалион с радостью поможет вам советом.

У нас все хорошо, сестры шлют вам привет.

Теперь о неприятном.

Если Джес начнет шлаться по придворным девкам, вам придется его остановить. Ко двору приехала его жена, и я вижу, что она может принести большую пользу. Но лучше, если она будет графиней Иртон, а не обозленной на весь свет разведенной женщиной. Поэтому, если до меня дойдет хоть одна сплетня, узлом завяжу. Обоих.

Если что-то понадобится - пишите. Надеюсь, вы определитесь с невестой.

Любящий вас отец.

Рик только и смог, что глазами похлопать.

Ничего себе - новости!

Да что ж такое творится, что отец счел нужным написать ему про Лилиан Иртон?

Что она... как она... Рик потряс головой и задумался. Да так глубоко, что Джеса заметил, только когда перед ним на поверхность стола легла стопка писем.

- Читай!

Рик вскинул глаза на кузена. Тот явно нервничал. Глаза горят, волосы растрепались, руки сжаты в кулаки... Был бы хвост - мел бы пол.

- Это что?

- Переслали мне письма. Из Ативерны. И из Иртона.

- Иртона?

- Моя супруга, - последнее слово Джес произнес с непередаваемым выражением, - пишет... Да ты почитай!

Рик пожал плечами и развернул письмо.

Первое - от Лилиан Иртон.

«Мой возлюбленный супруг.

Считаю своим долгом сообщить, что его величество вызывает меня в столицу. Куда я и отправляюсь со всеми людьми, волей судьбы перезимовавшими в Иртоне. Прошу вас не беспокоиться за поместье – я нашла человека, который не будет воровать (или будет это делать весьма умеренно).

Миранда отправляется со мной. Обещаю как следует смотреть за девочкой.

В остальном у нас все благополучно.

Молюсь за ваше здоровье и скорейшее возвращение домой.

– Интересно, – протянул Рик.

– Интересно? Ни слова о ханганах! Ни о чем! Она меня за дурака держит?!

– Ну ты же ее держал за дуру. Как аукнется...

Джес изобретательно выругал кузена. Рик только фыркнул и взял из стопки следующее письмо.

– Миранда?

– Она. Нет, ты читай!

«Милый папочка!

В Иртоне здорово, но мы собираемся в столицу. Лиля говорит, что там нас не хватает! А мне интересно. Амир (он принц Ханганата) тоже едет с нами. А еще он знает ужасно много сказок. Только не такие, как Лиля, про барона Холмса, а разные ханганские. А еще Тахир мне рассказывает про лекарство. Я, наверное, тоже буду докторусом, когда вырасту. Если не буду графиней, как Лиля.

Мы, наверное, поселимся в столице, и я буду часто-часто писать тебе.

Надеюсь, что у тебя все благополучно, и буду молиться Альдонаю, чтобы ты поскорее вернулся.

Папа, привези мне, пожалуйста, в подарок книжки. Лучше на эльванском, а то ханганский и вирманский мы изучаем, а эльванский пока нет. И что-нибудь для Ляли. Она тебе тоже передает привет.

Скоро она вырастет, и тогда у нее будут щеночки.

Я тебя люблю.

– Это как? – Тут уже и Рику стало не по себе. – Я что-то ничего не понимаю!

– Я тоже. Пишет явно Миранда. Хотя писать она стала намного лучше, раньше-то едва-едва. Но все равно! Эльванский язык! Откуда?!

– Видимо, учит. Что тут плохого?

– Да она вообще учиться ненавидела! А тут...

– Полагаю, об этом тебе надо поговорить с женой.

Джес потряс письмо Лилиан за кончик, как дохлую мышь.

– Поговорил бы! Да не могу! А остальное? Моя малышка хочет лечить людей! Да она всего боялась! Болезней! Крови!! Докторусов!!!

Рик развел руками.

– А как может принц Ханганата рассказывать моему ребенку сказки?

Рика этот вопрос тоже интересовал. Потому как принц Ативерны такого эпизода в своей

биографии не припоминал. Даже сестрам не рассказывал... Зря, наверное.

- Не знаю. Но я так полагаю, что он выздоравливает?

- Хотя это радует. Мне еще недовольства Хангана не хватало!

- Хватит недовольства моего отца.

- Откуда ты знаешь?

- А он и тебе написал? – уточнил Рик.

Джес плюхнулся на стул.

- Написал. Ты читай, там все письма. Целая стопка.

Джес не обманывал.

«Граф Иртон.

Повелеваю вам вести себя как приличествует вашему титулу. Чтобы с вашим именем не было связано ни единого скандала. В противном случае отправлю вас на границу, туда, где женская нога вовек не ступала.

С женой извольте быть ласковым и любезным.

Проверю лично.

За дочь можете не беспокоиться, она под моей защитой и покровительством. Равно как и графиня.

- И все. Ни здравствуй, ни до свидания.

- Да, отец разозлился. Но будем надеяться, отойдет к нашему возвращению.

- Да уж....

- А пока не злись, но тебе придется вести себя как сияющему.

- Да я уже понял.

- И штаны держать завязанными. Хотя бы во дворце.

Джес скорчил рожу, но спорить не стал. А Рик уже читал остальные письма.

И схватился за голову.

Алисия Иртон писала сыну, что тот – болван. В самых изящных выражениях превозносила невестку и сетовала, что сын не рассмотрел такой бриллиант.

Хвалила внуку и ненавязчиво подчеркивала роль матери в ее воспитании. А между строчек так и читалось: ты-то, балбес, хоть бы что полезное сделал.

Рассказывала, что все в восторге от Миранды, что внучка очаровательна, что принц Амир весьма сдружился с ней...

Слов у Рика не осталось. Он взялся за последнее письмо. И тут его ждал самый тяжкий удар.

Писал граф Леонард Тулон, один из главных сплетников Ативерны. И писал Джесу.

В начале письма шло перечисление новостей двора. А потом сообщалось о приезде Лилиан Иртон. И комплименты.

«Ваша жена просто прелестна».

«Графиня мила и остроумна, а то, как она разобралась с баронессой Ормт, вызывает восхищение».

«А вы – хитрец, прятать такое сокровище в глуши. Находясь рядом с графиней, любой бы терзался от ревности».

Ричард дочитал, осторожно положил письмо в стопку и посмотрел на Джеса.

– Он точно ничего не перепутал?

– Нет! Это все про мою корову!

Принцы тоже могут ругаться. Что Ричард и сделал.

– Ничего не понимаю. Джес, кто из вас сошел с ума?

– Не знаю. Но, кажется, я. Рик, что вообще происходит в этом мире?! Я точно свихнусь!!!

Лиле же было не до супруга. В отличие от Алисии она отписала ему давно, еще когда была в Ирhone. Отправила свое письмо и письмо Миранды в Ивернею, в Ативернское посольство, справедливо полагая, что там супруг точно окажется, и выкинула его из головы.

К лешьей матери!

И так дел по горло.

Сперва надо было заняться Таралем. Вычистить его от подвалов до чердаков. Тараль Лиле в принципе понравился. Симпатичная башня, вокруг которой крестом расположены четыре крыла замка. Башню Лиля (даешь феодализм!) решила оставить для себя и своих приближенных. Одно крыло отводим кружевницам. Второе – стеклодувам. Третье – медикам. Четвертое – ювелирам и книгопечатникам. А дальше – как распределится.

Дела кипели. Ганц докладывал о создании отряда из беспризорников, которые будут следить за Ивельенами. А оплата...

А в качестве части оплаты Лиля предложила взять в ученичество к кружевницам и к медикам их способных братьев и сестер. Да и Хельке, может быть, подберет кого-то с точным глазом и твердой рукой.

Хотя с изобретением лупы ему стало намного легче. Теперь можно было укрепить ее над столом и разглядывать через нее камни. Так удобнее.

К договору с эввирами его величество отнесся весьма скептически. Но предложил графине попробовать получить от них честную прибыль хотя бы от той партии, которую она привезла. Если получится...

Лиля переговорила с Хельке, и спустя сутки встретилась со старейшинами эввиров.

Тупые средневековые люди? Да ни разу! Дурой себя ощутила Лиля, когда речь зашла о деньгах. И если бы не Август и не его казначей, точно пролетела бы по всем пунктам. Эх, надо было экономику изучать. И финансы!

Но в итоге договорились, и эввиры с трепетом душевным приняли от нее кружево, цветной янтарь и прочие редкости.

Прибыль Лиля тут же вложила в строительство модного дома Мариэль. И договорилась, что часть прибыли ей будут отдавать сырьем по оптовой цене. А что? Нитки нужны, песок для производства стекла нужен, да куча всего нужна. И лучше пусть все будет с доставкой на дом.

Вот, кстати... Дорога!

Надо подумать, что с ней сделать. Например, щебнем засыпать. Пусть сейчас так не делают, но им возить продукцию, и лучше не по ухабам. Стекло же.

А еще набрать слуг, попросить Ганца всех проверить, предоставить мастерам место для собеседования – после долгих переговоров Август таки дождал гильдии, и те выделили людей. По принципу: «На тебе, боже, что мне негоже».

Но Лиле это было безразлично.

Люди будут хорошо работать, если их обеспечить материально. Это первое. А второе – интерес.

Так что попробуем все устроить...

Лиля еще пару раз побывала во дворце, но как-то все прошло достаточно вяло. Ни приемов, ни чего-то еще. Его величество просто приглашал казначея, выслушивал отчеты и кивал. Его пока все устраивало.

Сумму Лиля не перерасходовала, за каждую монетку давала отчет, все тратилось только на дело. Что еще нужно? Результат?

Будет, дайте время. За один месяц ребенка не родишь, даже если придать агенту девять женщин.

Это понимали все и никуда не торопились. Тем более что результаты были.

Лиля уезжала из дома в семь утра и возвращалась не раньше пяти вечера. Обычный рабочий режим. Воспитывала Миранду, беседовала с Алисией, дружески болтала с вирманами.

Ганц трудился как пчелка и нашел уже четырех шпионов гильдий. Лиля не стала их выгонять. Решила, что, когда они окажутся в Тарале, будут работать по дому. Убирать, мыть... А писать от их имени будет она. Ну или Лонс.

Шевалье Авельс хвостом таскался за Лилей. Он давно уже стал незаменим, как хороший и грамотный секретарь, и женщина была весьма им довольна.

Недовольны были остальные.

Алисия, которая почему-то ругалась. Август, который говорил, что так неприлично.

Его величество... Он как раз молчал. Ибо что человек не знает, то ему и не повредит.

Приезжали посланцы от альдона. Лиля отдала им два свитка и предупредила, что это – копии. Старые она оставила в Иртоне, не желая ими рисковать.

Привезти?

Без вопросов, пошлю корабль. Только не ждите результата быстро.

Недели две туда, столько же обратно, если морем. Сушей дольше и противнее. А на корабле – если попасть в нужное течение – намного быстрее.

Как ни странно, в гости зачастил маркиз Фалион. Александр.

Приезжал он ближе к вечеру, обязательно проводил с полчаса, а то и больше, с Лидархом. Но и Лиле уделялось внимание.

Ей дарились цветы, сладости и даже клетка с певчими птицами, Мири тоже перепали сладости, но при этом...

Лиля не считала, что Фалион ею просто увлечен.

Нет. Женщина это чувствует. Александр относился к ней... своеобразно.

Да, подарки ей дарили. Но как-то мимоходом. А вот что нужно было в ответ?

Первое – Лидарх. Для случек.

А второе...

Фалион так долго скрывал свою жену, что теперь рад был поговорить о ней хоть с кем-то. Тем более зная, что дальше Лили это не уйдет.

Как поняла графиня, любви между Александром и его супругой отродясь не было. Обычный брак по сговору, ради выгоды. Сначала все было хорошо. Родился один ребенок, второй...

Рината, его жена, с самого начала была слишком резкой, слишком скандальной, но в юности Фалион не обращал на это внимания. Это усиливалось после родов. Но опять-таки, что в этом удивительного? Роды для женщины – нелегкое испытание.

Первые двое родов прошли благополучно. А вот третьи...

Рината потеряла ребенка и серьезно заболела.

Почти десятистку провалилась в горячке, а когда вроде бы выздоровела, все покатилося под уклон. От истерик – к скандалам. От скандалов к припадкам. А от припадков – к затмениям, во время которых женщины и не оставалось. В ее теле появилось человекообразное животное.

Заметили это поздно. А лечить... Докторы только руками разводили.

Нет, снадобья они тоже разводили. Какие угодно – от дорогого вина до ослиной мочи. Только вот ничего не помогало. Фалион терял надежду. А когда в результате несчастного случая погиб его сын, он вообще едва не взвыл.

И ведь все приходилось хранить в тайне. Кто ж породнится с семьей, в которой есть безумцы?

Не дай мне Бог сойти с ума...

Лилия оказалась скальпелем, который вскрыл этот нарыв. И Фалион изливал на нее потоки своей душевной боли. Лилия не возражала. И тоже преследовала свои цели.

Когда Фалион не разглагольствовал о жене, он был интересным собеседником. К тому же он мылся где-то раз в десять дней. Почти метросексуал. Так что общаться с ним было вполне нормально. Даже с подветренной стороны.

А еще Фалион знал многое о дворе. И рассказывал о самых ярких его представителях. Алисия тоже, но она смотрела как женщина. А Александр, или, как Лилия называла его про себя, Алекс (Саньком назвать язык не поворачивался, а Саша было слишком мягко для высокомерного маркиза) видел все это с другой стороны.

Лилия слушала и училась.

Александр к тому же был приятелем Джерисона Иртона. И о нем Лилия говорила довольно часто, вынуждая Фалиона рассказывать о друге. Что поделать, Джерисон Иртон оставался величиной икс в ее уравнениях.

А еще с Фалионом можно было спокойно выезжать в поле. И не брать с собой надоевшую свиту. Так, пару охранников на всякий случай.

Лилия и не брала. До покушения.

Это произошло совершенно неожиданно. Лилия и Фалион, нагонявшись по полям, ехали рядом и вполне мирно беседовали. Ради разнообразия – о классической поэзии, в которой маркиз неплохо разбирался. Лилия, впрочем, тоже не ударила в грязь лицом.

Пушкин, Лермонтов, Блок, Ахматова... кто не учил их в школе? Даже с учетом перевода на иной язык было красиво.

Девушка пела в церковном хоре...

Фалион слушал с удовольствием. Порыв ветра бросил Лиле в лицо горсть пыли, она закашлялась, приостановила коня и потянулась за платком.

Дальше все слилось в одну цветную ленту.

То ли пчела, то ли слепень укусил коня одного из охранников, и тот прыгнул вперед.

Глухой свист.

Схватился за плечо... как же его... Крес! В плече торчит короткая стрела, покрытая темными перьями. Ох нет, не короткая... просто она сзади. Стрела была пущена с такой силой, что пробила плечо парню.

А в следующий миг Лилю стянули с коня.

- На землю!

Графиня Иртон послушно распласталась на манер морской звезды. В голову полезли глупые мысли: костюм отстирается, мыло есть. Хорошо, что похудела, раньше бы живот мешал...

Лидарх!

Лидарха раненой рукой держал под уздцы Крес. Благо конь умный и не дергался. Вирманин кривился от боли, но держался. В здоровой руке был кинжал. С такой рукой он не боец. Но Лейс, когда подбирал охрану для графини, выбирал лучших. Крес мог муху на лету ножом сбить.

- Я могу встать?

- Лежите, госпожа...

- Долго?

Крес прищурился, взгляделся во что-то, что Лиле видно не было.

- Кажется, нет.

А через минуту застучали конские копыта. Спрыгнул рядом Александр.

- Ты в порядке, Лилиан?

Фалион и сам не заметил, как перешел на «ты».

- Более чем. - Лилия провела рукой по лицу, стирая дорожную пыль. Хорошо хоть дождя не было. - А...

- Ушел, гнида такая! Ох... простите.

Лилия очень хотела выругаться. Но в это время Крес таки осел на землю. И все было забыто.

Оставался только человек, которому надо было оказать первую помощь. А лучше - вытащить стрелу, перевязать и везти домой.

Этим все трое и занялись. То есть занималась больше Лилия. А мужчины поглядывали по сторонам. Только Алекс отломил наконечник стрелы, чтобы удобнее было вытащить.

Но убийца скрылся.

Дома поднялся переполох. И это мягко сказано. Разволновалась Алисия, повисла на шее у мачехи Миранда, принялись ругаться Лейф и Лейс, заявляя, что графиня была откровенно беспечна...

Ганц Тримейн, к которому послали гонца, тоже прилетел на крыльях тревоги и, узнав о происшествии, умчался туда, взяв с собой людей и собак. А вдруг?

Чуда не получилось.

Сторожевые взяли след, но далеко по нему пройти не смогли. О волшебной силе табака знали и в Средневековье.

Лиля, наплевав на попытки Тахира и Джейми уложить ее в постель, сидела в кабинете и сосредоточенно размышляла.

Кто?!

Кому понадобилось?

Ивельены? Но Ганц вроде бы взял их под колпак.

А кому она тогда еще насолила? Королевской фаворитке? Так если б та дура мстила всем, кто ее опустил ниже плинтуса... Нет, вряд ли.

А кому еще?

Больше в голову ничего не приходило, и Лиля злилась. Выезжай теперь в сопровождении охранников, как под конвоем! Гадство!

Тридцать три раза гадство!

Ладно. Попробуем что-нибудь придумать. Например, наладим патрулирование. Как-нибудь да извернемся. И надо выцепить этих сволочей! Ну что за мода – покушаться на маленькую, хрупкую, беззащитную женщину? Нет бы на ее супруга?

Она бы еще и спасибо сказала!

Супруг в это время подъезжал ко дворцу. Рик сидел в карете, злой и недовольный. Они в Ивернее уже сколько времени, а Бернард... Гардвейг был на порядок хлебосольнее.

Нет, если дочка пошла в отца, бежать отсюда надо! Сломя голову!

Но для начала – хотя бы познакомиться.

Дворец производил грустное впечатление. Заросший сад – садовникам надо платить слишком много, серые стены, окна, кое-где затянутые пергаментом, тяжелые ставни...

Про грязь лучше умолчать, если уж в обычае было справлять нужду, отойдя в угол. На грязь Джес внимания не обратил бы. А вот на заржавленное оружие на стенах, старые гобелены, из которых кое-где лезли нитки, придворные, одетые так, что в Ативерне их приняли бы за неудачливых купцов... И самое неприятное – постные выражения на лицах людей.

Джес даже поежился.

Рику тоже было не по себе. Двор Гардвейга отличался нарочитой и даже избыточной пышностью, ативернцы предпочитали сдержанность, но чтобы так?

Фу...

Узкие коридоры, чадающие факелы, пыльные тяжелые портьеры, не разобрать, какого они цвета были раньше. И тронный зал.

Здесь светлее, большие окна открыты. Ветерок нахально треплет прически дам, взметывает длинные юбки, играет плащами мужчин... Ему хорошо. Рик о себе такого

сказать не мог. Он вглядывался в противоположный конец зала. И мрачнел с каждой минутой.

Воистину, Бернард должен был родиться не королем, а старьевщиком.

Серый человек. Серая туника, серые штаны, серое лицо, серые, словно пылью посыпанные волосы, оживляла картину только корона. И та не блестела. Слово и золота коснулась всеобщая тоска.

Лицо тоже не вызывало восторга. Глаза на нем терялись. Видны были длинный хрящеватый нос и массивный подбородок. Зато, словно для равновесия, природа наградила мужчину тонкими узкими губами, которые с трудом можно было разглядеть.

Глаза же...

Маленькие, серые, откровенно оценивающие. Под этим взглядом Рик почувствовал свою неуместную здесь изысканность, а Джес попросту разозлился.

Мужчину раздражало все. Серость, тоска, которая, казалось, пропитала весь дворец, взгляды парней, стоящих рядом с тронном плотной стеной, словно закрывая кого-то.

Так что он почувствовал острую необходимость выпить. И набить кому-нибудь морду.

Кругом враги!

– Ваше величество. – Рик раскланялся первым. – Я счастлив быть принятым при вашем дворе. Это большая честь для меня.

Бернард чуть склонил голову.

– Мы также счастливы видеть вас здесь. И надеемся, что ваше пребывание окажется полезным для обеих сторон.

Голос у него был скрипучий как несмазанная телега.

– Позвольте представить вам мою жену. Ее величество Далия.

Королева была... никакая.

Если Джесси Рик помнил ярким огоньком, Милия была заботливой клушкой, а из Анелии получилась бы королева-куртизанка, то Далия – ее просто не было заметно. Тень супруга. Вроде бы и симпатичная, и глаза голубые, и волосы светло-русые, но вот это выражение покорности и тупого безразличия на лице...

– А также моих сыновей. Мой старший сын и наследник Рафаил. Второй сын – Адриан, далее Габриэль и Мигель.

Рик подумал, что сыновья – копия отца. Такие же русо-сероволосые, такие же безгубые и сероглазые, с такими же подбородками и длинными носами. А Хулио и Эстебан, видимо, не появились по причине юного возраста.

– Моя дочь. Лидия.

Братья раздвинулись в сторону. И перед Риком возникла...

Нет, Лидия не была страшной. Если бесстрастно разложить по полочкам все данные, она была вполне симпатичной. Высокая, тонкокостная – ну так откормить можно... волосы русые, глаза отцовские, ну, может, чуть поглубже... Но все портило выражение ее лица.

Известно, что мужчины воспринимают женщину не фрагментами, а в целом. И в целом Рик девушку не понравилась. Что-то было в ней такое... Может быть, просто неприязнь к «жениху».

– Ваше высочество. – Рик склонился в глубоком поклоне.

Лидия ответила реверансом и бросила на принца неприязненный взгляд из-под ресниц. Бернард чуть кивнул.

- Полагаю, вы можете погулять по парку, разумеется, в сопровождении...

Рик заверил короля, что только об этом и мечтал всю свою жизнь, и галантно предложил Лидии руку.

Принцесса приняла ее, и все потянулись в сад.

Оставшись наедине с супругой, Бернард ухмыльнулся:

- Ну как думаешь, сладится?

Далия пожала плечами. Она давно научилась говорить то, что желает муж.

- Если вам это будет угодно...

Бернард довольно кивнул.

Разумеется, все в его воле. Он же король.

Рик вел принцессу по саду. Ростом она, кстати, оказалась на ладонь пониже, так что идти было удобно. За ними, шагах в пяти, тащились два принца. Кажется, старший и еще один, только который? Может, Рик и запомнит их со временем, но сейчас слишком уж они на отца похожи.

Рик подумал, что надо заговорить, и начал со стандартного:

- Ваше высочество, у вас глаза почти как небо...

- Зубки жемчуг и губки коралловые, - продолжила Лидия. - Благодарю, мне это уже говорили.

- И кто посмел? - картинно возмутился Рик. - Скажите только слово, ваше высочество...

- Все, у кого не хватало воображения придумать что-то новое.

Лидия явно не собиралась налаживать мосты. Но Рик отступить не мог. Пока было некуда.

- Ваше высочество, я обещаю не отпускать больше заезженных комплиментов. Но может быть, вы что-то мне расскажете? Чем вы увлекаетесь? Что вам нравится?

- Одиночество.

Яснее сказать было и нельзя. Рика откровенно посылали.

Сделай так красивая девушка, он бы еще подумал - добиваться или нет. Но сейчас...

Подумаешь, какая цаца! Да на тебя без слез не взглянешь - и туда же? Нос драть? Можно подумать, к тебе не принц свататься приехал, а конюх за попку ущипнул.

- Как я вас понимаю, - с душой высказался Рик. - Действительно, иногда лучше быть одному.

- А не с кем попало.

Взаимопонимание было достигнуто. Но о мирном договоре речь пока не шла.

Рик с неудовольствием вспоминал Анелию, которая перед ним только что не платочком стелилась, и хмурился.

Лидия думала, что надо бы еще нахамить. Не нужен ей этот красавчик, который смотрит с таким превосходством. Что, она теперь должна броситься ему на шею и возрыдать от счастья? На смотрины он приехал, подвиг какой совершил!

Перебьется!

Принцесса упорно молчала. Рик тоже помолчал какое-то время, но-таки решился:

– Принцесса, а как вы относитесь к стихам?

– Я к ним никак не отношусь, ваше высочество.

– Может быть, мне почитать вам что-нибудь? Я знаю множество стихов, вам понравится...

– Если я пожелаю что-либо почитать, почитаю сама.

Яснее выразиться и нельзя было.

Рик оглянулся. Сопровождающие отстали. Решиться?

– Ваше высочество, почему я вам так не нравлюсь?

От такой прямоты Лидия на миг замерла. А потом ответила так же. Четко и ясно.

– Вы не золотая монета, чтобы мне нравиться. Я вас первый раз в жизни вижу, ваше высочество.

– Да еще с такой целью.

– И это тоже.

– Вы не хотите замуж, Лидия?

– Не за вас, – коротко ответила девушка.

Рик даже удивился. Неужели нашлись охотники? Но...

– Можете мне отказать, и я тут же уеду.

– Не могу, – сдвинула то место, где должны были быть брови, Лидия. – Отец расстроится.

– А когда не расстроится?

– Полагаю, месяца хватит, чтобы убедить его в отсутствии взаимной симпатии. – Лидия отбросила увертки и говорила прямо. – Вы мне не по душе, я вам тоже. Месяц – оптимальный срок. Мой отец поймет, что мы друг другу не подходим, и вы уедете.

– А если вы передумаете?

Лидия откровенно фыркнула. Передумать? И вот это... Нет уж, увольте!

– Я понял, – кивнул Рик. Ситуация его все больше забавляла. Первые красавицы Ативерны в очередь к нему становятся, да и в Уэльтстере, и в Ивернее, а это чудело в столетней давности тряпках... Только и названия, что принцесса. – Тогда предлагаю вам договор.

– Какой?

– О ненападении. Вы не шипите на меня этот месяц, а я ухаживаю за вами. Чтобы ваш отец убедился, что мы пытались.

Лидия кивнула.

– Да, так будет лучше. Ричард... не возражаете?

– Нет. И если позволите – Лидия.

– Там, где нас не услышат.

– Принято.

Ричард не чувствовал себя оскорбленным. С чего бы?

Лидия, хоть и страшненькая, но принцесса. Равная ему по статусу. И может говорить, что пожелает. Не хочет она его? Ну и отлично. Баба с воза – кобыле легче. Но месяц тут покрутиться придется. А потом... Уж лучше Анелия. Та хоть на ощупь приятная. А кому захочется об эти кости колотиться?

Пфе!

Джеса эта ситуация скорее оскорбила.

– Ты серьезно?

– Вполне. Меня явно не хотят видеть супругом.

– Ни ... себе? Если каждая ... станет разбираться, чем она хочет...

– Это ты не о своей ли жене говоришь? – подколот Рик.

– Да и о ней тоже! Нет, ну надо же! Лиля, Лилля, всюду Лилля! Миранда без нее просто жить не может!

– Может. Но не захочет.

– Разберемся, – посулил Джес. – Кстати, цензором поработаешь?

– То есть?

– Письма написал. Дочери и жене.

– Давай сюда. – Вставить Рик было лень.

Письмо Миранде он пробежал по диагонали. Ибо ничего интересного. Люблю, целую, учись, обязательно привезу, пиши чаще, буду рад. А вот письмо супруге...

«Моя возлюбленная супруга.

Буду рад увидеться с вами по возвращении домой. Как вас приняла моя матушка? Сестра? Надеюсь, у вас все благополучно. Что до Иртона – я полностью одобряю ваше решение.

Я буду в Ативерне к осени, и тогда мы поговорим подробно.

Рик только головой покачал.

– Да ты любовнице больше пишешь...

– Так она и не любовница.

– Она – жена.

– Вот именно.

– Рик, да не знаю я, о чем ей писать! – взорвался Джес. – Убивай, не знаю! Дядя ругается, Миранда восторгается, сплетник этот, Мальдоная его поимей, хвалит... мою корову!!! Да у меня ум за разум заходит! Сейчас напишешь что-нибудь, так дядя меня вообще на границу пожизненно выставит!

– А тебе не хочется.

– А кому бы хотелось?

– Ладно, не ругайся. Сойдет, если не придирайтесь. А отношения ты с женой выяснишь потом, когда дома будешь.

– И то верно. Тем более если ты эту клячу не хочешь...

– Лидию?

– А то!

Действительно, Джес верно подметил. Было в Лидии нечто лошадиное.

– Она меня тоже не хочет.

– Ну и дура. Сама не поняла, что теряет.

– Мне же лучше. Месяц покрутимся, и домой.

– Ну да... – Джес вздохнул. – Знаешь, иногда мне страшно становится. Вот приеду, а там все другое. И Ативерны нет, и Лавери, и вообще...

Рик только головой покачал. Кузена пора было выводить из такого состояния.

– Джес, плесни мне вина.

Кузен выполнил просьбу. Но синие глаза все равно были грустными и усталыми.

Альтрес Лорт читал донесение своего агента.

Отлично.

Лидия и Рик друг другу не понравились. И Лидия резко дала принцу от ворот поворот.

Этого можно было ждать. Но на всякий случай... Надо ли?

Обязательно надо.

Альтрес принялся быстро набрасывать план действий. Отдать приказ этой шлюшке из посольства. Отдать приказ своему агенту... Публичного скандала устраивать не надо. Но небольшой, внутрисемейный – почему нет?

Он ведь ничего нового не делает. Просто открывает принцу глаза на кое-какие грешки его предполагаемой невесты.

Время полетело вперед, словно сорвавшаяся с тетивы стрела.

Лиля работала как каторжная. Единственным утешением было то, что работа повторялась. Все было привычно, все ясно и понятно. И мастерские уже оборудовались раньше, и люди уже инструктировались, и замок отмывался.

Разница была только в масштабах. И в том, что здесь Лилю охраняли по полной программе.

Лейф наладил охрану из вирман, Лейс – патрулирование окрестностей. Выловить убийцу не удалось, но, по крайней мере, новых попыток не было.

Его величество, узнав про это происшествие, весьма разгневался и спустил кобеля на Ганца. Тот кое-как оправдался. Но его отношение к короне стало прохладней.

Зато Лиля могла рассчитывать на его преданность.

Кстати, неплохо оплаченную.

На подарки оставили примерно десять процентов продукции. А остальное ушло Хельке. То есть его братьям по торговле.

И вырученная сумма превзошла все Лилины ожидания. Марсия и девушки пахали день и ночь напролет. На их изделия записывались в очереди. Торговались за право опередить соперницу, ругались, подкупали приказчиков, плели интриги...

Когда в первый раз обнаружили попытку подкупа, Лиля взбеленилась. Хотела выпороть негодяя и выгнать, но Хельке отговорил.

Эввиры известны как продажные? Вот и отлично. Будем брать взятки... Потом, когда

будем набирать персонал модного дома, поставим вопрос по-другому. Но сейчас... Графиня – слабая хрупкая женщина, она может и не знать, как нагло ее обманывает этот эввир. Но согласится ли он стать козлом отпущения?

Графиня, а мы специально выберем такого, которого не жалко. Паршивый... козел есть в любой семье и в любом народе.

Лиля подумала и согласилась. Пока – пусть. Потом она это дело изменит. Но сейчас... Как говорил пан-атаман Грициан Таврический: «Гроши нужны, батько! Гроши!»

Увы, дать их было попросту некому. Хорошо пану-атаману. Тот мог у кого-то отнять.

Лиля могла бы спросить у отца – Август предлагал, и не раз.

Или у Алисии, у короны... увольте! Производством она поделится. А модным домом – нет.

Есть три вещи, которые она никому не уступит. Модный салон вместе с кафе. Как источник денег. Нечто подобное появится здесь не скоро, а вот женщины в любом веке одинаковы. Больница. Лиля пока еще не знала, как ее организует. Но та обязательно будет. И при ней курсы медсестер, фельдшеров и хирургов. Что Лиля умеет сама – передаст людям. И детские книги. Это тоже не стоит отдавать в чужие руки. Сказки, истории, предания, буквари и азбуки. Сначала – дорогое. Но потом будет и дешевле.

Лиля не была подвижницей. И не собиралась делать все и сразу. Она отлично понимала, что не потянет.

Есть вещи, которые просто не ее. Поэтому она найдет грамотного управляющего и бухгалтера, будет контролировать счета. Ее – это медицина. И она будет лечить. А остальное – просто прикрытие.

А пока – работать. Уделять внимание дочери, своим людям. И тихо плакать по ночам от тоски.

Разве об этом она мечтала?

Нет.

Ей хотелось любить, быть любимой, семьей, детей, дом, любимую работу... Лешу.

А что вместо этого?

Средние века, куча дел, которые ей и через Манхэттен не сдались, чужие люди, чужая земля, муж черт-те где, да и когда он приедет – радости это не обещает, крохотные надежды на семью и понимание своего одиночества.

Постоянного одиночества.

Даже если она выйдет замуж, если родит детей... все равно будет одна. Никогда и никому она не рискнет открыть своей тайны.

Одна, всегда одна... зачем? За что? Как больно...

Алисия смотрела на его величество Эдоарда спокойно. А его величество изволил быть недовольным.

– Графиня, ваша невестка действительно настолько занята? Она постоянно не находит времени для приемов.

А Лиля, был грех, манкировала всю своими придворными обязанностями. Ей не хотелось ко двору. Какого черта? Душно, грязно, воняет. Лучше пусть Мири съездит – пообщается с кузинами и заодно прорекламирует какую-нибудь новинку. Они с девочками быстро нашли общий язык.

А уж после того, как Лейф привез двух щенков для принцесс, Мири вообще стала для Анжелины и Джолиэтт своей. Пусть младше, но девочка знала поразительно много. И о

многом рассказывала. И с ней было интересно. А еще – собак надо было дрессировать. И Мири давала умные и полезные советы.

Эдоарду нравилось общение девочек. Но хотелось видеть и графиню. А та...

Нет, по официальному приказу она являлась. Целых два раза. И исчезала с приемов, как призрак. Эдоард подозревал, что ей помогала Алисия, но не пойман – не выпорот.

Пообщаться с ней тоже было сложно. словно дверца закрылась.

Полный отчет по делам ложился на стол казначею, и тот только радовался. Графа «приход» превышала своими суммами графу «расход». Четко прописано: что, сколько, куда... Приятно почитать. Ни одного лишнего слова.

И Лиля готова была говорить о делах. Но вот той искры, что король заметил при первой встрече, в ней не показывалось. Было, но словно глубоко внутри. Притухло, закопалось...

И его величество не знал, как вернуть ту ироничную женщину. А надо ли ее возвращать?

Надо. С ней было интересно. То, чего король долгое время не ощущал. Любопытство.

– Ваше величество, – Алисия только что ресницами нарочито не хлопала, как придворные дамы, – Лилиан действительно работает с утра до ночи. Дочь – и та видит ее не больше часа в день.

– Мое поручение занимает столько времени?

– Лилия старается все сделать хорошо. Она умница, ваше величество. И очень ответственный человек.

Последнему не стоило и удивляться. Безответственных медиков не бывает. А если вы такого обнаружили, значит, это халявщик, выжига и шарлатан. И гнать его надо палкой из медицины.

– И все же...

– Ваше величество, вы взвалили на нее ношу, которую не всякий мужчина потянет.

– Я же не думал, что она сама всем этим займется, – сдвинул брови Эдоард. – Женщины не предназначены для ведения дел. Наняла бы управляющего, проверяла отчеты...

– Это она тоже делает. Но Лилиан вникает во все лично.

– В каждой бочке затычка?

– Отнюдь, ваше величество. Просто умная женщина, которая дает помощникам волю, но строго их контролирует и перепроверяет отчеты.

– Неженское поведение.

– Видимо, Лилия – исключение из правил.

– Видимо. Графиня, а что вы еще можете о ней сказать – теперь? Когда подружились с ней и лучше узнали друг друга?

Алисия прикусила нижнюю губу. Но лгать не стала.

– Что сказать? Она очень умна. Но в то же время ее ум – он не такой. Не женский.

– Например?

Алисия замолчала. Как лучше выразить то, что сама не понимаешь до конца? Нестандартные поступки, решения, слова... даже жесты иногда не такие. Все вроде бы логично, понятно, но... картина не складывается.

Алисия помотала головой.

– Не знаю. Она умна, но по-другому. Например, истории про барона Холмса.

– Это она рассказывала их Миранде?

– Да. Я сказала, что девочке не стоит слушать про убийства, а Лиля заявила, что девочке надо учиться думать. Чтобы не оказаться в том же положении, что и она, выйдя замуж.

– И графиня учит малышку думать таким образом?

Алисия кивнула.

– Да.

– Это любопытно. Знаете, я все-таки попрошу вас передать ей мою просьбу. Не приказ. Но я хочу чаще видеть ее при дворе.

– Я передам ей, ваше величество. Но... не забывайте, чья она дочь.

Эдоард только вздохнул.

Августа Брокленда ко двору заманить было весьма и весьма сложно. Характер... Наследственное?

О законах генетики тут не знали. Но схожесть повадок отца с повадками дочери удивления не вызвала. Яблочко от яблоньки...

Джерисон, граф Иртон, фехтовал. Красиво, легко, изящно.

Рик наблюдал за этим зрелищем, сидя в стороне на бревнышке. Он свою долю тренировок уже получил. Да-да, они тренировались сейчас вместе с гвардией Бернарда. А что тут еще делать?

Балов почти нет, охот – тоже, сведения собирают другие, Джесу вообще не стоит тереться среди придворных, Рик и рад бы уделять внимание Лидии, но принцессе он и за деньги не нужен. И что теперь?

Книжки да тренировки, вот и все. Рик предпочитал первое, Джес – второе.

Граф Иртон откровенно сбрасывал и напряжение, и злость, гоняя по плацу противников. От трех до пяти. Каждый день, а то и по два раза в день.

И было, было ему от чего нервничать.

Дома происходило что-то непонятное, противоречащее всем его воззрениям. Как будто ты всю жизнь знаешь, что небо синее, а тебе в один голос: «красное, красное, красное...», на худой конец, розовое. Что делать, когда ничего не понимаешь?

Ничего не делать. Иначе такого наворотишь...

Рик старался удерживать друга от резких движений и действий. Но чем дальше, тем это становилось сложнее. Особенно когда начали приходить письма от людей Рика. Джерисон по понятным причинам своим поручить ничего не мог. Как тут напишешь? Братец, вы там мою жену ни с кем не перепутали? Моя жена – это моя жена или подменыш?

Как ни извернись – смеяться долго будут. А вот быть смешным...

Нельзя. При дворе нельзя позволять над собой смеяться, если ты не шут. Иначе станешь им. Против воли.

А вот Рик попросил разузнать все о графине. И это нормально. Даже если и догадаются, зачем ему это надо, догадки к делу не пришьешь. А смеяться над принцем... можно. Но отсмеиваться больно будет.

И письма шли просто шокирующие. Рик читал и соглашался с Джерисоном. Как друг, он был в курсе семейной жизни приятеля больше, чем кто-либо другой.

Корова?

Да такого целое стадо быков наворотить не сможет!

Графиня принята при дворе, графиня пользуется знаками внимания короля, расположением альдона Романа, графиня тесно дружит с Марвелами, Лейкерсами, Нисситами... и длинный список фамилий. И большая часть их воспользовалась услугами дин Дашшара. Лилиан Иртон? Так он практически никуда не ездит без своей ученицы.

А чем еще занимается графиня?

Всем!

На нее жалуются гильдии, на нее в обиде докторусы, ей служат вирмане и ханганы, она...

И перечисления идут до бесконечности.

Объясните мне, как?! Как Джерисон мог удержать такой вихрь в Иртоне? Либо ее опаивали еще до свадьбы, либо что-то не так... Но признали бы самозванку?

Нет, определенно нет.

Старые слуги, отец, свекровь, король, патеры, пасторы, альдон... да ёж зеленый!

Вот именно – ёж, и именно зеленый! Не существующее в природе сочетание.

Рик и сам за голову схватился, а уж Джесу и того хуже было. А как, как тут уложишь в голове, что в один прекрасный момент графиня проснулась и пошла изменять мир? Не бывает такого! Либо человек изначально синеглазый, либо кареглазый. Но произвольно цвет глаза не меняют.

Потеря ребенка?

Да уж, сколько баб их теряет. Но что-то никто не бросается стекло делать! Или кружево плести! Молятся, плачут, любовников заводят... Кстати, графиня живет откровенной монашкой. Джеса это порадовало с одной стороны. С другой же – кто-то за ней стоит?

И кто?

Явно не любовник. Графиня везде с людьми, даже ночью одна не остается. Миранда спит только с матерью, слуги рядом. Если бы кто-то или что-то, да весь дом перебудили бы! Где разгадка?

Нет разгадки.

Джес, «прикончивший» последнего противника, плюхнулся на бревно рядом с Риком. Отер пот со лба.

– Сидишь? Читаешь?

– А что мне еще делать?

– Давай я тебя погоняю?

Рик сморщил нос:

– Неохота.

– Жиром зарастешь.

– Отвяжись. Я уже с утра набегался с мечом. Теперь дай головой поработать.

– Было бы над чем. – Джес нагло утянул у друга книгу, взглянул на переплет. – Пути звезд, Литарием Ивернейским скромно описанные для...

– Верни на место, – огрызнулся Рик. – Самому надо.

- Принцу-то звезды зачем?

- Чтобы было. Можешь и сам почитать.

Джес махнул рукой.

- Наверное вечером возьму у тебя какую-нибудь книгу поскучнее.

- Ты бы, конечно, предпочел девушку повеселее, - подколот Рик.

- За неимением оной согласен на книгу. Сам понимаешь... Эх... пойти, что ли, еще подраться?

- Иди, не мешай, - отмахнулся Рик. - Все спокойнее будешь.

- Будешь тут...

И как ни крути, Рик друга понимал.

Яблочко плотно увязало в делах. Их было много, Ингрид помогать, как раньше, не могла, шевалье Авельс тоже зашивался, и Лиля тонула в куче бумаг.

Даже дочери она не могла уделять столько внимания, как раньше. И отпускала мелкую ко двору. Пусть хоть делом займется. Лилия попросила Лейфа выделить девочке сопровождающих, но все равно беспокоилась. Мири - это лучший способ достать саму Лилию. Вирмане это тоже понимали и стерегли девочку как зеницу ока.

Рутина.

Утро, работа, день, работа, вечер, работа...

Радостным событием стало возвращение Эрика.

Не просто так, нет. В гавань вошли шесть кораблей под белоснежными парусами и с черными щитами, щитами мира на мачтах. Эрик направился к Лиле, а посольство Вирмы - к Эдоарду.

Первым Эрика обнаружила Мири. Радостно завизжала и повисла у вирманина на шее, болтая ногами.

- Дядя Эрик!!! Уррря-а-а-а!!!

Радость девочки была вполне объяснима. Эрик, несмотря на свою страшноватую внешность, любил детей и частенько возился с ними. Мири была подброшена в воздух, поймана и поставлена на землю.

- А ты насовсем?

- Как получится. Это я с твоей мамой поговорю.

- А мама у себя! Вся в бумагах!

- А ты удираешь от бумаг?

- А нас сейчас Лейс будет учить метать ножи. Креса ранили, поэтому Лейс сам нас гоняет.

Эрик ухмыльнулся:

- Ну, тогда я вовремя приехал. Ну-ка, посмотри!

В ладони девочки лег небольшой нож. Миранда выдвинула его из ножен и присвистнула.

- Класс!

В хорошем оружии девочка разбираться научилась. Да еще как! Эрик же и учил. Так что оценены были и отличный баланс, и острота кромки, и синеватый блеск стали, и ухватистая рукоятка, обтянутая кожей акулы...

- Это - мне?

- Тебе.

- Спасибо!!!

Миранда еще раз повисла на шее у Эрика, расцеловала вирманина в обе щеки и унеслась. Эрик покачал головой и продолжил путь к кабинету.

Графиня Лилиан Иртон...

Вирманин и сам не мог сказать, какие чувства в нем будила эта женщина. Восхищение? Обязательно. Уважение? Безусловно. Любовь?

Нет, любовь пока не родилась. Но сильных и умных женщин вирмане оценить могли. Дуры у них и не выживали. Не те климатические условия.

- Ваше сиятельство?

Увидев Эрика, воздвигшегося на пороге кабинета, Лиля так просияла глазами, что Лонс невольно закусил губу. Улыбка у женщины была замечательная. Открытая, яркая, идущая от самого сердца. И... Анель ему так ни разу не улыбалась. Так - никогда.

- Эрик! Проходи! Лонс, распорядись, пусть подадут что-нибудь перекусить... Вина не надо?

- Как обычно.

Вирмане алкоголь не уважали. Вино делает женщину уступчивой, а мужчину - слабым. Да и не выжить им, если любить вино. Так что мужчины быстро и по достоинству оценили ягодные взвары, квас и сбитень. Особенно квас. Эрик его обожал.

- Минуту, госпожа...

Лонс вышел. Эрик удобно устроился в кресле и посмотрел на графиню веселыми голубыми глазами. А ведь красива... очень красива. Лиля наклонилась вперед, даже не замечая, что в вырезе платья показалась весьма интересная картина. Не до того!

- Эрик, что сказали на Вирме?

- Ваше сиятельство, я с отличными новостями.

- Ну же! - Лиля даже кулачком по столу стукнула. И тут же поймала непроливайку.

- Как вы знаете, единого главы у нас на Вирме нет.

- Но есть совет глав кланов. И?

- Я продемонстрировал все, что вы мне дали.

Отлично понимая, что кружево и ювелирка вирман заинтересуют средне, Лиля снабдила Эрика связанными крючком платками, носками и рукавицами. Обычное вязание на Вирме есть, а вот вип-вариант... Далее шли: подзорная труба и лупа, неоценимые для корабелов со стажем, спирт медицинский для растирания, дезинфекции, а немного можно и внутрь. Ну и описание технологии получения соли из морской воды. Промолчим о пользе.

Лиля могла бы предложить многое. Но Вирма - суровый и холодный остров. Поэтому надо показать, как они могут использовать свое преимущество и имеющиеся ресурсы.

- И какое же решение приняли старейшины?

- Они решили начать переговоры с Эдоардом.

- На тему?

- А смотря на что он согласится. С вами также начнут переговоры.

- На предмет?

- Мы воюем между собой, это так. Но есть вещи, которые выгодны всем, и мы тоже можем предложить многое. Например, ваш супруг занимается торговлей – мы можем охранять его корабли.

Лиля сморщила нос. Лучше бы кто потопил корабль с ее супругом.

- Охрана, помощь, защита, а если вы пожелаете переселиться на Вирму...

Лиля кивнула.

- Это – вы. А я взамен?

- Соль для нас важна. Теперь нам будет легче. Но это ведь не все, что вы можете?

Лиля кивнула.

Далеко не все. Хотя сейчас и жалела, что не занималась в свое время парусным спортом. А ведь был шанс, был! И оружием интересовалась постольку поскольку. Но ее призванием была медицина. Остальное просто прошло мимо. Слишком многое.

- Об этом надо говорить с королем, а уже он будет вести переговоры со старейшинами. Мое дело – мастера, технологии. Мне нравится Вирма, и я надеюсь на добрососедские отношения.

Эрик расплылся в довольной ухмылке, показав дырку в зубах.

- Ваше сиятельство, хорошие люди всегда договорятся.

Лиля ответила такой же улыбкой. И подумала о цинге. Самое простое – объяснить, как возникает болезнь, и подарить рецепт квашеной капусты. Кстати, и морской тоже. Она их дюжину знает, если не больше. Нет, зная медицину, не пропадешь нигде.

Глава 6

Переговоры на высшем уровне

Посольство вирман Эдоард не ждал. Это еще мягко сказано. Но не гнать же? Потом твои корабли вообще в море не выйдут.

Вот уж действительно... На одной чаше весов Вирма, на другой – Лорис. И эти шакалы грызут друг друга. Но если Вирма – остров-клан, то Лорис...

Лиля в свое время поняла так, что Лорис – это местная Тортуга. Только вот содержал ее в этом мире Авестер. Не обладая своим серьезным флотом, авестерцы убивали двух зайцев. Сплавливали всю шваль на остров подальше от нормальных людей. И забирали у них добычу по своей цене, а никак не по купеческой. А спроси их кто: «Лорис?» Да тут же глаза сделают круглыми. Не были, не знаем, не участвовали.

Так что...

А вычистить этот гадюшник... Ага, вычисти! Почему не чистили Тортугу? Да выгодно была. А еще – одному не под силу. А объединяться – это столько проблем... Вот и жировали пока пираты. Единственные, кто им обламывал малину, а потом еще гадил на ветки – вирмане. Не нравилась северным волкам конкуренция. И поэтому пиратов они пощипывали от души.

Эдоарду Лорис тоже не нравился. Но, простите, он далеко. Посылать корабли вокруг континента? Да проще уж купцам потерпеть. К тому же после неудачной женитьбы на Имоджин Авестерской ее родня питала к Эдоарду «нежную» любовь, и ативернцам доставалось по полной программе. Увы, политика Эдоарда во многом не совпадала с политикой его отца, который гонял вирман и прикармливал авестерцев. И это вызывало определенные последствия.

А вот если прикормить Вирму... Нет, ну что их сюда принесло?

– Я их приму. Завтра с утра, – распорядился Эдоард. – А пока выделить им место в гавани, жилье, охрану.

Понятно, что вирман охранять не нужно. Но чтобы местные шакалы к ним не лезли.

Его величество абсолютно не знал, чему обязан. Но неведение продлилось недолго. Ровно три часа. А потом...

– Ваше величество, Алисия, вдовствующая графиня Иртон.

– Проси.

Странно... что ее привело сюда?

Все разъяснилось через пару минут, когда Алисия положила перед ним конверт.

– Ваше величество, Лилиан Иртон просит ее принять немедленно.

– Что случилось?

– Вирманское посольство.

– Это ее рук дело? – Сказать, что Эдоард был изумлен? Лучше промолчим.

– Где она?

– Сейчас с принцессами.

– Вот как?

– Она пришла ко мне, но девочки просто вцепились в нее. И требуют новых историй о бароне Холмсе.

- Что же там за истории такие?

- С вашего позволения, ваше величество, мы можем пойти и послушать.

Эдоард проказливо улыбнулся.

Как ни странно, «старая гадюка», «ледяная гадюка» Алисия была одной из тех, с кем он чувствовал себя спокойно. Она – часть его молодости, его счастья с Джесси, его любви... Это очень много.

- Пойдемте, Алисия.

Кажется, «гадюка» это отлично понимала. Потому что в ее глазах плясали веселые золотистые искорки.

- А потом на берегу нашли собаку убитого...

- Она умерла от тоски по хозяину?

- Нет, все было не так просто. Рассматривая верного пса, барон Холмс обнаружил на тельце животного такие же следы, как и на теле хозяина. Под шерстью их было видно хуже, но они были. Словно бы на них набросили раскаленную докрасна сетку...

Лиля рассказывала «Львиную гриву». Есть среди рассказов о Холмсе те, которые не перескажешь без упоминания новинок технического прогресса. Но ведь есть и другие.

Эдоард и Алисия стояли за шторой, зачарованные. И когда история закончилась, не спешили выйти. Первой заговорила Анжелина:

- Лиля, а ты сама видела таких медуз?

- Сама – нет. Но мне много рассказывали про них.

- Кто?

- Вирмане. Они же везде плавают. Да и вообще, в природе куча всего интересного. Например, у лошади на восемнадцать костей больше, чем у человека. А у осьминога зрачок знаете какой?

- Круглый...

- Ан нет! Живете у моря, а осьминога не видели? Квадратный! Четырехугольный.

- Не может быть! – Это уже Джолиэтт.

- А вы посмотрите, – поддела Лиля. – Авось на кухне осьминоги водятся.

- И посмотрим! – тряхнула головой Анжелина. – А еще? Лилечка...

- Например, за сутки синица кормит своих птенцов тысячу раз. Крот может прорыть за ночь туннель длиной в сто пятьдесят локтей. Ну, чуть поменьше. Но ненамного. А у улитки двадцать пять тысяч зубов.

- Не верю!

- Проверь. Я не говорю того, о чем не знаю. – Лиля веселилась.

- А как?

- Ну-у, – графиня явно готовила какой-то подвох, – всегда можно поймать улитку и пересчитать ей зубы.

Девочки захохотали в голос.

- Лиля, а ты еще расскажешь про барона Холмса?

Как бы Эдоарду ни хотелось услышать историю, но время, время... Он кашлянул и вышел из-за портьеры.

– Ваше величество...

Лиля тут же вскочила и присела в реверансе.

– Встаньте, графиня. Вы хотели меня видеть?

– Да, ваше величество.

– Что ж, пройдемте в мой кабинет. Девочки, истории в другой раз.

Лиля повиновалась, но за спиной короля подмигнула принцессам. Мол, Миранда расскажет. Она знает.

Анжелина и Джолиэтт синхронно вздохнули. Обидно же... Как только появится человек, с которым интересно, так папа тут же портит все удовольствие.

Обидно.

В кабинете его величество усадил графиню в кресла и кивнул секретарю.

– Вино, ключевая вода, сладости, фрукты. А теперь, Лилиан, расскажите, какое отношение вы имеете к вирманскому посольству?

– Ваше величество, боюсь, что самое прямое.

– То есть?

– Я виновата. Я наняла вирман и, наверное, не уследила. А они...

Из покаянных слов Лили стало ясно, что нанятые вирмане, понимая, сколько полезного можно получить, видимо, решили попытаться.

Почему мирно?

А кому придет в голову связываться с графиней? Да еще в столице? Дураков нет.

Тем более вернулся и вирманин, которого она нанимала. И намекнул на мирные переговоры и обоюдную выгоду.

– Понятно. – Его величество поднял руку. – Теперь дайте подумать.

Лиля замолчала. Эдоард не столько злился, сколько размышлял.

Да, вирманская вольница – вечная проблема. Но ведь есть и плюсы, они же есть!

Если удастся поставить этих морских волков себе на службу, приучить их к Ативерне... Сложно? Он начнет, Рик продолжит. Зато Лорис будет держаться подальше от кораблей с сопровождением из вирман. Сейчас-то каждый пятый страдает.

Графиня, конечно, виноватую изображает, но видно, что она тут прямо причастна. И как бы не с ее разрешения все это произошло. Но ругаться он не будет. Государству выгодно. И выгода может быть большой.

– Графиня, вы, конечно, были неосторожны. – Тени улыбок на лицах сидящих в кабинете показывали, что в это не верят, но и спорить не станут. – Надеюсь, впредь это не повторится.

Лиля поспешно заверила, что конечно же нет же и вообще никогда. Получила монаршее соизволение удалиться и удрала домой. Алисия осталась у Эдоарда в кабинете.

– Вы знали о ее затее, графиня?

– Нет, ваше величество.

- Хотите сказать, она самостоятельно... Не много ли достоинств у одной женщины? То она тихо сидела в своем углу, то изобретает кучу новинок, становится ученицей известного лекаря, а теперь еще и влияет на государственную политику?

Алисия покачала головой:

- Ваше величество, вспомните, кто ее отец. А дед?

Эдоард неопределенно хмыкнул.

Ладно. Август – тут все понятно. Талант у мужчины невероятный. Корабел он от Альдоны. Поэтому и дочь может быть талантлива, но в своем. В этом греха нет. А вот другое, государственный ум? Такое ведь не приобретешь...

А она способна рисковать, брать на себя ответственность. Откуда?! Август в таких талантах не замечен. А вот его отец... Не просто так досталось баронство деду Лилиан. Был он тогда безродным мальчишкой. Чудом, иначе и не подберешь слова, стал королевским представителем, одним из первых, разоблачил несколько опаснейших заговоров... В каком-то смысле Эдоард благодаря ему спокойно сидел на престоле. Многое пришлось прополоть его отцу...

- Отцовская и дедовская кровь? Может быть.

- Ваше величество, она не шильда. Не одержимая. С альдоном беседовала, в храм ходит, пастор все время при ней.

- Это понятно. Я и сам это вижу. А вот...

- И рядом с ней никого нет. Я слежу. И служанки мои тоже.

- И что? Никого?

- Она со всеми одинаково ровна. А верность мужу блюдет строго. Разве что в последнее время Фалион-младший зачастил, но я от того вреда не вижу.

- Вот как?

- Там не любовь. Там дружба. Да и женат он.

- И кому это мешало?

Алисия резко сверкнула глазами.

- Ваше величество, из мужчин никто за Лилиан Иртон не стоит. А если вы о супружеской измене, так ее не будет. Лиля себя понимает и честь блюдет.

- Вы уверены?

Алисия встретила взгляд монарха, не дрогнув.

- Я бы на ее месте могла не удержаться. А если уж откровенно... За все художества мой сынок, – чуть заметная ирония царапнула слух монарха, но это же не при посторонних, – заслужил не только копыта, но и рога. Только Лиля этого не допустит. Она Миранду любит без памяти, как родную. И я сильно подозреваю, что мириться она будет ради девочки, и только ради нее.

- Если Джес сам все не испортит.

- А вот тут уж нам надо бы постараться.

- Ладно. Сначала вирмане.

Дома Лиля едва успела обрадовать Эрика. Мол, король не против, так что быть союзному договору, а Вирме – жить сытнее и богаче. Скорее всего.

Эрик обрадовался и поинтересовался своим заданием. Приехал? Приехал, с вирманами поговорил, все исполнил с блеском. Теперь надо новую работу искать... Лиля только глазами хлопнула на эту разновидность двоих из ларца, но куда было деваться? Наняла на службу? Было. До весны? Ну так... а разве вам еще люди не нужны? А то мы бы не отказались.

И тут Лиле кстати попался на глаза Ганц Тримейн, с нехорошим лицом входящий в гостиную. Да еще толстая папка в руках... точно, дела принес... Ох, бедные правители, как они-то доносы каждый день читают?

Хотя... Лиля перевела проказливый взгляд на Эрика, опять на Ганца...

– Лэйр Ганц, вы не уделите мне минутку внимания?

Ганц, заметив проказливые искорки, смутился, но подошел. И был обрадован.

Так и этак, а вот вам вирманин, у него есть дружина. Вам нужны надежные и серьезные люди для силовых акций? Для разведки у вас мелкота бегают. И знает много. А вот чтобы кого уму-разуму поучить, будут вирмане.

Эрик сдвинул брови, но протестовать не стал. Не гонят? Наоборот, приблизили, обласкали, жалование хорошее положили. А защищать госпожу он так и так будет. Только не телохранителем, ну так оно и удобнее.

Ганц оглядел вирманина, вспомнил, как они уже работали вместе, и кивнул.

– Согласен, госпожа. Подойдет. Но еще у меня есть разговор.

– Серьезный?

– Да. И хорошо бы мастера Хельке позвать.

Лиля вздохнула. И кивнула служанке, мол, зови.

– Пройдемте в кабинет?

Спустя полчаса Лиля была... рассержена. Один из эввиров, которому на реализацию отдали привезенный товар, некто Вариль Шальими, крысятничал. Или воровал. Заначил, гад, чуть ли не половину прибыли. Что и было неоспоримо доказано документами в папке.

Вообще, Лиля этого ждала. Но не так же быстро! Да и первых купцов Хельке сам отбирал, за что и был призван к ответу.

Уселся в кресло, перебрал бумаги и посмотрел хитрым взглядом.

– Ворует, гад?

– А вы знали? – вкрадчиво уточнил Ганц.

– Догадывался.

– И почему вы его выбрали?

Хельке вдруг стал серьезным.

– Ваше сиятельство, я ведь эввир.

– Да, я в курсе. – Лиля говорила тихо, себе под нос. Но Ганц все равно усмехнулся.

– Вот. А вы меня приняли, обласкали, я только у вас на службе понял, что такое покой и уют. Деньгами балуете, про идеи я уж вообще молчу – за такое любой ювелир голову бы заложил. Лория вон за детей спокойна. Вы ж их учите, как благородных. Старшего к хорошему делу пристроили. Мне вас обманывать невыгодно, у меня вся семья с вами повязана.

- И?

- А обманывать будут. Этот Вариль вообще мразь та еще, его никто не любит. Своих - и то подставить умудряется. За руку не ловлен, да все знают. И дела с ним стараются не иметь.

- А меня...

- Рано или поздно вас бы попытались обворовать. Вы бы проучили вора, на вас бы обиделись. Ну и пошло бы.

Лиля кивнула.

Все так. Спускать нельзя. Даже один раз. Но эввиры друг за друга горой стоят. Одного обидишь - все обидятся. Будь он хоть рогатый и о трех хвостах.

- Ага... Вы его выбрали для наглядного урока?

Хельке блеснул хитрыми глазами.

- А то, госпожа. Из наших никто не обидится, если вы его - того...

- А заодно и запомнят, что с графиней крутить нельзя, - медленно проговорил Ганц.

Хельке ответил ему наивной улыбкой ребенка.

- Ну ты и...

- На том стоим. - Ювелир обижаться и не подумал. Дело-то житейское. Это кто другой бы шум поднял, не разобравшись, а графиня - нет. Она умная. И работать с ней приятно. А идеи какие? Одна фероньерка чего стоит? Работы на полчаса, а продать можно...

Лиля посмотрела на Ганца:

- Лэйр Ганц, вот и дело для вас. Эрик как раз вовремя, поможет, если что.

- Ваше сиятельство...

- Убивать, наверное, не надо. Но, полагаю, вирмане знают, как обращаться с ворами?

Ганц кивнул.

Знают. До смерти не убьют, но мерзавец об этом очень сильно пожалеет.

- Я имею право сама разобраться с вором?

- Имеете, ваше сиятельство. Если есть все доказательства, король не будет против.

- С ним это надо согласовать?

- С вашего позволения, я возьму это на себя.

Лиля кивнула. Позволяю.

- Тогда идите, планируйте. Если нужно мое присутствие, сообщите.

- Вы... сможете?

Лиля пожала плечами.

Милый мой, видел бы ты, как студенточка трупы препарировала. Другие падали, она стояла. И делала. И уж зрелище разборки перенесет спокойно.

Ганц отправился работать, а Лиля посмотрела на Хельке.

- Мастер, у меня тут есть еще одна идея.

Идея была проста. Есть фероньерка. А есть индийские тика и лалатика, тоже украшения

головы. Первая проще. Вторая и третья чуть сложнее, но ненамного. Основную часть могут сделать подмастерья. Может, потом и про панжу (браслет на кисть, соединенный с кольцами на пальцах) поговорим. Но не все сразу.

Хельке слушал. Записывал. Рисовал. И думал, что не ошибся с выбором. Пусть под старость, но ему попалась настоящая хозяйка, которой он может спокойно довериться, не опасаясь за свою семью. Интересно, что еще она ему подскажет?

И имеющегося хватит, чтобы его имя осталось в веках. Но... интересно же, господа! Безумно интересно!

Вариль Шальими был собой доволен. А еще – прибылью.

Пересчитал полученные за кружево монеты, отложил половину, подумал – и отложил из половины еще несколько монет. Взвесил на руке тяжелый узелок.

Хорошо...

Как всякий мерзавец, Вариль считал себя честным человеком. И сейчас он просто... делил все по справедливости. Поменьше – графине Иртон. Побольше – себе.

Он даже не удивился, когда его выбрали посредником для перепродажи. С чего бы? Он же ведет дела честно! А подставить, разорить, поделить по-честному... так кто без греха?

Вот и сейчас... Во-первых, женщины все глупые. Так что графиня и не поймет, что ей меньше досталось. Во-вторых, он мужчина. Так что употребит все на пользу. В-третьих... Да зачем этой дуре столько денег? Перебьется.

То ли дело он.

Умный, серьезный мужчина... Вот так поторгую ее изделиями еще годик-другой, и можно будет о женитьбе подумать. Сейчас за него дочерей отдавать не хотят, а когда у него будут деньги, кто осмелится спорить? Ух, он тогда их всех!

Дверь дома даже не скрипнула, пропуская людей. Эрик с удовольствием ее бы выбил. Но Ганц запретил шуметь раньше времени.

И Вариль, перебирающий золотые монеты и прикидывающий – отложить еще или пока не зарываться, с ужасом увидел вырастающие перед ним фигуры.

Вирмане могли испугать кого угодно одним видом. Кольчуги, кожаные куртки, топоры и мечи, злобные ухмылки на лицах...

Мужчина было вскочил, но сильный удар в челюсть отправил его к стене – и в беспамятство.

Вариль привели в чувство тяжелыми пощечинами. И происходящее не обрадовало купца. А кого может обрадовать, если ты сидишь в кресле, привязанный за руки и за ноги, вокруг тебя стоят несколько вирман и вглядываются с нехорошим интересом, а в кресле напротив сидит женщина.

Очень знакомая.

Ее сиятельство, графиня Лилиан Иртон.

За ней, положив руку на спинку кресла, стоял Ганц Тримейн.

Сталкивались они, правда, по другому поводу. Но легче Варилью не стало. Потому что все смотрели на него с таким отстраненно-холодным интересом... Казнить? Помиловать? Нет, определенно казнить.

– Вечер добрый, любезнейший.

Вариль попытался что-то сказать, но кляп помешал.

– Догадываетесь, что нас сюда привело?

Вариль замычал. Но Ганц даже и не подумал приказать вытащить кляп. Пусть помолчит и послушает.

– Во-он там, на столе, монетки. И что-то мне подсказывает, что они выручены за продажу изделий «мариэль». Но эти деньги по назначению не попали. Вам не кажется, что это неправильно?

Вариль замотал головой.

– Вот и мне тоже так кажется. А еще птичка мне на хвосте принесла, что такое не в первый раз происходит. Поэтому мы и здесь. Чего мычишь? Сказать что-то хочешь? Ну скажи. Только если ты хоть раз голос повесишь, мой друг Эрик отрежет тебе ухо, запихает в глотку и опять заткнет кляпом. Понял?

Вариль кивал не переставая.

Только бы сейчас выпутаться. Хотя... женщина – она глупая. Ей можно наврать. А она главная. Она отпустит. И крови женщины боятся... определенно...

И когда выдернули кляп, не заорал.

– Ваше сиятельство, навет это!

– Да неужели? Любезнейший, – прищурилась графиня, – я прекрасно знаю, что вы продали, за сколько и кому. Вот все записи. Неужели вы думали, что я доверю свой товар и не проверю вас? Смешно.

– Я... это...

– Например, кружевной воротник маркизе Лайстер вы продали за двадцать золотых. А мне выставили цену в десять золотых. Плюс еще ваш процент за продажу. Наглость. А есть еще графиня Мерель, герцогиня Тарвес и несколько купеческих дочерей и жен. Думали, я не узнаю?

Вариль только глазами похлопал. Ну куда уж тут было возмущаться и оправдываться.

– Ваше сиятельство, Мальдоная попутала!!!

– Все зло от женщин, – меланхолично согласилась Лиля. – Что еще скажете?

Сказать Варилю было что. Не губите меня, не сиротите детушек, не оставляйте жену вдовой (при полном отсутствии и жены и детей), бес попутал, я больше не буду.... Пощади-и-и-ите! Была бы возможность – и в ноги бы бросился, и ползал бы, и туфли лизал...

Лилия покусала губу.

Мерзко. До ужаса мерзко. Но выбора не было.

– Эрик?

Понимая, что с ним сейчас будут делать что-то весьма неприятное, Вариль попытался заверещать на тему: король не простит! И гильдия! И эввиры!!!

Но куда там...

Мужчина сноровисто заткнул кляпом Вариля. Эввир притих, понимая, что сейчас решается его судьба.

– Итак, глубоко неуважаемый Вариль, – тихо заговорила Лилия, – я могла бы вас простить. Но вам это не пойдет впрок. А за вами придут новые воры. Его величество все знает... Лэйр Ганц.

Мужчина извлек из кармана пергамент.

– Дано графине Иртон. Имеет полное право вершить правосудие над Варилем Шальими. Поскольку означенный воровал глупо, нагло и не по чину. К тому же вы, графиня, отчисляете процент в казну, а если он вас обкрадывал, то и короля тоже...

Вариль заскулил. На полу начала собираться желтая лужица.

– Так что ничего мне не будет, любезнейший. Поделом ворам. На Вирме давно знают, как обращаться с вам подобными. Эрик?

– Займемся, ваше сиятельство, – ухмыльнулся вирманин.

– Ганц?

– Вы поприсутствуете?

– Недолго. А потом у меня еще сегодня дела.

Эрик достал из сапога короткий острый нож. Вариль захрипел и съежился. Но ему это не помогло.

На Вирме ворам отрезали большие пальцы – чтобы не мог впредь держать весло, язык – чтобы не лгал впредь и кончик носа – чтобы видно было, с кем дело имеете. Жестоко. Но зато воров там было весьма и весьма немного.

Луна заглядывала в окно. Бледная, холодная... Другой мир, а луна такая же. Домашние тапочки совершенно бесшумны.

Лиля расхаживала по комнате, Мири мерно посапывала под теплым одеялом.

Спальня большая. Почти пятнадцать шагов от стены до стены, так что метаться по ней можно совершенно спокойно.

Миранда спала. Лиля уснуть не могла.

В памяти бессмысленное лицо человека, которого она приказала изуродовать. Страшное. Окровавленное.

Она себя переоценила.

Одно дело – морг, операция. Там все для спасения людей. Другое дело – вот так.

Во что ты превратилась, Аля Скороленок? В кого?

Ты не смогла убить Эдора. Хотя этот негодяй в сто раз больше заслуживал смерти. Вспомни, когда ты только пришла в себя, ты просто выгнала мерзавца.

Ага, за что и получила. Убила бы сразу – не мучилась бы потом.

Разве так можно? Он ведь человек. Плохой ли, хороший, но человек. После тюрьмы у него был шанс исправиться. Сейчас же...

Ничего, наворовал достаточно. Пусть идет картошку копает. Или на проценты живет.

То, что ты сделала, – бесчеловечно.

То, что я сделала, одобрил король.

Но это жестоко. Бессмысленно жестоко. А что потом? Руки рубить на площади?

А хоть бы и руки. Здесь это есть. Мы просто исполнили приговор в тишине и спокойствии.

Что ты с собой сделала?!

Лиля обхватила голову руками и едва не застонала. Сдержалась. Еще не хватало разбудить Мири.

Две собаки смотрели на хозяйку с удивлением.

Я жестока?

Но он меня обворовал.

Можно было наказать иначе. Не мучить. Не уродовать. Можно... и нельзя.

Я – женщина. Изначально отношение ко мне хуже. Намного хуже, чем к мужчине. Меня можно обмануть, кинуть, подставить... Просто в силу моего пола. Вариля выбрали в качестве примера, потому что я не первая. Но остальные теперь побоятся. А визг «жестоко», «ужасно», «кошмарно»... Это – голосок справедливости или отрыжка Женевской и Гаагской конвенций?

Вот честно, перед собой, как на духу. Что лучше – заткнуть плотину сейчас, пока просочилась одна капля, или потом справляться с потоком? Жестокость малая сейчас или большая потом? Что страшнее? Принцип меньшего зла?

Нет, Лиля себя не оправдывала. Она виновна. И отвечать за свои дела будет по полной. И родители ее бы не поняли. Или...

Когда-то давно, еще в той жизни, они с отцом смотрели новости. И, услышав о казни какого-то наркоторговца в арабской стране (подробности стерлись за давностью лет), Владимир Васильевич одобрительно произнес: «Нам бы так»!

Жестоко, мерзко, но наркотики в Ираке, Иране, Индонезии, где-то еще – смерть. И правильно. Эти мрази ведь не одного человека убивают. Не дай вам бог побывать в шкуре родственников наркомана...

Так, ладно. Это уже в стороне. А в сухом остатке – неоправданная жестокость.

Хотя нет. Оправданная.

И королем, и эввирами, да и другими людьми тоже. Здесь это в порядке вещей. Здесь могут убить ребенка, укравшего хлеб. Запороть до смерти. Вот это – мерзко.

А Вариль...

У него дети по лавкам плакали? Он голодал? У него больные родители или жена?

Нет! Все три раза – *нет*!

Ему просто показалось, что он может сожрать все. И не по рту. Вот и подавился.

Несправедливо? А сколько из этих денег уйдет лично графине? Гроши! Лиля отлично знала, что на себя она почти не тратит. Платит зарплату своим людям, улучшает Иртон, разворачивает дело, строит торговый центр, будет строить на доходы от него больницу и учить медицине.

Станем сравнивать себя с Дзержинским?

Сколько людей он уничтожил? А скольким дал путевку в жизнь? Скольким беспризорникам, сиротам... Что на весах?

Лиля ожесточенно кусала ноготь.

Мерзко. А там, где деньги, всегда и грязь, и кровь, и привыкаешь переступать через трупы...

Когда-то, еще в мединституте, перед Алей Скороленок очень драла нос богатая однокурсница. Аля бы и внимания не обратила. Не до того. Но девица взялась ей мешать. Трепала нервы на переменках, чуть ли не в лицо фыркала... Аля до последнего не шла на конфликт. А потом, когда ее чуть ли не в лицо обозвали нищетой, не стерпела. Ну-ка, сколько твой отец приговорил в девяностые, чтобы купить тебе трусы от кутюр?

Сколько из-за него разорилось, спилось, скололось, что стало с их семьями? Твое богатство – на крови и костях. Поняла? И гордиться тут нечем.

Вот и здесь.

Ее богатство тоже будет на крови и костях. И оправдаться тут нечем. Пока – нечем. А потом?

А потом будет новый день.

И будет вставать солнышко, и Мири будет смеяться, не зная, что давно должна была умереть, и мои люди тоже будут ему радоваться. И те, кого я спасла, и те, кому я еще смогу помочь...

Я не оправдываюсь. Но надеюсь, что смогу искупить эту вину.

Жестоко. Но хирургия вообще жестока. Так не лечите человека, ему же больно! Вариль – это зараза на моем деле. Его ампутировали, как гангрену. Понадобится – устрою показательный суд. Видит бог, не для денег! Плевать мне на деньги как на цель. А вот то, что я смогу сделать с их помощью, важнее. И этим планам никто не помешает.

Благими намерениями выстлана дорога в ад? Это верно. Но это – когда счастье всем и сразу. А вот когда потихоньку въешь свое гнездышко, последовательно убирая то, что мешает, а еще в силу своих возможностей помогаешь тем, кто рядом и кто помогает тебе... А почему нет?

Не надо оправдывать свою жестокость благом для мира. Это неправда. Это – твоё будущее благо. Твоих детей. Твоих людей. Мало?

Много. Иногда кажется, что чересчур много.

Лиля откинула волосы.

Хватит бегать по комнате. Выпей отвар мяты и ложись в кровать. Не уснешь, так хоть чуть согреешься. Завтра тяжелый день, а ты еще простуду хочешь?

Все. Закрыли тему.

Больно... как же больно и тошно...

Рик откинул назад светлые волосы.

– Джес, ты сегодня вечером куда?

– Хотел сходить в один салон...

– Перебьешься.

– Вот как?

– Идешь со мной. А то я у Бернарда с тоски сдохну.

– Хочешь, чтобы я рядом с тобой лег?

– Нет, чтобы рядом со мной был хоть один нормальный человек.

– Иными словами, шут?

– Хоть козлом назовись, но будь!

Джес сморщил нос, но промолчал. Рика можно было понять. Вечера у Бернарда были... Скучными? Это еще не то слово!

Ни выпивки – то есть вино имеется, но оно такого качества, что копыта коню мыть не станешь. Ни женщин – при дворе Бернарда строго смотрят за нравственностью. А сам король высказывается в том духе, что за разврат надо сечь на площади. А уж про

развлечения и вовсе молчим. На игру запрет. Скачки, схватки, турниры – все под запретом. Ибо тешит Мальдонау. Танцы? Да от них со скуки помереть можно. Все церемонно, возвышенно... Но чтобы даже просто с кем-то потискаться втихомолку – отследят. И не дадут.

– Сам все понимаешь.

Джес вздохнул. Единственным развлечением для Рика оставалась Лидия. Все остальные дамы обходили его по широкой дуге. А Лидия...

Ей Рик был не нужен. Вообще. Она всему предпочитала книги. Этакая принцесса в заколдованной башне. Только в сказке была симпатичная, а тут... жуть! Крыса огрызающаяся.

Джес был не вполне справедлив к девушке, но ему и в голову не приходило посмотреть на все ее глазами. А Лидии происходящее тоже не сильно нравилось.

Это ее взяли и выставили, как товар. Это на нее глядит, как на кусок мяса, смазливый принц. И ему даже в голову не приходит спросить – а что ты думаешь? Что чувствуешь? О чем мечтаешь?

О нет!

Он просто явился! Держите штаны от счастья! Он – снизошел!

Да кому такое понравится?!

А смазливая внешность, простите, палка о двух концах.

Лидия была достаточно умна, чтобы смотреть на себя в зеркале и видеть девушку, а не принцессу. И отдавать себе отчет в своих недостатках. Слишком высокая, слишком худая, слишком бесцветная и невзрачная. Увы...

Можно выйти замуж за принца. Только в постель ты станешь ложиться с мужчиной. А такой, как Рик... Слишком уж он красив. Если не загуляет – считайте меня шильдой.

И что?

Гулящий король и кукла-королева? Увольте.

Это Лидия могла бы объяснить парням. Но не хотела. Полагала, что и так все понятно. Но увы...

Те вещи, которые просты и понятны женщинам, мужчинам приходится растолковывать с применением большой дубинки. И наоборот. Нечто само собой разумеющееся для мужчин женщины не замечают, пока оно их по голове не стукнет. Три раза подряд.

Одним словом, взаимопонимания между принцем и принцессой не наблюдалось. Простого понимания, пожалуй, тоже.

А общаться приходилось. И держать лицо.

Вот и этим вечером...

– Вы позволите пригласить вас на танец, ваше высочество?

Лидия смирила Джеса таким взглядом, что мужчина ощутил себя тараканом.

– Нет.

– Ваше высочество, вы разобьете мне сердце.

Взгляд Лидии заставил Джеса умолкнуть.

– Любезнейший, избавьте меня от своего общества.

Джес сверкнул глазами, но пару шагов в сторону сделал. Рик чуть поморщился.

- Ваше высочество, Джес не хотел ничего дурного...

- Если бы он еще и хотел. - Лидия сморщила нос, показывая, что ставит Джеса весьма невысоко.

- Ваше высочество... - Голос Рика был исполнен укоризны, но Лидия только плечами пожала.

- Принц, вы скоро от нас уезжаете?

- Да, примерно через две десятинки.

- Отлично.

- Вы так радуетесь этому...

- А я должна плакать?

Рик смешался. Никто не говорил с ним так, как эта высоченная нескладная девица. И ему это не нравилось.

- Ну...

- Из приличия я должна горевать. Не более того. И я буду горевать. Рядом с отцом, - Лидия словно шашкой с седла рубила. - А здесь я не считаю нужным притворяться. Ни вы, ни ваша свита не вызываете у меня добрых чувств.

- Ваш двор тоже мне не по душе, - парировал Рик, отлично понимая, что дальше Лидии его слова не уйдут. Иначе придется пересказать весь разговор с самого начала. - Нигде не видел такой скупости.

- Да что бы вы понимали! - вспыхнула спичкой Лидия. - Скупости! Что мой прадед, что мой дед только и делали, что бросали деньги направо и налево. Когда отец пришел к власти, казна была абсолютно пуста. Казначей - и тот не воровал! Нечего было!

- Украл раньше?

- Очень смешно! Соседи отгрызали кусочки земли, а что оставалось делать отцу? Да, он бережлив. Пусть даже иногда перегибает палку. А что бы вы сделали на его месте? Выжимали последнее из крестьян? Доили придворных?

Рик смутился. А что бы...

- Попробовал бы развивать торговлю. Промышленность. И уж точно не распустил бы так церковников, - честно признался он.

Лидия вздохнула.

- Не распустил бы! Хорошо говорить, когда все благополучно. Но у нас не было выбора.

- Неужели?

- Знаете, какие деньги пришлось вложить, чтобы королевство начало хоть чуть-чуть выправляться? Эти деньги нам дали альдоны. И мы им благодарны.

Рик почесал нос. Нет, он знал, что альдоны обладали более чем солидным состоянием. Но чтобы так?

- Да, именно так.

Лидия словно его мысли прочитала.

- Я не склонна недооценивать ни богатство, ни власть Церкви. Если нам надо прогнуться, чтобы наша земля осталась цела, чтобы Ивернею не раздергали на множество кусочков жаждущие наживы соседи, мы и не то сделаем.

- А не окажется ли получившееся еще страшнее?

Лидия отрицательно покачала головой.

- При правильном подходе уже мои племянники вернут Ивернее былое благосостояние. Мы справимся. Лишь бы нам никто не мешал.

- Мы?

- Возможно, вы удивитесь, но женщина не обязательно следует по тропинке из постели в детскую, - огрызнулась Лидия. - Я неплохо разбираюсь в финансах и помогаю отцу. Мои братья тоже умны, но не настолько талантливы.

В голосе Лидии слышалось столько гордости, что Рик таки поклонился. Хотя про себя и подумал: «Нашла чем гордиться, дура...»

- Неужели вам не хочется немного веселья радости, ярких платьев...

Ледяной взгляд оборвал Рика на полуслове.

- Вы хоть представляете, сколько это стоит? У Ивернеи нет таких денег.

- Бережливость - это, безусловно, важно. Но вам ведь захочется рано или поздно дом, семью, детей.

Лидия покачала головой.

- Не вижу смысла. Мой опыт говорит, что любой муж станет тираном.

- Обязательно любой?

- Не обязательно. Но вы точно станете.

- Вы обо мне плохого мнения, ваше высочество.

- Пока вы не сделали ничего, чтобы изменить его к лучшему, - отрезала Лидия. - Скорее бы вы уехали. А то трать время на все эти балы, любезничай тут... Вы хоть представляете, сколько у меня дел? Женитесь наконец и оставьте Ивернею в покое!

- С удовольствием исполню ваше приказание, - огрызнулся Ричард, доведенный до бешенства.

Лидия царственно кивнула.

- Исполните - и можете считать себя свободным.

Ричард раскланялся и вылетел из зала. Джес, заметив, что с кузеном что-то не так, спешно догнал его.

- Рик!

Его высочество от души пнул какую-то статую, ушиб ногу, выругался и шлепнулся на скамейку.

- Твою ж ...!

В следующие десять минут Джес узнал многое о Лидии. Надо сказать, ее родители и не подозревали о своей принадлежности к миру животных-извращенцев. Услышь такое Бернард - вылетел бы Ричард из дворца впереди своей ругани. Но в саду было тихо и темно.

- Ты чего? - искренне удивился Джес.

Рик еще раз выругался.

- Твою ж! Не дай бог на такой жениться! Сука, стерва, гадина... Джес, ты свою мать хорошо помнишь?

- Вполне. - Мужчина даже не представлял, при чем тут Алисия, но кивнул.
- А вот эта - в десять раз хуже.
- А ведь она моложе...
- Вот именно. Когда она войдет в возраст твоей мамы, к ней муха не подлетит. Потому как раньше отравится.
- Я так понимаю, лучше Анелия?
- Еще как! Надо отписать и отцу, и Гардвейгу.

Лидия проводила взглядом Рика. Фыркнула.

Самодовольный, самовлюбленный красавчик. Такие искренне считают, что весь мир лежит у их ног. И удивляются, если он отползает в сторонку.

Женятся такие красавчики, всласть перевалившись в чужих постелях. И благополучно продолжают это после брака. Вспомнить только несчастную Имоджин. Бедная женщина!

У нее под носом муж открыто живет с другой женщиной, и королева вынуждена терпеть.

Омерзительно! Да у них бы эту Джессимин мигом записали в приспешницы Мальдонаи и отправили в обитель. Грехи замаливать!

Мерзавка!

Жить с чужим мужем, невенчаной... фу!

Лидия покривилась.

Возможно, девочка была бы чуть иной, но воспитание не оставило ей шанса. Ребенка воспитывали в основном пасторы, строгие гувернантки и няньки. Замоченные розги, которыми король не брезговал сечь своих отпрысков за малейшие промахи, не оставались без дела.

Лидия рано поняла, что надо сделать, чтобы избежать побоев. Для начала - вести себя примерно. И быть верующей. Увы, тут она не заметила, как количество перешло в качество. Ведь если человека называть бараном, он и заблеет... А еще - отлично разбираться в том, что интересуется отец. А именно, в финансах. И в этом Лидия также преуспела.

Что же в итоге?

В итоге незаурядный ум (было в кого) сочетался с вполне заурядным фанатизмом. Внешность Лидию не интересовала вовсе, зато весьма интересовала душа. Причем не как повод присмотреться к человеку, а как повод осудить его за те или иные поступки, не соответствующие книге Альдона. Вдобавок к этому Лидия отлично понимала, что дурна собой, и открыто бравировала этим. Да, я страшненькая. Но у меня замечательная душа, а чем можете похвастаться вы?!

В своем ослеплении она не понимала, что в человеке все должно быть гармонично, и постепенно превращалась в законченную религиозную феминистку. Как бы печально это ни звучало.

Остановить ее было некому.

Отца устраивало то, что дочь - отличный финансист. Непостижимым путем Лидия видела, на чем можно сделать деньги, и делала их. Матери было безразлично все вокруг. Королева давно уже стала тенью своего супруга и даже жила по привычке.

Братья же... Они страдали типично братским недостатком - любовью к сестре. И готовы были оторвать голову любому, кто ее не оценит. А заодно и тому, кто оценит. Потому как принцесса по определению выше всех дворян. А из принцев Рик был единственным

незанятым. И то...

Ревность, увы. Принцы терпеть не могли предполагаемого жениха сестренки. А Рик считал их откровенно неинтересными. Так что контакт не налаживался.

Саму Лидию Рик считал откровенно узколобой, и плевать ему было на все ее достижения. Какое это может иметь значение, если она страшная и не слушает его с должным почтением? И более того – считает себя умнее. Вот уж непростительный грех. Рик даже не верил, что кто-то мог польститься на эти мощи. Неужели найдется такой дурак?

Так что Рик считал минуты до отъезда.

Джес – тоже.

Аделаида Вельс, надо сказать, радовалась жизни, периодически отписывая шуту о действиях Рика. Принц явно не собирался жениться, так что Анелия была вне конкуренции. Беспокоило ее другое. Когда они отправятся на родину... Но Альтрес Лорт успокоил ее. Мол, не волнуйтесь, леди. Вы поедете в Уэльстер. Так что переживать не о чем. Мы о вас позаботимся.

На самом же деле шлюха не нужна была ему нигде. Ни в Ативерне, ни в Уэльстере. А с другой стороны, не бывает отбросов, бывают кадры. Можно выдать ее замуж за какого-нибудь шевалье или старика и использовать по назначению. И Альтрес уже даже приглядел одну кандидатуру. Вот как приедет, так и займемся.

А пока Аделаида, вместе с остальными фрейлинами старалась пребывать в обществе Лидии. И тихо ужасалась.

Это – не женщина. Это цифра в юбке. Причем юбка потрепанная, а цифра – фанатичная и безмозглая. Подсчет монет не заменит ни человеческого тепла, ни понимания, ни заботы... Впрочем, Рик это тоже видел. Аделаида, несмотря на шлюховатость, была неглупа. Тем самым житейским практичным и приземленным умом, который дарует не крылья, а ножки и присоски. А уж всползти куда-либо, пользуясь ими, – дело житейское.

И этим умом она видела, что Лидия, если вытряхнуть из нее всю шелуху религиозного фанатизма, скупости да и многого другого, будет неплохой женой. Только вот увы.

Никому и никогда не удавалось переделать человека старше трехлетнего возраста. Ребенка воспитывают, пока он лежит поперек лавки. А потом, когда он растет, это закрепляется.

Именно поэтому так глупы вопли «я его перевоспитаю». Ага, шесть раз.

Нельзя перевоспитать человека. Он может измениться сам. И то – внешне. Но стержень внутри останется тот же. И в экстремальных ситуациях вылезет наружу. Да так, что только держись...

Аделаида не верила в перевоспитание Лидии. И подозревала, что Гардвейг будет только рад сложившейся ситуации. А значит, будет доволен и его шут. Но на всякий случай... Надо бы посмотреть.

Принцесса – существо востребованное. Неужели не нашлось ни одного охотника? Вот если добыть компромат, и Альтрес оценит, и вообще – лучше приходить не с пустыми руками.

И Аделаида задумалась.

Любовник? Это не бесплотный дух. Это живой человек, который оставляет следы, на которого нужно время. И Аделаида принялась наблюдать.

Первые дни ее откровенно разочаровали.

Лидия ходила в свои покои, в библиотеку, к королю и казначею, в храм молиться и

исповедаться.

Что касается своих покоев – согласно старому обычаю, покои королевской семьи представляли собой анфиладу комнат. В чем-то и правильно. Если спастись – есть возможность добраться до наследника и уйти через потайной ход всем вместе. Это плюс.

В минус идет то, что любовника не примешь. В любой момент могут войти отец, мать, братья, слуги... Слишком ненадежно. Аделаида, не будучи душой, в очередной визит оглядела покои Лидии и поняла, что нет. Не примешь. Засовы слишком ненадежные, на них чихнуть – и отлетят. Да и сами покои, случись что – любовника и спрятать некуда. Словно не девушка живет, а пастор. Из бедных. Такой неприкрытый аскетизм, балдахина над кроватью и то нет, а шторы такие, что моль их жрать побрезгует. Заберись в покои Лидии вор – заплакал бы и подал на бедность.

Аделаида, конечно, утрировала, но главного это не отменяло. Днем в покоях толкуются слуги, ночью – королевская семья. Нет, она бы не стала так рисковать. А Лидия не глупее. Просто у нее ум не туда ушел.

Библиотека тоже отпала. Во-первых, библиотекарь был лет пятидесяти и похож на высохшую грушу. Во-вторых, она непосредственно примыкала к кабинету Бернарда, и тот часто заходил за манускриптами или требовал что-либо от библиотекаря. Да и кто-нибудь из принцев частенько там гостил. Нет, с точки зрения Аделаиды это тоже не подходило.

Про короля и казначея молчим.

Остается только одно – храм.

Аделаида подумала и принялась усердно сопровождать Лидию, бормоча про свои грехи и их отпущение. А заодно стреляла глазами по сторонам. И усердие ее было вознаграждено. Хотя и не сразу.

Аделаида была неглупа. И замечала то, что другие старались скрыть. В частности, она заметила, что пастор в храме достаточно молод и симпатичен. Каштановые волосы, синие глубокие глаза, ухоженная борода, ему была к лицу даже зеленая ряса.

А еще Аделаида заметила, что голос Лидии подозрительно подрагивает, когда она смотрит на симпатичного священника. И исповедуется она подозрительно часто, чуть ли не каждые два дня. И все одному и тому же. А исповедальню выбирает крайнюю.

Аделаида не поленилась навестить ее самостоятельно и обнаружила, что решетка между двумя комнатками чисто символическая. И ее даже можно сдвинуть в сторону. Только надо иметь ключ. Но чтобы его не было у пастора? Это вы кому другому расскажите.

То есть раз в два дня принцесса имеет возможность на час-полтора уединиться с пастором Реймером. Аделаида потеряла руки и принялась думать.

Чего она хочет добиться?

Застукать принцессу с поличным? Ну и что дальше?

Награды тут не получишь, скорее огребешь. Бернард рад не будет. Ричард, конечно, предложу уехать обрадуется, только вот вряд ли это смягчит участь Аделаиды. Поэтому женщина встретила с агентом Альтреса Лорта при дворе и передала полученные сведения. А вот как ими распорядиться... Это уже не ее забота. Она свое дело сделала. Теперь расхлебывайте.

Агент был весьма доволен.

Он тут же отписал начальству и принялся ждать инструкций.

По результатам вирманского посольства на Лилию посыпались плюшки и пряники.

Доволен был король, который заключил с Вирмой выгодный договор. Производство соли

наладят и там, и тут. Стекло не отдадут, но зато будет договор о сотрудничестве. Вирмане начнут себя свободно чувствовать в Ативерне. Их ждет работа – сопровождать купеческие корабли. И топить пиратов с Лориса.

Взамен Эдоард будет поставлять продовольствие, закупать шерсть да и вообще все, что вирмане решат продать. А продать они могут многое. Им дадут большую скидку на верфях да и многое другое. И вирмане отдельно оговорили, что несколько их детей будут учиться лекарскому делу у графини Иртон. То есть, простите, у Тахира дин Дашшара.

Вообще, вирмане скромно намекнули, что, если бы не графиня Иртон, фиг бы кто их сюда затащил. Эдоард проникся, и по итогам переговоров Лиля получила разрешение на открытие клиники.

Король даже пообещал финансирование. Небольшое. Из тех процентов, которые казна получит от торгового дома Мариэль.

Лилиан тоже прониклась благодарностью к короне. Потому как к ней явилась выяснять отношения делегация докторусов. После короля они решили подействовать на нервы графине Иртон. Вдруг баба мягче окажется? Удастся на нее надавить, смутить, запугать?

Да, им весьма не понравилось то, что делала Лиля. А уж как им не понравилось, что по столице понесли вести...

Докторус Крейби – шарлатан. И учат в гильдии одних шарлатанов. И отравителей.

Графиня Лилиан Иртон пригласила гениального лекаря из Ханганата. И он будет обучать для нее лекарей. И ее саму тоже. А когда они обучатся.... Он и сейчас помогает больше, чем разные дураки из родной гильдии.

Маркизу Ивельен спасли, помогли разродиться близнецами. Хотя повитуха потеряла надежду. А докторусы там вообще ничем не помогли. Сидели, ждали... Интересно чего? Альдоная?

Графиня Марвел начала появляться в свете намного чаще. И вообще, если кто-то хочет проконсультироваться с Тахиром дин Дашшаром, он не особенно против. Да и графиня тоже. Разумеется, гильдии это не понравилось. И семь длиннородых докторусов в форменных голубых туниках возникли на пороге дома Алисии Иртон.

Пришлось принять.

Наезд был построен по всем правилам. Сначала поклоны. Потом легонькое возмущение, мол, Тахир не является членом гильдии и его практика не особенно законна. А если на него пожаловаться короне, то и вообще... Его величество не будет попираť свои законы. Гильдия докторусов почетна, и подобные слухи роняют ее репутацию.

Все сводилось к чрезвычайно вежливому ультиматуму.

Либо Тахир вступает в гильдию и отсюда все вытекающие. Либо... начинаются проблемы. Уж насколько гильдия сможет их доставить. А она сможет. Болеют все. От золотарей до альдонов. А во время болезни люди склонны прислушиваться к словам докторуса вдвое сильнее.

Лиля подумала.

Пошла к королю.

И через неделю держала в своих руках патент на основание гильдии врачей.

Тут это, конечно, патентом не называлось. Просто королевская грамота.

Главой гильдии был назначен Тахир Джиаман дин Дашшар. Ровно через пять минут после этого полноправными членами были приняты Лилиан Иртон и Джейми Мейтл, который уже получил титул барона Донтера и теперь зарабатывал себе на реконструкцию поместья. Работоторговлей он заниматься не хотел, поэтому копил золото. А рядом с Лилиан Иртон это было несложно. Его, как ученика Тахира, приглашали часто и много. Он принимал далеко не все приглашения, обычно советуясь с Алисией или

Лилиан, и тоже пользовался популярностью, внезапно обнаружив, что много знает. И может определить ту или иную болячку. И вылечить.

В этом и состояла разница между гильдией докторусов и новосозданной гильдией врачей.

Для первой целью было лечить. Не бесплатно.

Для второй – вылечить. Чем скорее, тем лучше. Тоже не бесплатно. Но качественно, и один раз. А не каждый раз.

И теперь задачей Лили стало набрать учениц и учеников. Азы им преподадут и вирманки. По свиткам, которые написала сама Лилия. Простите, сколько в институтах преподавателей, которые свой предмет читают по бумажке? Да прорва! Но кто хочет знаний, будет знать! А вот потом, по результатам... Раньше, чем через год-полтора, так и так не управимся с основами, а когда управимся, будем работать в клинике. На практике – оно надежнее.

Да, получатся сначала фельдшера, а не терапевты или педиатры. Ну так это дело поправимое. Все равно замахиваться на все и сразу – это означает не получить ничего.

А хороший фельдшер... уж простите, было время, когда в селах никого, кроме фельдшеров, и не было. И людей спасали, и резали, и шили, и роды принимали... Даже хорошая медсестра лучше «специалиста», который будет лезть в рану грязными руками или кинжал в кровать роженице класть.

Однозначно.

Докторусы были бешено недовольны, но, когда это дело одобрил еще и альдон, замолчали. Против Церкви не попрешь. Попытаться можно. А вот выгрести будет сложно. Она такая, шуток не понимает.

Лилия крутилась с утра до вечера. И так же каторжно работали все, кто был рядом с ней.

Разговор с пастором Воплером лишь едва царапнул сознание.

– Дитя мое, неужели надо было быть такой жестокой?

– О чем вы, пастор?

– О том, как вы разобрались с этим несчастным эввиром. Хотя они и язычники – нужна ли такая жестокость?

Лилия покачала головой.

– Пастор, не обвиняйте меня. Он воровал. Не у меня, у короны. Что ему положено за это?

– За воровство у короны – смертная казнь с конфискацией имущества.

– Именно. А делал он это просто потому, что я – женщина. Я по рождению дура, которую умный эввир решил обвести вокруг пальца. И что? Он это от бедности сделал? От горя? У него дети плакали? Родители побирались?

– Нет?

– Нет, пастор. Он просто решил сделать на мне свой маленький бизнес. Поэтому мне пришлось... играть. Иначе и не скажешь.

– Это жестокая игра.

– А кто бы спорил? Мне пришлось говорить с королем, мне пришлось выяснять отношения с эввирами, мне пришлось присутствовать, когда ему рубили пальцы и выжигали клеймо, меня едва не стошнило! Я три дня есть не могла, как вспомню. Думаете, из-за любви к деньгам?

Пастор пожал плечами.

- Ошибаетесь. Моя бы воля – я бы никогда так не поступила. Но он был своего рода пробой пера. Если бы я закрыла глаза сейчас, потом мое дело разворовали бы на корню. Вот подумайте, пастор, Ативерна стает богаче благодаря стеклу и кружеву, станет легче морякам, появятся новые рабочие места, я уж молчу про пользу для веры, про лечение больных... Я не хочу отвлекаться от этого, чтобы раздать пинков каждому вору! Мне проще все оборвать в зародыше!

- Это гордыня, Лилиан...

- Я знаю. И отвечу за свои грехи. Но у меня не было другого выхода.

- Не было или вы его не увидели?

- Скорее второе.

- Или не захотели увидеть?

- И это тоже вероятно.

- Возможно, был и иной путь? Без такой жестокости.

Лиля покачала головой.

- Пастор, мне это не доставило удовольствия. Но, если понадобится, я каждому вору ноги оторву. Пока не поймут, что у меня воровать нельзя. И никак иначе. Жестоко? Мерзко? Гордыня? Тысячу раз – да!

Только вот и выбора у меня нет...

Пастор только головой покачал. Кенет не был дураком. И видел, что Лиля устала, что она держится из последних сил, что боится и за себя и за Миранду, что...

Да много всего.

- Альдонай простит вам. Он простит все. Он любит нас, что бы мы ни сделали. А вы себе простите этот грех?

Лиля решительно помотала головой.

- Это не прощается. Я знаю.

- И все же...

- Я была с ним милосердна. Он жив. И деньги у него изъяли только ворованные. А то, что мне плохо, переживу. Всегда переживала.

Пастор вздохнул.

- Пусть Альдонай ведет тебя по жизни, Лилиан.

Лиля тоже сотворила знак Альдоная.

- Пусть над нами сияет солнце истины.

Истина, да...

Чего только стоил разговор с эввирами. Лиля довольно жестко объяснила, что это была первая и последняя проверка. Если еще раз кто-то посмеет, весело будет всей общине. Не просто весело, нет.

Им придется в срочном порядке налаживать бизнес по торговле макаронами на Вирме... Ой!

Вот про макароны Лиля откровенно забыла. И про кучу других кулинарных рецептов. Надо сразу сказать племяннику Хельке, чтобы предусмотрел место под ресторан. И радоваться, что чиновники и прочие кровопийцы остались в двадцать первом веке, в

другом мире. Потому как польза от них есть. Но взяточничества... Молчим о грустном.

Эввиры прониклись. Особенно Хельке, которому Лилиан популярно разъяснила, что после второй такой подставы без ее ведома с ним будет беседовать не добрый Эрик, а злой король.

Авторитет у Эдоарда был. Больше проверок не проводилось.

О муже она и не вспоминала. И не вспомнила бы, если бы не Александр.

Фалион действительно сдружился с ней. Приезжал, дарил подарки, разговаривал. После того нервного срыва он ощущал себя... словно пелена с глаз упала. Да, сильная, умная, красивая... но женщина ведь!

А этого как раз никто и не замечает. Видят, как у боевого корабля, количество пушек. И никто не замечает цвета парусов. Никто не осознает его красоты. И – хрупкости.

Да он и сам раньше ничего не видел.

Да, женщина. Знания, сила, ум, привычка повелевать. Такие женщины оставляют след в истории. И в то же время они несчастны. Потому что эти железные девы. Холодные, целеустремленные, выжегшие в себе все ради того, чтобы сделать карьеру.

Воины, придворные, они – были. И история хранила упоминание о них. Сначала Фалион думал, что и Лилиан такая же. А потом...

Она обожала своего коня. Нежно любила падчерицу. Не родную дочь, нет! Хотя некоторые, вот как его мать, и родных-то детей не любят. Но ради падчерицы Лиля готова была сделать все возможное и невозможное. И Александр это видел.

Лилиан Иртон неплохо изображала эмоции. Но тут, когда она улыбалась и раскрывала руки навстречу Миранде, ее глаза сияли таким теплом и светом... Это шло из души. Определенно.

Да и своих людей...

Лилиан тепло относилась ко всем своим людям. Это не разыграешь. И ее любили в ответ.

Единственный, о ком они не говорили, был Джерисон, граф Иртон.

Александр дружил с ним и даже симпатизировал этому человеку. И сейчас понимал, что добром такие вещи не кончаются.

Лилиан не желала зла, он видел это вполне отчетливо. Но и добра такое принести не могло. А он...

Александр даже зубами скрипнул.

Он знал Джерисона.

Первая растерянность перейдет у мужчины в агрессию. А потом... Потом результат будет непредсказуем.

Сегодня Александр собирался сделать крохотный шаг. Поговорить с Лилиан. Зачем? Казалось бы, что ему до этого?

Но... Лилиан знала о его проблеме. Она не выдала его ни словом, ни жестом, она сочувствовала ему – это было видно. Она понимала. Сняла с его плеч тяжкий груз. И ему хотелось отплатить добром за добро.

Графиню он застал о чем-то беседующей с Ганцем. Оба явно были заняты, чертили на листе бумаги кружки и стрелочки.

– Лилиан...

Женщина повернулась.

Вспыхнули зеленые глаза, просияла улыбка... красавица. Иначе и не скажешь. Когда вот так прорывается наружу внутренний свет души, становится не важно, какой формы нос или уши. Она просто светится. И это выглядит почти чудом.

– Александр, добрый день. Рада вас видеть.

И это не светские любезности. Она действительно рада.

– Я хотел пригласить вас на верховую прогулку. Вы сегодня еще не выезжали?

– Мне надо бы съездить в Тараль. Вы составите мне компанию?

Фалион кивнул. А поговорить можно и по дороге.

Лиля была неглупа. И взгляды, которые бросал на нее Фалион, заставляли женщину нервничать.

Лишь бы не влюбился. Вот уж что будет некстати... Терять друга ради сомнительных радостей секса... А почему сомнительных?

Да не до того!

Выспаться бы! Отдохнуть, расслабиться, а этого и не дают. Сплошные стрессы.

Сколько людей жалуются на фригидность или импотенцию, а чего удивительного? Нервы не выдернешь, а ими многое управляется в нашем организме.

Но что теперь делать? Перевести стрелки? Или...

Лиля выбрала второе. И пошла навстречу опасности.

– Александр, вы хотели со мной поговорить о чем-то?

– Да, Лилиан. Прошу понять меня правильно... Мне придется говорить о достаточно личных вещах...

– Я обещаю внимательно выслушать, – откликнулась Лиля, удерживая на лице маску спокойствия.

Фалион вздохнул. И как в воду бросился.

– Лилиан, вы стали невероятно популярны. Вы красивы, умны, на вас мечтают походить все женщины, вы вхожи к королю, вы сейчас на вершине. А что будет потом?

Лиля пожала плечами.

– Не знаю. У меня нет выбора. Я просто живу.

– Вы мечтаете всю жизнь прожить вот так? В делах, без мужа, без детей...

Женщина опустила глаза. Фалион ударил в самое болезненное место.

– Нет. Я хочу любить и быть любимой, хочу семью, детей. Только это не от меня зависит.

– Правильно. От вас и от Джерисона. Лилиан, поймите меня правильно. Вы стали мне дороги, Джерисон мой друг... Если бы я видел, что вам не нужно ничего, кроме власти, я бы и слова не сказал. Но вы ведь не такая. Вы теплая, домашняя, просто вам пришлось стать такой, как сейчас. Но если бы это было возможно, вы бы...

Лиля покачала головой:

– Я бы с радостью жила спокойной жизнью. Если бы меня не пытались убить. Если бы не... Да вы и так все знаете. Стоит ли пересказывать?

- Не стоит. Я помню. А вы помните, что вы – графиня Иртон?

- И рада бы забыть.

- Супруга Джеса.

- И что?

- Сейчас он далеко. И что делаете вы?

- Спасая свою шкуру и шкуру его дочери! – огрызнулась Лиля.

Но серые глаза смотрели так, что она невольно успокоилась. Было в Фалионе что-то такое... сдерживающее самые яростные порывы. Не смирение священника, нет. Внутренний стержень. Твердость, которая заставляет спастись перед собой.

И Лиля отступила. Опустила глаза первой.

- Правильно. Ни у кого не повернется язык осудить вас. Вы спасаете себя. Но в то же время... Лиля вы осознаете, что мужчины – существа достаточно гордые?

- Да, мне говорили.

- Вы не оставляете от гордости Джерисона камня на камне. Вот скажите – он скоро возвращается. Как вы себе представляете вашу встречу?

Лиля порадовалась, что сидит. Стояла бы – упала бы.

Как?

Не знаю!!!

- Возможно... разговор?

- А возможен ли между вами будет этот разговор?

Лиля сверкнула глазами. Но куда там.

- Если бы я не считал себя вашим другом, я никогда бы вам этого не сказал.

Лиля выдохнула. Положила руку в тонкой кружевной перчатке на руку Александра.

- Простите. Я знаю, вы мой друг.

- И мне хочется оставаться им и дальше.

И где-то там, в глубине души, скрытое даже от себя... Они смогут видаться и общаться, если Лилиан останется в столице. А для этого ей надо договориться с мужем. Потом, возможно, у них будет отдельная жизнь. Но при первой встрече... Александр знал себя.

Да плюнул бы он на все наставления и уговоры. Дальше Вирмы не сошлют! И такого бы наворотил с раздражения, непонимания и злости... Нет, Лилиан обязательно надо предупредить.

Лиля размышляла. А ведь и правда. Супруг воспринимался как некое абстрактное нечто вдалеке. А что с ним делать, когда он будет рядом?

Если он будет врагом – лучше отравить сразу. Но ведь и Мири ее терпеть не могла, а сейчас с рук ест. Да и... это по-женски. Пусть глупо. Но Лиля думала, что лучшей мстостью за несчастную толстушку, которую не любили, а просто пользовали, будет повторение ситуации, только наоборот. Когда не любят уже супруга.

- Алекс... Я правда не знаю.

- А я знаю. Лиля, вы мне рассказывали о себе.

Было такое. Хотя и отредактированную версию. Не про попаданство, а про то, что очнулась от наркоты и поняла, что дальше так жить невозможно. А задатки были отцом

заложены в детстве. И плевать, что мы с ним виделись по часу в месяц! Я сказала – генетика!

– И?

– Ваш супруг общался с вами, с нормальной? Уж простите...

– Да нет, все в порядке.

– Не под зельем, не с...

– Нет. Ни разу.

– Почему бы вам не написать ему? Откровенно?

– А вы думаете, что я не писала?

Лилие было интересно. Но Фалион покачал головой.

– Уверен. Скорее всего, он писал вам, как будто вы до сих пор одурманены, вы обиделись.

Ну, если дурман заменить на старую личность, – мужик как в воду глядел. Лилия вздохнула.

– Полагаете?

– Уверен.

– И вы правы. Я напишу. Обещаю. Сегодня же.

– Сделайте это, Лилиан. Разве вам так необходимы семейные ссоры? Вы ведь хотите дом, детей. Любящего мужа.

– Откуда вы только знаете?

– Ну, мужа я никогда не хотел, – коварно усмехнулся Фалион. – А вот все остальное...

Лилия расхохоталась. Разговор перешел на что-то легкое и непринужденное. Но слова Фалиона гвоздем засели в уме Лили.

С одной стороны, она была права.

С другой же...

Жить-то ей с Джерисоном. Королью ее брак выгоден. Она нужна короне как графиня Иртон, а не просто как Лилиан-искусница. И развестись она сможет только с большими потерями.

Вот сколько людей видят Лилию, а сколько – графиню Иртон?

Если она не начнет налаживать отношения с супругом, лучше не будет.

Нет, она имеет полное право обижаться. И за несчастную толстушку, и за себя. И супруг получит все причитающиеся пинки и подзатыльники.

А в то же время... Вот рассмотрим ситуацию. Джес приезжает, разгорается суперскандал с битьем тарелок... А он разгорится. Ни один нормальный мужик не стерпит такого положения пришей-пристебав при супруге. С большой долей вероятности ей попытаются оторвать голову. А дальше что?

Ее защитят, супруга спровадят куда-нибудь в глушь, и нормальной жизни ей не видать. Ни семьи – даже если любовник и появится, всю жизнь прятаться? Ни детей. Ничего.

Это – не жизнь. Это медленное погребение в делах, которые у нее только и останутся.

Вариант второй.

Даже договориться о раздельном проживании надо мирно. То есть сглаживать давление

в котле уже сейчас. У нее крепкие тылы, у нее свои люди, она уже не беззащитна. Поэтому можно позволить себе... иллюзию. Показать себя чуть слабее, чтобы потом ударить. Если понадобится.

Если Джес не дурак, они договорятся. Но только если он будет соображать мозгами, а не...

А вот если дурак – плюнуть на все и бить из главного калибра. Тогда уже все равно терять нечего.

Интересно, почему Фалион заговорил с ней об этом?

Хотя ладно. Об этом я подумаю потом. А сейчас Джерисон Иртон.

Я справлялась с убийцами и работоторговцами, неужели я не справлюсь со средневековым графом? Да если я пожелаю, ты у меня с руки есть станешь!

И ночью, когда Мири уже сопела в две дырочки, она села за письмо.

«Возлюбленный мой господин и супруг...»

Ага, щаз!

Черновик был жирно перечеркнут.

«Господин граф...»

Я, твоя смиренная раба, так, что ли?

Пфе!

Джерисон...

Так, пожалуй, лучше.

И побежали строчки...

«Джерисон, граф Иртон, мои приветствия.

Надеюсь, что у вас все в порядке, насколько это может быть.

Также надеюсь, что вы не выкинете это письмо сразу же по прочтении. А хотя бы постараетесь его обдумать.

Полагаю, последние несколько месяцев дались вам очень нелегко.

Мне тоже.

Меня пытались ограбить, убить, соблазнить. Не могу сказать, что хотя бы одна попытка удалась, или мне это понравилось. Но они были...

Равным образом пытались похитить и убить Миранду.

Да, попытки не увенчались успехом, но они продолжаются до сих пор.

Зачем я это пишу?

Чтобы объяснить, почему уехала из Иртона, почему начала поступать так, как поступаю. Очень хотелось жить. Полагаю, на моем месте любой начал бы защищаться. Или вы станете покорно ждать смерти? Сомневаюсь.

Не стоит также удивляться тем слухам, что до вас доходят. Просто вспомните, кто мой отец, и подумайте, что я могла унаследовать от него. Да и моя мать не отличалась кротостью нрава и покорностью. Но об этом – при личной встрече.

А недавно...

Должна признаться, я не думала о вас. Сейчас вы можете обижаться на меня и выкинуть письмо, но я все же продолжу.

Всю нашу семейную жизнь я провела в дурмане. Перед свадьбой – в любовном. Но если вы расспросите знакомых женщин (полагаю, вы найдете, кого), они вам скажут, что перед свадьбой девушки просто сходят с ума. А потом...

Потом меня травили, сбрасывали с лестницы, ставили на край могилы, а про все остальное я уже писала.

Уверена, что вам было сложно. Но как можно не заметить, что жену травят? Как можно было до такой степени распустить управляющего? Вам не хотелось и вы не видели?

Понять это можно. А оправдать?

Это ведь так просто. Некрасивая и нелюбимая жена идет приложением к верфям и ее отцу. Сплавить ее с глаз долой – и выкинуть из мыслей. Выживет – спасибо, помрет – большое спасибо. Лишь бы ребенка родила, и лучше мальчика. Так ведь?

Мне было очень больно, когда я это поняла.

Не знаю, каково сейчас вам...

А что в результате?

На земле Ативерны вас встретит незнакомая женщина, на который вы женаты. А ко мне приедет мужчина, которого не знаю я.

И нам придется как-то пробовать жить вместе. Говорю честно – я не стала бы поднимать дохлую лошадь. Но я всей душой полюбила Миранду. И ради нее готова на многое.

В том числе и искать общий язык с человеком, который – я уверена в этом – был бы доволен, если бы я умерла...

Я пока плохо себе представляю, как мы найдем общий язык. Вы наверняка злитесь. Я также имею все основания злиться. Но тем не менее...

Как вы представляете себе нашу семью? Нашу жизнь?

Давайте попробуем найти общий язык хотя бы сейчас, потеряв ребенка.

Я постараюсь, но семья – это дорога в обе стороны.

Вот так. Не Брокленд, не Иртон, не графья и бароны. Разговор ведут мужчина и женщина.

Подпись, свернуть, капнуть воском, приложить печать, потом еще одну.

Если ты, дражайший супруг, не дурак – ты быстро поймешь, что я протягиваю трубку мира. Если же дурак, ну и жалеть тебя незачем.

Графьев много, а я у себя одна.

А Фалиону надо будет выразить благодарность в приказе. Или что-нибудь подарить. Хороший он мужик. Правильный.

Лиля уснула сразу, как только коснулась подушки. И во сне ей виделись серые глаза Александра. Серьезные и очень печальные.

Он делал то, что должен. Но ему было от этого очень грустно.

Шпион его величества Гардвейга при дворе Ивернеи оценил сведения Аделаиды по достоинству.

Пусть Лидия только и делала, что шипела на Рика. Но мало ли? Компромат – он всегда

нужен. А потому остро стоял вопрос подслушать беседу пастора и Лидии. А лучше еще и подсмотреть.

Но как? Исповедальни хотя и находились практически рядом друг с другом, но ведь заметят.

А вот если...

Зеленые рясы дефицитом не были.

Лидия скользнула в исповедальню. И в соседнюю вскорости проник послушник в рясе, с ведром и тряпкой. Самый незаметный персонаж. А то, что у него ушки были на макушке, разве это важно? Уборка – это святое!

И его старания не остались без награды.

Хотя и не такой, как он надеялся.

Не было ни поцелуев, ни признаний в любви. Хотя иногда она и прорывалась в дрожащем голосе Лидии, в прикосновениях руки мальчишки.

Девушка определенно была влюблена.

Платонически.

Мальчишка же...

Слишком симпатичен и слишком расчетлив, чтобы влюбиться. Тем более в такую страшилку. А вот альдоном ему быть хочется. И как лучше этого добиться?

Если есть деньги, ты станешь кем угодно. Даже королем. Бывали прецеденты. Поэтому «друзья» всюду обсуждали торговлю, какие-то вложения, что-то еще.

Со стороны Лидии все было абсолютно невинно. Но чтобы опытный шпион поверил в невинность священника?

Одним словом, за пастором уже через два дня был установлен плотный хвост. Очень плотный и очень серьезный. Его пасли как овцу, и днем и ночью. Влезли в покои. В церковь. Обыскали все. И уже через десятину шпион довольно потирал руки.

Аделаида оказалась весьма полезна. Может, ее и не убивать? Да, она неправильно поняла мотивы этой парочки. А вот остальное...

Пастор оказался весьма честолюбив. И готовил заговор.

Как проще всего избавиться от королевской семьи? Примитивно. Собираем полный комплект в храме на богослужение, с частью придворных, и далее на выбор. Можно поджечь храм, можно отравить святую воду, можно... кто хочет – придумает. В данном случае планировалось и то и другое. Сначала отравить всех, кого можно. А потом поджечь.

Есть у ханганов такая милая горючая пакость, которую не потушишь. И никаких улик. Сразу – и в дамки.

А травить?

Мальчик собирался кое-что добавить в курильницы. Все надышатся за время службы и уснут. Если часа три вдыхать это снадобье, сон перейдет в смерть.

Когда?

А достаточно скоро. Примерно дней через десять – двадцать, как Рик уедет. И все будет как в сказке.

Зверское убийство королевской семьи в храме, кто виноват?

Альдон, гад такой!

А кто спас принцессу, единственную выжившую?

Пастор такой-то... Разумеется, ему надо стать альдоном. И они будут править вместе с Лидией. А то, что пока принцесса ни о чем не знает, ну так что же?

Зачем ей знать? Начнет еще возмущаться, ужасаться, родных спасать... Ни к чему. Определенно – ни к чему.

Опытный шпион обшарил апартаменты пастора, не потревожив и блохи в одеяле. И констатировал печальный факт. Для покушения все готово. Уже лежит у мальчишки яд, уже дожидаются наемники.

А вот что больше выгодно Альтресу Лорту? Покушение или его отсутствие? Хотя тут и так ясно. Если есть возможность – покушение на короля надо предотвращать. Не из человеколюбия. А просто потому, что удачный опыт в одной стране вполне можно повторить в другой. Да и Лидия, оставшись одна, может начать искать опору и крепкое мужское плечо. Чего у Рика не отнимешь – так это его обаяния. А если Эдоард не захочет такого кусочка, как Ивернея, зовите его альдоном.

Нет, с этим делом надо разбираться, и побыстрее. Только вот...

Шпион отлично понимал, что все бумаги, даже косвенно указывающие на Лидию, должны исчезнуть. Ни к чему. Но? если все украсть, как бы мальчишка не взволновался раньше времени и не удрал. Не хотелось бы. Но как извернуться?

Удобный случай представился ровно через четыре дня.

Королевский двор решил выехать на богомолье в один из самых красивых храмов страны. Естественно, собрались все. И пастор с ними.

Шпион потерял руки.

А следующей ночью, не иначе как волей Альдоная, из апартаментов пастора пропали все письма и записочки Лидии, а также все улики, указывающие на ее причастность к заговору (да? и такие были, а то вдруг любовь закончится).

Зато (Альдонай может все в милости своей) несколько подметных писем материализовалось во всех учреждениях. В кабинете короля, первого министра, начальника стражи и прочих. Кто-то же должен был отреагировать?

Лидером гонки за заговорщиком оказался канцлер Гай, который временно приболел и не поехал на богомолье. Да, ревматизм штука тяжелая, как прихватит – тут никакие кареты видеть не захочешь. Именно он организовал и направил стражу, именно он нашел яд, он же подготовил доклад для его величества и направил письма. И королю, и его охране с приказом арестовать мерзавца-пастора и допросить.

Впрочем, прочитав письмо, его величество и слова против не сказал. Наоборот. За – и нецензурно.

Лидия упала в обморок и не приходила в себя несколько часов. Альдон схватился за голову – мол, пригрел гадюку на груди. Рик и Джес особо не отреагировали – пастором больше, пастором меньше. Нет, неприятно, но им-то ничего не угрожало, их бы просто спровадили из Ивернеи. На Лидии Рик жениться так и так не собирался, общие границы у них не настолько большие... Одним словом, ативернцы сильно не обеспокоились.

А вот ивернейцы...

Бернард, не будь дурак, использовал это покушение, пусть и несостоявшееся, чтобы слегка завинтить гайки Церкви. Лидия, может быть, и протестовала бы. А может, и помогла. Любовь ее распространялась все-таки на одного конкретного пастора, а не на всю Церковь сразу. Но крушение любви просто придавило девушку к земле.

Лидия ходила сумрачная, не желала ни с кем разговаривать, постоянно срывалась, принималась рыдать. Даже Бернард обеспокоился. Но принцесса умудрилась объяснить свое поведение тонкой душевной организацией. Она верила, а ее вера (в Альдоная, разумеется) была так жестоко обманута...

А может быть, виной всему был один разговор...

– Ваше высочество.

Лидия устало подняла заплаканные глаза на придворного. Этого она не знала. А впрочем, сколько их при дворе? Младших сыновей, шевалье и прочих.

– Что вам угодно, любезнейший?

– Полагаю, мое имя вам ни о чем не скажет.

Лидия вскинула брови.

– А вот это письмо...

Лидия протянула руку, и в следующий миг ее передернуло. Это было одно из писем, которые она писала пастору Реймеру. Давно, еще в самом начале их отношений.

«Надеюсь на ваше понимание и благоразумие...»

«Не сомневаюсь, что у нас общие интересы...»

Сейчас закричать бы, позвать стражу, кликнуть на помощь. Но Лидия была абсолютно беспомощна. Связана по рукам и ногам этим пергаментом.

Письмо было составлено так, что было совершенно непонятно, о чем речь. То есть Лидия-то знала. Она писала о дружбе между ними. Между ней и пастором Реймером. И все получилось. Хотя их симпатия была абсолютно невинна, максимум, что себе позволял Эвери, это взять ее за руку или поцеловать в щечку.

Но... Если неясно, о чем речь, – она могла идти и о заговоре.

Не она первая принцесса, рвущаяся к власти, не она последняя.

А вот что с ней сделает отец, если ему «правильно» это подать? Казнит. В лучшем случае – быстро.

Лидия подняла на незнакомца глаза.

– Что вам от меня нужно? Чего вы хотите?

– Пока ничего. Только того, чего вы и сами желаете. – Мужчина был спокоен. – Вы ведь тоже не хотите замуж за Ричарда Ативернского?

Лидия вскинула брови.

– Нет, не хочу. Но...

– Вот и ладненько. Не хотите и дальше. Я вам обещаю – пока между вами и Ричардом ничего нет, ваших писем также не будет.

– Шантажист, – прошипела Лидия. – Подонок!

– Называйте, как хотите. Но условие вы поняли?

Куда только исчезла внешняя мягкость. Теперь перед Лидией стоял настоящий волчара. Только что слюна с клыков не капала.

Лидия сверкнула глазами, но выбора ей не оставили.

– Поняла. Письмо?

Мужчина с усмешкой вложил в протянутую руку пергамент.

- Наслаждайтесь, ваше высочество. У меня таких еще десяток.

И растворился в толпе.

А Лидия едва не застонала.

Так и попадают на крючок к шантажисту.

Письмо от Лилиан Джеса удивило. И очень сильно. Можно было ждать чего угодно, но такого?

Джес и не ждал. Собственно, он ничего не ждал из того, что на него свалилось. Ни вора-управляющего, ни убийц... а уж таких заявок от жены – тем более.

Первым порывом действительно было порвать письмо и сжечь. Тоже мне, героиня. Сначала его позорят на все королевство, а теперь он же еще и виноват?

Вторым – перечитать.

Третьим – посоветоваться с Риком.

Джес был неглуп. Но... в стандартной ситуации. А тут все было из ряда вон выходящим.

И что самое печальное, не поспоришь.

Виноват?

В каком-то смысле да. Действительно сплавил с глаз долой, действительно не проверял да и о смерти мечтал. Если по справедливости – Лилиан имеет право возмущаться. И почему она раньше этого не делала, тоже понятно. Дурман – штука такая. Сам Джерисон не употреблял, но знал людей, которые под его воздействием с ума сходили.

Чудо, что Лилиан выжила и находится в здравом уме. Хотя в здравом ли?!

«Это ведь так просто. Некрасивая и нелюбимая жена идет приложением к верфям и ее отцу. Сплавить ее с глаз долой и выкинуть из мыслей. Выживет – спасибо, помрет – большое спасибо. Лишь бы ребенка родила, и лучше мальчика. Так ведь?

Мне было очень больно, когда я это поняла».

Да что ты можешь понять, корова розовая?!

Сидела, сладости жрала. К тебе в комнату войти было противно, не то что пальцем притронуться! Свое дело я сделал.

Я взял тебя, купчиху, в жены. Дал свое имя. Ты жила в моем доме.

И я действительно пытался дать тебе ребенка.

Что еще нужно?!

Джес посмотрел на свиток и со злостью запустил им в стену.

Потом подумал, поднял его с пола и отправился к Рикку. Надо же писать что-то в ответ. А в голову пока, кроме сакраментального «пошла ты...», ничего не лезло. Может, кузен что подскажет? Или хотя бы поможет успокоиться?

Рик действительно помог.

Посмотрел на друга и спросил:

- Тебе выпить?

В итоге до письма дошла очередь только утром, после «лекарства» от головной боли. У обоих.

Ричард читал внимательно. А потом посмотрел на друга.

- И сколько в этом правды?

- Да нет ее там! - возмутился Джес. - Я ей дал все! Титул! Положение в обществе! А она даже ребенка до конца недоносила!

Рик покачал головой.

- Прав ли? Не потому ли ты сейчас зол, как шершень?

- В смысле?

- Титул? Она не крестьянка.

- Ее титул ненаследный.

- Но тем не менее она дочь барона. И богатого. А про верфи вообще промолчим. Сам знаешь, что такого корабеля, как Август...

- Знаю.

- То есть титул ей не слишком и нужен. Положение в обществе? В каком же?

- Э-э-э...

- Или у тебя в Иртоне двор завелся?

- Вор у меня там завелся.

- Вот это уже ближе к истине. Ты сам-то почему не замечал, что там происходит?

Джес пожал плечами.

А было ли, что замечать?

Да, он распоряжался подновить конюшни и псарни, когда приезжал туда, но в остальном...

- Я был на охоте с утра до вечера. А ночевал у жены.

- Вот. То есть ты не видел, потому что не смотрел.

Джес вздохнул.

- Не без того.

- Тебе просто не хотелось возиться, разбираться, восстанавливать Иртон-кастл. Зачем? Забросить и забыть. Очень яркая твоя черта. Если сделать вид, что раздражающего фактора нет, его и не будет?

- Умный ты больно...

- А ты сюда потому и пришел. - Рик отлично видел, что Джес злится, но слушает.

- Да уж... Давай добивай.

- А чего тут добивать? Я от тебя про жену только и слышал, что корова, корова, корова... му-у-у-у-у...

Джес рассмеялся, но как-то невесело. Рик тоже фыркнул.

- То-то же. И ребенка она недоносила, потому что на нее покушались. Ее травили, с

лестницы спихивали. Хорошо хоть сама выжила! – Лицо Джеса было таким красноречивым, что Рик только пальцем по голове постучал. – Да ты сам подумай! Если бы это после ее смерти вскрылось! Ты бы век не отмылся!

Джес сморщил нос.

– Нет, тебе, друг мой, повезло. А ты сам этого не понимаешь. Правду ведь она пишет насчет своей смерти? Пра-авду... И что делаешь ты?

– Пока ничего.

– Вот. А должен был благодарить за предоставленные возможности. Жена – умница, пытается наладить с тобой отношения, хотя виноват в основном ты.

– Да, я! – рявкнул Джес. – Не замечал, не понимал, оскорблял, унижал, издевался повсюду! Теперь она реванш возьмет! Надо мной даже столичные лошади ржать будут!

– А это уже от тебя зависит.

– Да неужели?

– Если ты приедешь и начнешь скандалить – безусловно. А вот если вы помиритесь с женой и вместе разработаете какую-то стратегию, пару раз вместе покажетесь, ты всем признаешься, что готов на любые поступки, лишь бы у тебя такое сокровище не увели.

– Нашелся бы герой – я бы ему еще и доплатил.

– И доплатишь, если что. Верфями.

– Тьфу!

Верфи Джесу были нужны. Как ни крути.

У него – торговля предметами роскоши. Которые, между прочим, закупаются в Ханганате, Эльване, Авестере... У Августа корабли. Полезная вещь. Вместе им будет лучше и полезнее. Но Лилиан...

– А Лилиан явно не дура. Ты сам это письмо читал? Внимательно?

Джес помотал головой.

– То есть?

– Слушай, ну включи ты мозги! Сидишь, как статуя Альдоная! Ты вообще пробовал его проанализировать? Женщина явно знает о твоих промахах. Вот скажи мне, что бы сделала... да хоть твоя Аделька в таком случае?

– Начала бы меня шантажировать. До смерти.

– Вот. А тут этого нет. Тут написано, что ей неприятно. И все. А в остальном она готова к диалогу.

Джес только вздохнул.

– А буду ли готов к нему я?

– А есть сомнения?

– Понимаешь, мне от нее физически тошно. Раньше можно было хоть забыть про этот кошмар. А сейчас, когда она как будто все время рядом со мной... когда все про нее пишут такое... Я домой писать и то боюсь.

– Почему?

– Потому что. Сам подумай. У меня вообще ощущение, что мир сошел с ума. Хорошо, я напишу домой. Но что я получу в ответ? Чем это письмо будет отличаться от других?

Ричард хмыкнул.

- Полагаешь, что не услышишь ничего нового?
- Наоборот. Я уже столько нового услышал, что переварить бы!
- А сам ты без меня никому написать не пытался?

Джес вздохнул. Попытался бы. Но...

- А кому? Вот смотри. Управляющего моя супруга извела. Ширви - тоже. Хотя я ему доверял. Скоты. Ну да, не до того. Миранда, мать, сестра, даже дядюшка, то есть его величество, пишут. Да так, что страшно становится. А кому я еще могу написать? Кому-то из друзей? Вот представь себе: дорогой друг, вы не посмотрите - вдруг там моя жена поумнела и похорошела?

- А доверенные люди?

- Слуги, Рик. Слуги. А слуги любят сплетничать. К тому же письмо могут прочесть те, кому это вовсе не обязательно. Я сейчас просто... с ума схожу. И честно говоря, до сих пор подозреваю, что за Лилиан кто-то стоит.

- Ага. В доме твоей матери. Под ее неусыпным оком. Да и король там.

- То есть ты полагаешь...

- Все так и есть. До свадьбы твоя жена была в шоке. Ты не урод, не дурак.

- В этом я сейчас сам сомневаюсь.

- Значит, умнеешь. Короче - судя по придворным дамам, влюбиться в тебя можно. Что она и сделала. А ты?

Джес вздохнул, вспоминая свою брачную ночь. То есть ее огрызки в алкогольном тумане. Если бы не щетина - точно бы покраснел. А так под ней не слишком видно.

- Да уж...

- И, вымещая на девчонке все свое разочарование, отсылаешь ее в Иртон. Где ее и начинают травить. После чего она уж точно непригодна для общения.

- Ты меня уж вовсе скотинойставляешь.

- А кем тебя считает твоя жена? Если подумать и перебрать все, что ты для нее сделал?

Джес только повесил похмельную голову.

- И как мне теперь быть?

- Для начала написать ей, мол, готов к диалогу.

- И можно подобрать какой-нибудь подарок, что ей, что Миранде, Амалии, матери.

- Вот-вот, пройдишь по ювелирам. У этих эввирских пройдох интересные штучки бывают.

- Тоже верно. А в столице разберемся, что мне дальше с женой делать.

- А есть варианты? Только наводить мосты. Бесись ты, не бесись...

- Ну да. Не тебе ж с этой короной жить!

- А ты представь, что мне пришлось бы жениться на Лидии.

- Тьфу. На эти кости ложиться страшно - не ровен час, наколешься.

- Да не кости страшны...

- А ее характер. Знаю.

- Может, если Лилиан и будет такой... Вот что бы ты сказал сам, прочитав письмо? Если отбросить эмоции?

Джес призадумался.

- Не дура. И вообще - я бы сказал, что это написал мужчина. Слушай, может, за ней кто-то все-таки стоит?

Тьфу!

По лавкам мужчины все-таки погуляли. Посмотрели ткани, приценились к мехам и зашли к эввирам.

Пожилой эввир с длинной бородой сначала рассыпался в восхвалениях, а потом выложил на прилавок кучу всего.

- Господа, я вижу, что вы ищете подарки для прекрасных дам. Могу вам предложить серьги.

- Серьги?

Эввир покачал головой с хитрой улыбкой.

- Таких у вашей дамы наверняка нет. Посмотрите - эти серьги сделаны так, чтобы не вывалиться из прелестных ушек.

Несколько видов замочков оказались для Джеса и Рика новинкой. Мужчины разглядывали, пробовали застегнуть, растянуть.

- А удобно, - решил принц. - Надо и мне парочку прикупить на подарки.

- Могу вам предложить слезы моря. Золотые, белые, красные...

- Белые? Красные?

Мужчины переглянулись. Янтарь такого цвета был большой редкостью. А серьги сделаны так... Рука сама тянулась.

- Чья это работа?

- Мастера Хельке Лейтца. Вот клеймо.

- А это?

Рядом с клеймом ювелира было и второе. Крест, имеющий красноватый оттенок.

Ювелир пожал плечами.

- Мастер Хельке не писал мне о нем. Но все его вещи высочайшего качества.

Мужчины решительно отложили по несколько пар сережек каждый.

- А вот это тоже прислал мне мастер Хельке. Но работа уже моя. Не изволите ли взглянуть?

Ювелир раскрыл коробку. И мужчины вскинули брови.

- Это что?

- Набор столовых приборов. Вы же понимаете, господа, что есть все кушанья - например, суп и десерт - одной и той же ложкой просто неприлично. Здесь вы видите шесть больших ложек, шесть маленьких для десерта, вилки и ножи для мяса, вилки для рыбы, лопаточки, чтобы раскладывать все по тарелкам, половники...

Джес только присвистнул.

- Ничего себе.... Это для чего такое?

- Для малых семейных обедов.

- А есть еще и для больших?

- Да, господин. Там по тридцать штук каждого предмета.

Джес задумался. А потом просиял озорными глазами. И как-то сразу стало понятно, за что его любят женщины.

Обаяние у него было сумасшедшее – счетчик зашкалил бы.

- Беру. Большой.

- Зачем? – удивился Рик.

- Лилиан подарю. Она покушать любит.

- А пользоваться вместе будете.

- Не без того. – Глаза у Джеса были невинные, как у младенца.

- Ладно. А я пока возьму маленький. Сколько?

Цена была такая, что даже принц присвистнул. А уж для скуповатой Ивернеи...

- Они у вас что – золотые?

- Можем и золотые, господин. Но вот эти серебряные. Мастер Хельке очень настаивал, говорил – так для здоровья полезнее. А можем на них и герб выгравировать, только прикажите какой.

Цена становилась объяснима. Мужчины вздохнули и принялись устраивать золотопускание своим кошелькам.

Серьги много места не занимали, приборы пока остались в лавке – для гравировки гербов, так что друзья продолжили прогулку. Надолго застряли в оружейной лавке, откуда вынесли по паре метательных ножей, поели пирожков у уличных торговцев и зашли в книжную лавку.

Больше туда тянуло Рика.

Так уж получилось – Эдмон считался наследником, а Рик старался проводить время в библиотеке. На охоте, с друзьями, с женщинами, но чаще в библиотеке. Старый наставник открыл мальчику красоту слова, и Рик навсегда прикипел к загадочным символам на пергаменте, которые то уводили в моря, то возносили в горы.

Так что сейчас...

Джес скучал у двери, пока Ричард перебирал старые свитки, расспрашивал об авторах, гладил кончиками пальцев плотный пергамент. В хозяине он нашел истинного ценителя. Идиллия продолжалась почти час. Они бы и больше проговорили, но на пороге мелькнула зеленая ряса.

Пастор был высок, сухощав, а выражение его лица напоминало о гадюке, которую долго таскали за хвост.

- День добрый, дети Альдоная.

Голос у него тоже был вполне змеиный. Шипяще-свистящий. Пары передних зубов не хватало.

Джес небрежно сотворил символ Альдоная, его примеру последовал Рик. Торговец же опередил их обоих и теперь кланялся.

- Пастор Мейверн, я рад вас видеть.

- Есть ли у тебя учение святого Силиона, сын мой?

Продавец задумался, а потом нырнул под прилавок.

- Для вас, пастор, всегда найдется. Хотя у меня его часто спрашивают. Заказывать переписчикам не успеваю.

- А больше ты им ничего не заказываешь?

- Пастор?

Даже Джес видел, что продавец боится. А уж про пастора и говорить не стоило. Он впился своими змеиными глазами в мужчину.

- Недавно Церковь нашла у одного переписчика запрещенные списки с книги Мальдонаи. И он клянется, что делал их для тебя.

- Пастор!

Вскрик был настолько возмущенным, что сразу стало ясно – если и делал, то другое.

- Я тоже не поверил. Но решил сообщить тебе. У тебя лучшие богословские списки в столице. Поэтому...

- Пастор, я никогда и в руках не держал такую мерзость. Меня обогнали.

- Верю. А теперь – сколько с меня за учение?

- Прошу принять его в подарок как доказательство моей любви к Церкви нашей, единой и единственной.

- Хорошо, дитя света. Но и ты прими эти деньги за книгу.

Пастор выложил на прилавок несколько серебряных монет и удалился вместе с покупкой.

Мужчины переглянулись. Пора бы уйти отсюда. Но продавец огляделся и вдруг вцепился в рукав Рика.

- Господин! Прошу вас...

- Что именно, любезнейший?

Рик был недоволен. Джес шагнул вперед, готовый по первому слову оторвать нахалу голову. Но принц сделал жест, мол, подожди пока.

- Господин, вы тоже любите книги, я ведь вижу. Кем бы вы ни были, помогите мне!

- В чем же?

- Я не заказывал книгу Мальдонаи, но мое имя назвали не просто так.

- То есть?

- Знания, мой господин, самое ценное, что есть в мире. Любые знания. И уничтожать их грех. Вы ведь не ивернеец?

- Почему вы так решили?

- Ваша одежда, ваш вид, да и слова вы произносите не совсем так, как принято у нас.

- Я из Ативерны.

- У вас проще. Там не преследуют за запрещенные книги. А у нас... у нас это делают. Ко мне могут прийти с обыском. Найти что-то, что противоречит... интересам Церкви, и уничтожить.

- Ну и пусть, – лениво отмахнулся Джес.

– Мой господин! Знания уничтожать нельзя! К-какие бы они ни б-были! Хорошие ли, плохие... Это страшный грех перед Альдонаем! Он даровал нам их, а мы бросаем дар ему в лицо. – Мужчина даже заикаться начал.

И Рик успокаивающе поднял руку.

– Я понимаю. У вас есть что-то такое...

– Да. Вы могли бы увезти это в Ативерну, господин?

Рик на минуту задумался. А потом махнул рукой.

– Давайте. Я куплю у вас все эти свитки, книги, что там есть?

– Свитки, господин.

– Сколько вы за них хотите?

Книготорговец назвал цену. Весьма скромную. Рик отсчитал ему остаток монет, еще и у Джеса занял. И с поклоном получил кучу свитков.

– Возьмите, господин.

Свитков было много. Тащить пришлось вдвоем.

– Вот, не взяли охрану, – ворчал Джес.

Рик отмахнулся.

– Подозреваю, что и сейчас за нами приглядывают. Но хотя бы тайно.

– Так было бы кому это вручить.

– Не ворчи. Донесем, не развалимся. Интересно, что он нам подсунул?

– Ересь какую-нибудь.

Ереси там не оказалось. Оказались трактаты о движении небесных сфер, о теле человеческом, рассуждения о богословских книгах.

А спустя три дня, проезжая мимо той лавки, Рик обнаружил, что она закрыта. И понадеялся только, что мужчину отпустят – ничего запрещенного у него ведь не осталось.

Свитки он заберет с собой из этой Ивернеи. Должно же быть что-то хорошее от поездки?

Время шло...

«Лилиан, графиня Иртон, мои приветствия.

Надеюсь, что у вас все в порядке, насколько это может быть. У нас же все в порядке.

Не знаю, как дались эти месяцы вам, хотя предполагаю, что убийцы, грабители и соблазнитель – неподходящая компания для графини. Но раз уж вы мне пишете, полагаю, что угрозы устранены?

И это не может не радовать.

Если бы я знал, я бы не отправил в Иртон Миранду. Радует одно – вы обе выжили.

Равным образом, полагаю, вы поняли – я бы не стал намеренно травить или убивать вас. Да, с моей стороны было небрежение, но не умысел. А за небрежение, полагаю, я достаточно наказан. Этой зимой мне пришлось несладко. На меня ополчились все, кого я люблю и уважаю. Ваш отец, мой дядя...

Кстати, мое послание дойдет до вас тайно. И прошу не разглашать его содержимое даже Миранде. Ей я напишу отдельно.

И вы абсолютно правы. Судя по этому письму, раньше я вас не знал.

Так чего же вы хотите, Лилиан Иртон? Оставаться графиней Иртон или требовать развода? Судя по тому, что я узнал, у вас есть возможность сделать и то, и другое. Я действительно злюсь. На вас? На себя? Не знаю.

И мне не хочется быть всеобщим посмешищем.

А вот как я представляю себе нашу семью?

Полагаю, в глуши вы сидеть не захотите. Поэтому пока предлагаю перемирие. Я не стану требовать, чтобы вы удалились в родовой замок, а вы постараетесь не опозорить мое имя. Оно ведь и ваше имя тоже.

Что ж. Пока у нас только одна общая любовь. К Миранде. Я тоже готов на многое ради своей дочери. Но полагаю, вы понимаете, что одной дочери мало?

Семья – это действительно дорога в две стороны. Думаю, что многое мы обговорим при встрече. Пока же это только воздух. Только ветер...

Лиля разрывалась между магазином, Таралем, его величеством, который повадился пару раз в неделю вызывать ее ко двору, и его казначеем, который неожиданно заинтересовался графиней.

Об итальянской бухгалтерии Лиля помнила немного. Но и того хватило, чтобы казначей проникся к ней симпатией. И принялся давать ценные советы, как вести дело. Лиля слушала и училась. Хотя саму ее к делам привлекали чрезвычайно редко, но Таралем занимались под ее и Ингрид руководством. Причем Ингрид даже больше и успешно заменяла Эмму.

Кружевниц взяла на себя Марсия, стеклодув и кузнец тоже набрали себе десяток мальчишек и девчонок, Хельке не остался в стороне. Всю эту мелочь тщательно проверил Ганц, отсеял четырех человек и посоветовал найти замену.

Финансы в основном легли на плечи казначея Августа. А ближе к середине лета у Лили случилась большая радость.

Приехал Али. И не только.

Еще три корабля ханганов бросили якорь в бухте Лавери, и на них оказались Али и Омар. К тому же Али решил сделать госпоже графине приятное, зайдя в Иртон и взяв с собой Тариса Брока и груз обработанного янтаря. Пока еще не вываренного, но уже вполне пригодного к работе. Лиля распорядилась отправить налог в казну и приказала отнести остальное в лабораторию. Часть янтаря будет превращена в белый, часть – в красный.

Сам же Али рассыпался в благодарностях Лилиан, упал на колени перед Амиром, вознес хвалу Звездной Кобылице и подарил Мири жеребенка.

Небольшого такого, рыженького.

С первого взгляда было видно, что это аварец. Им и оказался Шаллах, что переводится, как «Дыхание бури», жеребенок из личных конюшен Великого Хангана.

Мири влюбилась в конька с первого взгляда. Если бы Лиля разрешила ей, девочка и спала бы на конюшне. Или забирала бы жеребенка с собой в комнату, благо размеры позволяли.

Пришлось вмешаться и напомнить про уроки и прочие радости жизни. Мири надулась, но ненадолго. Лиля обещала ей аварца?

Лиля сделала.

Ну как ее не любить?

«Любезный мой супруг.

Довожу до вашего сведения, что в Иртон найден достойный управляющий. Я получила

оттуда груз янтаря, уплатила королевский налог, а остальное продам ювелирам. Деньги я постараюсь вложить, а выгоду мы обсудим при личной встрече. Но хочу заметить, что никоим образом не хотела бы задеть ваши деловые интересы.

Мы все живы и здоровы, чего и вам желаем.

Хотя устранить угрозы мне стоило немало труда, до конца они не устранены. Увы...

Если бы я полагала умысел, я бы не писала вам это письмо. Радует уже то, что вы неглупый человек. А потому предлагаю не обвинять друг друга. Мы оба виноваты – в той или иной степени. А более всего в том, что не нашли времени поговорить и выслушать друг друга.

Представьте себе, что я, например, ваш партнер в торговле.

Наш брак был сделкой изначально, так и будем его сейчас воспринимать. Вы полагаете, мы сможем поговорить о наших желаниях при личной встрече?

Отлично. Я тоже считаю, что в письмах все не выскажешь. Поэтому поговорим о покушениях. Это не терпит отлагательства и должно быть решено как можно скорее.

Полагаю, вы понимаете, что это направлено не против меня. Кому я нужна? Это все направлено против вас. Я узнавала – это ваш третий брак. Если у нас не будет наследников, у вас остается один шанс. Да и четвертая жена... Сможете ли вы сберечь ее?

Не обижайтесь, но для этого требуется определенный опыт.

Поэтому...

Я не знаю, что ждет нас впереди и будем ли – *мы*. Или разойдемся в разные стороны. Но я полюбила Миранду. И не хочу, чтобы на нее покушалась всякая мразь. А потому лэйд Ганц Тримейн, полагаю, вы слышали о нем, – предложил мне план, благодаря которому эта нечисть ползет, как грибы после дождика.

Это письмо придет тайно. И ответ на него отправьте мне с тем же человеком. А в официальной переписке будьте любезны заверить меня в своей симпатии, утверждать, что готовы приступить к производству наследника, а лучше – пары-тройки, что увезете меня в Иртон, как только приедете...

Если повезет мне, мы поймем мерзавцев еще до вашего возвращения.

Если повезет вам...

Полагаю, вдовство вас не особо огорчит? В любом случае я не желаю жить под топором палача, а тем более смотреть на находящихся рядом и думать, кто из них убийца.

Поэтому я буду расценивать ваше согласие на мой план как шаг навстречу.

Альтрес Лорт сидел задумчивый.

Пока все получалось не так плохо.

Анелия была готова к свадьбе, Гардвейг чувствовал себя более-менее неплохо. Советы Лилиан Иртона пришлось к месту. Когда его величество изволил их соблюдать. В остальное же время.... Год-другой ему лекари давали.

Если Ричард женится на Анелии, мы получим прочный союз и управляемую королеву. А по-своему Анелия – дура, да. Но, чтобы крутить мужем, ум и не нужен. Титек хватит.

Может, лет через десять Ричард поднаберется опыта и раскусит ее приемчики. А пока...

У мужчин в характере опекать бедных-несчастных, особенно симпатичных и с большой грудью. Анелия именно такая. Ну или хорошо ее изображает.

На Лидию получен компромат. И неплохой. Теперь она будет сидеть и не тявкать. На что-то сгодилась и шлюха графа Иртона. Пожалуй, не надо ее так рано списывать в

расход. Она может принести и еще пользу. Пусть не умеет думать. Зато отлично умеет подсматривать и подслушивать. В хозяйстве все пригодится.

А вот если удастся заполучить еще и Лилиан Иртон...

А почему бы и не удалось? Графиня всегда может приехать в гости. А может и остаться. Допустим, супруг графини случайно скончался, упав головой на камень. Бывает. А сама графиня нежно влюбилась в какого-нибудь симпатичного дворянина. Лучше – с землей и титулом. То, что доходило до Альтреса, заставляло подумать о выгоде графини государству.

Соль, кружево... Морскую соль пытались выпаривать и раньше. Но толку от нее не было. Живот слабило по-страшному. Графине же удалось получить хорошую соль. Чуть более горькую, ну так это мелочи. Кружево... Но важнее было другое. Не новинки, нет!

Принц Ханганата. Живой и вполне здоровый. И куча ханганов, таскающихся за графиней. А с ними хорошо бы подружиться. Да и если графиня вылечила мальчишку, может быть... Гардвейг.

Если и не спасти, так хоть жизнь продлить?

Ради брата Альтрес был готов на многое. Не то что устроить несчастный случай одному графу. Да плевать на Иртона восемь раз! Кому он сдался? Разве что девки поплачут! А так – придворный и есть придворный.

Вопрос был в самой Лилиан Иртон.

Альтрес понимал что она неглупа. Читал ее письма и размышлял. И все чаще появлялось мнение, что делать такое надо с согласия самой графини.

А почему бы нет?

Допустим, приезжает граф Иртон домой. И начинается там скандал. Супруги ссорятся, граф начинает закручивать гайки – и?

Графиня не будет искать помощи у короля. Ему Джерисон любимый племянник. Так что ликвидацию надо тщательно продумать. Но это потом.

Король ей не поможет. И женщина начнет искать защиты где-то еще. Почему бы и не в Уэльстере?

Может, написать ей об этом?

Как-нибудь корректно, что мы всегда будем рады видеть вас в Уэльстере, мы готовы оценить вас по заслугам, вы всегда можете рассчитывать на нашу поддержку...

А почему нет?

Альтрес взял со стола золотое перо, коснулся пальцем крохотного шарика на конце. Повертел в руках отделанную чеканкой непроливайку.

М-да. Если женщина способна придумать такое, ее лучше получить в свое хозяйство.

Итак.

«Любезная графиня Иртон...»

В суматохе дел Лиля радовалась только одному. Что у нее не воровали. Ибо некому было.

Эввиры вняли после разборок с Варилем. А другие купцы... Разве что Торий Авермаль, про дружбу с которым Лиля не забывала. Но барон был умен и не лез выше головы. Отлично понимая, что лучше иметь десять раз по золотому и спокойствие, чем один раз десять золотых, а потом пинки и подзатыльники. Нет, такого ему и даром не нужно было.

Требовали внимания вирмане, точнее, вирманки. Лиля периодически учила их всяким нужным вещам из медицины.

Его величество устроил прием в честь ханганов и пожелал видеть на нем графиню Иртон.

Лиля честно пришла. Во всем блеске модных новинок. Посверкала браслетами на руках и хотела удрать, но свои права на графиню заявили принцессы. В результате чего мир обогатился новыми историями о бароне Холмсе. Да и не только о нем. Конан Дойл, если кто не знает, писал и многое другое. «Секрет комнаты кузена Джеффри», «Бразильский кот» – эти рассказы тоже подходили для данной эпохи. Чуть-чуть поменять детали, и вот оно, во всей красе.

Принцессы слушали с тихим восторгом.

Зато все остальные придворные зеленели от зависти. Кое-кто пытался приблизиться, но или Анжелина или Джолиэтт отсылали нахалов повелительными жестами. Так почти весь вечер и проболтали. Исключением стал маркиз Фалион, с которым Лиля честно протанцевала два танца. Больше нельзя было. А все остальное время маркиз давал советы по воспитанию щенков – он разбирался неплохо и в собаках, не только в лошадях.

Принцессы завидовали Миранде и набивались получить жеребенка и для себя. Но тут Лиля развела руками, сказав, что ханганы ей не подчиняются. Зато ребенка от Лидарха она может организовать. Разумеется, с помощью маркиза Фалиона...

Это услышал Эдоард и заметил, что о подарке не может быть и речи. Пусть маркиз зайдет к нему в кабинет после приема, поговорим о разведении лошадей.

Фалион позже долго благодарил Лилю и прислал ей огромный букет цветов, перевязанный золотой цепочкой красивого плетения.

Подарок Лиля приняла и носила с удовольствием.

Они договорились о подходящей кобыле для Лидарха и готовили конюшни. Работа захлестывала волнами. И другого слова тут было не подобрать.

Великий Ханган прислал еще десяток докторусов, которые теперь ходили за графиней, записывая каждое ее слово. Лиля сначала взвилась, но потом махнула рукой. Вот честно – Тахир рано или поздно уедет. Уедут и его коллеги-докторусы. Уедет с ними и полученное от нее знание.

Жалко ли ей?

Окститесь! Жалко знания, которые могут спасти людям жизнь?! Как у вас язык поворачивается такое подумать!

Пусть знания расходятся по миру. Единственное условие, которое поставила Лиля, – каждый докторус по возвращении домой должен был выучить не меньше трех детей своему ремеслу. Бесплатно. Но качественно передав ее знания.

Согласились все. Лиля потом узнала, что Амир пообещал спонсорство. И пусть! Пусть учатся! Кто-то станет хорошим хирургом, кто-то терапевтом. Докторусы из Ханганата нравились ей своим отношением. Сказано – зеленое. Вот они «зеленое» напишут и зеленым покрасят. А не будут, как местные, шесть раз доказывать, что это красное, а красить – синим. А ведь и такое бывало. С Джейми она вообще сцеплялась по поводу тех или иных трав... Это потом он привык, что графиня права. А сначала...

Вирманки слушались беспрекословно. Но у них нет выбора. А местные...

Ганц Тримейн отобрал для Лили десяток девочек и мальчиков. Из своего «Тримейн-отряда». Тех, кто был слишком слаб, чтобы выжить на улице. И для начала их пришлось отмыть (вопли ужаса), откормить (вопли восторга) и только потом начать учить. Справедливости ради, дети старались. Впитывали информацию как губка. Переписывали свитки под диктовку, учили основы гигиены и эпидемиологии.

Вовсю работала и бумажная фабрика. Да-да, его величество весьма заинтересовался

этим проектом. А более того – альдон Роман. Мужчины отлично поняли, что рано или поздно что-то такое появится. Сейчас есть время и возможность? Ладненько. Пусть оно появляется под руководством короны и Церкви.

Альдон выделил Лиле два десятка монахов в подручные. И прислал нескольких пасторов, вплотную занимающихся наукой. Лилия едва не переругалась с ними, но потом успокоилась и постепенно нашла общий язык. Хочется людям сопровождать каждое действие молитвой?

Да и пусть! Дело новое, незнакомое... Лучше пусть это будет под патронажем Альдона. Пасторы, кстати, оказали большую пользу. С их помощью Лилия смогла сделать бумагу белее и прочнее. Но и неудивительно. Церковь в этом мире занималась наукой. И хотя многое в ней было от алхимии, реактивы-то оставались качественными. Молись, не молись над киноварью – ртуть в ней будет по-любому.

А когда Лилия увидела оксид бария, она вообще была счастлива. Из него же можно получить перекись водорода! А перекись водорода – это антисептик, отбеливатель, это... Одним словом, надо!

Поэтому четверых монахов сразу засадили именно за эту реакцию. И, потренировавшись неделю, они стали гнать перекись в больших количествах. Хватило бы бария.

Единственное, о чем жалела Лилия, – об отсутствии электролиза. Но тут уж физика прошла мимо. Причем настолько, что дальше некуда. Девушка помнила про обтирание эбонитовой палочки. Или янтарной. Но и все тут. Остальное было вне ее знаний. Что, обтереть одновременно три десятка палочек и сунуть их в раствор? Чтобы заряд прошел? Как-то сомнительно.

Эх, вот никогда не знаешь, что и где тебе пригодится. Знала бы – физика бы морально изнасиловала, но сейчас стоял бы у нее ветряной генератор. Вроде и такие изобретали? Одним словом, бумага просто обязана была появиться.

Король тоже не остался в стороне, выделив Лиле три десятка человек от своих щедрот. Пока не переедет в Тараль. Вся эта компания расположилась в реконструируемом замке, чуть ли не в палатках во дворе, и принялась творить. Кто-то трудился над отбеливателем, кто-то над формами, заливкой, прессом... Через три недели на суд его величества были представлены два десятка листов бумаги. Достаточно белой, тонкой и прочной. Часть листов была с зеленоватым оттенком, часть с желтоватым. Да и наплевать! Выпускать будем все три вида! Для книг желтоватую, для церковной литературы – зеленоватую, для государственных указов – белую.

Его величество потер руки и распорядился выпускать. Благо затраты ничтожны, часть налога с крестьян можно взять нужными растениями, и фабрика проработает всю зиму. Хотя уже сейчас ясно, что Тараль всех не вместит. И «бумажникам» надо выделять новое место.

Лилия не возражала. Ей было тяжело разрываться между всеми проектами. Поэтому она уже давно обзавелась блокнотом, в который и заносила самое важное. Кстати, надо бы поговорить с Хельке и выпускать нечто подобное. И карандашом заняться. Графит – тот же уголь. Сделать грифель, а потом использовать самое простое. Косметический карандаш все ведь видели. А Лилия еще и представляла, как он устроен. Разобрала в свое время почти десяток. Вот, выкручивающиеся оболочки из золота, серебра, простых сплавов. А потом можно и на цветные карандаши замахнуться.

Лилия злилась и понимала – ее жизни для этого не хватит.

Ничего. За ней придут другие. А ей надо просто передать максимальное количество знаний.

И она работала.

За графией следовала Миранда. Приезжал в гости Фалион-младший. И возился и с Лидархом, и с жеребенком. Он обожал и того и другого. Миранда проводила с ним много времени. Девочка твердо была уверена, что своего коня надо растить самой.

Лилия много работала, ездила верхом, в свободное время училась метать ножи у Эрика.

Своего рода счастье, спокойствие и равновесие. Почти.

«Ваше сиятельство, довожу до вашего сведения, что сегодня ночью умер Карист Трелони. Отравился рыбой.

Расследование не начато, но рыбу он в жизни не ел. Пятнами от нее покрывался.

Получив кратенькую записочку с голубем, Лиля задумалась.

Рыбой, значит, отравился. Или грибами. Не важно.

Важно другое. До него добрался заказчик.

Почему только сейчас?

Лилия подозревала, что, знай она ответ, она бы знала и заказчика. Но сама сформулировать ничего не могла. Так, что-то на грани разума. Отъезд? Рана? Дела? Пес его знает. Слишком много вариантов. Ах, где вы, милый мистер Холмс?! Сколько сказок Мири ни рассказывай, сама умнее не станешь. Сколько «халва» не повторяй...

Оставалось только одно. Ловля на живца. Лилия отлично осознавала, что это опасно. Что она может погибнуть. Что это недопустимый риск.

Но!

Покушаться на нее будут в любом случае. Она просто предвосхищает события и направляет их в нужное русло. И вообще... А если эта скотина покусится на Миранду?

Зар-р-рою!

Одним словом, письмо Джесу Иртону ушло. А от него пришло два ответа. Один – тайный, доставленный ее личным гонцом. Второй же...

Лилия изрядно развлеклась, положив их рядом с собой и читая одно за другим.

Первое, официальное, было как сахарные шарики в шоколаде, залитые сиропом. Но самое нужное в нем присутствовало.

«Моя обожаемая супруга!

Льшу себя надеждой на наше скорое свидание. Как только посольство возвратится на родину, мы наконец-то сможем заняться нашими семейными делами.

Я признаю, что непозволительно запустил их и надеюсь вымолить прощение.

А также искренне надеюсь сгладить в вашей памяти страшный эпизод с потерей ребенка. Миранда будет в восторге, если мы подарим ей братика. Или сестренку. Лично я буду счастлив в любом случае.

Насколько я понимаю, вы тоже не против.

А если вам будет угодно, я увезу вас рожать в свое поместье у моря. Не в Иртон, нет. Туда, где я провел детство. Тихое местечко, проверенные слуги, спокойствие, уют и безопасность.

С нетерпением жду встречи.

Ну если после такого убивец не расшевелится, зовите его кретином.

Лилия злобно усмехнулась. Второе письмо резко отличалось от первого. Оно и понятно – шло мимо цензуры.

«Любезная моя супруга.

Не сомневаюсь в вашей деловой хватке. И уверен, что дела вы ведете честно.

Что ж, сойдемся на деловом соглашении. Об остальном при встрече. Сейчас же...

Не буду скрывать – я обижен вашими намеками на везение. Будь моя воля, вы жили бы спокойно и счастливо. А сейчас... Вы уверены, что сможете предотвратить покушение?

В противном случае *не* повезет вам и только вам.

Я соглашаюсь на ваш план, потому что иначе не могу уверить вас в чистоте своих намерений. И желаю удачи лэйру Ганцу в поимке негодяев. Если вы пожелаете воспользоваться моими людьми или деньгами для поимки негодяев, считайте, что у вас есть на то мое разрешение.

Передавайте Миранде мою любовь и приветы. Об остальном – при встрече.

Лиля не знала, что все письма дражайшего супруга были коллективным творчеством. С Риком в соавторах. Да и знала бы – что это меняет?

Работать и еще раз работать.

Лэйр Ганц, проглядев официальное письмо, посоветовал обнародовать его, чем Лиля и занялась. Благо семейство Ивельенов пожаловало в гости в полном составе.

Старый герцог, маркиз с маркизой и дети. Четыре штуки. Двое старших – мальчик и девочка. Сэсси, она же Сессилия и Джес – он же Джерисон, в честь брата. Двое младших – Роман и Джейкоб.

Миранде были поручены Сэсси и Джес. Лиля занялась взрослыми.

Графиня поахала над младенцами минут десять. Честно говоря, ей груднички никогда не казались красивыми. Но она привыкла, что родители смотрят на них так, словно это ангелы небесные. Так что...

Очаровательные глазки (мамины), чудесный носик (папин), восхитительные ушки (дедушкины) и далее по списку.

Да, они прелестны.

Да, я надеюсь сама обзавестись такими же. Вы видели, что написал мне наш милый и нежно любимый Джес (чтоб ему маркиза де Сада повстречать)? Нет? Вот письмо!

Мы тоже, разумеется, как только он приедет, так мы и сразу.

Амалия горячо одобрила, мужики покивали. И все было прекрасно, пока со двора не донеслись вопли. Лиля поставила ушки торчком.

Вообще, дети вопили часто и со вкусом. Вирмане – народ несдержанный. И на тренировках малявкам доставалось по полной программе. Да и за небрежность в обучении они очень приветствовали розги. Права ребенка? А то как же! Его полное право свободного выбора. Либо знания, либо по заднице. Никто препятствовать не станет!

Но сейчас визги были неправильными.

Пока Лиля пыталась определить, что не так, во двор бросилась Амалия. За ней – Питер. Лиля помчалась следом. Мало ли что? Старый герцог тоже побежал бы, но возраст не позволил. А потому он поручил детей няньке и вышел с достоинством.

Узнав о визите кузенов, Миранда только нос сморщила. Что Сэсси, что Джеса она терпеть не могла. Задавалы и противные вдобавок. Ей часто доставалось от Ивельенов. И дразнилками, и тумками. И всегда Мири оставалась виноватой. А мерзкие родственнички выходили сухими из воды. Недаром Миранда так просилась куда угодно, но не к ним. И ей повезло попасть к Лиле.

Какой же смешной ей показалась эта вражда теперь.

Лиля быстренько провела с малышкой ликбез – как, что, кого, сколько, поцеловала в нос и попросила никого не бить ногами. Мири честно пообещала. А зачем ногами, если есть Ляля? Милый песик, который руку без напряжения откусит?

Увидев кузенов, девочка едва не фыркнула.

Все разряженные, раззолоченные. Одежда неудобная, шея грязная, глаза глупые... фу!

Она не осознавала, насколько иначе смотрится. В блузке, жилетке и юбке-брюках, с медным загаром на лице, с волосами, заплетенными, как у Лили, в толстую косу, с громадной собакой рядом и расправленными плечами.

Ни грамма золота, только графское кольцо с изумрудом и серьги с крохотными сапфирами в ушах – под цвет глаз. Никаких украшений – тренироваться неудобно. Единственное, с чем девочка не расставалась, это метательные ножи – подарок Эрика. Была бы ее воля, и под подушку клала бы. Лиле пришлось махнуть рукой и заказать ножны. В том числе и потайные. Так что милый ребенок был опасен, как средней ядовитости гадюка.

Хотя Ивельены отметили другое.

– Альдонай милосердный! Миранда, ты так похудела! – ахнула Амалия, пытаясь расцеловать девочку. Ну или хотя бы потискать.

Мири ловко увернулась.

– Это тренировки, тетушка. Я рада вас видеть.

– А я бы сказал, что Миранде визит в Иртон пошел на пользу, – глубокомысленно заметил Питер.

Мири вспомнила, как он изрекал всякую чушь после ее драк с кузенами, и едва не пнула дядюшку по ноге. Ивельен-старший осмотрел девочку свысока, вызвав ассоциации с голубем на карнизе. Нагадит?

Нагадил:

– Пора бы думать о партии для девочки. Она уже выросла.

Партии? Замуж?!

Вот еще не хватало!

– Полагаю, этот вопрос решит Джерисон, когда вернется, – невинно заметила Лиля. – Я рада вас видеть. Надеюсь, дорога была не очень тяжелой?

Разумеется, гости тут же принялись заверять женщину в своей радости и благополучии. Минут на десять.

– Мири, займись Сессилью и Джерисоном-младшим, будь добра? – попросила Лиля после обязательных расшаркиваний во дворе.

– У меня скоро урок. А сейчас я хотела провести Шаллаха.

– Вот и отлично. Пусть дети сходят с тобой.

Мири покривилась, но Лиля смотрела серьезно. И девочка опустила глаза.

Обязанности графини. Одна из. Даже если тебе неприятно, все равно надо раскланиваться и улыбаться. Лиля ей говорила.

– Любезные кузены, прошу вас составить мне компанию.

Сэсси и Джес переглянулись и последовали за Мирандой. На конюшне девочка осмотрела жеребенка, расчесала ему еще раз гриву (необходимости нет, но приятно же!), угостила малыша подсоленным хлебом и пообещала зайти вечером. Заодно потрепала по шее Лидарха и подсунула тому яблочко. Аварец схрумкал его с ладони девочки и ткнулся плюшевым храпом. Мол, еще хочу. Попрошайка избалованный. Пришлось пообещать вечером принести еще.

Ивельены стояли оторопевшие. Но первым нарушил молчание Джес. Мальчишку

прорвало при выходе из конюшни:

- Это твой, что ли?

- Мой - Шаллах. Это означает «Дыхание бури».

- Это на каком языке?

- Это язык Ханганата.

- А откуда у тебя аварец?

- Мама попросила в подарок для меня. Амир согласился. Ей бы что угодно подарили.

- Амир - это кто?

- Амир Гулим? Принц Ханганата.

- И принц вам подарки делает?

- Мамин докторус его вылечил. Так что да, делает. Он вообще благодарный юноша. - Мири повторяла за Лилей почти дословно.

- И тебе аварца подарили? Они безумно дорогие!

- И что? Великий Ханган может себе это позволить. - Мири пожала плечами. - Вот большой аварец - это мамин. Его Лидарх зовут.

- А почему ты ее мамой называешь? - вклинилась Сэсси. - Она же тебе никто?

Мири погладила еще раз Шаллаха.

- Родство не определяется кровью.

- Чего? - не поняла кузина.

- Мы с мамой можем быть неродными по крови, но я все равно ее дочь.

- Это как?

- Родные - те, кто тебя любят.

- А она тебя любит?

Мири вспомнила лицо Лили после похищения, когда та отчитывала девочку, и решительно кивнула.

- Она меня любит.

- Да врет она тебе все, чтобы ее твой папаша из дома не выгнал, - протянул Джес. - Всем же известно, ребенка она не родила, в столицу притащилась, да еще и куда не надо лезет. Явно нарывается. Муж ее обязательно должен проучить!

Мальчишка повторял чьи-то слова. Но этого разозлившаяся Миранда не поняла.

Девочка развернулась и отчеканила так, что Мария Рейхарт восхищенно всплеснула бы руками.

- Любезнейший, возьмите свои слова назад. Немедленно.

- Чего? - не понял Джес. А поняв, заржал. - Еще не хватало! Ты и сама понимаешь, что твоя мать...

- Кто? - прищурилась Мири. - Ну?!

- Ненормальная! Вот!

- Немедленно извинись, - потребовала Мири.

- А то что ты сделаешь? На поединок меня вызовешь?

- Нет. Нос тебе разобью. - Мири говорила спокойно. Внутри девочки все кипело, но бросаться в драку с горячей головой - это проиграть ее. Она помнила. Эрик учил. И Лейс...

- Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь!

Джес стоял, нагло подбоченившись. Что ему сделает эта малявка? Ему почти четырнадцать лет, он взрослый мужчина, у него уже есть свой меч. Вот аварца нет и вирманской собаки нет. Надо отца попросить.... Ой!

Мири было плевать, что противник выше ее и почти вдвое тяжелее. Девочка перешла в наступление. Отлично понимая, что до носа Джеса ей не допрыгнуть, она ударила в ноги. Не бросилась, не прыгнула, просто сделала крохотный, почти незаметный шаг вперед, благо кузен и так стоял рядом. Когда противник стоит расслабленный, его можно легко свалить простой подножкой. И Джерисон Ивельен полетел на землю. Которая крепко вышибла из него дух. Все-таки тяжело приземляться всем телом.

Миранда не стала терять времени. Она прыгнула сверху и рукоятью ножа, зажатой в руке, крепко съездила кузену по носу.

Кровь хлынула потоком.

Джес завопил, но Мири не стала ждать реакции. Она откатилась в сторону и принялась отряхиваться. Вспомнился разговор с Лилей. Давний...

- ...А если будешь умницей, я тебя еще и драться научу.

- Но благородной даме...

- А благородную даму никто в жизни не дразнил? - прищурилась Лилия.

- А ты умеешь?

- Графиня должна многое уметь. В том числе и это.

Сейчас Мири чувствовала себя отомщенной за все издевательства кузенов.

И тогда раздался жуткий визг.

Визжала Сэсси, которую Ляля не подпускала ни к брату, ни к Миранде, скаля немаленькие зубки и доходчиво рыча.

Мири поморщилась, понимая, что через минуту тут будет толпа, и посмотрела на кузена. Он сидел на земле и держался за нос. Не сломала? Вроде не должна была. А сломала - наплевать. Что это за парень, которого девчонка размазала по земле? Да еще в два раза мельче него?

Теперь убрать нож и привести себя в порядок. Вот она, учеба. Как оружие достала и рукоятью развернула, и не вспомнить. Значит, вколочено на уровне рефлексов, как говорил Лилия. Это хорошо.

Первой во двор вылетела тетка. Мири сморщила нос и продолжила отряхиваться. Одежда, хоть и была скроена из простого полотна, и предназначалась для валяния на земле и разных проказ, все же немного пострадала. Вот, травинка прилипла.

Ляля удалилась за спину хозяйке и скалилась уже оттуда. Не рычала. Уже нет. Зачем рычать, если можно просто броситься?

- Что здесь происходит?! - возопила Амалия, кидаясь к сыночку.

- Сэсси? - спросил Питер.

- Она на него напала. - Сэсси ткнула пальцем в Миранду.

Девочка поморщилась:

- Любезная кузина, вас не учили манерам? Тыкать пальцем, как простонародье. Фи!

Лиля осмотрела двор хозяйским взглядом и усмехнулась.

Ну-ну... диспозиция ясна. В центре сидит ошалевший Ивельеныш, держась за разбитый нос. И держаться он будет долго. Вообще, похоже на перелом. Его сестренка стоит рядом и тычет пальцем в сторону Миранды. Мири отряхивается рядом с самым независимым видом, за ее спиной скалится собака. Народ во дворе наблюдает за бесплатным цирковым представлением. Продолжим?

- Миранда Кэтрин Иртон! - командирским тоном воззвала Лиля. - Извольте объяснить, за что вы разбили нос своему кузену?

- Да! - рявкнула Амалия. - Я тоже хотела бы это знать?

Мири и не подумала стесняться.

- Мама, сначала мой кузен сказал, что тебя надо проучить, потому что ты не слушаешься мужа. А потом заявил, что ты ненормальная. Я предложила ему взять слова назад, иначе я разобью ему нос.

- И что?

- И пришлось разбить.

- То есть ты меня защищала? - растаяла Лиля.

Мири ответила хитрым взглядом. И Лиля поняла, что тут и давние обиды выместились. Ну и не все ли равно? Теперь.

- Она врёт! - Сэсси возмущенно топнула ногой. - Она все врёт!

Тонкий пальчик девочки указывал на Миранду.

Лиля нахмурилась.

- Сессилия Ивельен, извольте не тыкать пальцем в человека. Это некрасиво.

- А?

- Хочу вам напомнить, любезная племянница, что вы были не одиноки во дворе. Я могу расспросить слуг.

- Слуги соврут! - выпалила Амалия.

- Расспросите меня, ваша светлость. - Пастор Воплер был великолепен. Зеленая хламида из дорогого полотна, ухоженные руки, дорогие янтарные четки. Ничего общего с сельским священником, которого Лиля увидела в первый раз. - Я был свидетелем того, как этот молодой человек начал оскорблять госпожу графиню, в чем готов поклясться перед ликом Альдоная.

Амалия покраснела от ярости. Обвинять пастора она не решалась.

- Молодой человек позволил себе совершенно неуместные высказывания. Более того, оскорблять мать в присутствии дитя... Ничего удивительного, что юная виконтесса Иртон была вынуждена защищать свою честь. Полагаю, что подготовка молодого человека совершенно недостаточна. Если его смогла свалить с ног маленькая девочка...

Джес побледнел. Питер и спустившийся во двор герцог Ивельен наконец осознали, чем им грозит происходящее. Не в том беда, что парню нос разбили, а в том, кто, как и за что. А если сплетня пойдет гулять по столице, вот тут будет абзац.

Лиля усмехнулась.

- Мири, радость моя, Джес над тобой пытался издеваться не в первый раз?

- Полагаю, больше он этого не повторит. Или я ему сломаю руку.

Миранда смотрела с видом воплощенной невинности. Собака за ее спиной тоже.

Лиля повернулась к багровой от гнева Амалии и бледному Питеру.

- Полагаю, инцидент исчерпан?

- Я тоже так думаю, - вместо Питера ответил старый Ивельен. - Ваше сиятельство, кто учил юную даму драться?

- Вирмане.

- Возможно, они согласятся поучить и этого балбеса?

Лиля прищурилась не хуже Миранды.

- Только когда молодой человек поймет, что оскорблять маленьких девочек недостойно. А теперь вставайте, Джерисон Ивельен, и идемте в медпункт. Мири, а ты куда?

- У меня занятия по верховой езде.

- Нет.

- Мама!

- Сейчас я буду разбираться с носом твоего кузена. Вот иди и смотри, как лечатся такие удары. А то лупить любой дурак может.

Мири послушно кивнула. Все не носом в угол. А тоже смотреть на интересное.

Нос оказался сломан. Зарождающееся тепло в отношениях - тоже.

Лиля могла наложить повязку и даже пообещать, что все пройдет без последствий. Но Амалия смотрела на нее, как ведьма. Питер, судя по всему, придерживался линии супруги. А Ивельену-старшему это все было безразлично. Интересно почему? Попросил об обучении, получил отказ - и успокоился?

Странно.

Радовало одно.

Если за покушениями стоит кто-то из Ивельенов, теперь они задержаются вдвое интенсивнее.

Мало радости доставило и другое письмо. От родственников второй жены графа Иртона. А именно - барона Йерби.

Товарищ писал, что выезжает в Лавери и просит об аудиенции, дабы убедиться, что с его любимой внучкой все в порядке.

«Ну и ладно. Примем. За уши поднимем». - Лиля хмыкнула, вспомнив детскую считалочку. А еще - сгнувшего в руках Ганца Дамиса Рейса.

Вот и поговорим, зачем ты мне жиголо подсунул, уважаемый Йерби.

Я женщина добрая, выпрашивать буду без применения подручных средств. Просто Дамиса продемонстрируем, и сам все расскажешь.

Так что Лиля отписала, чтобы приезжали. И сосредоточилась на делах.

Дела постепенно разворачивались. Ударными методами строился торговый дом «Мариэль». Ремонтировался Тараль. Обучались дети. А еще...

– Ваше сиятельство, купец Лимаро Ватар просит принять.

Лиля взглянула на Лонса Авельса. Шевалье был спокоен и даже чуть улыбался краешком губ. Идеальный получился секретарь.

– Лонс, кто это?

– Глава купеческой гильдии в Лавери.

– Во-от как...

Лиля понимающе кивнула. Давно надо было ждать кого-то такого.

Да, зеленый свет ей обеспечил король, и альдон тут подсуетился наверняка. Но чтобы местная купеческая гильдия не попыталась урвать кусочек? Зовите меня Анжеликой, если это так.

Слишком много интересов затронула Лиля своим появлением. И будь она обычной женщиной, голову ей оторвали бы быстро и качественно. Но она графиня Иртон. Она родственница короля, хотя и весьма условная.

Да и эввиры что-то значат. Хочешь не хочешь, но народ этот весьма пронырлив. Лиля сильно подозревала, что купцов эти хитрецы с ее помощью подвинут. Но дергаться даже не собиралась. Здоровая конкуренция – основа развития торговли.

– А еще ты что-то о нем знаешь?

– Тарис рассказывал. Умный, хитрый, сволочь редкостная, простите, госпожа...

– Было бы по-другому, я бы удивилась. Проси.

Лонс поклонился и скрылся за дверью. А спустя минуту в нее вошел мужчина, под которым скрипнул пол.

«Ну и медведь!» – в восхищении подумала Лиля.

Был купец ростом с Эрика. Только шире раза в два. И половицы под ним прогибались вполне ощутимо.

А еще дорогой плащ добавлял объема. Борода расчесана и заплетена в несколько косичек, по моде Эльваны. Волосы темные, с сединой, глаза темные, умные, лицо нарочито простецкое. Лиля насторожилась. Но внешне осталась сама любезность.

– Прошу вас, уважаемый Ватар.

Купец низко поклонился.

– Ваше сиятельство, благодарю за вашу любезность. Очень рад, что вы нашли время для такого ничтожного человека, как я.

Лиля улыбнулась.

– Уважаемый, давайте не будем. Ничтожного человека никогда не поставят во главе гильдии. Тем более – купцы.

Ватар внимательно посмотрел на женщину. Но промолчал. Лиля приветливо указала на мягкий и уютный даже с виду стул.

– Прошу вас, присаживайтесь.

Ватар явно оценил любезность. Могла бы и не предлагать. Или вовсе табурет предложить. Ан нет. Со всем уважением. Графиня. К купцу.

Невероятно? А приятно...

- Благодарю, госпожа графиня.

Лиля невинно улыбнулась.

- Возможно, вина? Сидра? Эля? Компота?

- Компота, ваше сиятельство.

- Тогда налейте сами. И себе и мне. - Лиля кивнула на стеклянный кувшин на столе и несколько бокалов рядом.

- Это не вино, госпожа графиня?

- Нет. Это ягодный взвар. Угощайтесь...

Компот был вкусным, бокалы - красивыми, графиня явно была настроена по-хорошему, и Ватар чуть расслабился. Он готовился ко многому - уж слишком противоречивыми были слухи, ходящие о графине Иртон, - но не к любезному приему.

Хотя женщина определенно догадывалась, зачем он пришел. И ждала.

- Ваше сиятельство, - наконец решился купец, - я пришел поговорить с вами о делах, возможно низких...

- Но необходимых. Давайте я чуть помогу? - Лиля приветливо улыбнулась. Сейчас можно было пойти навстречу. - Вы хотели бы сказать, что мое появление с новинками и мой договор с эввирами нарушают сложившееся равновесие. А большие деньги проходят мимо купеческой гильдии. Так?

Лимаро Ватар смотрел внимательно. Но женщина не злилась. Не ругалась. Она просто констатировала факт. И была... спокойна?

И даже дружелюбна.

- Вы правы, ваше сиятельство, - решился он. - И уж простите, связываться с этими отродьями Мальдонаи...

Глаза Лили сверкнули. Шпаги скрестились. Первый, пробный выпад.

- Альдон Роман ничего против не имеет, - просто сказала она.

- На все воля Альдона, - отыграл назад купец. Если у нее такое прикрытие... а оно такое. - Но все же, госпожа графиня, я понимаю, насколько позорно для дворянина зарабатывать деньги торговлей.

- Мой отец - Август Брокленд, - просто сказала Лиля. - Если для моего отца не позор строить корабли, то для меня не позор продавать кружева.

- Но, продавая их через нашу гильдию, вы бы получили куда большую выгоду. - Ватар смотрел серьезно.

- Возможно. Но у меня есть договор на всю ювелирную продукцию с мастером Лейтцем.

- А на кружево? - ухватил идею Ватар.

- И на кружево тоже. Но что еще не охвачено эввирами... Вам нравится этот бокал?

Ватар посмотрел на кубок в своих руках.

Стеклянный, красивый.

- Да. Это эльванское стекло?

- Нет. Это стекло «мариэль», - спокойно поправила Лиля.

- Мариэль, ваше сиятельство?

- В честь моей матери.

Ватар принялся вертеть бокал еще тщательнее, благо компот был выпит.

А красиво. Сделано в форме какого-то цветка, стекло разноцветное...

– Полагаю, если его величество будет не против, гильдия получит право торговать стеклом «мариэль» в стране и за ее пределами. – Лиля улыбнулась. – Вы не возражаете, если я приглашу вас в мастерскую?

– Почту за честь, ваше сиятельство.

Ватар уже окончательно перестал соображать, на каком он свете.

Не бывает таких графинь! Не бывает таких женщин! Он едва догадался предложить графине руку, обернутую плащом.

Лилия улыбнулась.

Купца она приложила неплохо. Вообще, они это уже обсуждали с королевским казначеем. И мужчина предупреждал, что рано или поздно к ней начнется паломничество гильдий.

Стеклодувов он предлагал гнать с самого начала. Потому как знаниями они не владеют, а вредить будут. Ее стекло – это ведь покушение на их... осколки. Купцы, наживающиеся на продажах. Вот тут надо было бросить кость. И, поскольку отдавать эввирам на откуп все было невыгодно, дать купцам стекло. Пусть они цапаются с гильдией стеклодувов.

Потом можно будет и часть кружева подбросить. Когда спрос будет падать и придется снижать цену. А пока отдать им большое стекло, зеркала, бокалы, когда все как следует развернется. Но в столице оговорить льготы для себя.

Вы ведь не собираетесь торговать сами, госпожа графиня? Нет? Вот и ладненько. Каждый должен делать то, для чего предназначен. А если вам хочется заниматься этим... салоном моды и красоты? Да? Вот и занимайтесь. На него-то продукции точно хватит. И вам радость, и купцам.

С докторусами разобрались. Книгопечатников вообще раньше не существовало, как и производства бумаги. Так что это будет новая гильдия. На нее разве что переписчики книг зубы наострят. Но их мало, и они большей частью разбросаны по монастырям. А с альдоном договоренность уже есть.

Проблемы еще будут, однозначно. Но их разгребать придется по мере поступления. А пока договориться с купцами. Если они поймут свою выгоду, сработаемся.

Лилия прекрасно отдавала себе отчет, что многое – заслуга ее титула. Не ее, как человека, нет. Ей бы давно несчастный случай устроили. Или поджог. Или еще что. Но производство графини Иртон, патронаж короны – это кому хочешь рот заткнет.

Ватар был проведен в стеклодувную мастерскую, оценил объем работы и кивнул. А потом начал задавать вопросы, от которых уже Лилия схватилась за голову.

Объем производства. Сроки поставок. Количество как рабочих, так и продукции.... Пока все это было весьма приблизительно. Это Ватара не устроило. И Лилия честно предложила вариант – обговорить все с королевским казначеем.

Ватар усомнился, что такой высокопоставленный господин снизойдет до бедного купца.

Лилия заверила, что снизойдет. И будет только рад. А там уже и вопросы по производству утрясем. Сами понимаете, мы пока серьезно не разворачиваемся, а то «шпиёны» бегают, саботажники лазают. Ватар понял намек, чуть потупился (видимо, его уши тут тоже торчали) и предложил графине помощь в проверке мастеров и подмастерьев. А также учеников. Купцы знают многое...

Лилия подумала и не стала возражать. Так что расстались они почти друзьями. Договорились, что Лилия пришлет гонца в ближайшее время, как только договорится с казначеем. А далее.... Видно будет.

Мири сонно повернулась, устраиваясь у Лили на руке поудобнее. Женщина погладила ее по темным волосам.

- Заяц ты мой...

- Мам, ты не сердишься?

- На что? - удивилась Лилия.

- Что я Джесу нос разбила.

- А надо сердиться? - Лилия коснулась губами темной макушки. - Я не злюсь. Но ты должна понять, что нож - не игрушка.

- Я знаю. Я била рукоятью.

- А если бы лезвием?

- Кузен бы умер. Мам, я не такая глупая. Я все рассчитала.

- Не забывай, что он не ждал от тебя подвоха. И был плохо подготовлен. Кстати, а почему? Я думала, всех мальчиков обучают воевать.

Миранда задумалась, явно что-то припоминая.

- Мам, Джес капризуля. А тетка его обожает. Она вокруг него постоянно прыгает.

- Ага.

Это многое объясняло. Мири, конечно, не смогла бы свалить мальчишку почти вдвое старше себя. Но тут сыграли свою роль и фактор внезапности, и то, что Джес не привык получать отпор, и его боевая неподготовленность. А с Мири занимались постоянно после похищения. Вот девочка и натренировалась.

- Я не сержусь. Но ты будь поосторожнее. Ты не самый лучший боец этого мира.

- Я знаю, мам.

- А еще - чтобы ты не думала, что так легко отделаешься, завтра напишешь папе.

- О чем?

- А вот об этом случае. Бабушка напишет, и ты напишешь.

- А ты?

- Может, и я напишу. Посмотрим.

- Но ты точно не сердишься? Я просто не сдержалась, когда Джес начал говорить про тебя гадости.

- Я бы тоже не сдержалась, если бы он начал говорить гадости про тебя.

Мири уткнулась Лиле в подмышку носом.

- Мам, ты хорошая.

Лилия погладила ее по темным волосам.

- Спи, малышка.

Мири давно сопела в подушку, а Лилия все размышляла.

Хорошо быть доброй, доверчивой, спокойной... Здесь она в обстановке постоянного стресса. Сколько она еще так выдержит? Хорошо, что есть близкие люди. Но, если так и дальше пойдет, надолго ее не хватит.

Быстрее бы все разрешилось.

Вот приедет Джес, который Иртон, и все станет ясно. Либо они договорятся и она обретет опору. Либо опоры не получится и ей придется искать кого-то еще. Она ведь не бизнес-леди. Просто так само собой получилось. А ей хочется тепла, детей, мужа... Ничего. Я сильная, я справлюсь.

Обязательно справлюсь.

А если повторять себе это каждый час по шесть раз, может быть, удастся в это поверить.

Боги всех миров, как же я устала...

А ведь есть еще убийцы.

Лиля думала отправить девочку к Августу. Или к королю. Но, когда Мири у нее на глазах, спокойнее. За свою охрану Лиля могла не волноваться. А чужой дом, чужие люди... Кальмы хватило.

Они справятся. Должны справиться.

Танец закончился, и Рик подвел Лидию к большому окну.

- Передохнем, ваше высочество?

- Почему бы нет.

- Принести вам вина?

Лидия покачала головой. Последние несколько десятинок ее трясло словно в лихорадке. Она помолчала пару минут и наконец решилась:

- Вы скоро уезжаете?

- Да.

- Разумеется, вы будете родниться с Уэльстером.

- Вы угадали.

Лидия перевела дух.

- Тем лучше. Скорее бы...

- Ваше высочество, вы отчетливо понимаете, что вам надо будет еще приехать в Ативерну? Сейчас я ведь ответ дать не могу, это будет оскорбительно.

- Да все я понимаю, - отмахнулась Лидия. - Съезжу и приеду, лишь бы не мне за вас выходить.

Рик немного обиделся. Но уже чуть-чуть. Сейчас такие заявления не царапали. Была б красавица, а то - страшилка. Ни вкуса, ни фантазии... На такой женишься - из дома сбежишь.

- Ну и отлично.

Достаточно жесткие слова про дуру, которую никто замуж не возьмет, пришлось проглотить. Кто ее знает? Расплатится, а проблем с Бернардом Риком и даром не надо.

Вообще, последнее время Бернард его явно прощупывал. Намекал, всячески демонстрировал свое расположение... Кажется, дочь он искренне любил. И даже не представлял, что кто-то может отказаться от такого «сокровища».

А Рик, честно говоря, не представлял, как с таким кошмаром в доме вообще жить можно. Так что задача была достаточно сложной. Вежливо раскланяться и смотаться.

Легко?

Это если Бернард не прицепится. А он может. А теперь представьте ситуацию. Вы на территории чужого государства, ваша задача – не жениться. Подзывает вас король и начинает этак незатейливо давить. Неужто моя дочка тебе нехороша? А ведь и бела, и румяна, и приданое аж две тысячи монет! Ха!

И как ты объяснишь любящему папочке, что, окажись Лидия в море с акулами, бедные рыбки перетравятся? Да никак. Остается только вилять и изворачиваться. А еще...

Договоренность с Эдоардом была давно. Поэтому сегодня Рик спокоен и доволен.

– Ваше высочество, мне пришло письмо. Отец вызывает меня домой, и я вынужден повиноваться...

– Когда?

– Как только соберемся. Полагаю, через десятинку.

– Замечательно!

И столько энтузиазма было в ее глазах... Рик даже слегка обиделся. Откуда ж ему было знать, что девушка перемолвилась словечком с шантажистом и теперь готова была хоть куда, лишь бы от нее отвязались.

– Я рад, что мой отъезд доставляет вам столько удовольствия.

Иронию Лидия заметила. И не удержалась. Надо же было на ком-то да сорваться!

– Больше удовольствия мне доставил бы только ваш неприяезд.

Принц и принцесса раскланялись и разошлись в разные стороны. Рик – к другу. Лидия – к папочке, которого требовалось уговорить не метать громы и молнии. Ну не понравился ей Рик. Кстати, и правда не понравился. Глядя на отца, Лидия не верила, что из красивых мужчин получаются хорошие мужья. А глядя на Рика и Джеса, убеждалась в этом все больше и больше. Так что пойти еще покапать отцу на мозг, чтобы не обижался...

– Скоро домой...

– Да. Знаешь, я даже соскучился.

– Отдыхать надоело?

– Ты знаешь, да, надоело, – не принял шутки Джес. – Это сначала, когда тебя принудительно отправляют, начинаешь развлекаться. Кобелируешь, ну и все остальное. А потом как-то надоедает. Домой хочется, Миранду увидеть, как-то там малышка без меня?

– Да, раньше ты ее так надолго не оставлял.

– Не брать же ребенка в посольство. Кстати, а что с этой шлюхой Вельс будет по возвращении домой?

– Уже шлюхой? А сколько воплей было. Аделаида, такая нежная, такая понимающая...

Джес скорчил рожу. Мужчина может многое простить женщине. Но уж точно не измену. И не выставление себя в глупом виде. Хорошо хоть никто не узнал, а то бы весь двор год хихикал. Любовница покушается на законную жену! Да еще с надеждой стать новой законной. Это каким же растяпой надобно быть?

– А что с ней делать? Замуж срочно выдадут. Куда-нибудь в глушь, за такого урода, что за него по доброй воле и коза не пойдет.

– Эта коза за кого хочешь пойдет, были бы деньги.

– Вот денег не обещаю, – жестко сказал Рик. – Пусть благодарна будет, что не в тюрьму.

- Туда и дорога. Нет, домой хочется. Устал я гулять... Интересно, как там в полку без меня?

Рик пожал плечами.

Командир полка королевской гвардии – должность сложная. Обязан быть дипломатом, и в то же время никому не давать спуска.

По старой традиции в гвардии крутились люди достаточно знатные. И лэйры, и бароны, иногда даже графья попадались, а уж сколько там было вторых-третьих сыновей...

Полк был своеобразной кузницей кадров. Лейтенантской школой. Если кто думает, что гвардия – это просто столбами стоять да перепивших дворян растаскивать, так он ошибается.

Гвардия – это труд. И учат тех, кто туда пришел, на совесть. Не только на параде ходить. Еще рассказывают о сражениях, о битвах, о... да о многом. И фехтовать учат, и ножи метать, и копьем владеть, и многому другому, и спрашивают очень строго.

И выгнать могут.

Поэтому командовать ими абы кого не поставишь. И титул нужен, и умение владеть оружием, и характер.

Джерисон подходил по многим параметрам. А для интриг и прочего у него было несколько капитанов. Которые знали о подводных течениях и вовремя предотвращали скандалы, тактично намекая Джесу, что к чему. Сами командовать, увы, не могли. Титулами не вышли.

- Полагаю, что твои заместители справятся в твоё отсутствие. Или сомневаешься?

Джес тряхнул головой.

- Уверен, что справятся. Но домой хочется.

- Уже скоро. Совсем скоро.

Анелия мирно готовилась ко сну. Служанок она отослала, как только расшнуровали платье. И теперь расчесывала волосы. Сама, как привыкла. Раздражали ее посторонние люди в своей спальне.

- Сидишь?

Женщина так быстро вскочила с табурета, что он опрокинулся.

Альтрес Лорт лениво взмахнул рукой.

- Сиди-сиди... да прикройся чем-нибудь.

Анелия, пискнув, забралась в кровать, и оттуда наблюдала за шутком расширенными от ужаса глазами.

- У меня хорошие новости. Судя по всему, Рик выберет именно тебя.

Анелия вздохнула. Внутри чуть приразжались ледяные когти.

- М-меня?

- Да. Поэтому готовься. Вскоре вы выезжаете в Ативерну.

- М-мы...

- Я не поеду. Поедет твой отец.

Анелия зажала рот рукой. Это же...

- Именно. Поэтому подумай над своим поведением. На фоне Лидии ты должна блистать. Да так, чтобы, глядя на нее, у всех была только одна мысль – ну и чучело. Поняла?

Анелия кивнула.

- С этим ты справишься. Дальше. Я пошлю нескольких своих людей. Ты потом узнаешь кого. Если что-то надо, обращаться будешь к ним. То, что ведьма посоветовала, принимаешь?

Анелия кивнула еще раз.

- Вот и ладно. Будь умницей. Этот брак нужен мне, и потому нужна ты. Поняла?

- Д-да...

- Готовься к поездке.

И исчез за дверью.

Анелия натянула на себя меховую полость поверх одеяла.

Женщину колотило. Последний этап. Последний рывок... Если повезет, она станет королевой Ативерны. Если же нет...

При мысли о змеиных глазах шута Анелия огляделась в поисках еще одного одеяла. Несмотря на одеяла, мех и горящий камин, ей было холодно. Страшно холодно...

- Как дела, Гард?

- Твоими молитвами, – огрызнулся Гардвейг.

Альтрес с удобством устроился у ног своего брата.

- Моими, чьими ж еще... Ты твердо решил ехать?

- Такие вещи надо подписывать мне.

- Согласен. Гард... Можешь ты выполнить мою просьбу?

- Привезти тебе волшебный меч? – усмехнулся Гардвейг, вспоминая детскую сказку.

- Нет. Есть там такая графиня Иртон...

- Супруга этого шалопада? Помню, ты говорил. И даже список вопросов давал.

- Абсолютно точно. И у нее живет знаменитый ханганский докторус. Тахир Джиаман дин Дашшар.

- И?

- Он спас принца Ханганата. Может быть...

Гардвейг вздохнул. Положил своему брату ладонь на плечо.

- Альт, ты за соломинку хватаешься. Что баба может знать о лечении?

- Не баба. Но Тахир...

- Ладно. Обещаю поговорить с ним. Ты этого добиваешься?

Альтрес ответил нахальной улыбкой.

- А чего ж еще?

- Думаешь, он мне даст больше пары лет?

- А вдруг? – серьезно возразил Альтрес.

Гардвейг пожал плечами.

- Альт, мне ехать в другую страну. Поэтому есть завешание. Есть приказ, назначающий тебя протектором при принцах. Милию и детей я с собой не возьму. Но если со мной что случится...

Альтрес быстро сделал знак, отвращающий зло.

- Так вот. Если что-то пойдет не так, ты возьмешь на себя регентство до совершеннолетия моего сына?

- Обещаю.

- Воспитаешь его, научишь всему, позаботишься о Милии... Она неплохая. И мальчишек мне подарила.

Гардвейг довольно улынулся. Милия в очередной раз родила мальчика, которого предложила назвать Альтресом. Король оценил. Шут – тоже. Ребенка так и назвали.

- Если что-то случится, ты можешь на меня рассчитывать, – спокойно сказал Альтрес.

- Отлично. Приказ и все остальное – в тайнике, где мы детьми играли. Знаешь сам.

- Знаю.

Мужчины обменялись серьезными взглядами. Гардвейг умирал. Они оба это знали. И старались как-то устроить судьбу страны.

Меняются короли. Но Уэльстер должен жить! Это главное! А что придется для этого сделать? Воровать, предавать, убивать... не все ли равно?

У королей своя мораль. Довольно жестокая. И они часто делают то, от чего потом тошнит нормальных людей. А они делают. И будут делать. Судьба такая.

Сейчас Альтрес давал клятву сделать все, и даже немного больше. А Гардвейг ее принимал. Без лишних слов, без пышности и патетики, это просто было.

Треск огня в камине, скрестившиеся взгляды, рука младшего брата на плече старшего... Краткий миг единения, когда нет ни короля, ни графа.

Один миг вечности.

- Ваше сиятельство...

Лиля весело посмотрела на Лонса.

- Пришел? Сколько?

- Пять золотых. Чтобы я его к вам провел. Он же не знал, что вы кого-то ждете от купцов. – Лонс ухмыльнулся. Весело и без малейшего страха. В ладони блеснули монеты. За такие мелочи госпожа точно не обидится.

- Я надеюсь, ты хоть поторговался?

- Обижаете! Графские секретари дешево не продаются.

- Наоборот, премирую внеплановой пятеркой золотых. – Лиля тоже улыбалась.

То, что легко достается, не ценится. А потому купец был твердо уверен, что едва-едва к ней прорвался через кордоны и заслоны. Организованные, кстати, Лонсом и Ганцем.

Золото исчезло в кармане шевалье.

- Ваше сиятельство, вы разрешите?

- Разрешаю. Без чинов, шевалье. Итак?

- Посольство побывало в Уэльстере. По моей информации, скоро они уедут и из Иверней. Но также я знаю, что между ивернейской принцессой и Ричардом взаимопонимания не случилось. Поэтому лучшей кандидатурой на роль его супруги остается Анелия. Моя жена.

Лиля покусала ноготь.

- И что именно ты хочешь?

- Она приедет сюда. Обязательно. И мне хотелось бы...

- Увидеться? Поговорить? Передать записку? Умыкнуть на фиг?

Лонс задумался.

- Сначала передать записку. А уже потом...

- Ты ее любишь?

- Люблю.

Лиля внимательно посмотрела на Лонса.

- А теперь подумай. Что предпочтет милая девушка? Быть женой секретаря графини Иртона в глуши Иртона или королевой Ативерны? Не обижайся, но...

Лонс глубоко вздохнул:

- Не знаю, ваше сиятельство.

- А раньше знал?

- Раньше я верил, что она меня любит, что будет ждать. Сейчас же... Она думает, что я мертв. В таком случае она - вдова. И имеет законное право выйти, за кого пожелает.

- Ты не мертв только по случайности.

- Да. Тут все зависит от ее чувств. Если она меня любит, мне больше ничего и не надо. Из Иртона вы же меня не погоните?

- В крайнем случае попрошу пригреть тебя в Ханганате. Амир против не будет, он тебя давно оценил.

Лонс кивнул.

- Благодарю.

- А если случится так, что она сделает свой выбор не в твою пользу? И воскресать ты можешь до упора?

Лонс смотрел в одну точку.

- Не знаю, госпожа. Не знаю...

- Убьешь? Уйдешь? Раскричишься на всю Ативерну?

- Не знаю...

Что ж. Зато честно.

- Подумай над этим вопросом.

- Думаю! - взорвался Лонс. - Каждую ночь думаю! Люблю я ее! Неужели не ясно?! Вы ведь женщина!

Непроизнесенное «хоть и на мужика похожи...» повисло в воздухе. Лиля вздохнула.

Ох, Лонс. Как бы мне хотелось найти то самое сильное плечо. И ни о чем не думать. А все проблемы пусть за тебя решает кто-то сильный и умный. Он ведь такой, он справится, правда? А если нет? Если ты, с момента появления здесь, живешь на бочке с порохом? И понимаешь, что упс. Случись что, от тебя и мокрого места не останется. И ты постоянно совершаешь ошибки, а в глазах окружающих проблескивает что-то такое... Но выбора у тебя нет. Либо ты идешь вперед и ошибаешься. Либо остаешься как есть и умираешь.

И даже любовника пока себе завести нельзя. Хотя... не железная ведь. Иногда думается. А нельзя.

Верной супруге тут дорога. Неверной – тоже. Но в монастырь. А туда не хочется. Потому никакого компромата.

– Да понимаю я все. И учти, я – женщина. А вот Анелия – сопливая девчонка. Сколько ей там лет... Миранда, и та умнее. Ты себе ее реакцию представляешь?

Лонс покачал головой. Лиля кивнула на столик в углу.

– Там вино. Пара глотков тебе не повредит.

Лонс послушно плеснул себе вина, выпил и посмотрел на Лилю.

– И?

– Так вот. Представь себе такую картину. Бумаг у тебя нет. Доказательства весьма сомнительны.

– Зато я могу перечислить все ее приметы, все родинки.

– А это, друг мой, повод осудить тебя за соращение. Ты понимаешь, что, если поднимется шум, никто тебе твою принцессу не отдаст? Еще и голову потеряешь?

– Вполне.

– И я вместе с тобой.

– А...

– Кто поверит, что я ничего не знала?

Лонс и сам бы не поверил.

– И что теперь? Госпожа графиня?

– А теперь только одно. Думать и думать. Ганцу я тут довериться права не имею. Если об этой тайне будут знать больше двоих, она расползется. Рано или поздно. Поэтому надо придумать, как дать знать твоей героине о тебе. Надо придумать, как устроить вашу встречу втихаря. Как вывезти вас обоих, если что. Или хотя бы уйти живым со встречи. Это ясно?

– Вполне.

– Вот и думай.

– Да есть у меня одна идея.

– Какая же?

Выслушав идею, всласть ее покритиковав и отправив Лонса думать дальше, Лиля подошла к окну.

Так-то, ваше сиятельство. Тянут вас за уши в придворные интриги. А вы там ни ухом ни рылом. Ну, не будем скромничать, кое-что вы знаете. Но мало, так мало.

А терять Лонса не хочется. Как мужчина он никаких эмоций не вызывает – смазливые красавчики откровенно не в ее вкусе. Но секретарь идеальный. И все же, все же...

Надо поговорить с Ганцем. Пусть подберут кого-нибудь на место Лонса. Или даже двоих. Пока научатся, пока туда-сюда. Даже если Лонс удерет в Ханганат со своей «недоглядной», все равно Лиля-то его лишится. Так что готовимся заранее.

Лилия посмотрела на графин с вином.

И вдруг со всей дури запустила его в дверь.

Накатило.

Ну да.

Она вот такая железобетонная, конь с яйцами и по горящим избам шляется, да?!

Интересно, кто бы на какие чудеса был способен, если жить захочется? Читала как-то женщина об одном человеке. Директор завода, в войну на своем предприятии дневал, ночевал и жил. А когда война закончилась (да-да, та самая, Великая) просто пришел, лег и умер. А врачи, когда его стали обследовать, сказали, что ему не сорок паспортных, а семьдесят с хвостом биологических. Всего себя человек сжег за эти четыре года. Вот и Лилия сейчас так же – бросала себя в топку. Горела и понимала, что не успевает, что еще немножко бы... И никого рядом. Разве что Мири сможет понять, но потом, лет через десять...

Одиночество.

В дверь заглянула служанка.

– Ваше сиятельство...

– Прибери тут, – сухо распорядилась Лилия, – да осторожнее, не порежься.

И вышла в приемную. На воздух захотелось, хоть убивай!

– Маркиз?

Александр Фалион стоял у стола и чуть улыбался.

– Ваше сиятельство... Позвольте пригласить вас прогуляться?

Лилия вздохнула. Бросила взгляд на пальцы. Те, хоть и в перчатках, чуть дрожали.

Не надо бы в таком состоянии к лошади, Лидарх – существо с тонкой душевной организацией.

– Маркиз, я вряд ли смогу сейчас ездить верхом.

– Я просто хочу пригласить вас погулять, ваше сиятельство. По саду.

– Пойдемте.

Садом Алисия не занималась. Но это было до появления Лилиан. Потом прислуга забегала, и теперь здесь цвели кустовые розы. Лилия коснулась одной из них.

Как дома. Совсем как дома.

– Лилиан...

– Да, Александр?

– Я получил письмо от своего человека. Посольство скоро тронется в обратный путь. Может, даже уже тронулось.

Лилия кивнула. Коснулась розы.

– Спасибо, Александр.

– Лилиан, я хотел бы попросить об одном одолжении. И надеюсь, вы мне не откажете?

Лиля пожала плечами.

- Просите. Если это в моих силах...

- Я бы хотел продолжать с вами общаться даже после возвращения вашего супруга.

- Если это будет зависеть от меня, обещаю. Александр, почему вдруг такая просьба?

- Потому что я знаю Джерисона, Лилиан. Может быть, так, как вы его не знаете.

Лиля хотела связать, что она может то же сказать и о себе. Вряд ли Александру пришлось провести с графом Иртоном хоть одну ночь. Но промолчала. Что-то такое было в серьезных глазах мужчины.

- И?

- Я знаю и вас. Если вы найдете общий язык, я буду рад. Но вероятнее, ваш дом превратится в поле боя.

- Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень, - пробормотала Лиля.

- Вы не обидитесь на меня за эту откровенность?

Лиля тряхнула головой. И решилась. Коснулась руки Фалиона своей.

Маркиз вздрогнул, как от ожога, но руку не отнял.

- Александр, вы давно уже мой друг. Еще с той минуты, когда я плакала, а вы меня успокаивали. Вы можете сказать мне что угодно и не перестанете быть другом.

Маркиз как-то криво улыбнулся:

- Даже то, что я люблю вас?

И, видя откровенно ошалелое выражение лица Лилиан, вдруг рассмеялся.

- Прикройте рот, графиня. Ворона гнездо устроит.

- Бессовестный! А я уже понадеялась! - Лилиан осознала, что маркиз шутит, и от души стукнула его кулачком по плечу. - Как вам не стыдно подавать женщине такие надежды!

Серые глаза весело блестели.

- Пока разрешите подать вам руку на прогулке, и продолжим.

Лиля усмехнулась.

- Александр, вас никогда не били за ваши шуточки?

- Иногда хотели. Но я обычно бил первым, - честно признался Фалион. - А потом еще шутил.

- М-да... Не хотела бы я быть вашим врагом.

- Вы уже мой друг. И Джерисон мой друг. А посему позвольте говорить откровенно.

Лиля кивнула. Фалион мимоходом сорвал розу с куста и вручил ей. Женщина тут же принялась обдирать с нее шипы.

- Вы горды. Я это вижу. Но и Джес такой же. А когда сталкиваются две гордости...

- Согнется моя. Вы это хотели сказать?

- Обычно уступают женщины. Но вы-то отступить не можете, правильно?

- Мне некуда. Сейчас - некуда. Я бы с радостью вернулась в Иртон, но кто сказал, что там не случится очередного покушения, что оно не будет успешным.

- Я понимаю. Но вот поймет ли это Джес? Чтобы договориться с ним, вам придется создать видимость уступок. А вот как...

- А если я не хочу ничего создавать? Пусть сам уступает! Александр, я живая и нормальная. По его милости меня чуть не свели с ума, по его милости меня да и Миранду чуть не убили, и я же должна под него прогибаться? Не слишком ли?

- Об этом я и говорю.

- И что вы мне посоветуете?

- Это зависит от того, что вы хотите получить.

- Спокойствие.

- А еще вам нужен статус графини. Иначе ваши дела потерпят ущерб. Да и многое другое.

- И что вы предлагаете?

- Предложите вашему мужу светский брак. У вас своя жизнь, у него - своя.

- Пару раз встретимся, чтобы сделать наследника, и каждый гуляет сам по себе? - Лиля чуть скривила губы. - Это не мое, Александр. Я с брезгливостью отношусь к подобным бракам. Да, они есть, иногда они необходимы. Но, может быть, не в моем случае?

- Я долго думал над вашей ситуацией. И я не вижу для вас другого выхода. Вы женщина гордая и властная. Джес такой же. Но при всем моем уважении... Есть два типа мужчин. Одни будут гордиться такой женой, как вы. Другие же будут злиться и негодовать, считая, что такая жена принижает их в глазах света.

- Джес - второй?

- Вполне возможно. Я не исключаю, что у него хватит ума и на первое. Но пока...

Лиля в задумчивости прикусила черенок розы.

- М-да. Проблема.

- Подумайте, Лилиан. Вы красивы, умны, вы серьезный противник для многих. Но как вы будете справляться с собственным мужем? Либо вы его сломаете, либо сломаетесь сами.

- Проявить гибкость.

- А разве не так поступают все женщины? Оставьте ему его игрушки. Если не вспыхнет сейчас, не вспыхнет никогда. Если вам удастся сбалансировать все сегодня, что еще надо?

- Семью. Детей. Обычное женское счастье.

- С Джесом у вас может быть первое и второе. А вот третье... Он не сможет уважать вас такую. В его понимании женщина - это слабое, хрупкое и беззащитное существо. Нежное и трепетное. Которое все обязаны оберегать.

- Твою рыбу!

Лиля от души сверкнула глазами. Роза полетела на тропинку.

- Александр, а я - не женщина?! Кто сказал, что право на существование имеют только блеющие козы?! И кто в курсе, что от козы рождаются козлята! Между прочим, если женщина - это поддержка и опора, мужчина тоже может сделать намного больше. Разве нет?

- Разве да. И я говорю сейчас не о своем мнении. Знаете, я ведь рос при дворе...

- И?

Лиля уже остывала. Роза была поднята со вздохом – надо же что-то в руках вертеть. Иначе и перчатки не спасут.

– Вы знаете о второй жене его величества?

– Джессимин. Знаю. И?

– Но вы ее ни разу не видели. А тем не менее вот она такой и была. Этакая нежная роза, по уши влюбленная в своего короля.

– А мой муж тут при чем?

– Я думал, вы поняли. Графиня Иртон детьми не занималась. Ими занимались граф и его сестра. Пока виконтесса Джессимин Иртон не стала королевой.

Лиля мысленно передвинула еще одну костяшку на невидимых счетах. Еще один довод в пользу ее версии.

– М-да. И Джес подсознательно искал такую же клушу?

– Я бы не стал так выражаться.

– Но это реальность. Ясненько. Меня он не оценит просто потому, что сильные женщины – это нонсенс.

– Абсолютно точно. История знает множество примеров, но пример – это одно. А найти его в своем доме...

– Полагаете, другого выхода нет. Или меня начнут ломать через колено, а учитывая мои предположения – и с королевской помощью, или я сделаю вид...

– Вы сможете сами это проверить. Мне же просто хотелось помочь.

– Почему мне? Джес ваш друг. Я же... просто королева.

– Лилиан!

– Можно подумать, я не знаю, как дражайший супруг меня называл. Поведали! Во всех красках! Знаете, сколько ко мне ездит этих нежных-трепетных? Его величество временно отпустил Алисию, чтобы она всю эту шуштуру разгоняла. Так почему вы мне помогаете?

– Потому что я вас вижу. И, надеюсь, немного понимаю.

– И?

– Вы ведь... Если бы не началось все это, вы бы стали такой?

Лиля пожала плечами.

Лилиан не стала бы. Аля Скороленок? Той вообще нужны были только медицина и Леша. В любом порядке. Но уж точно не налаживать производство кружев и калейдоскопов в чужом мире.

– Вот. Вы такая железная временно. И если Джес сможет прикрыть вас, вы рано или поздно станете самой собой.

– А если не сможет?

– Маска прирастет к лицу. Такое тоже бывает.

Лиля молчала, глядя в серые глаза.

Почему этот человек смог *увидеть*? И понять?

Действительно, ты полностью мобилизуешься на войне. И дерешься до последнего. А потом, когда мир, когда победа, ты складываешь знамена. И возвращаешься домой, печь пироги и растить детей. Такое тоже было в истории. И не раз. И то, что ты дерешься, а не плачешь в уголке, не значит, что ты – леди с яйцами. Просто у всех разные методы

защиты. Кто-то дерется. Кто-то строит из себя бедную-обиженную. Рискуют, кстати, обе группы одинаково.

Если ты дерешься без скидок, всеми методами, можешь нарваться на ответ. А если строишь из себя обиженную, на тебе могут начать возить воду. А ты и голос повысвить не сможешь. Ты же бедная-несчастливая. Просто у Лили не было второго пути. Перед кем в Ироне было слезы размазывать? Перед Эдором, мир праху его?

Оставалось драться. Вот она и...

Александр это понял. Джес же...

- Он не увидит.

Александр смотрел на женщину. Такая... невероятная. Чем-то Лилиан напоминала ему алмаз. Такая же твердая. Такая же хрупкая.

- Боюсь, что так. И хотел вас предупредить.

Лилия приподнялась на цыпочки и коснулась губами щеки Фалиона.

- Спасибо, Александр. Я обдумаю ваши слова.

- Вы ведь написали ему?

- Это не переписка, - горько усмехнулась Лилия.

- А что?

- Поединок.

- Так сделайте вид, что отступаете.

- Я подумаю. Давайте поговорим о чем-нибудь другом - пока?

- Пожалуйста. У меня есть весьма симпатичная кобылка по кличке Ветерок. И я хотел бы...

Разговор ушел в сторону лошадей и собак. Лилия училась и этому. Шея, круп, копыта... Здесь лошадь не диво из зоопарка, а типичное домашнее животное вроде хомячка. Так что знать - надо.

Мужчина и женщина шли по саду.

Цвели цветы. Пели птицы. Все было почти пасторально красиво. Велся легкий светский разговор.

Женщина думала, что, если все так и обстоит, с нее сильно причитается Фалиону. И за совет, и за поддержку.

Мужчина думал, что, если все так и обстоит, у него может появиться шанс.

Любовь?

Нет, на любовь он и не надеялся. Разве что оставаться рядом. Иногда видется. Беседовать... Проклятый язык становился удивительно неловким в ее присутствии. Касаться ее руки. И дарить розы. И даже... Щека горела, словно обожженная. Она ведь сделала это от сердца. Без всякой задней мысли.

У него безумная жена. Он связан на всю жизнь. И ничего не сможет предложить Лилиан. Ни руку, ни сердце, ни титул, ни даже защиту.

Но и предлагать иногда не надо.

Рука... ей пока не нужна. Эта женщина стоит без подпорок. Титул? У нее есть свой. Защита? Несколько дураков он проучил. Остальные теперь придержат змеиные языки.

А сердце?

Сердце и так ее.

Навсегда. Что бы ни случилось.

Мужчина и женщина шли по саду...

Сноски

1

Перевод М. Цветаевой.

Платяные звери – вши, блохи. – *Прим. авт.*

3

Есть такой анекдот. Появился как-то раз Бог с небес и спрашивает:

– Люди, как живете?

Люди тут же начали жаловаться и договорились: мол, ты крайний. Забирай свои законы, они некачественные, мы свое напишем... Бог подумал, вздохнул, но родители детей так любят, – и согласился. Мол, привозите туда-то и тогда-то. Заберу. В назначенное время подвозят горами, складывают – египетские пирамиды тихо завидуют... Вылез Бог, посмотрел и вздыхает.

Мол, так и так, я давал один раз, десять заповедей, г. Моисею, на горе Синай. Вот их извольте вернуть. А всю ахинею, что сами понаписали, можете себе и оставить. –

Примеч. авт.

Реальный случай из жизни, произошедший с автором в 90-е. Имена изменены, да и занятие там было другое, но из песни слова не выкинешь. – *Примеч. авт.*

Пушкин. «Евгений Онегин». – *Примеч. авт.*